

The background of the cover is a close-up photograph of a woman with long, dark hair and bangs. She is looking down with a somber expression, her hand holding a large, ornate necklace with multiple strands of pearls and a large black gemstone. The lighting is dramatic, with a bright light source in the upper right corner creating a lens flare effect.

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

книга четвертая

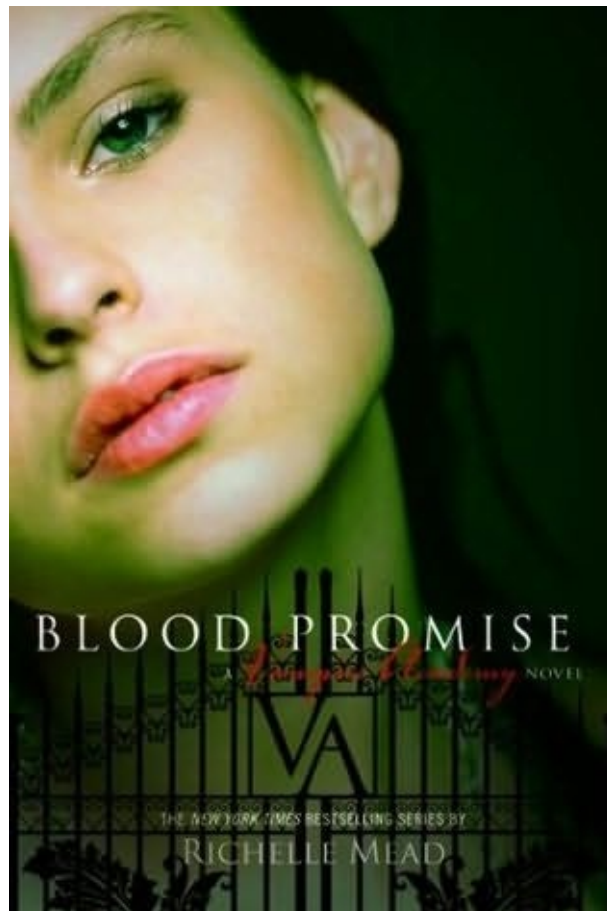
КРОВАВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

Annotation

Удар за ударом наносят по Академии вампиров безжалостные стригои, извечные враги вампирского рода. Последняя атака стала самой кровавой за всю историю школы, она унесла жизни многих учеников и учителей. Но самое страшное — стригои забрали с собой пленников, а среди них — Дмитрия, самого дорогого человека для Розы, подруги и стража принцессы Лиссы. Роза, мучимая болью утраты, отправляется в далекое путешествие, чтобы отыскать своего возлюбленного и отомстить похитившим его порождениям тьмы. Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров.

- [Райчел Мид](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ОДИН](#)
 - [ДВА](#)
 - [ТРИ](#)
 - [ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ПЯТЬ](#)
 - [ШЕСТЬ](#)
 - [СЕМЬ](#)
 - [ВОСЕМЬ](#)
 - [ДЕВЯТЬ](#)
 - [ДЕСЯТЬ](#)
 - [ОДИННАДЦАТЬ](#)
 - [ДВЕНАДЦАТЬ](#)
 - [ТРИНАДЦАТЬ](#)
 - [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ](#)
 - [ПЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ШЕСТНАДЦАТЬ](#)
 - [СЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ВОСЕМНАДЦАТЬ](#)
 - [ДЕВЯТНАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ОДИН](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДВА](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ТРИ](#)

- [ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ СЕМЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ](#)
 - [ТРИДЦАТЬ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Райчел Мид

КРОВАВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

В память о моей бабушке, жизнерадостной леди с Юга и самой лучшей стряпнухе, которую я когда-либо знала.

ПРОЛОГ

Когда я училась в девятом классе, нам задали выучить стихотворение. В нем была такая строка: *«Пока твои глаза закрыты, ты не поймешь, спишь или бодрствуешь»*.

В то время я не понимала сути стиха. В конце концов, в классе был парень, который мне нравился; где уж тут заниматься литературным анализом?

И только сейчас, спустя три года, я прониклась смыслом этого стихотворения. Потому что в последнее время моя жизнь стала больше напоминать сон, чем явь. Бывали дни, когда я думала, будто стоит мне проснуться, и выяснится — ничего не было. Я просто заколдованная принцесса. В любой момент этот сон — нет, ночной кошмар — завершится и я окажусь в объятиях своего принца. У моей сказки должен быть счастливый конец. Однако никакого счастливого конца не предвиделось, по крайней мере в обозримом будущем. А мой принц? Это долгая история. Принца превратили в вампира — в стригоя, точнее говоря.

На Земле втайне от людей существуют два вида вампиров. Морои — живые вампиры, владеющие магией стихий и не убивающие ради крови, необходимой им для выживания. Стригои — не-мертвые вампиры, бессмертные, злобные убийцы. Стригиями становятся насильственно или по доброй воле, без хитрости и коварства тут не обойтись.

Дмитрия, парня, которого я любила, сделали стригоем вопреки его воле. В тот день стригои похитили мороев и дампиров из нашей школы. Чтобы вызволить несчастных, была организована миссия по спасению. Я тоже принимала в ней участие. Я — дампир — наполовину человек, наполовину вампир. Мы, дампиры, наделены человеческой силой и отвагой, а от мороев унаследовали великолепные рефлексy и обостренное восприятие. Дампиры проходят обучение, чтобы стать стражами — отборными телохранителями и защитниками мороев. Вот кто я такая. Таким же был и Дмитрий.

После того злополучного боя, когда он превратился в стригоя, моройский мир считает его мертвым. И в определенном смысле так оно и есть. Стригои утрачивают всякое представление о добре и навсегда расстаются с той жизнью, которую вели прежде. Даже те, которые предпочли стать стригоями добровольно, превращаются в озлобленных и безжалостных монстров; таковы все стригои. От прежней личности не

остается ничего. Представить, будто они прекратили охоту по ночам на невинных жертв невозможно; легче вообразить, как их души отправляются в рай или готовятся к новому воплощению. Однако я не смогла забыть Дмитрия или смириться с тем, что, по существу, он мертв. Я его любила, этого человека, с которым мы были так близки, что иногда не удавалось определить, где заканчиваюсь я и где начинается он. Он продолжал жить в моем сердце. Я также отлично помнила один из наших разговоров, когда мы оба сошлись во мнении, что лучше умереть — по-настоящему умереть, — чем стать стригоем.

И поскольку в своей скорби я еще не утратила представления о добре, то решила, что должна уважить его желание. Даже если сам он изменил точку зрения. Я должна найти его. Должна убить его и освободить душу от мрачного и неестественного состояния, в котором она пребывает. Тот Дмитрий, которого я любила, хотел бы этого, я точно знала. Правда, побороть стригоя нелегко — они невероятно быстры и сильны. И не знают жалости. Я уже убила нескольких — большая редкость для того, кому только-только исполнилось восемнадцать. И я знаю — бой с Дмитрием станет для меня величайшим испытанием, и физическим, и эмоциональным.

Фактически эмоциональные последствия моего решения последовали сразу же, как только я его приняла. Отправляясь на поиски Дмитрия, я кардинально меняла свою жизнь (не считая того факта, что, весьма вероятно, я вообще могу расстаться с жизнью). Мне оставалось всего несколько месяцев до окончания школы, после чего я стала бы полноценным стражем. Однако каждый проведенный мной день в Академии Святого Владимира означал еще один день, прожитый Дмитрием в том состоянии, в котором он никогда не хотел оказаться. Я слишком сильно любила его, чтобы допустить это. Я бросила школу и покинула мир, в котором прожила почти всю свою жизнь, отправившись в мир людей.

Мой отъезд означал разлуку еще и с лучшей подругой Лиссой, она же Василиса Драгомир, моройка, последняя в своем королевском роду. Я собиралась стать ее стражем после того, как мы закончим школу. Мое решение отправиться на поиски Дмитрия ставило крест на нашем совместном будущем. У меня, однако, не было выбора.

Не считая нашей дружбы, между мной и Лиссой существовала совершенно уникальная связь. Каждый морой специализируется в одном из видов магии — земля, вода, воздух или огонь. До недавнего времени мы считали, что существуют лишь эти четыре стихии, но потом обнаружили пятую: дух.

Это и была стихия Лиссы. Однако в мире очень мало пользователей духа, и мы почти ничего не знали о нем. Похоже, он как-то связан с психическими силами. Лисса потрясающе владеет принуждением — она способна подчинить своей воле практически любого. Еще она может исцелять, и это-то и дало толчок к возникновению нашей странной связи. Видите ли, произошла автомобильная авария, во время которой погибла вся ее семья; фактически была мертва и я. Однако, даже не отдавая себе в этом отчета, Лисса возвратила меня из мира мертвых, что и создало психическую связь между нами. С тех пор я всегда осознаю, где она, что с ней, о чем думает. И если у нее неприятности, я тоже сразу чувствую это. Недавно также выяснилось, что я могу видеть призраков или духов, еще не покинувших наш мир. Мне это совсем не нравилось, и я всячески старалась закрываться от них. Такой феномен называется «поцелованная тьмой».

Наша психическая связь делает меня идеальным стражем для Лиссы, поскольку я мгновенно чувствую, если с ней что-то не так. Всю свою жизнь я обещала защищать ее, но потом появился Дмитрий — высокий, великолепный, страстный Дмитрий — и изменил все. Я оказалась перед ужасным выбором: продолжать защищать Лиссу или освободить душу Дмитрия. Необходимость выбирать между ними разбила мне сердце, порождая почти невыносимую боль и слезы. Расставание с Лиссой оказалось ужасно мучительным. Мы были лучшими подругами с детского сада, и мой отъезд стал шоком для обеих. По правде говоря, она никогда даже не предполагала, что такое возможно — свой роман с Дмитрием я держала в секрете. Он был моим инструктором, на семь лет старше меня и тоже должен был стать стражем Лиссы. Учитывая все это, мы оба упорно сопротивлялись взаимному влечению, зная, что обязаны сосредоточиться на Лиссе, и понимая, что личные отношения ученицы с инструктором могут обернуться большими неприятностями.

Однако необходимость воздерживаться от общения с Дмитрием — хоть я смирилась с этим — породила в моей душе обиду на Лиссу. Скорее всего, мне следовало рассказать ей обо всем и объяснить свою печаль из-за того, что вся моя жизнь распланирована заранее. Это казалось несправедливым — у Лиссы есть свобода выбора и в жизни, и в любви, а я вынуждена приносить в жертву свое счастье, чтобы обеспечивать ей защиту. И все же... Она была моей лучшей подругой, и мысль огорчить ее казалась невыносимой. Тем более что Лисса в особенности уязвима — использование духа имеет скверный побочный эффект, способный довести до безумия. Поэтому я скрывала свои чувства до самого последнего

момента, до окончательного взрыва, а когда это произошло, навсегда покинула Академию — и Лиссу.

Один из призраков, которых я видела, — Мейсон, мой друг, убитый стригоем, — рассказал мне, что Дмитрий вернулся к себе на родину, в Сибирь. Но куда именно в Сибирь, Мейсон не успел мне подсказать — вскоре после этого его душа обрела покой и покинула наш мир. Поэтому мне предстояло действовать вслепую, чтобы выполнить данное самой себе обещание.

Проведя несколько недель в человеческом мире, полностью предоставленная самой себе, я, в конце концов, оказалась в Санкт-Петербурге, полная решимости найти Дмитрия — хоть и опасаясь встречи с ним. Потому что если бы я действительно осуществила свой безумный план, если бы действительно сумела убить человека, которого любила, это означало бы, что Дмитрий реально покинул наш мир. И признаться, я не была уверена, что смогу жить в таком мире.

Все происходящее казалось нереальным. Кто знает? Может, оно и не было реальным. Может, это происходило с кем-то другим. Может, я все себе вообразила. Может, совсем скоро я проснусь и обнаружу, что с Лиссой и Дмитрием все в порядке. Мы все будем вместе, и он будет улыбаться и говорить, что все хорошо. Может, на самом деле это всего лишь сон.

Но, честно говоря, в это мне верилось с трудом.

ОДИН

Меня преследовали.

Учитывая, что последние недели я сама только этим и занималась, в происходящем был оттенок иронии. По крайней мере, за мной следил не стригой, в противном случае я бы его почувствовала. Недавно выяснилось, что я, как «поцелованная тьмой», способна ощущать рядом присутствие немертвых — к несчастью, через приступы тошноты. И все же я радовалась, что тело может предостеречь меня заранее.

Это заметное облегчение, осознавать, что ночной преследователь не обладает сверхъестественной быстротой и силой злобного вампира. Я совсем недавно имела с ними дело и не жаждала повторения.

Следовало бы догадаться, что мой преследователь — дампир, как и я, и, скорее всего, один из членов клуба. Правда, прятаться, как полагается дампирю, ему не удавалось: он упорно шел за мной по темной стороне улицы. Я прекрасно слышала его шаги и даже в какой-то момент заметила в тени фигуру. Тем не менее, учитывая мое опрометчивое поведение той ночью, именно дампир был правонарушителем. Все началось еще раньше в «Соловье», так назывался клуб. Я, конечно, привожу лишь перевод, поскольку произнести его настоящее название по-русски выше моих способностей. У нас в Америке этот клуб хорошо известен среди богатых мороев, любителей бывать за границей, и теперь я поняла почему. В любое время дня и ночи посетители «Соловья» напускали на себя такой вид, словно находились на королевском балу. И само заведение явно было пропитано духом прежних дней, духом царской России, даже стены цвета слоновой кости были покрыты лепными украшениями с золотыми завитками. Все это очень напоминало залы резиденции русского царя — Зимнего дворца. Приехав в Санкт-Петербург, я ходила туда на экскурсию.

В «Соловье» золотистый декор освещали настоящие свечи, вставленные в изящные канделябры, и, несмотря на тусклое освещение, казалось, что все помещение искрит. В большом обеденном зале стояли столы, накрытые бархатными скатертями, имелись в клубе и отдельные кабинеты, и комната отдыха, и бар для гостей. Каждый вечер в «Соловье» играл оркестр и кружились танцующие пары.

Пару недель назад оказавшись в Петербурге, я даже и не думала, что стану завсегдатаем этого клуба. Я наивно воображала, будто запросто встречу мороев, которые тут же укажут мне дорогу к родному городу

Дмитрия в Сибири. Пожалуй, отправиться к нему на родину — самое верное решение, учитывая, что никаких других подсказок относительно его возможного местопребывания в Сибири не имелось. Вот только я не знала, где этот город, потому искала мороев в надежде на их помощь. В России существовало множество дампирских городков и коммун, но не в Сибири, поэтому я пребывала в уверенности, будто местные морои наверняка знают, откуда он родом. Но, увы, живущие в человеческих городах морои слишком хорошо скрывают свое присутствие, а без них я не знала, куда идти.

Тогда я и сделала ставку на «Соловья», однако для восемнадцатилетней девушки не так-то просто проникнуть в один из самых элитных клубов. Вскоре выяснилось, что дорогие наряды и хорошие чаевые легко решают эту проблему. Персонал начал узнавать меня. Даже если мое появление казалось им странным, они не высказывались по этому поводу и всегда с радостью предоставляли мне любимый столик в углу. По-моему, меня посчитали дочерью какого-то финансового воротилы или политика. Как бы то ни было, у меня хватало денег, чтобы находиться здесь, а больше их ничего не волновало.

Первые несколько вечеров, проведенные в «Соловье», подействовали на меня удручающе. Может, «Соловей» и был местом, которое полюбили мороям, но сюда заходили и люди. Поначалу казалось, что они единственные завсегдатаи клуба. Ближе к ночи число посетителей росло, и сколько я ни всматриваясь в окружающих, мороев не видела. Самым заметным явлением оказалась женщина с длинными волосами платинового цвета, вошедшая в зал с компанией друзей. На мгновение мое сердце остановилось. Она сидела спиной ко мне, но так сильно походила на Лиссу, что я почувствовала уверенность — меня выследили. Странно то, что я не знала, радоваться или ужасаться. Я так сильно скучала по Лиссе, так сильно — и в то же время не хотела впутывать ее в свою опасную затею. Потом женщина повернулась. Это оказалась не Лисса. И даже не моройка, просто человек. Мое дыхание медленно пришло в норму.

Спустя примерно неделю я впервые заметила тех, кого искала. За поздним ланчем появилась группа мороек в сопровождении двух стражей — мужчины и женщины. Стражи, исполненные сознания своего долга, скромно сидели за столиком, пока их подопечные болтали, смеялись и запивали еду шампанским. Для посвященного определить мороев не составляло труда: они выше большинства людей, бледнее и гораздо, гораздо хуже. Даже чуточку странно улыбаются, поскольку стремятся скрыть свои клыки. Дампиры, учитывая примесь человеческой крови, выглядели обыкновенно, как люди.

Для неподготовленного человеческого взгляда я ничем не выделялась из толпы. Ростом пять футов семь дюймов, в отличие от худощавых мороек, я отличалась статной фигурой, с заметными округлостями в нужных местах. Примесь турецкой крови и время, проведенное на солнце, отразились на смуглости кожи, хорошо гармонирующей с длинными, почти черными волосами и такими же темными глазами. Правда, посвященные при близком рассмотрении могли определить, что я дампирка. Не знаю точно, каким образом — может, срабатывал некий инстинкт, притягивающий к себе подобных и позволяющий заметить примесь моройской крови.

Как бы то ни было, в глазах тех стражей я, без сомнения, выглядела человеком и не вызывала настороженности. Я сидела в другом конце зала, в своем углу, ковырялась в икре и делала вид, что читаю книгу. Чтобы вам было понятно, я считаю, что икра — ужасная гадость, но в России она повсюду, в особенности в таких шикарных местах. Икра и борщ — дурацкий свекольный суп. Я почти никогда не ограничивалась едой в «Соловье». Оттуда я прямиком направлялась в «Макдоналдс». Хочу заметить, русские «Макдоналдсы» сильно отличаются от американских. Тем не менее нужно же девушке есть.

Изучение мороек стало проверкой моего мастерства. Впрочем, в дневное время стражам особо опасаться нечего, поскольку ни один стригой не посмеет высунуться на солнце. Правда, наблюдать за всем — это у стражей в крови, и их взгляды постоянно блуждали по залу. Я прошла такое же обучение, как они, и знала все уловки, поэтому смогла незаметно приглядеться к моройкам.

Эти женщины наведывались в клуб часто, обычно ближе к вечеру. В Академии Святого Владимира мы вели ночной образ жизни, но живущие среди людей морои и дампиры придерживаются либо дневного распорядка, либо чего-то среднего. Вначале я подумывала подойти к ним — или даже к их стражам, но что-то удерживало меня. Если кто и знает город, где живут дампиры, то это мужчины-морои. Многие из них посещают дампирские города в надежде, что им повезет с доступными девушками. Поэтому я пообещала себе выждать еще неделю — может, тут появятся и парни. Если нет, придется добывать информацию у этих женщин.

Наконец спустя пару дней начали захакивать двое моройских мужчин. Обычно поздним вечером, когда легче найти партнершу. Мужчины были примерно лет на десять старше меня, поразительно хороши собой, в костюмах от модных дизайнеров и шелковых галстуках. Держались как влиятельные, важные господа и, готова поспорить на крупную сумму,

принадлежали к королевским семьям — в особенности учитывая личных стражей. Стражи никогда не менялись — молодые мужчины, тоже в дорогих костюмах, в соответствии со своей натурой бдительно общаривающие взглядом зал.

И конечно, здесь были женщины... всегда. Эти два мороя обожали флиртовать, постоянно бросая по сторонам оценивающие взгляды и заигрывая с любой женщиной в поле зрения, даже человеческой. Но они никогда не уводили с собой человеческих женщин. В нашем мире это жестко соблюдаемое табу. Морои держались в стороне от людей на протяжении столетий, опасаясь, как бы их существование не было обнаружено столь многочисленной и могущественной расой.

Однако это не означало, что мужчины уходили домой одни. В какой-то момент и тоже поздно вечером обычно появлялись дампирские женщины, каждый вечер разные. В платьях с глубоким вырезом, сильно покрашенные, они много пили и смеялись над каждым произнесенным мужчинами словом... даже над теми, в которых ничего смешного наверняка не было. Эти дампирки всегда распускали волосы, но время от времени непроизвольно делали такие движения головой, которые слегка приоткрывали шеи, все в синяках. Это были «кровавые шлюхи» — дампирки, позволяющие мороям пить свою кровь во время секса. Еще одно табу — хотя время от времени такое происходило, конечно, втайне.

Мне хотелось застать одного из этих мороев в одиночестве, не под бдительными взглядами стражей, чтобы иметь возможность расспросить его. Но это было невозможно. Стражи всегда и везде сопровождали своих мороев. Я даже предприняла попытку последовать за ними, когда они покидали клуб, но, едва выйдя, они тут же нырнули в лимузин, лишая меня возможности проследить за ними пешком. Я почувствовала себя разочарованной.

В конце концов, я решила, что должна подойти ко всей группе, рискуя тем, что дампирсы распознают меня. Я не знала, разыскивает ли меня кто-то из Академии, и озаботятся ли они вообще моей персоной. Может, я слишком высокого мнения о себе. Скорее всего, никто на самом деле не волнуется по поводу какой-то сбежавшей недоучки. Однако если меня ищут, то мое описание, без сомнения, разослали по всему миру. Конечно, мне уже исполнилось восемнадцать, но я знала, что это не мешает некоторым разыскивать меня. А возвращаться в Америку, не найдя Дмитрия, я не собиралась.

И вот, как раз когда я обдумывала, как подойти к этим мороям, одна из дампирских женщин встала из-за столика и направилась к бару. Стражи,

конечно, поглядывали на нее, но, похоже, были уверены в ее безопасности и сосредоточили свое основное внимание на морях. Я все время считала, что лучшим источником информации о городе дампиров и «кровавых шлюх» могут быть морои-мужчины, но внезапно меня осенило: кого лучше расспросить об этом, как не саму «кровавую шлюху»?

Я встала из-за столика и с небрежным видом подошла к бару, будто бы заказать выпивку. Женщина ждала бармена, а я стояла рядом и боковым зрением изучала ее. Блондинка, в длинном платье с серебряными блестками. Я не могла решить, каким по сравнению с ее нарядом выглядело мое черное облегающее платье — сделанным со вкусом или просто скучным. Ее движения — даже то, как она стояла, — отличались грацией, словно у танцовщицы. Бармен был занят другими, и я поняла: сейчас или никогда. И наклонилась к ней.

— Вы говорите по-английски?

Она удивленно подскочила и обернулась ко мне.

Женщина оказалась старше, чем я ожидала, возраст скрывал искусный макияж. Голубые глаза быстро, оценивающе оглядели меня, она поняла, что я дампир.

— Да, — настороженно ответила она.

Даже в одном-единственном слове слышался сильный акцент.

— Я ищу город... город в Сибири, где живет много дампиров. Вы не знаете такого? Мне обязательно нужно найти его.

Она снова изучающе оглядела меня, и я не смогла расшифровать выражение ее лица. Пожалуй, она вполне могла быть стражем. Или, по крайней мере, некогда проходила обучение. Может быть, какое-то время.

— Нет, — ответила она резко. — Выкиньте это из головы.

Она отвернулась к бармену, смешивающему для кого-то голубой коктейль, украшенный вишенками. Я коснулась ее плеча.

— Я должна найти этот город. Есть один мужчина...

Я задохнулась, произнеся это слово. Вот тебе и хладнокровное расспрашивание. От одной мысли о Дмитриии сердце подскочило к горлу. Как могла я объяснить этой женщине, что, имея в руках лишь тоненькую ниточку, ищу мужчину, которого любила больше всех на свете, — мужчину, ставшего стригоем, которого теперь я должна убить? Перед моим внутренним взором возникли его теплые карие глаза, я почти чувствовала прикосновение его рук. Как могу я сделать то, ради чего пересекла океан?

«Сосредоточься, Роза. Сосредоточься».

Дампирка посмотрела на меня.

— Он того не стоит.

Она, конечно, неверно истолковала мои слова. Приняла за влюбленную девушку, преследующую бойфренда, — что отчасти соответствовало действительности.

— Ты слишком молода... Еще не поздно избежать такой судьбы. — Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, но в голосе звучала печаль. — Перемени свою жизнь. И держись подальше отсюда.

— Вы знаете, где этот город! — Воскликнула я, не потрудившись объяснить, что не собираюсь становиться «кровавой шлюхой». — Пожалуйста, скажите мне. Я должна добраться туда!

— Какие-то проблемы?

Мы обе обернулись и оказались лицом к лицу с одним из стражей. Проклятье! Может, охрану дампирки они и не рассматривали как первоочередную задачу, но, уж конечно, не упустили из вида, что кто-то досаждают ей. Страж был лишь чуть старше меня, и я наградила его ослепительной улыбкой. Может, мое платье не выглядело так, будто вот-вот свалится, как у той женщины, но короткая юбка весьма впечатляюще обтягивала бедра. Он хоть и страж, но вряд ли невосприимчив к таким вещам. Увы, именно так и обстояло дело в данном случае. Жесткое выражение его лица не изменилось; значит, мое очарование не сработало. Тем не менее почему бы не попытать счастья и не расспросить его?

— Я ищу город в Сибири. Город, где живут дампирь. Не знаете такого?

— Нет.

Замечательно! Оба не желали идти навстречу.

— Может, ваш босс знает? — Кротко спросила я, надеясь, что произвожу впечатление начинающей «кровавой шлюхи». Если дампирь не хотят отвечать, может, один из мороев скажет? — Вдруг хочет общества и поговорит со мной?

— У него уже есть общество, — бесстрастно ответил страж. — Больше ему никто не нужен.

— Вы уверены? — Промурлыкала я, продолжая улыбаться. — Может, лучше спросить его самого?

— Нет, — отрезал страж.

В одном-единственном слове прозвучали и вызов, и приказ. «Отвали». Он не колеблясь расправился бы с любым, кто, по его мнению, представлял угрозу для хозяина — даже с неприятельной дампижкой. Мысль продолжить гнуть свою линию я тут же отбросила, решив последовать предостережению и действительно отвалить.

Я пожалала плечами, будто меня все это мало волнует.

— Ему же хуже.

И без дальнейших слов направилась к своему столику с таким видом, будто отказ ответить на мой вопрос не имеет особого значения. Шла я, затаив дыхание, поскольку отчасти ожидала, что страж вышвырнет меня из клуба за волосы. Ничего такого, однако, не произошло. Тем не менее, беря легкую куртку и оставляя на столе деньги, я все время чувствовала на себе его взгляд, настороженный и оценивающий.

Я покинула «Соловей» с невозмутимым видом и вышла на оживленную улицу. Стоял субботний вечер, и поблизости находилось множество других ресторанов и клубов. Завсегдатаи вечеринок заполнили улицы, одни — одетые так же роскошно, как посетители «Соловья», другие, примерно моего возраста, в повседневной одежде. За огромными окнами ресторанов проглядывали элегантные обеденные залы и ломящиеся от еды столики. Пробираясь сквозь толпу, слыша вокруг исключительно русскую речь, я сдерживала желание оглянуться; не хотелось усиливать подозрения стража, если он продолжает наблюдать за мной.

Тем не менее, свернув на тихую улочку, ведущую к отелю, я услышала негромкие звуки шагов. Видимо, мое поведение все же насторожило стража, раз он решил последовать за мной. Я не собиралась давать ему никакого преимущества перед собой. Может, я мельче его — и вдобавок в платье и на каблуках, но мне приходилось сражаться со многими мужчинами, включая стригоев. Я знала, что в состоянии справиться с этим парнем, в особенности если использую фактор неожиданности. Я уже хорошо знала эти места, все повороты и закоулки здешних улочек. Ускорив шаг, я несколько раз свернула и вышла в темный, пустынный проулок. Страшновато, да, но это было хорошее место для засады. Я юркнула в подъезд и сняла туфли на высоких каблуках, черные, с кожаными ремешками, не идеальные в качестве оружия, разве что глаз можно выколоть каблуком. А что? Неплохая идея. Но нет, я пока не докатилась до этого. Без туфель стоять на тротуаре было холодно, тем более что днем прошел дождь.

Долго ждать мне не пришлось. Спустя несколько мгновений я услышала шаги и увидела на земле длинную тень моего преследователя, отбрасываемую мерцающим светом уличного фонаря на соседней улице. Он остановился, явно выискивая меня. Какой, однако, неосторожный парень! Что это за страж, так открыто преследующий кого-то? Нужно было красться потихоньку и, уж конечно, не выставять себя напоказ. Может, здесь, в России, стражей учат хуже, чем у нас дома? Нет, вряд ли. Тогда Дмитрий не умел бы так великолепно расправляться со своими врагами. У

нас в Академии его называли богом.

Мой преследователь прошел еще несколько шагов, и я сделала свой ход — выпрыгнула из подъезда, с кулаками наготове, и воскликнула:

— Ладно, я всего лишь хотела задать несколько вопросов, поэтому просто отвали или...

Я замерла. Передо мной стоял не страж из клуба. Это был человек.

Девушка, не старше меня, примерно моего роста, с коротко стриженными светлыми волосами, в темно-синем пальто, с виду дорогом. Под ним виднелись симпатичные брюки и выглядывали кожаные туфли, тоже явно недешевые. Удивительно, но я узнала ее. Дважды видела в «Соловье», как она беседует с мужчинами-мороями. Наверно, им нравилось с ней флиртовать — но не более того. Ну и что толку от человека?

Ее лицо отчасти утопало в тени, но даже при таком слабом освещении я разглядела, что она раздражена. Чего-чего, а этого я никак не ожидала.

— Это ведь ты? — Спросила она. Новая неожиданность — ее английский звучал в точности как мой. — Ты — та, кто по всему городу оставляет тела убитых стригоев. Я видела тебя в клубе сегодня вечером и сразу поняла, что это ты.

— Я...

Я была в полной растерянности. Человек, так небрежно упоминаящий стригоев? Неслыханно! Наткнись я на стригоя здесь и сейчас, и то поразилась бы меньше. Никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Она, казалось, не обратила внимания на мой ступор.

— Послушай, ты не можешь вот так просто разбрасывать трупы, сечешь? Знаешь, какое шило в заднице потом разбираться со всем этим? Интернатура — достаточно скверное времяпрепровождение и без неприятностей, которые ты устраиваешь. Местная полиция нашла тело, оставленное тобой в парке. Ты даже представить себе не можешь, за сколько нитей мне пришлось потянуть, чтобы прикрыть это.

— Кто... Кто ты? — Наконец спросила я.

Она сказала правду. Я оставила тело в парке, но что еще мне с ним было делать? Оттащить в отель и сказать коридорному, будто это мой друг, который перебрал?

— Сидни, — сказала девушка устало. — Меня зовут Сидни. Я алхимик, и меня распределили сюда.

— Что?

Она испустила тяжкий вздох и закатила глаза.

— Конечно. Это объясняет все.

— Ничего подобного. — Я наконец сумела взять себя в руки. — Фактически ты пока ничего не объяснила.

— Правильно, какую еще позицию ты можешь занять? Тебя послали тестировать меня? О господи! Так оно и есть!

Я уже начала заводиться. Не люблю, когда меня ругают. Особенно не люблю, когда меня ругает человек, заявляющий, будто убийство стригоя — это плохой поступок.

Внезапно накатила тошнота. Я напряглась, рука мгновенно потянулась к серебряному колу в кармане пальто. На лице Сидни по-прежнему сохранялось раздраженное выражение, однако сейчас, когда она заметила, что я изменила позу, к нему добавилось недоумение.

— Что такое?

— Похоже, тебе вот-вот предстоит разбираться еще с одним телом, — ответила я, и в то же мгновение стригой напал на нее.

Со стороны стригоя это было проявлением «дурных манер» — наброситься на нее, а не на меня. Я таила в себе угрозу, поэтому вначале следовало нейтрализовать меня. Правда, Сидни оказалась между мной и нападающим, и он решил отделаться от нее. Схватив за плечо, он резко дернул ее на себя. Действовал стригой быстро — они все такие, — но я была полностью наготове.

Быстрый удар швырнул его к стене соседнего здания, заставив отцепиться от Сидни. Он заворчал и осел на землю в полном ошеломлении. Получить преимущество над стригоем нелегко — учитывая их молниеносные рефлексy. Теперь он полностью сосредоточился на мне — красные глаза горят, зубы оскалены, так что видны клыки. С противоестественной быстротой вскочив на ноги, он кинулся на меня. Я увернулась и попыталась ударить его, однако он тоже сумел увернуться и нанес мне удар в предплечье с такой силой, что я зашаталась, едва сумев сохранить равновесие. Кол был зажат у меня в правой руке, но для нанесения удара требовалось, чтобы он открыл грудь. Любой умный стригой всегда держится так, чтобы предотвратить удар.

Этот парень, однако, явно был слабоват и, если бы я сумела какое-то время продержаться, рано или поздно открылся бы.

Как раз в этот момент в схватку вмешалась Сидни, ударив его по спине. Не очень сильно, но удар отвлек противника, и он открылся. Я навалилась на него всей тяжестью и буквально пригвоздила колом к стене, пронзив сердце. Выдернула кол, не сомневаясь, что он мертв, и смотрела, как тело падает на землю.

Возникло странное чувство — в точности как было с предыдущим стригоем.

«А что, если это Дмитрий?»

Я попыталась представить, что у стригоя лицо Дмитрия, что это он лежит передо мной. Сердце перевернулось в груди — на одно кратчайшее мгновение образ возник перед моим внутренним взором... и тут же исчез. Нет, это какой-то случайный стригой.

Я тряхнула головой, возвращаясь к действительности, и напoмнила себе, что у меня есть важные проблемы. Нужно заняться Сидни. Пусть она человек, но защита стала моей второй натурой, и не вмешаться я не могла.

— Ты в порядке?

Она кивнула. С виду она не пострадала, хотя явно была потрясена.

— Отличная работа. — Казалось, она изо всех сил старается выглядеть уверенной. — Я никогда... На самом деле я никогда не видела, как их убивают...

Ну да, как она могла такое видеть? Но с другой стороны, откуда ей известно обо всех этих делах? Поняв, что она все еще в шоке, я взяла ее за руку и отвела дальше.

— Давай убираться отсюда. Туда, где есть люди.

Чем дольше я думала об этом, тем больше мне казалось, что для стригоя прятаться рядом с «Соловьем» — не такая уж безумная идея. Где, как не в излюбленных местах скопления мороев, следует их отслеживать? Оставалась, правда, надежда, что большинство стражей достаточно чутки, чтобы защитить своих подопечных в проулках наподобие этого.

Мое предложение сматываться вывело Сидни из ступора.

— Что? — Воскликнула она. — Ты хочешь просто бросить его?

Я вскинула руки.

— А чего ты от меня ждешь? Можно засунуть его за мусорные контейнеры, пусть позже солнце испепелит тело. Обычно я именно так и поступаю.

— Здорово! А что, если приедут вывозить мусор? Или кто-нибудь выйдет из черного хода?

Сидни гневно потрянула головой и направилась к телу. Наклонившись к стригою, она состроила гримасу, сунула руку в большую кожаную сумку и достала из нее маленький пузырек. Быстрым движением обрызгала тело жидкостью из пузырька и резко отступила. Там, где капли коснулись трупа, начал подниматься желтоватый дым, распространяясь во все стороны не столько вертикально, сколько горизонтально, так что, в конце концов, он полностью окутал тело стригоя. И продолжал сжиматься, сжиматься, пока не стал размером с мячик. Спустя несколько мгновений дым рассеялся и на земле осталась лишь безобидная горстка пыли.

— Что это было, черт побери? — Воскликнула я.

— Моя работа. Может, будешь любезна вызвать меня в следующий раз, когда такое произойдет?

Она зашагала прочь.

— Постой! Как я могу вызвать тебя? Я понятия не имею, кто ты такая!

Она оглянулась, откинув с лица светлые волосы.

— Правда? Ты это серьезно? Я думала, во время учебы вам все объясняют про нас.

— Ну... Смешно, конечно, но я не закончила обучение.

У Сидни глаза полезли на лоб.

— Ты одолела одного из них... даже не закончив обучения?

Я пожала плечами. Несколько мгновений она растерянно молчала, потом вздохнула и сказала:

— По-моему, нам нужно поговорить.

Что мы и сделали. Встреча с ней была самым странным, что случилось со мной с тех пор, как я оказалась в России. Мне хотелось понять, почему, по ее мнению, я должна связываться с ней и как она уничтожила труп стригоя. Мы выбрались на людные улицы и отправились в ресторан, который ей нравился, и тут меня озарило — если она знает о мире мороев, то, может, ей известно и где находится город Дмитрия.

Дмитрий. Он снова всплыл в памяти. Я отнюдь не была уверена, что он прячется где-то около своего родного города, но на данном этапе никаких других соображений у меня не было. Лицо только что убитого стригоя и лицо Дмитрия слились в одно пятно: бледная кожа, глаза с красными кругами...

«Нет, — жестко одернула я себя. — Не думай сейчас об этом. Не паникуй».

Пока Дмитрий не стал стригоем, я черпала силу, вспоминая того Дмитрия, которого любила: его глубокие карие глаза, теплые руки, страстные объятия...

— С тобой все в порядке? Как, кстати, тебя зовут?

Сидни удивленно смотрела на меня; я осознала, что мы застыли у входа в ресторан. Не знаю, что выражало мое лицо, но, видимо, нечто привлекающее ее внимание. До этого момента, пока мы шли, у меня сложилось впечатление, что она не слишком рвется разговаривать со мной.

— Да, да, все прекрасно, — отрывисто бросила я, придав лицу выражение, характерное для стражей. — Меня зовут Роза. Это тот самый ресторан?

Да, это был он — ярко освещенный, оживленный, хотя и не такой роскошный, как «Соловей». Мы устроились в черной кожаной кабине — кожа, конечно, была ненатуральная, — и я с восхищением обнаружила в меню не только русскую, но и американскую еду. Названия блюд были переведены на английский, и у меня потекли слюнки, когда я увидела «жареного цыпленка». В том знаменитом клубе я ничего толком не ела, и мысль о хорошо прожаренном мясе казалась роскошью после недель дурацкого борща с капустой и так называемого «Макдоналдса».

Появилась официантка. Сидни сделала заказ на беглом русском, а я — тыча пальцем в меню. Ух! Сидни оказалась полна сюрпризов. Учитывая ее

жесткий настрой в отношении меня, я ожидала, что она немедленно начнет допрос, однако, когда официантка ушла, Сидни хранила молчание, теребя салфетку и избегая встречаться со мной взглядом. Странно. Она определенно чувствовала себя неловко в моем обществе. Нас разделял стол, но, казалось, ей хотелось отстраниться еще дальше. А ведь она не притворялась, когда раньше сердилась на меня, и явно стремилась неуклонно следовать каким-то своим правилам.

Пусть прикидывается скромницей, если есть такое желание, но я, не колеблясь, ринулась головой в омут, затронув скользкие темы. Такая уж у меня натура.

— Ты готова рассказать мне, кто ты и чем занимаешься?

Сидни подняла взгляд. Сейчас, при ярком освещении, я разглядела, что глаза у нее карие, а на нижней части левой щеки интересная татуировка, причем сделанная золотыми чернилами. Никогда прежде такого не видела — искусное изображение цветов и листьев, реально различимое лишь при определенном положении головы.

— Я уже сказала, — ответила она. — Я — алхимик.

— А я заявила, что понятия не имею, что это такое. Какое-то русское слово?

По ее губам скользнула еле заметная улыбка.

— Нет. Я так понимаю, ты никогда прежде не слышала об алхимии?

Я покачала головой, а она оперлась подбородком на руку и снова уставилась в стол. Сглотнула, словно собираясь с духом, и заговорила.

— Во времена Средневековья были люди, убежденные, что стоит им найти правильную формулу или магическое заклинание, и они смогут превращать свинец в золото. Неудивительно, что у них ничего не получалось. Это, однако, не останавливало их. Они исследовали всякие мистические и сверхъестественные приемы и, в конце концов, кое-что магическое обнаружили. — Она нахмурилась. — Вампиров.

Мысленно я вернулась к урокам моройской истории. Именно во времена Средневековья мы начали отделяться от людей, прячась и предпочитая общество себе подобных. Именно в те времена вампиры стали мифом, и даже к мороям относились как к монстрам, которых нужно преследовать.

Сидни словно прочла мои мысли.

— И как раз в это время морои начали избегать людей. Да, они владели своей магией, но люди все больше и больше превосходили их численно. Так обстоит дело и сейчас. — Она еле заметно улыбнулась. У мороев с зачатием существуют проблемы, не то что у людей. — И морои заключили

сделку с алхимиками: алхимики будут помогать сообществам мороев и дампиров оставаться тайной для людей, за что морои дарят нам вот это.

Она дотронулась до своей золотистой татуировки.

— Что это? — Спросила я. — Помимо того, что видно простым глазом.

Она погладила татуировку кончиками пальцев.

— Мой ангел-хранитель. — В ее голосе прозвучала ирония. — Там действительно есть золото, а также... — она состроила гримасу и опустила руку, — моройская кровь, магически смешанная с землей и водой.

— Что?

Мой голос прозвучал слишком громко, и некоторые люди повернулись в нашу сторону. Сидни, понизив тон, продолжила рассказ, не скрывая горечи:

— Я вовсе не в восторге от этой «награды» за помощь вам. Вода и земля помогают крови впитаться в кожу и придают нам некоторые характерные особенности мороев — ну, всего пару, по правде говоря. Я почти никогда не болею и буду жить долго.

— По-моему, неплохо, — неуверенно заметила я.

— Возможно. У нас нет выбора. Это семейное... передается из рода в род. Нам всем рассказывают о мороях и дампирях. Мы налаживаем связи с нужными людьми, поскольку можем общаться с ними более свободно, и это позволяет нам покрывать вас. Нас учат разным трюкам и техническим приемам, чтобы избавляться от тел стригоев — вроде того зелья, которое ты видела. Мы же стремимся держаться в стороне, насколько это возможно, — вот почему дампирям рассказывают о нас перед самым окончанием школы. А морои вообще ничего не знают.

Она резко смолкла, и я поняла: урок окончен.

Голова у меня шла кругом. Я никогда не думала ни о чем подобном... Постойте! Не думала? Обучение стражей в основном делает упор на физических аспектах: бдительность, боевые искусства и так далее. И все же до меня доходили неясные слухи о людях, помогающих мороям скрываться или выпутываться из опасных ситуаций. Я никогда особенно не задумывалась об этом, а термин «алхимик» действительно не слышала. Вот если бы я осталась в школе...

Конечно, это не мое дело, но натура взяла свое, и я не могла не спросить:

— Это как бы амулет? Почему вы бережете его только для себя? Почему не поделитесь со всем человеческим миром?

— Потому что в него заложено еще кое-что — оно не позволяет нам

говорить ни о чем, что может привести к обнаружению мороев.

Амулет или заклинание, мешающее проболтаться... подозрительно похоже на принуждение. Принуждением в какой-то степени владеют все морои, и еще они способны «заряжать» своей магией предметы, наделяя их определенными возможностями. На протяжении долгих лет магия мороев претерпела изменения, и сейчас принуждение считается аморальным. Видимо, эта татуировка включала в себя очень, очень старое заклинание, изобретенное много веков назад.

Чем больше я думала над словами Сидни, тем сильнее меня одолевали вопросы.

— Почему... Почему вы стремитесь держаться в стороне от нас? В смысле, я не имею в виду дружбу или даже более близкие отношения, но...

— Потому что это наш долг перед Богом — защищать остальное человечество от злобных созданий ночи.

Ее рука непроизвольно потянулась к воротнику, и передо мной на мгновение мелькнул золотой крестик. Мне стало неловко, поскольку сама я не слишком религиозна. Фактически мне всегда было не по себе рядом с истинно верующими. Спустя полминуты, однако, до меня в полной мере дошел смысл ее слов.

— Постой-ка! — Возмутилась я. — Ты имеешь в виду нас — вампиров и мороев? Мы все, что ли, злобные создания ночи?

Она уронила руку, но не ответила.

— Мы не такие, как стригои! — Взорвалась я.

Ее лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Морои пьют кровь. Вампиры — чудовищные отпрыски мороев и людей.

Никто никогда прежде не называл меня чудовищной — разве что когда я поливала кетчупом тако.^[1] А что еще делать, если просто так невкусно?

— Морои и вампиры не злобные создания, — сказала я. — Не такие, как стригои.

— Это правда, — признала она. — Стригои более злобные.

— Нет, я не то имела в...

Нам принесли еду, и жареный цыпленок почти загасил во мне возмущение от того, что нас равняют со стригоями. По крайней мере, он дал мне отсрочку от немедленного ответа на ее заявления, и я впилась зубами в хрустящую золотистую корочку. Сидни заказала чизбургер с картошкой фри и принялась изящно «клевать» свою еду.

Покончив с ногой цыпленка, я наконец снова обрела способность спорить.

— Мы вообще не похожи на стригоев. Морои не убивают. У вас нет оснований бояться нас.

Я вовсе не испытывала сильного желания втираться в доверие к людям, как и все мы, — учитывая их агрессивность и склонность экспериментировать с тем, чего не понимают.

— Любой человек, которому известно о вас, неизбежно узнает и о стригоях, — ответила она, не столько поглощая свою картошку, сколько играя с ней.

— Знание о стригоях может помочь людям защитить себя.

Какого черта я разыгрываю тут адвоката дьявола?

Она перестала вертеть в руках ломтик картошки и уронила его на тарелку.

— Возможно. Однако мысль о бессмертии может оказаться чрезвычайно искушающей для множества людей — даже ценой того, чтобы в обмен на него превратиться в исчадие ада. Ты удивишься, сколько людей именно так реагируют, когда узнают о вампирах. Бессмертие — огромный соблазн, несмотря на зло, которым оно сопровождается. Многие люди, узнав о стригоях, захотят служить им в надежде на то, что в конечном счете их обратят.

— Это безумие...

Я оборвала себя. В этом году мы обнаружили доказательства того, что люди помогают стригоям. Стригой не выносят прикосновения к серебряным колам, а людям хоть бы что, и некоторые из них с помощью таких колов разрушали моройские защитные кольца. Неужели потому, что этим людям было обещано бессмертие?

— Вот почему, — заговорила Сидни, — с нашей стороны разумнее сделать так, чтобы никто не знал о вас. Вас не существует — всех вас, — и с этим ничего не поделаешь. Вы делаете свое дело, уничтожая стригоев, а мы свое — и при этом спасаем все остальное человечество.

Обгладывая крыло цыпленка, я старалась не вникать в то, что подразумевалось под словами о спасении человечества от таких, как, к примеру, я. В некотором роде ее слова имели смысл. Появляться во внешнем мире и всегда оставаться незамеченными — это практически для нас неосуществимо. И да, вынуждена признать — кто-то должен избавляться от тел стригоев. Люди, работающие с мороями, — идеальный выбор для таких дел. Они могут свободно перемещаться по миру, в особенности если имеют контакты и связи, на которые она намекала.

Я перестала жевать, вспомнив, о чем думала по дороге сюда. Заставила себя проглотить и сделала большой глоток воды.

— Еще вопрос. У тебя контакты по всей России?

— К несчастью, — ответила она. — По достижении восемнадцати лет мы проходим интернатуру, для получения собственного опыта и завязывания всевозможных связей. Я предпочла бы остаться в Юте.

Это звучало даже более невероятно, чем все предыдущее. Я, однако, не стала давить на нее.

— Какого рода связи?

Она пожала плечами.

— Мы отслеживаем перемещения множества мороев и дампиров. Одновременно у нас есть знакомства в высокопоставленных кругах — как среди мороев, так и среди людей. Если у кого-либо из людей возникают подозрения насчет вампиров, обычно мы находим влиятельного чиновника, который может подкупить этого человека или воздействовать другим методом.

«Отслеживаем перемещения множества мороев и дампиров».

Вот оно! Я перегнулась через стол и понизила голос.

— Я разыскиваю город, город дампиров в Сибири. Названия не знаю. — Дмитрий только однажды упоминал это название, и оно вылетело из памяти. — Он рядом с... Как это? Ом?

— Омск, — поправила Сидни.

Я выпрямилась.

— Ты его знаешь?

Ответила она не сразу, но глаза выдали ее.

— Возможно.

— Знаешь! — Воскликнула я. — Расскажи мне, где он. Я должна добраться туда.

Она состроила гримасу.

— Хочешь стать одной из... этих?

Значит, алхимикам известно о «кровавых шлюхах». Неудивительно. Если Сидни и ее товарищи знают все о мире вампиров, они должны знать и об этом.

— Нет, — высокомерно ответила я. — Просто ищу кое-кого.

— Кого?

— Кое-кого.

На ее губах снова мелькнула улыбка, глаза смотрели задумчиво. Сидни съела еще один ломтик картошки. Она лишь дважды откусила от чизбургера, и он уже начал остывать. В принципе я не возражала бы сама доесть его.

— Сейчас вернусь, — сказала она неожиданно, встала и зашагала

через весь зал в тихий уголок ресторана.

Достала из своей магической сумки мобильник, повернулась спиной к залу и позвонила.

К этому времени я уже разделалась с цыпленком и не могла удержаться — принялась таскать картошку Сидни, поскольку казалось маловероятным, что она будет доедать ее. И размышляла о том, возможно ли это — чтобы найти город Дмитрия оказалось вот так просто. А когда я окажусь там... будет ли так же просто? И когда встречу с ним, смогу ли вонзить серебряный кол в его сердце? Снова передо мной возник образ, который я все время гнала от себя, — Дмитрий с красными глазами и...

— Роза?

Я замигала, полностью выпав из реальности, а между тем Сидни вернулась и уселась на свое место.

— Похоже... — Она смолкла и перевела взгляд вниз. — Ты ела мою картошку?

Понятия не имею, как она догадалась, учитывая, какую большую порцию картошки ей принесли. Я едва не допустила промах. Если выяснится, что я украдкой ела ее фри, это послужит еще одним доказательством того, что я «злое создание ночи».

— Нет, — беззаботно ответила я.

Она нахмурилась, раздумывая, и потом заявила:

— Я знаю, где этот город. Я там бывала.

Я выпрямилась. Черт побери! Это вот-вот произойдет, на самом деле, после всех недель поисков! Сидни объяснит мне, где это, я могу отправиться туда и попытаться закрыть эту ужасную главу своей жизни.

— Спасибо тебе, спасибо огромное...

Она предостерегающе вскинула руку, и только сейчас я заметила, какой несчастный у нее вид.

— Но я не стану сообщать тебе, где это.

У меня отвисла челюсть.

— Что?

— Мне придется отвезти тебя туда.

ТРИ

— Что? Что? — Пролепетала я.

Это не входило в мои планы. Ни в коей мере не входило. Я намеревалась перемещаться по России инкогнито — насколько это возможно. Плюс мне вовсе не улыбалась мысль иметь попутчицу, которая ненавидит меня. Я понятия не имела, сколько нужно времени, чтобы добраться до Сибири, — пару дней, мне казалось, — и все это время слушать рассуждения Сидни о том, какое я ужасающее, злобное создание? Ну уж нет!

Я проглотила негодование, призвав на помощь все свое благоразумие. В конце концов, это я просила об одолжении.

— В этом нет никакой необходимости. — Я заставила себя улыбнуться. — Спасибо за предложение, это очень мило с твоей стороны, но не хотелось бы причинить тебе беспокойство.

— По-другому не получится, — сухо ответила она. — И это вовсе не «мило» с моей стороны. Это даже не мой выбор. Приказ начальника.

— Звучит так, будто для тебя это заноза в заднице. Почему бы тебе просто не рассказать мне, где это, а начальству навешать лапшу на уши?

— Ты понятия не имеешь о людях, на которых я работаю.

— А к чему мне это? Я только и делаю, что игнорирую начальство. Это нетрудно, стоит лишь привыкнуть.

— Да? И как это сработает в случае с нахождением этого города? — Насмешливо спросила она. — Послушай, есть только один способ добраться туда, если ты, конечно, этого хочешь.

Это единственный способ добраться туда, если я решу воспользоваться информацией Сидни. Всегда остается возможность продолжать отираться в «Соловье»... но кто знает, сколько времени уйдет, пока я узнаю то, что меня интересует? А Сидни вот она, прямо передо мной, с информацией, которая мне нужна.

— Зачем? — Спросила я. — Зачем тебе нужно ехать тоже?

— Этого я не могу сказать. Важен итог: мне велели ехать.

Прекрасно! Я уставилась на нее, пытаюсь вычислить, что происходит. Почему кого-то — пусть даже единственных людей, осведомленных о морейском мире, — волнует, куда направляется юная девушка-дампирка? Я не думала, что у самой Сидни есть какие-то скрытые мотивы... разве что она очень, очень хорошая актриса. Ясно было одно — люди, с которыми

она связывалась, имеют какие-то свои планы, и мне отнюдь не улыбалось стать участницей неизвестно чьего плана. В то же время я жаждала быстрее разделаться с этим. Не хотелось впустую тратить время.

— Как скоро мы отправимся? — Спросила я наконец.

По-видимому, Сидни просто мелкий клерк. Нельзя сказать, что она так уж умело выследила меня раньше. Будет нетрудно отвязаться от нее, как только мы окажемся рядом с городом Дмитрия.

Мой ответ, похоже, разочаровал ее, словно она надеялась, что я откажусь от своей затеи и для нее на этом все закончится. Она хотела ехать со мной не больше, чем я с ней. Открыв сумку, она снова достала мобильник, пару минут трудилась над ним и, в конце концов, показала мне расписание на завтрашний день.

— Понимаешь?

Изучив экран, я кивнула.

— Я знаю, где этот вокзал, и могу добраться туда.

— Хорошо. — Она встала, бросив на стол деньги. — Увидимся завтра. — Она зашагала к выходу, но по дороге обернулась. — Ох, и можешь доесть мою картошку.

Впервые приехав в Россию, я остановилась в студенческом общежитии. У меня хватило бы денег поселиться где угодно, но я предпочитала находиться в контролируемом месте. Кроме того, роскошь меня волновала меньше всего. Однако потом, начав посещать «Соловей», я поняла, что вряд ли смогу в платье от модного дизайнера возвращаться в общежитие, где обитают студенты.

Поэтому сейчас я жила в шикарном отеле с вестибюлем с мраморным полом и швейцарами, придерживающими для меня дверь. Этот вестибюль был такой огромный, что, наверно, все студенческое общежитие могло бы разместиться в нем. А может, даже два. Мой номер тоже был расточительно велик. Я была счастлива оказаться в нем и избавиться от туфель на высоких каблуках и платья. Подумав, что платья, купленные в Санкт-Петербурге, мне придется просто бросить здесь, я почувствовала совсем крохотный укол сожаления. Не хотелось мотаться по стране с большим багажом. Ох, ладно! Не сомневаюсь, эти платья очень обрадуют уборщицу. Единственным украшением, в котором я действительно нуждалась, был мой назар, кулон, по виду похожий на голубой глаз. Его мне подарила мать, а ей, в свою очередь, мой отец. Я всегда носила его на шее.

Наш поезд в Москву отходил поздно утром, а там мы должны были пересесть на другой, отправляющийся в Сибирь. Я хотела как следует отдохнуть перед поездкой. Надела пижаму и свернулась калачиком под

тяжелым ватным одеялом, надеясь быстро уснуть. Не тут-то было. Недавние события снова и снова прокручивались в сознании. Ситуация с Сидни была, конечно, странная, но с ней я справлюсь. Пока мы находимся в общественном транспорте, она вряд ли сможет заманить меня в лапы своих таинственных начальников. И, по ее словам, мы доберемся до города всего через несколько дней или около того. Четыре дня! Это казалось таким немыслимо долгим сроком — и таким немыслимо коротким.

Это означало, что я, возможно, встречу с Дмитрием через несколько дней... и что тогда? Смогу ли я сделать то, что задумала? Смогу ли принудить себя убить его? И даже если да, хватит ли у меня умения одолеть его? Эти вопросы, которые я без конца задавала себе последние две недели, продолжали терзать меня и сейчас. Это Дмитрий научил меня всему, что я знаю, а теперь, с усиленными рефлексами стригоя, он поистине станет богом, как я всегда в шутку называла его. Моя гибель была вполне реальна.

Но какой смысл тревожиться об этом сейчас? Бросив взгляд на комнатные часы, я обнаружила, что лежу без сна уже почти час. Скверно. Я должна быть в максимально хорошем состоянии. Поэтому я сделала то, что, я знала, делать не следовало, но что всегда помогало избавиться от беспокойных мыслей — главным образом, потому, что при этом я оказывалась в чужой голове.

В последнее время проскользнуть в голову Лиссы для меня не составляло особого труда. Я не знала, сумею ли сделать это сейчас, когда мы далеко друг от друга, но оказалось, что процесс мало чем отличался от того, каким он был бы, если бы я стояла рядом с ней.

В Монтане было позднее утро субботы, и у Лиссы не было уроков. Покинув школу, я прикладывала массу усилий, мысленно воздвигая между нами стены, почти полностью блокируя ее и чувства, которые она испытывала. Теперь, когда я оказалась внутри ее, все барьеры рухнули и ее эмоции затопили меня, словно приливная волна. Она была рассержена, жутко рассержена.

— Почему она воображает, что достаточно ей просто щелкнуть пальцами, и я отправлюсь туда, куда она пожелает, и в любое время, когда она пожелает? — Проворчала Лисса.

— Потому что она королева. И потому что ты заключила сделку с дьяволом.

Лисса и ее бойфренд, Кристиан, расположились на чердаке школьной церкви. Едва осознав, где они, я чуть не выскочила из ее головы. У них неоднократно происходили тут «романтические» свидания, и мне не хотелось снова стать свидетельницей того, как они срывают друг с друга

одежду. К счастью — а может, и нет, — судя по ее раздраженному состоянию и скверному настроению, сегодня секс не предвиделся.

В этом определенно была некоторая ирония — они как бы поменялись ролями. Лисса сердилась, Кристиан оставался спокойным и собранным, ради нее, естественно. Он сидел на полу, прислонившись к стене, и крепко прижимал к себе Лиссу.

— На протяжении нескольких последних недель я делала все, что она просила! «Василиса, пожалуйста, покажи этим тупым королевским гостям кампус». «Василиса, пожалуйста, прилетай на выходные, чтобы я могла представить тебя кое-каким скучным чиновникам здесь, при дворе». «Василиса, пожалуйста, проводи часть свободного времени с младшими школьниками. Это будет засчитано тебе как плюс».

Раздражение Лиссы не помешало мне слегка позабавиться. Слишком точно она копировала голос и интонации Татьяны!

— Последнее ты сделала бы и по доброй воле, — заметил Кристиан.

— Смысл-то как раз в том, чтобы по доброй воле. Ненавижу, что в последнее время она лезет со своими указаниями в мою жизнь!

Кристиан наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Как я уже заметил, ты заключила сделку с дьяволом. Теперь ты ее любимица. Она хочет благодаря тебе выглядеть хорошо.

Лисса нахмурилась. Хотя морои живут на территории стран, управляемых людьми, и являются подданными их правительств, ими правят король или королева, выходцы одной из двенадцати моройских королевских семей. Сейчас у власти королева Татьяна — Ивашкова, — и она проявляла особый интерес к Лиссе как к единственной оставшейся в живых представительнице семьи Драгомир. С учетом этого Татьяна заключила с Лиссой сделку. Если Лисса после окончания школы поселится при дворе, королева устроит так, что она сможет учиться в университете Лихай в Пенсильвании. Лисса стремилась получить хорошее образование и думала, что жизнь при дворе Татьяны стоит обучения в довольно крупном, престижном университете, а не в каком-нибудь мелком, захудалом, куда обычно поступают морои (из соображений безопасности).

Правда, очень быстро выяснилось, что сделка уже сейчас накладывает на нее массу обязательств.

— Я просто «глотаю» все, что она говорит, — сказала Лисса. — Просто улыбаюсь и говорю: «Да, ваше величество. Все, что пожелаете, ваше величество».

— Тогда заяви ей, что расторгаешь сделку. Через пару месяцев тебе исполнится восемнадцать. Принудить тебя нельзя, из королевской ты семьи

или нет. Ты не нуждаешься в ней, чтобы поступить в высшую школу. Мы просто уедем вдвоем, ты и я. Поступим в любой колледж, куда захотим. Или не станем поступать в колледж. Можно взять и поехать в Париж или еще куда-нибудь, работать там в каком-нибудь маленьком кафе. Или продавать на улицах скверные картины.

Это заявление заставило Лиссу рассмеяться, и она прижалась к Кристину.

— Прямо вижу, как ты работаешь официантом. Да тебя уволят в первый же день. Для нас единственный способ выжить — это мне поступить в колледж и содержать нас.

— Знаешь, есть другие способы поступить в колледж.

— Да, но не все колледжи так хороши, как этот, — с тоской в голосе ответила Лисса. — И не все способы так легки. Этот — единственно разумный способ. Мне ужасно хочется попасть туда, но в то же время я хочу научиться хоть отчасти перечить ей. Вот Роза смогла бы.

— Розу арестовали бы за измену в первый же раз, как Татьяна попросила бы ее сделать что-то.

Лисса грустно улыбнулась.

— Да. Скорее всего. — Она вздохнула. — Я так скучаю по ней.

Кристиан снова поцеловал ее.

— Знаю. — Они постоянно возвращались к этой теме, поскольку привязанность Лиссы ко мне никогда не ослабевала. — С ней все хорошо. Где бы она ни была, с ней все хорошо.

Лисса устремила взгляд в полумрак чердака. Свет туда проникал через единственное окно с цветными стеклами, что отчасти создавало впечатление уголка сказочной страны. Не так давно мы с Дмитрием там хорошенько убрались. Всего пару месяцев назад, но пыль и коробки уже начали накапливаться снова. Тамошний священник был человек приятный, но чем-то похож на древесную крысу. Любил все таскать в свою нору. Впрочем, Лисса ничего этого не замечала. Ее мысли сосредоточились на мне.

— Надеюсь. Хотелось бы мне примерно представлять, где она. Думаю, если бы что-то случилось с ней, если бы она... — Лисса не смогла закончить свою мысль. — Я бы узнала об этом. Почувствовала бы. Я знаю, наша связь односторонняя... и этого не изменишь. Но я ведь узнала бы, если бы что-то случилось с ней?

— Не знаю, — ответил Кристиан. — Может, да, а может, нет.

Любой другой парень сказал бы что-нибудь успокаивающее, заверил бы Лиссу, что да, да, конечно, она узнала бы. Однако честность была

второй натурой Кристиана, и Лиссе в нем это нравилось. И мне тоже. Такое свойство, не всегда делало его легким и приятным в общении, но, по крайней мере, была уверенность, что он никому не морочит голову.

Она снова вздохнула.

— Адриан говорит — с ней все в порядке. Он проникает в ее сны. Я что угодно отдала бы, чтобы уметь делать это. Мои целительские способности усиливаются, я начинаю различать ауру, но сны пока мне недоступны.

Понимание того, что Лисса скучает по мне, причиняло сильную боль, лучше бы она попыталась вычеркнуть меня из памяти. Даже негодую по поводу того, что она пыталась распоряжаться мной и моей жизнью, я не испытывала к ней недобрых чувств. Я люблю ее как сестру; мысль о том, что сейчас она страдает из-за меня, была невыносима. Как получилось, что наши отношения настолько испортились?

Они с Кристианом продолжали сидеть в уютном молчании, подпитывая друг друга любовью и силой. У них, как и у нас с Дмитрием, присутствовало ощущение такого единения и близости, когда слова порой не нужны. Он поглаживал ее волосы, и хотя я не могла видеть Лиссу, поскольку смотрела ее глазами, не составляло труда представить, как эти светлые волосы мерцают в радужном свете, льющемся сквозь цветные стекла. Заправив ей за ухо длинный локон, он повернул ее голову к себе и прижался губами к ее губам. Поначалу поцелуй был легким, нежным, но постепенно становился все более страстным и жарким.

«Ой-е-ей!» — Подумала я.

Наверно, сейчас самое время исчезнуть, но поцелуй закончился прежде, чем я сделала это.

— Пора, — сказала она с сожалением. — Нужно идти.

Судя по выражению льдисто-голубых глаз Кристиана, он придерживался другого мнения.

— Может, сейчас для тебя самое подходящее время воспротивиться королеве. Просто останься здесь — великолепный способ проявить характер.

Лисса легонько ткнула его локтем, поцеловала в лоб и встала.

— Ты вовсе не поэтому хочешь, чтобы я осталась, даже не трудись морочить мне голову.

Они покинули церковь. Кристиан бормотал что-то насчет того, что он и не собирался морочить ей голову, за что получил еще один тычок локтем. Они направлялись к административному зданию в самом центре кампуса. Если не считать первых признаков весны, все было точно так же, как когда

я покинула школу — по крайней мере, внешне. Каменные здания выглядели такими же впечатляющими; высокие древние деревья по-прежнему стояли на страже. В душах персонала и студентов, однако, изменения произошли. Практически на всех остались шрамы после ужасного нападения стригоев. Многие наши люди погибли, и хотя занятия снова начались, все еще оплакивали ушедших.

Лисса с Кристианом подошли к административному зданию. Она не знала, зачем ее вызывают — помимо того, что Татьяна хотела, чтобы она встретила с каким-то только что прибывшим в Академию мужчиной королевского рода. В последнее время Татьяна постоянно заставляла ее встречаться с самыми разными людьми, поэтому Лисса особенно не задумывалась об этом. Они с Кристианом поднялись в главный офис, где обнаружили директрису Кирову, беседующую с пожилым мороем и девушкой примерно нашего возраста.

— Ах, мисс Драгомир! Вот и вы.

Пока я училась в школе, у меня то и дело возникали неприятности с Кировой, однако сейчас при виде ее мной овладела ностальгия. Что такое временное отстранение от занятий за драку в классе по сравнению с долгим, утомительным путешествием через всю Сибирь в поисках Дмитрия? Облик Кировой нимало не изменился — в нем по-прежнему проглядывало что-то птичье и те же очки болтались на кончике носа. Мужчина с девушкой встали, и Кирова сделала жест в их сторону.

— Это Евгений Лазар и его дочь Эйвери. — Кирова снова повернулась к Лиссе. — А это Василиса Драгомир и Кристиан Озера.

Последовал обычный обмен любезностями. Лазар принадлежал к королевской семье — надо полагать, именно поэтому Татьяна и настаивала на этой встрече. Мистер Лазар обворожительно улыбнулся Лиссе, пожимая ей руку. Присутствие Кристиана, казалось, чуточку удивило его, но улыбка не угасла. Конечно, такого рода реакция на Кристиана была в порядке вещей.

Стригоем можно стать двумя способами: по собственному выбору или по принуждению. Стригой может насильно обратить другого — человека, мороя или дампира, — напившись его крови, а потом заставив выпить своей. Именно это произошло с Дмитрием. Второй способ стать стригоем уникален в среде мороев. Если морой сознательно убьет другого, выпив всю его кровь, он также станет стригоем. Обычно морои пьют кровь понемногу и только тех людей, которые соглашаются на это добровольно. Однако выпить столько, чтобы полностью лишиться другого жизненной силы? Это означает для мороя перейти на темную сторону, в результате

чего он лишается своей магической силы и превращается в порченого, не-мертвого.

Именно это и сделали родители Кристиана. Они по доброй воле совершили убийство и стали стригоями — ради того, чтобы обрести вечную жизнь. Кристиан никогда не проявлял ни малейшего желания стать стригоем, но все вели себя с ним так, как будто он на грани этого. (Надо сказать, этому способствовала и его резкая манера поведения.) От его ближайших родственников, хотя и принадлежащих к королевской семье, все — и совершенно несправедливо — старались держаться подальше. Действуя совместно во время последнего нападения, мы с ним расправились со множеством стригоев. Слух об этом быстро распространился, что способствовало улучшению его репутации.

Кирова не из тех, кто тратит время на формальности, поэтому она сразу перешла к делу.

— Мистер Лазар будет новым директором школы.

Лисса по инерции продолжала вежливо улыбаться, но при этих словах ее голова дернулась в сторону Кировой.

— Что?

— Для меня пришло время уступить свою позицию. — Голос Кировой звучал ровно и бесстрастно — почище, чем у любого стража. — Хотя я продолжу работать в школе учителем.

— Вы собираетесь учить? — Скептически спросил Кристиан.

Она бросила на него холодный взгляд.

— Да, мистер Озера. Собственно, именно с этой целью я первоначально и пошла работать в школу. Думаю, приложив определенные усилия, я вспомню, как это делается.

— Но почему? — Спросила Лисса. — Вы прекрасно справляетесь со своей работой.

Более-менее правдиво. Несмотря на свои столкновения с Кировой — в основном из-за нарушения школьных правил, — я испытывала к ней большое уважение. И Лисса тоже.

— Я уже давно подумывала о возвращении к своей изначальной роли, и сейчас момент ничуть не хуже любого другого. Мистер Лазар очень способный администратор.

Что Лисса умела делать очень хорошо, это чувствовать людей. Наверно, это один из побочных эффектов духа, наряду с другим, делающим его пользователей очень харизматическими. Лисса считала, что Кирова лжет, и я думала так же. Полагаю, и у Кристиана сложилось то же впечатление, хотя прочесть его мысли я не могла. Во время нападения на

Академию многие впали в панику, в особенности королевские детки, и это продолжалось даже после того, как проблема, приведшая к нападению, была устранена. Думаю, это Татьяна приложила руку к смещению Кировой, с тем чтобы ее место занял член королевской семьи. Это, без сомнения, устраивало остальных представителей королевских семей и льстило им.

Никак не проявив своих чувств, Лисса обратилась к Лазару:

— Рада была встретиться с вами. Уверена, вы будете хорошим директором. Могу ли я быть чем-то вам полезна?

Она прекрасно играла свою роль принцессы. Быть всегда вежливой и милой — один из множества ее талантов.

— Действительно, я хотел тебя кое о чем попросить. — Голос у мистера Лазара был звучный, рокошующий; казалось, он заполняет всю комнату. — Ты не могла бы показать Эйвери Академию и помочь ей найти здесь свое место? — Он махнул рукой в сторону дочери. — Она окончила школу в прошлом году, но ей предстоит помогать мне в исполнении некоторых обязанностей. Уверен, однако, она с гораздо большим удовольствием будет проводить время с человеком своего возраста.

Эйвери улыбнулась, и Лисса в первый раз по-настоящему обратила на нее внимание. Эйвери была красавица. Потрясающая. Лисса тоже прекрасна, со своими блестящими волосами и глазами цвета нефрита, характерными для всей ее семьи. По-моему мнению, Лисса в сто раз красивее Эйвери, но сама Лисса чувствовала себя рядом с ней простоватой. Эйвери была высокая, стройная, как большинство мороек, однако ее тело не было лишено сексуальных изгибов. Такой груди — вроде моей — позавидовала бы любая моройская девушка. Впечатление довершали длинные каштановые волосы и серо-голубые глаза.

— Обещаю не досаждать слишком сильно, — сказала Эйвери. — И если захочешь, я расскажу тебе кое-какие подробности о жизни при дворе. Я слышала, ты вскоре переезжаешь туда.

Лисса мгновенно внутренне ошетибилась — до нее дошло, что, собственно, происходит. Татьяна одним махом не только устранила Кирову, но и приставила к Лиссе «сторожа». Прекрасную, идеальную приятельницу, которая будет шпионить за Лиссой и потихоньку подгонять ее под мерки Татьяны. Лисса заговорила — в высшей степени вежливо, но с ощутимым холодком в голосе:

— Это было бы замечательно. Правда, в последнее время я очень занята, но мы постараемся выкроить время.

Казалось, ни Кирова, ни отец Эйвери не заметили подтекста, но в глазах Эйвери что-то вспыхнуло, и Лисса поняла, что она-то уловила

скрытый в ее словах смысл.

— Спасибо, — ответила Эйвери, и на ее лице мелькнуло выражение обиды — если мне не показалось, конечно. — Уверена, мы что-нибудь придумаем.

— Хорошо, хорошо, — заговорил мистер Лазар, не имеющий понятия о переживаниях дочери. — Может, ты покажешь Эйвери гостиницу? Она будет жить в восточном крыле.

— Конечно, — ответила Лисса, не имея ни малейшего желания этого делать.

Она, Кристиан и Эйвери двинулись к выходу, но как раз в этот момент в комнату вошли двое парней. Один морой, немного моложе нас, а другой дампир лет за двадцать — страж, судя по его жесткому, серьезному выражению лица.

— А, вот и вы, — сказал мистер Лазар, жестом приглашая парней войти, и положил руку на плечо мальчику. — Это мой сын Рид. Он в предпоследнем классе и будет учиться здесь. Что его чрезвычайно радует.

На самом деле никакой радости на лице Рида не наблюдалось. Такого угрюмого парня мне в жизни видеть не доводилось. Если бы я должна была играть роль недовольного жизнью юнца, то все сведения об этом могла бы почерпнуть у Рида Лазара. Внешне он очень походил на Эйвери, но впечатление портила гримаса, которая, похоже, не сходила с его лица. Мистер Лазар представил Риду остальных, и тот в ответ лишь буркнул:

— Привет.

— А это Симон, страж Эйвери, — продолжал мистер Лазар. — Конечно, здесь, в кампусе, ему нет нужды неотступно находиться при ней. Тем не менее, я уверен, он постоянно будет где-то поблизости.

Я от всей души надеялась, что нет. Он не выглядел таким противным, как Рид, но явно отличался суровостью, непомерной даже по нормам стражей. Внезапно я ощутила что-то вроде сожаления к Эйвери. Если это была ее единственная компания, то понятно ее сильное желание подружиться с кем-то вроде Лиссы. Та, однако, ясно дала понять, что не желает участвовать в интригах Татьяны. Обменявшись по дороге лишь немногими словами, они с Кристианом проводили Эйвери до гостиницы и сразу же ушли. В обычных обстоятельствах Лисса осталась бы, чтобы помочь Эйвери обустроиться, а потом предложила бы вместе перекусить. Но не в этом случае. Не при наличии скрытых мотивов.

Я вернулась в собственное тело, лежащее в отеле. Я понимала, что меня не должна больше волновать академическая жизнь и нет никаких оснований плохо относиться к Эйвери. Тем не менее, лежа там и глядя во

тому, я ничего не могла поделать с собой и испытывала не лишнее самодовольства — и, да, эгоизма — чувство удовлетворения: по крайней мере, в ближайшее время Лисса не будет подыскивать подарки для своей новой подруги.

ЧЕТЫРЕ

В любой другой период своей жизни я с удовольствием исследовала бы Москву. Сидни так спланировала наш вояж, что между поездами было несколько свободных часов. Это дало нам возможность побродить по городу и перекусить, хотя она настаивала, чтобы мы из соображений безопасности вернулись на вокзал до наступления темноты. Несмотря на мою «крутизну» и знаки молнии, она не желала рисковать.

Мне было все равно, как проводить свободное время. Имело значение только то, что приближало меня к Дмитрию. Поэтому мы с Сидни просто бесцельно гуляли, поглядывали по сторонам и очень мало разговаривали. Я никогда не была в Москве. Прекрасный город, процветающий, с множеством людей и развитой торговлей. Я могла бы целыми днями заниматься здесь шопингом и пробовать еду в разных ресторанах. Места, названия которых я слышала всю жизнь, — Кремль, Красная площадь, Большой театр — были рядом, в пределах досягаемости. Круто, конечно, и все же я изо всех сил старалась отключиться от городских зрелищ и звуков, потому что они напоминали мне Дмитрия.

Он часто рассказывал о России и клялся, что я полюбила бы эту страну.

— Для тебя это было бы похоже на волшебную сказку, — как-то сказал он.

Это происходило прошлой осенью, на занятиях перед школой, как раз перед тем, как выпал первый снег. В воздухе висел туман, и все покрывала роса.

— Извини, товарищ, — ответила я, связывая волосы в конский хвост.

Дмитрию нравилось, когда я распускала волосы, но не во время же занятий по боевому искусству. Они только мешали бы мне.

— Борж и старомодная музыка — не то, как я представляю себе счастье.

Он одарил меня одной из своих редких беспечных улыбок; фактически лишь в уголках его глаз собрались легкие морщинки.

— Борщ, а не борж. И я знаю, какой у тебя аппетит. Проголодаешься как следует и будешь есть его как миленькая.

— Значит, чтобы волшебная сказка подействовала, нужно быть жуть какой голодной?

Больше всего на свете мне нравилось поддразнивать Дмитрия и,

конечно, целоваться с ним.

— Я говорю о стране. О зданиях. Отправься в любой из больших городов, и он окажется не похож ни на что, виденное тобой прежде. В США везде строят одно и то же — всегда большими, плотно забитыми кварталами. Они возводятся быстро и легко. Однако в России некоторые здания — настоящие произведения искусства. Искусство присутствует даже в большинстве обычных, будничных зданий. А Зимний дворец и Троицкая церковь в Санкт-Петербурге? При виде их просто захватывает дух.

Его лицо светилось при воспоминании об этих городах, и без того красивые черты выглядели просто божественно. Думаю, он целый день мог бы перечислять разные достопримечательности. Сердце пламенело в груди просто при одном его виде. И тогда, как обычно, когда боялась показаться глупой и сентиментальной, я отшутилась, чтобы отвлечь его внимание и скрыть свои эмоции. Он переключился на деловой настрой, и мы начали работать.

Теперь, бродя по улицам этого города с Сидни, я от всей души хотела повернуть время вспять. Тогда я не стала бы отшучиваться, а просто слушала бы рассказ Дмитрия о его родной стране. Я отдала бы что угодно, чтобы он сейчас был рядом со мной. Да, насчет зданий он оказался прав. Конечно, многие напоминали те однообразные блоки, которых полно в США или в любой другой стране мира, но некоторые действительно выглядели изящно — покрашенные в яркие цвета, увенчанные странными и все же прекрасными куполами в форме луковиц. Как будто и впрямь из какого-то другого мира. И все время я не переставала думать о том, как это было бы, если бы сейчас Дмитрий шел рядом, показывал и объяснял мне все. К примеру, если бы мы вместе проводили отпуск. Романтический отпуск. Мы ели бы в разных экзотических ресторанах, а потом танцевали бы всю ночь. Я без конца меняла бы модные платья — те самые, которые бросила в отеле в Санкт-Петербурге. Вот как оно должно было происходить. Я вовсе не должна была бродить по этому городу с какой-то хмурой девицей.

— Необыкновенно! Словно попадаешь в сказку.

Я вздрогнула, услышав голос Сидни, и только тут поняла, что мы стоим перед нашим вокзалом. В Москве их множество. Прозвучавший в ее словах отзвук моего разговора с Дмитрием вызвал ощущение бегущих по коже мурашек. Она была права. Вокзал не украшали луковичные купола, но все равно он выглядел иллюстрацией из сборника сказок — что-то вроде замка Золушки и одновременно пряничного домика. Большая сводчатая

крыша с башенками на каждом конце. Белые стены пересекали полосы коричневой кирпичной кладки и зеленой мозаики. Кое-кто в США мог бы назвать это здание безвкусным, но для меня оно было прекрасно.

Я подумала, что сказал бы Дмитрий по поводу него, и почувствовала, как к глазам подступают слезы. Наверняка оно нравилось ему — как и все здесь. Осознав, что Сидни ждет ответа, я проглотила свою печаль и притворилась легкомысленной девицей.

— Может, это сказка о вокзалах?

Она вскинула брови, удивленная моим равнодушием к здешним красотам, но спрашивать ничего не стала. Кто знает? Может, продолжай я иронизировать, она, в конце концов, разозлилась бы и отвязалась от меня. Хотя... вряд ли мне так повезет. Я была уверена — страх перед начальством затмевает любые чувства, которые она испытывает ко мне.

У нас было купе первого класса, оказавшееся гораздо меньше, чем я ожидала. На каждой стороне — комбинация скамьи и постели, окно, высоко на стене ТВ. Я подумала, что телевизор поможет нам провести время, но тут же напредила себе, что с русским ТВ у меня часто возникают проблемы, и не только из-за чужого языка, но и потому, что многие сцены производят ужасно странное и даже непонятное впечатление. По крайней мере, у каждой из нас будет кусочек собственного пространства, пусть даже купе не такое уютное, как хотелось бы.

Яркие цвета бросались в глаза повсюду, как и везде в городе. Даже стены за пределами нашего купе были броско окрашены, на полу лежал плюшевый ковер с красно-желто-зеленоватым рисунком, а посреди него во всю длину тянулась желтая дорожка. В купе на скамьях лежали подушки, обтянутые роскошным оранжевым бархатом, и занавески были под стать им — золотисто-оранжевые, из плотной ткани с шелковой отделкой. Учитывая еще и богато украшенный столик, это было все равно что ехать в мини-дворце.

Уже стемнело, когда поезд тронулся. По какой-то причине транссибирские поезда всегда отбывают из Москвы ночью. Было еще не так уж поздно, но Сидни заявила, что хочет спать, и в мои планы не входило раздражать ее еще сильнее. Поэтому мы выключили свет, оставив лишь крошечную лампочку у изголовья моей постели. На вокзале я купила журнал, и хотя языка не понимала, изображения косметики и нарядов преодолевали все культурные барьеры. Я листала страницы как можно тише, восхищаясь летними топами, платьями и спрашивая себя, наступит ли время, когда меня снова будут волновать такие вещи.

Укладываясь, я не чувствовала усталости, но тем не менее сон сморил

меня. Мне снилось, будто я мчусь на водных лыжах, как вдруг море и солнце растаяли, и я оказалась в комнате с бесчисленными книжными полками и рядами столов с компьютерами. В помещении стояла полная тишина. Я находилась в библиотеке Академии Святого Владимира.

— Ох, только не сегодня! — Простонала я.

— Почему не сегодня? Почему не каждый день?

Я повернулась и увидела красивое лицо Адриана Ивашкова. Адриан был морой, внучатый племянник королевы; он остался в моей прошлой жизни, когда я отбыла для исполнения своей самоубийственной миссии. Прекрасные изумрудно-зеленые глаза вкупе с модно взъерошенными каштановыми волосами заставляли многих девушек терять голову. Однако он был, типа, влюблен в меня; именно благодаря ему в этой поездке я не знала нужды в деньгах. За одно это следовало быть с ним милой.

— Действительно, — ответила я. — Надо думать, я должна быть благодарна за то, что ты объявляешься всего раз в неделю.

Он улыбнулся и сел в деревянное кресло. Высокий и худощавый, как большинство мороев. Моройские парни никогда не бывают толстыми.

— От разлуки сердце размягчается, Роза. Не хочу, чтобы ты считала меня слишком самонадеянным.

— Нам это не грозит, не беспокойся.

— Не хочешь рассказать мне, где ты?

— Нет.

Кроме Лиссы, он был единственным известным нам пользователем духа, и среди его талантов была способность проникать в мои сны — часто незванным гостем — и разговаривать со мной. Какая удача, что таким образом он никогда не сможет узнать, где я!

— Ты убиваешь меня, Роза, — мелодраматическим тоном заявил он. — Каждый день без тебя причиняет боль. Пустота. Одиночество. Я тоскую по тебе, спрашивая себя, жива ли ты еще вообще.

Это была типичная для него, ужасно глупая манера выражаться, со склонностью к преувеличениям. Адриан мало к чему относился серьезно. Кроме всего прочего, дух делает людей неуравновешенными, и хотя Адриан боролся с этим, какой-то эффект все-таки присутствовал. И все же за его мелодраматическими речами ощущалось зернышко правды. Какой бы вид он ни напускал на себя, я знала — он на самом деле тревожится за меня.

Я скрестила на груди руки.

— Я все еще жива, как видишь. Убедился? Теперь дай мне поспать.

— Сколько тебе нужно объяснять? Я же говорил — ты и сейчас спишь.

— И однако разговоры с тобой непостижимым образом изматывают меня.

Он рассмеялся.

— Ох, я так скучаю по тебе. — Улыбка погасла. — И она тоже.

Я замерла. Она. Ему не требовалось даже называть ее по имени — ясно, о ком шла речь. Лисса.

Даже мысленно произносить ее имя причиняло мне боль, в особенности после того, как я видела ее прошлой ночью. Выбор между ней и Дмитрием был едва ли не самым трудным в моей жизни, и время не залечивало эту рану. Пусть я выбрала его, но расстаться с ней было все равно, что лишиться руки, в особенности потому, что благодаря нашей связи разлука не была по-настоящему полной.

Адриан бросил на меня пронизательный взгляд, как будто мог прочесть мои мысли.

— Ты ходишь посмотреть на нее?

— Нет. — Я не хотела признаваться, что видела ее совсем недавно. Пусть думает, что я освободилась от нее. — Это больше не моя жизнь.

— Да, твоя жизнь — это самосуд и, конечно, с угрозой для здоровья.

— Ты не понимаешь ничего, если это не касается пьянства, курения и разврата.

Он покачал головой.

— Ты единственная, кого я хочу, Роза.

К несчастью, я ему верила. Для нас обоих все было бы гораздо проще, если бы он нашел себе кого-нибудь.

— Твое право — продолжать питать ко мне нежные чувства, но тебе придется долго ждать.

— Как долго?

Он задавал мне этот вопрос все время, и каждый раз я подчеркивала, что это продлится долго и что он впустую тратит время. Сейчас, подумав, что, возможно, Сидни поможет мне, я заколебалась.

— Не знаю.

Его лицо расцвело надеждой.

— Это самое оптимистичное, что ты до сих пор мне говорила.

— Не придавай особого значения. «Не знаю» может означать и день, и год. Или даже никогда.

Озорная улыбка снова заиграла на его губах; что же, он симпатичный, ничего не скажешь.

— Буду надеяться, что это один день.

Воспоминание о Сидни навело меня на мысль задать ему один вопрос.

— Ты когда-нибудь слышал об алхимиках?

— Конечно.

Еще бы он о ком-то не слышал! Типично.

— Можно было и не спрашивать.

— Почему ты интересуешься? Столкнулась с ними?

— Типа того.

— Что ты натворила?

— Почему ты думаешь, будто я что-то натворила?

Он засмеялся.

— Алхимики только тогда возникают, когда случаются неприятности, а ты — непреходящий источник неприятностей. Будь, однако, осторожна. Они сдвинуты на религии.

— Здесь не тот случай.

Вера Сидни не казалась такой уж... чрезмерной.

— Только не позволяй им обратить тебя в свою религию. — Он подмигнул. — Ты мне нравишься грешницей.

Я хотела сказать ему, что Сидни наверняка считает меня за гранью спасения, но тут он ушел из моего сна.

Вот только вместо того, чтобы погрузиться в обычный сон, я проснулась. Поезд успокаивающе погромыхивал, пока мы мчались по России. Моя лампочка все еще горела, слишком ярко для затуманенных сном глаз. Я потянулась, чтобы выключить ее, и заметила, что постель Сидни пуста.

«Наверно, в туалете», — подумала я.

И все же мне было не по себе. Она и ее алхимики оставались для меня загадкой, и внезапно мне пришло в голову, что, возможно, она как раз сейчас осуществляет задуманный ими зловещий план. Может, вышла, чтобы встретиться с каким-нибудь тайным агентом? Я решила найти ее.

По правде говоря, я понятия не имела, где она может быть в таком огромном поезде, но логика никогда не останавливала меня. Не остановила и сейчас. По счастью, надев тапочки и выйдя в коридор, я обнаружила, что мне не надо далеко ходить.

Вдоль коридора тянулись окна, все с этими роскошными занавесками, и Сидни стояла у одного из них, спиной ко мне, завернувшись в одеяло и глядя в ночь. Взлохмаченные от сна волосы выглядели не такими золотистыми в тусклом свете.

— Эй! — Неуверенно окликнула я ее. — С тобой все в порядке?

Она слегка повернулась ко мне, одной рукой придерживая одеяло, а другой теребя свой крестик. Я вспомнила замечание Адриана о

религиозности алхимиков.

— Не могу уснуть, — призналась она.

— Это... из-за меня?

Вместо ответа она снова отвернулась к окну.

— Послушай. — Меня охватило чувство беспомощности. — Если я могу что-то сделать... В смысле, кроме как отказаться от этой поездки...

— Я справлюсь, — сказала она. — Просто... ну... это как-то странно для меня. Я все время имею дело с вами, но реально я никогда не имела дела с вами, понимаешь?

— Наверно, можно сделать так, чтобы у тебя было отдельное купе — если это поможет. Найдем здешнего служителя, и я заплачу.

Она покачала головой.

— Это всего лишь пара дней.

Я не знала, что еще сказать. Путешествовать вместе с Сидни не слишком вписывалось в мои планы, но я не хотела, чтобы она страдала. Глядя, как она теребит свой крестик, я попыталась измыслить что-нибудь успокоительное. Может, обсуждение отношения к Богу и сблизило бы нас, однако мне не верилось, что, если я признаюсь ей в том, что ежедневно спорю с Ним, а в последнее время и вовсе засомневалась в Его существовании, это улучшит мою репутацию «злобного создания ночи».

— Хорошо, — сказала я наконец. — Скажи мне, если передумаете.

Я вернулась в постель и заснула удивительно быстро, несмотря на беспокойство, что Сидни способна простоять в коридоре всю ночь. Однако, проснувшись утром, я обнаружила, что она свернулась калачиком в своей постели и крепко спит. Видимо, настолько устала, что даже страх передо мной не помешал ей уснуть. Я тихонько встала и переоделась, сняв тенниску и тренировочные брюки, в которых спала. Я была ужасно голодна и подумала, что Сидни может проспать дольше, если меня не будет рядом.

Ресторан находился в следующем вагоне и выглядел как в каком-нибудь старом кино — столики покрыты изящными красными льняными скатертями, повсюду медь, темное дерево и ярко окрашенные статуэтки из цветного стекла. Скорее похоже на какой-нибудь ресторан в Санкт-Петербурге, чем на вагон-ресторан в поезде. Я заказала что-то, смутно напоминающее французский тост, но с сыром. Его подали с сосиской, которые, казалось, по вкусу были одинаковые везде, куда бы я ни заходила.

Я уже почти покончила с завтраком, когда появилась Сидни. Встретив ее впервые, я посчитала, что юбку-штаны и блузку она надела ради посещения «Соловья», однако вскоре выяснилось, что это ее обычный стиль. По-видимому, она относилась к числу людей, которые вообще не

признают ни теннисок, ни джинсов. Ночью в коридоре она выглядела взъерошенной, но сейчас на ней были аккуратные черные слаксы и темно-зеленый свитер. Я, в джинсах и серой утепленной рубашке с длинными рукавами, почувствовала себя рядом с ней какой-то замарашкой. Тщательно расчесанные волосы несли на себе следы легкого беспорядка; по-видимому, с этим она ничего не могла поделать, какие бы усилия ни прикладывала. По крайней мере, мой конский хвост выглядел вполне прилично.

Она уселась напротив меня, и, когда подошел официант, заказала омлет, причем снова по-русски.

— Где ты научилась этому? — Спросила я.

— Чему, русскому языку? — Она пожалала плечами. — Нас учат и ему, и еще несколькими языкам.

— Класс!

Я прошла вводные курсы одного-двух языков, но преуспела в них мало. Раньше я об этом вообще не задумывалась, но сейчас, из-за этой поездки и из-за Дмитрия, я пожалела, что не знаю русского. Теперь, наверно, было поздновато начинать, и хотя за время пребывания здесь я усвоила несколько фраз, это по-прежнему казалось практически неосуществимой задачей.

— Должно быть, для твоей работы надо много чему учиться.

Я задумалась о том, каково это — входить в тайную группу, для которой не существует границ и которая контактирует с самыми разными правительствами. Потом у меня мелькнула еще одна мысль:

— А что это за штука, которую ты использовала, когда разлагала тело стригоя?

Она улыбнулась. Почти.

— Я уже рассказывала, что алхимики возникли как группа людей, изготавливающих всякие снадобья, помнишь? Это химическое соединение, которое мы разработали, чтобы быстро избавляться от тел стригоев.

— А нельзя с его помощью убить стригоя? Погрузить стригоя в растворяющую жидкость гораздо легче обычных способов уничтожить его: обезглавливания, сожжения и насаживания на кол.

— Боюсь, что нет. Это вещество срабатывает только на трупах.

— Досадно.

Интересно, не припрятаны ли у нее в рукаве другие снадобья? Однако выяснять этого я не стала, решив, что следует дозировать свои вопросы:

— Что ты собираешься делать в Омше?

— Омск, — поправила она. — Возьмем машину и поедем дальше.

— Ты была там? В этом городе?

— Однажды.

— На что он похож? — Спросила я, с удивлением услышав тоскующие нотки в собственном голосе.

Помимо поисков Дмитрия, какой-то частью души я продолжала цепляться ко всему, связанному с ним. Мне хотелось узнать о нем все, чего я не знала раньше. Если бы в школе мне отдали его вещи, я спала бы с ними каждую ночь. Однако в его комнате молниеносно произвели уборку, и теперь мне оставалось лишь собирать любые кусочки информации о нем, какие только удастся, — как будто это позволит удержать его рядом с собой.

— На любое другое поселение вампиров.

— Я никогда не была ни в одном.

Официант поставил перед Сидни омлет, и она застыла с вилкой в воздухе.

— Правда? А я думала, все вы...

Я покачала головой.

— Вся моя жизнь прошла в Академии. Более или менее.

Два года среди людей, по существу, ничего не меняли.

Сидни задумчиво жевала. Я готова была поспорить, что она не доест омлет. Судя по тому, что я видела в первую ночь и вчера вечером, она ела очень мало. Вроде как питалась одним воздухом. Может, это еще одно свойство алхимиков? Вряд ли. Скорее всего, это личная особенность Сидни.

— Жители наполовину состоят из людей, наполовину из вампиров, но вампиры объединены в тайное сообщество, о котором люди даже и не догадываются.

Я всегда подозревала, что у них существует целая субкультура, но понятия не имела, как она может вписываться в жизнь всего города.

— И? — Спросила я. — На что их субкультура похожа?

Сидни положила вилку.

— Скажу лишь, что тебе лучше заранее подготовиться ко всему.

ПЯТЬ

Остальная часть поездки прошла без всяких происшествий. Сидни так и не избавилась от чувства дискомфорта, испытываемого в моем обществе, но иногда, когда я смотрела русское телевидение, она помогала мне понять, что там показывают. Существует определенная культурная разница между этими передачами и тем, с которыми мы обе выросли, и это нас роднило. Она улыбалась в тех же местах, которые мне казались забавными, и у меня даже возникло чувство, что мы могли бы подружиться. Я знала совершенно точно, что никто никогда не заменит мне Лиссу, и все же, покинув ее, чувствовала пустоту в душе, жаждущую дружбы.

На протяжении дня Сидни не раз задремывала, и я начала думать, что она просто страдает бессонницей и не может спать тогда, когда это делает большинство людей. Ела она по-прежнему в своей странной манере — не ела, а клевала. Всегда позволяла мне доедать за ней и вела себя по отношению к русской кухне смелее, чем я. В России мне приходилось во всем экспериментировать, и было приятно использовать опыт человека, пусть и не местного, но знающего об этой стране гораздо больше меня.

На третий день мы прибыли в Омск. Я не ожидала увидеть в Сибири такой большой и приятный город. Дмитрий всегда поддразнивал меня, говоря, что мое представление о Сибири как о чем-то вроде Антарктики ошибочно, и теперь я могла сказать, что он был прав — по крайней мере, применительно к южной части этого региона. Погода очень напоминала ту, что устанавливалась в Монтане в это время года, прохладный весенний воздух уже заметно прогревало солнце.

Когда мы приехали, Сидни заявила, что договорится с каким-нибудь знакомым мороем и он отвезет нас. Несколько их жили тут, затерявшись в большом городе. Тем не менее, когда прошел день, выяснилось, что у нас проблема. Ни один морой не соглашался везти нас; по-видимому, поездка была опасна. По ночам стригои часто рыскали поблизости, надеясь захватить какого-нибудь путешествующего мороя или дампира. Чем дольше все это тянулось, тем больше меня одолевала тревога в отношении осуществления моего плана. По-видимому, в самом городе Дмитрия было мало стригоев. По словам Сидни, они прятались на окраинах, а на постоянной основе там жили очень немногие. Если это так, мои шансы найти Дмитрия невелики. По мере того как Сидни продолжала описывать ситуацию, мое настроение все больше ухудшалось.

— Множество стригоев бродит по стране в поисках жертв, и через этот город они просто проходят, — объясняла она. — Расстояния здесь немалые, и некоторые стригои задерживаются там на какое-то время в надежде на легкую добычу, но потом, как правило, отправляются дальше.

— В Штатах стригои часто скрываются в больших городах, — взволнованно сказала я.

— И здесь тоже. В больших городах им легче найти жертву, оставаясь незамеченными.

Да, мой план определенно трещал по швам. Если Дмитрий не живет в этом городе, у меня возникают серьезные проблемы. Я знала, знала, что стригои предпочитают большие города, но как-то сумела убедить себя, что Дмитрий вернется туда, где вырос.

А вдруг Дмитрия там нет? Внезапно до меня дошло, насколько велика Сибирь. Оказывается, Омск вовсе не самый крупный город в этом регионе, и найти одного стригоя даже здесь будет трудно. Что делать? Искать его в других больших городах? Если интуиция меня подвела, дело может обернуться очень, очень скверно.

С того момента, как я решила искать Дмитрия, у меня бывали моменты слабости, когда я наполовину надеялась, что никогда не найду его. Мысль о том, что он стал стригоем, по-прежнему терзала меня. Не давали покоя и другие образы — того, каким он был раньше, а также воспоминания о моментах, когда мы были вместе.

Наверно, самое бесценное для меня воспоминание относилось ко времени перед его обращением. Тогда я вся пропиталась тьмой, которая под воздействием духа накапливалась в Лиссе. Не могла контролировать себя, не владела собой. Боялась, что стану монстром, боялась убить себя, как это сделала другая женщина-страж, «поцелованная тьмой».

Дмитрий помог мне снова обрести себя, буквально влив в меня часть своей силы. Именно тогда я осознала, насколько крепка наша связь, как полно мы понимаем друг друга. Раньше я скептически относилась к разговорам о родстве душ, но в тот момент поняла, что это не пустые слова. И вслед за эмоциональной связью пришла физическая — мы с Дмитрием, в конце концов, не устояли перед взаимным влечением. Мы клялись, что этого никогда не произойдет, но наши чувства оказались слишком сильны. Быть и дальше не вместе стало просто невозможно. У нас была близость, и для меня это произошло в первый раз. Очень похоже, что и в последний.

Сам секс оказался изумительным, и физически, и эмоционально. Потом мы просто лежали рядом в маленькой хибарке так долго, сколько осмелились, и это тоже было замечательно. Один из немногих моментов,

когда я чувствовала, что Дмитрий поистине мой.

— Помнишь заклинание вожделения, наложенное на нас Виктором? — Спросила я, прижимаясь к нему.

Дмитрий бросил на меня такой взгляд, точно я сошла с ума.

— Конечно.

Виктор Дашков принадлежал к королевской семье и долгие годы был дружен с Лиссой и ее родственниками. Однако позже выяснилось, что втайне он годами изучал дух и понял, что Лисса — пользователь духа, задолго до того, как это осознали мы. Он терзал ее всяческими способами, приведшими к тому, что она стала думать, будто сходит с ума. Кульминацией его коварных замыслов стало похищение ее и пытки, с помощью которых он вынудил Лиссу исцелить его от смертельной болезни. Сейчас Виктор отбывал пожизненное заключение — и за то, что сделал с Лиссой, и за свои изменнические планы свержения морейского правительства. Он был одним из немногих, кто знал о моих отношениях с Дмитрием. Более того — он использовал это свое знание для создания заклинания вожделения, которое поместил в ожерелье, воздействовав на него силой земли и принуждением. Опасная магия этого заклинания заставила Дмитрия и меня уступить основному инстинкту. Правда, в последний момент мы сумели не дойти до конца, и до той ночи в хибарке я считала, что наше спровоцированное заклинанием влечение было чем-то вроде состояния наркотического опьянения и имело сугубо физическую основу.

— Я не осознавала, что это может быть гораздо лучше, — застенчиво сказала я Дмитрию той ночью в хибарке. — Я думала об этом все время, о том, что произошло тогда между нами.

Он повернулся ко мне, натягивая одеяло. В хибарке было холодно, но на постели лежали теплые одеяла. Можно было, конечно, одеться, но мне ужасно этого не хотелось. Прижиматься к нему всем телом, ощущать его кожу — это было слишком приятно.

— Я тоже.

— Правда? — Удивленно спросила я. — Мне казалось, ты слишком дисциплинирован и стараешься все забыть.

Дмитрий рассмеялся и поцеловал меня в шею.

— Роза, как можно забыть, что я, обнаженный, лежал рядом с такой красавицей, как ты? Часто по ночам я не мог уснуть, вспоминая все подробности. Говорил себе снова и снова, что это неправильно, но забыть тебя не мог. Это просто немыслимо. — Его руки гладили мои бедра, губы скользили вдоль шеи. — Ты навсегда выжжена в моем сознании, как

клеймо, и ничто, ничто на свете не изменит этого.

Как могли уживаться эти воспоминания с моим теперешним желанием найти его и убить, пусть даже он стал стригоем? А между тем именно из-за этих воспоминаний я точно знала, что должна уничтожить его — чтобы он остался в памяти как человек, который любил меня и держал в своих объятиях. Нельзя забывать, что этот человек никогда не захотел бы стать монстром.

Когда Сидни показала мне купленную ею машину, я, мягко говоря, в восторг не пришла; в особенности поскольку она купила ее на мои деньги.

— Мы поедem на этом? — Воскликнула я. — По-твоему, она способна выдержать такой путь?

Поездка предположительно должна была продлиться семь часов.

Она бросила на меня изумленный взгляд.

— Ты серьезно? Ты знаешь, что это? «Ситроен» семьдесят второго года выпуска. Эти машины потрясающие. Ты хоть примерно представляешь себе, как трудно было ввезти их в страну в советские дни? Просто не верится, что парень продал ее. Очень неумно с его стороны.

О советской эпохе мне было известно совсем немного, а еще меньше о классических автомобилях, но Сидни гладила блестящий красный капот, словно влюбленная. Кто мог бы предположить, что она сдвинута на машинах? Может, автомобиль и впрямь был стоящий, но я, как уже было сказано, в них не разбиралась. Честно говоря, на нем не было ни выбоин, ни ржавчины; он выглядел чистым и ухоженным, просто старомодным.

— Он хоть поедет? — Спросила я.

На ее лице отразилось еще большее недоумение, хотя это казалось невозможным.

— Конечно!

И он поехал. Двигатель издавал ровный гул, и, глядя, как машина набирает скорость, я начала понимать восторг Сидни. Она жаждала сесть за руль, и вначале я готова была поспорить с ней, аргументируя свое право тем, что машина куплена на мои деньги. Однако, глядя в ее влюбленное лицо, я, в конце концов, решила не мешать ее роману с машиной.

Я просто радовалась тому, что мы наконец отбыли, хотя это и произошло во второй половине дня. По словам всех, дорога была опасна, и вряд ли стоило рисковать, оставаясь на ней с наступлением темноты. Сидни успокоила меня, заявив, что большую часть пути мы проедem до заката, а потом остановимся на ночь в хорошо известном ей местечке и приедem в город уже утром.

Чем дальше от Омска, тем более глухой становилась местность. Глядя

в окно, я начала понимать влюбленность Дмитрия в эту страну. Да, она выглядела как заросшая низкорослым кустарником бесплодная равнина, но с весной повсюду пробивалась зелень, и было что-то мучительно прекрасное в зрелище этих земель, которых не касалась рука человека. В некотором смысле похоже на Монтану, но здесь присутствовало и что-то еще, исключительно свое, присущее только этой местности. Я не смогла удержаться, чтобы не использовать для поддержания разговора помешанность Сидни на машинах.

— Тебе много известно об автомобилях?

— Кое-что, — ответила она. — В нашей семье алхимик папа, а мама механик.

— Правда? — Удивилась я. — Это... необычно. Конечно, не мне рассуждать о том, какому полу что больше подходит. Вся моя жизнь посвящена сражению и убийствам; вряд ли это можно счесть традиционно женским занятием.

— Мама очень хороша в своей специальности и многому научила меня. Я не возражала бы, если бы это стало делом моей жизни. И против учебы в колледже не возражала бы. — В ее голосе послышались нотки горечи. — Думаю, на свете есть много чего, чем я хотела бы заниматься.

— И почему ты не делаешь этого?

— Я должна быть следующим алхимиком в нашей семье. У меня есть старшая сестра, обычно эта роль отводится старшему ребенку. Но она... никчемная, что ли.

— Сурово.

— Может быть. Но у нее просто ничего не получится. Собрать коллекцию губной помады — тут ее не остановишь. Но работать в организации, да еще с людьми? Нет, на это она не способна. Папа говорит, в нашей семье только я гожусь для этой работы.

— Практически комплимент.

— Наверно.

Сидни выглядела такой печальной, что я пожалела, что затронула эту тему.

— Если бы ты могла пойти в колледж, что ты стала бы изучать?

— Греческую и римскую архитектуру.

Хорошо, что не я была за рулем, поскольку, услышав такое, наверняка съехала бы с дороги.

— Серьезно?

— Тебе что-нибудь известно об этом?

— Ммм... Нет.

— Это потрясающе.

Произошло маленькое чудо. Печальное выражение исчезло с ее лица, она выглядела почти такой же восторженной, как когда речь зашла об автомобилях. Только теперь я поняла, почему она так восхищалась вокзалом.

— Мастерству тут просто нет предела. Если алхимики после этой поездки не отошлют меня в США, надеюсь, я получу назначение в Грецию или Италию.

— Круто.

— Да. — Ее улыбка угасла. — Однако с этой работой никогда нет никакой гарантии, что получится по-твоему.

После этого она замолчала, и я решила, что одержала маленькую победу, втянув ее в разговор, а теперь хватит. Пусть себе мечтает о классических машинах и архитектуре, у меня и самой есть о чем подумать. Стригой. Мой долг. Дмитрий. Всегда Дмитрий...

Дмитрий и Лисса. Заранее и не скажешь, о ком из них мысли причиняют мне больше боли. Сейчас, мягко покачиваясь в автомобиле, я, подстегнутая недавним визитом Адриана в мой сон, мысленно отправилась к Лиссе.

Когда в России ранний вечер, в Монтане раннее утро. Конечно, поскольку школа работает в ночном режиме, формально для них сейчас, несмотря на восход солнца, начиналась ночь. Близился комендантский час, и совсем скоро все разойдутся по своим спальным корпусам.

Лисса находилась в гостинице, в комнате Адриана. Он, как и Эйвери, уже закончил школу, но в качестве единственного другого известного пользователя духа на неопределенное время остался при школе и работал с Лиссой. Сидя на полу лицом друг к другу, они только что закончили долгую, изнурительную попытку научить Лиссу проникать в чужие сны. Вздохнув, она откинулась на спину и легла, вытянув над головой руки.

— Бесполезно, — огорченно сказала она. — Я никогда этому не научусь.

— Нечего пасовать перед трудностями, кузина.

Адриан, как обычно, говорил легкомысленным тоном, но я видела, что он тоже устал. На самом деле кузенами они не были; просто королевские отпрыски часто так обращаются друг к другу.

— Не понимаю, как ты делаешь это.

— А я не знаю, как тебе объяснить. Просто думаю об этом, и оно происходит. — Он вытащил сигареты, которые всегда имел при себе. — Ты не против?

— Против.

К моему удивлению, он убрал сигареты. Что за черт? Меня он никогда не спрашивал, не против ли я, чтобы он закурил, а я была против. Чаще всего он делал это, просто чтобы вывести меня из себя, что вообще не имело никакого смысла. Адриан находился в том возрасте, когда парням кажется, что они понравятся девушкам, если будут дразнить их.

Он снова предпринял попытку объяснить Лиссе процесс.

— Я просто думаю о том, кого хочу увидеть, и... не знаю. Мысленно дотягиваюсь до этого человека.

Лисса села, скрестив ноги.

— Роза примерно так описывала, как она проникает в мое сознание.

— Очевидно, принцип один и тот же. Послушай, тебе понадобилось время, чтобы научиться видеть и понимать ауры. Это то же самое. И не у одной тебя трудности в обучении. Я пока могу исцелять лишь крошечные царапины, а ты способна оживлять мертвых, что — считай меня сумасшедшим — типа, ужасно. — Он помолчал. — Конечно, кое-кто полагает, что я и впрямь сумасшедший.

При упоминании об аурах Лисса уставилась на Адриана, взывая к своей недавно обретенной способности видеть сияющее поле света, окружающее каждое живое существо. Наконец ее глазами я увидела ауру Адриана — золотистое мерцание вокруг него. Он утверждал, что у Лиссы она выглядит так же. Ни у одного другого мороя нет такой чистой, золотистой ауры. Лисса и Адриан относили эту уникальную особенность за счет того, что оба были пользователями духа.

Он улыбнулся, догадавшись, чем она занимается.

— И как она выглядит?

— Как обычно.

— Видишь, каких успехов ты в этом добилась? Просто прояви терпение в отношении ее снова.

Лисса очень сильно хотела научиться проникать в сны, как Адриан. Неудача огорчала ее, и тем не менее я радовалась, что у нее пока не получается. Хватит с меня и того, что Адриан посещает мои сны. Что касается Лиссы, то, попади она в мои сны, мне стало бы труднее сохранять хладнокровие и жесткость, которые я накапливала в себе в России.

— Я просто хочу знать, как она там. — Голос Лиссы звучал еле слышно. — Это невыносимо — ничего не знать.

То же самое она говорила и Кристиану.

— Я видел ее недавно. Она в порядке. И скоро я снова к ней схожу.

— Как думаешь, она сделает это? Сможет убить Дмитрия?

Адриан долго молчал, прежде чем ответить.

— Думаю, сможет. Вопрос в том, уцелеет ли она сама при этом.

Лисса вздрогнула, а я удивилась. Такой прямой, откровенный ответ был скорее в духе Кристиана.

— Господи, как бы я хотела, чтобы она отказалась от этой идеи.

— Теперь уже ничего не изменишь. И Роза должна выполнить свой долг — только тогда она сможет вернуться к нам. — Он помолчал. — Только тогда она сможет жить дальше.

Адриан не раз удивлял меня, но это его заявление просто сразило наповал. Лисса считала, что искать Дмитрия — глупо и самоубийственно. И Сидни наверняка согласилась бы с ней, расскажи я ей правду о цели своей поездки. Но Адриан... туповатый, поверхностный, любитель побегать за девочками Адриан понимал меня? Внимательно разглядывая его глазами Лиссы, я осознала, что да. Ему это не нравилось, и в его словах отчетливо звучало страдание. Он беспокоился обо мне. То, что я испытываю к другому парню такие сильные чувства, причиняло ему боль. И все же... он искренне верил, что я поступаю правильно, что иначе просто не могу.

Лисса взглянула на часы.

— Скоро комендантский час. Мне еще нужно подготовиться к тесту по истории.

Адриан улыбнулся.

— К чему все это? Просто найди умного человека, у которого можно списать.

Она встала.

— Ты хочешь сказать, что сама я дурочка?

— Черт, нет!

Он тоже встал, подошел к битком набитому бару, который всегда держал под рукой, и налил себе выпить. Таков был его крайне безответственный способ сдерживать побочные эффекты духа, и если он весь вечер использовал дух, потом ему требовалось довести себя до состояния полной бесчувственности.

— Ты самая умная из всех, кого я знаю. Но это не означает, что тебе обязательно нужно делать работу, без которой можно прекрасно обойтись.

— Нельзя добиться успеха в жизни, если не работать. Списывание у других ничего не дает.

— Как сказать. — Он усмехнулся. — В школе я только и делал, что списывал, и посмотри, как я преуспеваю сегодня.

Лисса закатила глаза, быстро обняла его на прощание и вышла. Как

только он не мог ее больше видеть, ее улыбка увяла, а мысли приняли самое мрачное направление. Разговор обо мне расшевелил целое гнездо эмоций. Она волновалась за меня... отчаянно волновалась. Она уже говорила Кристиану, как сильно переживает из-за того, что произошло между нами, но тогда до меня не дошло в полной мере, насколько сильно. Ее терзало чувство вины, она постоянно ругала себя за то, чего не сделала, хотя должна была. И еще она сильно скучала по мне, испытывая чувство, аналогичное моему — словно от нее отрезали часть, прямо по живому.

Адриан жил на четвертом этаже, и Лисса не стала дожидаться лифта, предпочтя спуститься по лестнице. И все время ее терзала тревога. Тревога из-за того, сумеет ли она когда-нибудь полностью овладеть духом. Тревога обо мне. Тревога из-за того, что в настоящее время она не чувствовала темных побочных эффектов духа, и это заставляло ее спрашивать себя, продолжаю ли я впитывать их, как столетия назад это делала женщина-страж Анна. Она была «связана» со святым Владимиром, в честь которого названа наша школа, и поглощала вредные эффекты его духа, что в конечном счете свело ее с ума.

На втором этаже Лисса слышала крики, доносившиеся из-за двери, отделяющей лестницу от коридора. Она понимала, что ее это не касается, но любопытство взяло верх. Она осторожно открыла дверь и вышла в коридор. Голоса доносились из-за угла. Она тут же узнала их — и все же выглянула посмотреть.

Уперев руки в боки и сердито глядя на отца, в коридоре стояла Эйвери Лазар. Сам он стоял в дверном проеме, по-видимому, своего номера. Их напряженные позы были полны враждебности, между ними, как электрические разряды, потрескивал гнев.

— Буду делать, что хочу! — Прокричала она. — Я тебе не рабыня!

— Ты моя дочь, — спокойно и отчасти снисходительно ответил он. — Хотя временами я жалею об этом.

Ого! И Лисса, и я были шокированы.

— Тогда какого черта ты заставляешь меня торчать в этой дыре? Позволь вернуться ко двору!

— Где ты будешь и дальше ставить меня в затруднительное положение? Мы едва выкарабкались в последний раз, не нанеся особого урона репутации семьи. Я не собираюсь отпускать тебя одну, чтобы ты вытворяла там бог знает что.

— Тогда отошли меня к маме! В Швейцарии куда лучше, чем здесь.

Последовала пауза.

— Твоя мать... очень занята.

— Как мило, — с ярко выраженной иронией в голосе сказала Эйвери. — Это вежливый способ сообщить, что она не жаждет моего общества. Ничего удивительного. Я помешаю ей развлекаться с типом, с которым она спит.

— Эйвери! — В его голосе зазвенел гнев. — Разговор окончен. Возвращайся в свою комнату и протрезвись, пока ты никому не попалась на глаза. Жду тебя утром на завтрак и рассчитываю, что ты будешь вести себя прилично. Мы ждем важных гостей.

Лисса вздрогнула и сделала шаг назад.

— Да, и, бог знает, мы должны соблюдать внешние приличия.

— Отправляйся к себе, — повторил он. — Прежде чем я свяжусь с Симоном и заставлю его оттащить тебя туда.

— Да, сэр, — ответила она с притворной улыбкой. — Сию минуту, сэр. Все, что пожелаете, сэр.

С этим он захлопнул дверь. Лисса, отступая по коридору, едва верила, что он наговорил все это собственной дочери. Несколько мгновений все было тихо. Потом Лисса услышала шаги... направляющиеся в ее сторону. Внезапно из-за угла показалась Эйвери и остановилась перед Лиссой, впервые давая нам обеим возможность, как следует разглядеть ее.

На Эйвери было короткое обтягивающее платье из голубой, отблескивающей серебром ткани. Волосы в беспорядке свисали на плечи, из серо-голубых глаз струились слезы, размазывая макияж. От нее исходил тяжелый запах алкоголя. Она поспешно вытерла глаза рукой, явно смущенная тем, что ее застали в таком виде.

— Ты, надо полагать, подслушала достаточно, чтобы понять нашу семейную драму, — сказала она.

Лисса тоже испытывала смущение — из-за того, что вроде как шпионила и ее застукали.

— Я... Мне очень жаль. Я не хотела подслушивать, просто проходила мимо...

Эйвери хрипло рассмеялась.

— Думаю, это не имеет значения. Наверно, нас слышали все в этом здании.

— Мне очень жаль, — повторила Лисса.

— С какой стати? Ты не сделала ничего плохого.

— Нет... В смысле, мне жаль, что он наговорил тебе лишнего.

— Это часть того, что входит в понятие «добропорядочной» семьи. У каждого свои скелеты в шкафу. — Эйвери скрестила на груди руки и прислонилась к стене. Даже расстроенная и с расплывшимся макияжем,

она была прекрасна. — Господи, иногда я просто ненавижу его. Без обид, но здесь чертовски скучно. Есть несколько парней, с которым можно провести время по вечерам, но... они тоже ужасно скучные. Им бы только наливать пиво.

— Зачем... Зачем твой папа привез тебя сюда? — Спросила Лисса. — Почему ты... ну, не знаю... не в колледже?

Эйвери издала хриплый смешок.

— Он не очень-то доверяет мне. Когда мы жили при дворе, у меня завязался роман с одним симпатичным парнем, который работал там. Так папа рвал и метал, опасаясь, что об этом станет известно. Поэтому, получив здесь работу, он взял меня с собой, чтобы приглядывать за мной — и мучить. Думаю, он опасается, что, оказавшись в колледже, я сбегу с каким-нибудь человеком. — Она вздохнула. — Клянусь Богом, если бы здесь не было Рида, я просто дала бы деру, и точка.

Лисса надолго замолкла. Она старательно избегала Эйвери, поскольку ей надоели бесконечные приказы королевы, и это казалось единственным способом воспротивиться тому, чтобы ею управляли, точно марионеткой. Однако теперь она задумалась: может, не следовало так вести себя с Эйвери? Не похоже, что девушка шпионит в интересах Татьяны, и ведет она себя не как человек, жаждущий слепить из Лиссы идеального члена королевской семьи. Она выглядела грустной, страдающей девушкой, лишенной возможности распоряжаться собственной жизнью. Ее, как и Лиссу в последнее время, тоже донимали приказами.

Сделав глубокий вдох, Лисса ринулась вперед.

— Не хочешь завтра во время ланча присоединиться к нам с Кристианом? Правда, ничего особенно волнующего я обещать не могу.

Эйвери улыбнулась.

— Мой собственный план состоял в том, чтобы пойти к себе и надраться в одиночку. — На этот раз в ее голосе звучало меньше горечи. Она приподняла из сумки бутылку чего-то, похожего на виски. — Прикончить то, что тут осталось.

Лисса не совсем поняла, что означает этот ответ.

— Ну... Так мы увидимся за ланчем?

Эйвери заколебалась, однако постепенно на ее лице начал возникать слабый отблеск надежды и интереса. Лисса сосредоточилась, вглядываясь в ее ауру. Поначалу было трудно — наверно, потому, что они с Адрианом так усердно практиковались сегодня вечером. Однако в конце концов она разглядела: аура Эйвери представляла собой смесь зеленого, голубого и золотого. Ничего особенного.

В данный момент она была окружена красным, как часто бывает, когда человек расстроен. Однако прямо на глазах у Лиссы эта краснота таяла.

— Да, — ответила наконец Эйвери. — Это было бы здорово.

— Думаю, дальше сегодня ехать не стоит.

Голос Сидни с другого конца света выдернул меня из сознания Лиссы. Не знаю, как надолго я отключилась, но Сидни успела свернуть с главной дороги и приближалась к маленькому городку, прекрасно укладывавшемуся в мои представления о Сибири как о лесной глуши. Фактически «городок» — это было сильно сказано. Несколько разбросанных домов, магазин и заправочная станция. Позади домов расстилалась возделанная земля; лошадей было больше, чем машин. Несколько находящихся на улице человек изумленно смотрели на наш автомобиль. Небо пылало темно-оранжевым светом, солнце все дальше и дальше опускалось за горизонт. Сидни была права. Вот-вот стемнеет, и нам нельзя продолжать путь.

— Нам осталось всего пара часов, — говорила она. — Мы ехали быстро и завтра рано утром можем оказаться на месте.

Она проехала улицу до конца — на что ушло не больше минуты — и остановилась перед простым белым домом, рядом с которым стоял сарай.

Мы выбрались из машины и направились к дому.

— Это твои друзья?

— Нет. Никогда с ними не встречалась. Но они ждут нас.

Все те же таинственные связи алхимиков. На стук в дверь показалась дружелюбного вида женщина лет за двадцать и пригласила нас войти. Она знала по-английски всего несколько слов, но Сидни прекрасно справилась с ролью переводчицы. Такой общительной и очаровательной я ее до сих пор не видела — наверно, потому, что хозяева не принадлежали к презренным вампирам.

Можно предположить, что ехать полдня в машине не так уж утомительно, но я чувствовала себя усталой и беспокоилась, чтобы завтра мы выехали как можно раньше. Поэтому после обеда мы с Сидни немного посмотрели телевизор и удалились в приготовленную для нас комнату, маленькую, простую, но с двумя двуспальными кроватями, накрытыми толстыми пуховыми одеялами. Я тут же нырнула в свою, радуясь теплу. Интересно, я увижу во сне Лиссу или Адриана?

Нет. Однако, проснувшись, я ощутила легкий приступ тошноты — той самой, которая свидетельствовала о том, что рядом стригой.

ШЕСТЬ

Я мгновенно подскочила, полностью проснувшись и настороже, мне потребовалось несколько мгновений, прежде чем глаза приспособились к темноте. Сидни свернулась на своей постели и спала с необычно мирным для нее выражением лица.

Где стригой? Определенно не в нашей комнате. В доме? Все говорили, что дорога к городу Дмитрия опасна. Мне, однако, казалось, что стригой охотятся на дампиров и мороев, хотя... и людьми они тоже не брезговали. Подумав о приятной паре, так любезно принявшей нас в своем доме, я почувствовала, как в груди все сжалось. Я не допущу, чтобы с ними что-то случилось.

Тихонько выбравшись из постели, я взяла свой кол и, крадучись, чтобы не разбудить Сидни, вышла из комнаты. Все спали, и как только я добралась до гостиной, тошнота исчезла. Прекрасно. Стригоя внутри нет, и это хорошо. Он снаружи; по-видимому, со стороны нашей комнаты. Все так же бесшумно я вышла через переднюю дверь и обогнула дом.

По мере приближения к сараю тошнота усиливалась, и я не смогла сдержать чувство некоторого самодовольства. Да уж, удивится стригой, пробравшийся в крошечную человеческую деревню в расчете перекусить. Вот. Прямо у входа в сарай двигалась длинная тень.

«Я тебя засекла», — мелькнула мысль.

Я подняла кол, готовясь прыгнуть вперед...

И тут что-то ударило меня по плечу.

Я пошатнулась в изумлении — и оказалась лицом к лицу со стригоем. Уголкем глаза я заметила, как тень около сарая материализовалась во второго стригоя, быстро шагнувшего вперед. Меня охватила волна паники. Их было двое, а моя тайная система обнаружения не «видела» различия между одним и двумя. Хуже того, получалось, что это они застали меня врасплох.

Мгновенно в сознании вспыхнуло: *«А что, если один из них Дмитрий?»*

Но нет — по крайней мере, это относилось к тому, что был ко мне ближе. Это вообще оказалась женщина. Про второго я пока сказать ничего не могла. Он приближался с другой стороны, очень быстро. Прежде, однако, надо было устранить непосредственную угрозу. Я с силой ударила колом женщину, надеясь ранить ее, но она увернулась, так быстро, что я

едва разглядела ее движение. И тут же сама получила удар, не успела среагировать и отлетела ко второму стригую — который не был Дмитрием, как выяснилось.

Тут я среагировала быстро — вскочила и ударила его ногой, выставив перед собой кол, чтобы не подпускать его к себе. Однако толку от этого было мало — сзади подобралась женщина, схватила меня и рывком притянула к себе. Я издала придушенный крик и почувствовала на шее ее пальцы. Надо полагать, она рассчитывала сломать мне шею — быстрый, легкий для стригоев прием, — а потом, как они делали обычно, оттащить куда-нибудь в сторонку и полакомиться.

Я вырывалась, сумела слегка разжать ее руки, но тут над нами наклонился второй стригой, и я поняла, что все тщетно. Я не ожидала, что их окажется двое — вот как они взяли надо мной верх. Вместе они были сильнее.

Меня снова окатила волна паники, страха и отчаяния. Вообще-то я боялась каждый раз, когда сражалась со стригоем, но сейчас страх достиг критической точки, он был всеобъемлющ и не поддавался контролю; подозреваю, что в нем присутствовала примесь того безумия и тьмы, которые я вытягивала из Лиссы. Эти чувства распирали меня изнутри, и я невольно подумала — а не разорвут ли они меня на части раньше, чем это сделают стригой? Сейчас мне реально угрожала смерть — а значит, Сидни и остальным тоже.

Потом, внезапно, как будто распахнулась сама земля, неизвестно откуда возникли полупрозрачные фигуры, мягко мерцая в полумраке. Некоторые выглядели как обычные люди, другие были ужасны, с отталкивающими, похожими на черепа лицами. Духи. Призраки. Они окружили нас, и волосы у меня встали дыбом, а голову прошила жуткая боль.

Призраки потянулись ко мне. Такое уже случалось прежде, в самолете, когда привидения роились вокруг, угрожая поглотить меня. Собрав все свои силы, я отчаянно старалась выстроить барьеры между собой и миром духов. Обычно это давалось мне без труда, но сейчас отчаяние и паника мешали сосредоточиться. В этот ужасный миг, поддавшись эгоизму, я пожелала, чтобы Мейсон не сумел обрести покой и оставался в нашем мире. Мне было бы легче, если бы здесь присутствовал и его призрак.

Потом я осознала, что они нацелились не на меня.

Призраки сгрудились вокруг стригоев. Их тела не были плотными, но я знала по собственному опыту — в каждом месте, которого они касались, возникало ощущение ледяного ожога. Женщина-стригой замахала руками,

отгоняя привидения, рыча от ярости и даже чего-то вроде страха. Похоже, призраки не могли причинить стригоям вреда, но они раздражали и отвлекали их.

Я проткнула мужчину-стригоя колом до того, как он заметил мое приближение, и окружавшие его призраки переместились к женщине. Она была хороша, надо признать. Продолжая отмахиваться от привидений, она не утратила способности увертываться от моих ударов и даже сама врезала мне с такой силой, что я отлетела к стене сарая, а в глазах вспыхнули звезды. Ситуацию не улучшало и то, что голова по-прежнему раскалывалась от боли, как обычно в присутствии призраков. Пошатываясь и испытывая головокружение, я вернулась к ней, снова и снова пытаюсь пронзить колом ее сердце. Она не подпускала меня к своей груди — по крайней мере до тех пор, пока какой-то в особенности жуткий призрак не сумел заставить ее врасплох. Он отвлек ее всего на мгновение, но этого хватило, чтобы я проткнула колом и ее. Она упала на землю — и я осталась один на один с призраками.

Что касается стригоев, призраки явно нападали на них. Что касается меня, это было как в самолете — казалось, они восхищаются мной, жаждут привлечь мое внимание. Однако если учесть, что их были дюжины, это мало чем отличалось от нападения.

Я отчаянно, прикладывая мучительные усилия, старалась снова отгородиться от них стенами — как делала прежде. Думаю, появление призраков объяснялось тем, что под влиянием паники мои эмоции вырвались из-под контроля, и, хотя сейчас я заметно успокоилась, полностью утихомирить разбушевавшиеся эмоции оказалось нелегко. В голове продолжала пульсировать боль. Стиснув зубы, я вкладывала все свои силы в блокирование призраков.

— Убирайтесь! — Шипела я. — Вы мне больше не нужны.

Казалось, все без толку, но потом, медленно, один за другим, призраки начали таять. Способность владеть собой тоже возвращалась. Вскоре остались лишь я, тьма, сарай... и Сидни.

Я заметила ее как раз перед тем, как рухнула на землю. Она с бледным как мел лицом выбежала из дома в одной пижаме. Опустилась рядом со мной на колени, помогла сесть.

— Роза! Роза! Ты в порядке?

Я чувствовала себя так, будто во мне совсем не осталось энергии. Даже думать и то не могла.

— Нет, — прохрипела я.

И потеряла сознание.

Снова мне снился Дмитрий. Он обнимал меня, а его прекрасное, полное беспокойства лицо склонилось надо мной — как это происходило не раз, когда я болела. Вспомнив о чем-то, мы оба рассмеялись. Иногда в этих снах он нес меня на руках. Иногда мы ехали в автомобиле. Временами его лицо начинало приобретать черты стригоя — это было ужасно мучительно.

Дмитрий всегда заботился обо мне и всегда был рядом, когда я нуждалась в нем. Это, как правило, совпадало. Сам он не так часто попадал в лазарет, как я. Такая уж моя удача. Даже получив ранение, он обычно просто игнорировал это, и в своих снах мне иногда являлись образы того, как я ухаживаю за ним.

Незадолго до нападения стригоев на школу Дмитрий принимал участие в проверочных испытаниях, которым подвергались новички с целью выявить их реакцию на неожиданную атаку. Дмитрий был настолько сильным и умелым, что его было почти невозможно одолеть, хотя и он нередко ходил в синяках. Как-то во время этих проверочных испытаний я наткнулась на него в гимнастическом зале и с удивлением заметила порез у него на щеке. Ничего страшного, конечно, но крови натекло изрядно.

— Ты ведь можешь так до смерти истечь кровью, разве непонятно? — Воскликнула я.

Небольшое преувеличение, но тем не менее. Он рассеянно коснулся щеки и, казалось, впервые заметил рану.

— Вряд ли. Пустяки.

— Да, пустяки — пока туда не попадет инфекция!

— Ты не хуже меня знаешь, что это маловероятно, — упрямо сказал он.

Так оно и было. Морои — если случайно не подцепляли какое-нибудь редкое заболевание, как это произошло с Виктором Дашковым, — вообще практически не болели. Мы, дампиров, унаследовали от них это свойство, татуировка Сидни обеспечивала ее аналогичной защитой. Тем не менее я не хотела, чтобы Дмитрий истекал кровью.

— Иди туда! — Жестко приказала я и кивнула на маленькую ванную комнату при гимнастическом зале.

К моему удивлению, он повиновался.

Я намочила мочалку и осторожно очистила его лицо. Поначалу он протестовал, но потом успокоился. Ванная была маленькая, и нас разделяли всего несколько дюймов. Я ощущала его чистый, возбуждающий запах, изучала все детали лица и сильного тела. Сердце колотилось как бешеное, но предполагалось, что мы будем вести себя хорошо, поэтому я старалась

выглядеть спокойной и собранной. Он тоже был неестественно спокоен, но когда я убирала его волосы за уши, чтобы они не мешали очищать лицо, он вздрогнул. Когда я касалась его кожи, все тело как будто прошивали электрические разряды, и он тоже чувствовал их. Схватив меня за руку, он отодвинул ее от себя.

— Хватит! — Хрипло сказал он. — Я в порядке.

— Уверен?

Он не отпускал мою руку. Мы были так близко друг к другу! Казалось, маленькая ванная комната вот-вот взорвется от мечущегося между нами электричества. Я понимала, что так не может продолжаться вечно, но мне ненавистна была мысль покинуть его. Господи, как это трудно временами — быть ответственной!

— Да, — ответил он.

Его голос звучал мягко, и я поняла, что он не сердится на меня. Он опасался, опасался того, как мало нужно, чтобы между нами вспламенился огонь. Меня охватывал жар от одного прикосновения его руки, и лишь в эти моменты я чувствовала себя по-настоящему цельной, такой, какой всегда хотела быть.

— Спасибо, Роза.

Он отпустил мою руку, и мы разошлись по своим делам. Однако ощущение его кожи и волос оставалось со мной еще на протяжении многих часов...

Не знаю, почему мне приснилась именно эта сцена после нападения в сарае. Казалось странным — видеть во сне, как я ухаживаю за Дмитрием в тот момент, когда я сама нуждалась в уходе. Думаю, неважно, что именно мне приснилось; главное, что там присутствовал Дмитрий. Его появление даже во сне всегда заставляло меня чувствовать себя лучше, придавало сил и решимости.

Но пока я лежала в бредовом состоянии, то приходя в сознание, то снова теряя его, время от времени на его лице проступали эти ужасные красные глаза и клыки. Я жалобно поскуливала, стараясь отогнать этот образ. Иногда он вообще не напоминал Дмитрия, превращался в мужчину, которого я не знала, пожилого морзя с темными волосами и хитрыми глазами, с золотыми украшениями на шее и в ушах. Я снова взывала к Дмитрию, и его прекрасное лицо возвращалось, неся покой и безопасность.

В какой-то момент, однако, его образ опять сменился другим, на этот раз женским. Конечно, это был не Дмитрий, но что-то в ее карих глазах напоминало о нем. Дампирка, лет за сорок. Она положила на мой лоб прохладную влажную ткань, и я осознала, что больше не сплю. Все тело

болело, я лежала в незнакомой постели, в незнакомой комнате. Никаких признаков стригоев. Может, они мне тоже приснились?

— Не шевелись, — сказала женщина с еле заметным русским акцентом. — Ты сильно пострадала.

Воспоминания вернулись — и о том, что произошло в сарае, и о сонме призраков, которых я вызвала. Это был не сон.

— Где Сидни? С ней все хорошо?

— Прекрасно. Не волнуйся.

Что-то в голосе женщины подсказывало, что ей можно верить.

— Где я?

— В Бийске.

Бийск, Бийск... Где-то в глубине сознания шевелилось воспоминание о том, что я уже слышала это название. И внезапно все стало ясно. Давным-давно Дмитрий произносил название своего родного города, всего лишь раз, и сколько я потом ни пыталась, не могла вспомнить его. Сидни тоже не говорила, как он называется, однако теперь мы были здесь. На родине Дмитрия.

— Кто вы? — Спросила я.

— Алена. Алена Беликова, — ответила она.

СЕМЬ

Это было как рождественский подарок.

Я не очень-то верю в Бога или судьбу, однако теперь всерьез задумалась, не стоит ли пересмотреть свою позицию. Когда я потеряла сознание, Сидни, по-видимому, сделала несколько настойчивых звонков, и какой-то ее знакомый приехал из Бийска и отвез нас, рискуя в темноте, туда, где меня могли подлечить. Вот почему иногда в бреду мне казалось, что я еду в машине, — это был вовсе не сон.

И потом из всех дампиров Бийска я попала именно к матери Дмитрия. Поневоле задумаешься, что, может, во Вселенной действуют силы более могущественные, чем человеческие и, в частности, мои. Никто не объяснил мне точно, как это произошло, но вскоре выяснилось, что Алена Беликова имела репутацию целительницы — и не какой-нибудь там магической. Она обучалась медицине, и другие дампирь — и даже некоторые морои — приезжали к ней, когда не хотели привлекать внимание людей. Тем не менее совпадение было фантастическое, и меня не покидало чувство, будто происходит что-то, чего я не понимаю.

Сейчас, однако, все эти «как» и «почему» отступили на второй план под напором текущих обстоятельств. Широко распахнутыми глазами я внимательно приглядывалась к своему окружению и здешним жителям. Вместе с Аленой жили все три сестры Дмитрия со своими детьми. Семейное сходство поражало. Никто не был точной копией Дмитрия, но в каждом лице я видела его. Глаза. Улыбка. Даже чувство юмора. Видеть их — это отчасти заполняло пустоту, которую я ощущала после его исчезновения, и одновременно делало ситуацию еще хуже. Если кто-нибудь из них попадал в поле моего периферийного зрения, казалось, что я вижу Дмитрия. Словно дом, полный кривых зеркал, с искаженными отражениями Дмитрия в каждом из них. Даже сам дом вызывал у меня трепет. Не было никаких очевидных признаков того, что Дмитрий когда-то жил здесь, но в голове все время билось: *«Здесь он вырос, ходил по этим полам, прикасался к этим стенам...»* Переходя из комнаты в комнату, я тоже дотрагивалась до стен, стремясь напитаться из них его энергией. Представляла себе, как после школы он лежит на диване. Интересно, он съезжал по перилам, когда был маленьким? Эти образы были так реальны, что приходилось то и дело напоминать себе — он не был тут уже давным-давно.

— Ты удивительно быстро поправляешься, — заметила Алена на следующее утро.

Она с удивлением смотрела, как я уминаю грудку блинов, очень тонких, проложенных маслом и джемом. Мое тело всегда требовало много еды, чтобы поддерживать силы, и я считала, что в этом нет ничего плохого, просто нужно не забывать жевать с закрытым ртом.

— Мне показалось, ты мертвая, — продолжила она, — когда Эйб и Сидни принесли тебя.

— Кто? — Умудрилась я спросить между двумя кусками.

Сидни сидела за столом вместе с остальными членами семьи и, как обычно, едва-едва прикасалась к пище. Чувствовалось, что ей не по себе в окружении вампиров, но, поднявшись этим утром по лестнице, я определенно заметила облегчение в ее глазах.

— Эйб Мазур, — ответила Сидни, мне показалось, что сидящие за столом обменялись понимающими взглядами. — Он морой. Я... Я не знала, насколько сильно ты пострадала прошлой ночью, вот и позвонила ему. Он приехал со своими стражами. Это он привез тебя сюда.

Стражи. Во множественном числе.

— Он из королевской семьи?

Такой королевской семьи я не знала, но это не всегда говорило о происхождении. И хотя я понемногу начала доверять умению Сидни налаживать контакты с влиятельными людьми, я не могла представить себе, с какой стати королевский морой бросил свои дела ради меня. Может, алхимики оказали ему какую-то любезность?

— Нет, — ответила она.

Я задумалась. Морой не из королевской семьи, имеющий больше одного стража? Очень странно. Она, однако, явно никаких разъяснений давать не собиралась, по крайней мере сейчас.

Я проглотила последний кусок блина и посмотрела на Алену.

— Спасибо, что взяли меня к себе.

Старшая сестра Дмитрия, Каролина, тоже сидела за столом, с малышкой и сыном Павлом. Павел, мальчик лет десяти, казалось, был очарован мной. Здесь присутствовала и средняя сестра Дмитрия, Виктория, на вид младше меня. Третью его сестру звали Соня; она ушла на работу до моего пробуждения. Мне еще только предстояло встретиться с ней.

— Ты правда сама убила двух стригоев? — Спросил Павел.

— Павлик, — выбранила его Каролина, — невежливо задавать такие вопросы.

— Но это потрясающе, — с улыбкой заметила Виктория.

В ее каштановых волосах мелькали золотые пряди, но темные глаза искрились в точности как у Дмитрия, когда он был радостно взволнован, при виде чего щемило сердце. И снова меня охватило странное ощущение, что Дмитрий и здесь, и не здесь.

— Это правда, — сказала Сидни. — Я видела тела.

На ее лице застыло комически страдающее выражение, и я рассмеялась.

— По крайней мере, на этот раз тебе не пришлось их искать. — Внезапно мой смех смолк. — Люди что-нибудь слышали или видели?

— Нет, я избавилась от тел еще до этого, — ответила она. — Не страшно, если люди что-то заметили. В таких глухих местах всегда распространены суеверия и ходят рассказы о призраках. Никаких фактических доказательств присутствия вампиров тамошние жители не имеют, но все верят в существование сверхъестественных сил.

Когда она произносила слова «рассказы о призраках», выражение ее лица не изменилось. Интересно, она видела этой ночью духов? Поразмыслив, я решила, что, скорее всего, нет. Она выбежала из дома ближе к концу нашей схватки; получается, что призраков могла видеть только я — и стригои.

— Ты, видимо, прошла хорошее обучение, — сказала Каролина, поудобнее устраивая младенца на плече. — Ты выглядишь так, словно еще должна быть в школе.

— Только что сбежала оттуда.

Сидни бросила на меня внимательный взгляд.

— Ты американка, — заметила Алена. — Что привело тебя в наши края?

— Я... Я ищу кое-кого, — не сразу, но ответила я.

Я опасалась, что они начнут выпытывать детали или что у нее тоже возникнут подозрения насчет того, не хочу ли я стать «кровавой шлюхой», но как раз в этот момент дверь кухни открылась и вошла бабушка Дмитрия, Ева. Раньше она уже всовывала сюда голову и сильно напугала меня. Дмитрий говорил, что она в некотором роде ведьма, и теперь я верила этому. Она выглядела на миллион лет и была такая худая, что просто удивительно, как это ее не сдувало ветром. Ростом она едва ли достигала пяти футов, седые волосы торчали на голове клочьями, но больше всего на меня нагнали страху ее глаза. Несмотря на внешнюю хрупкость, ее взгляд светился пронизательностью, настороженностью и, казалось, проникал в самую душу. Даже без объяснений Дмитрия я сочла бы ее ведьмой. Также она была единственной в доме, кто не говорил по-английски.

Она уселась у стола, и Алена тут же вскочила, чтобы подать еще блинов. Ева пробормотала что-то по-русски, отчего все явно почувствовали себя неловко. Губы Сидни изогнулись в еле заметной улыбке. Говоря, Ева не отрывала от меня взгляда, и я оглянулась в надежде, что кто-нибудь переведет.

— Что?

— Бабушка говорит, что ты не рассказываешь нам всей правды, зачем ты здесь. Она говорит, чем дольше ты умалчиваешь, тем хуже будет, — объяснила Виктория, бросив на Сидни извиняющийся взгляд. — И она хочет знать, когда уедет алхимик.

— Как только будет возможно, — сухо ответила Сидни.

— Зачем я здесь... Это долгая история.

Надеюсь, я высказалась достаточно неопределенно.

Ева сказала что-то еще, и Алена возразила ей с оттенком укора, а потом мягко обратилась ко мне:

— Не обращай на нее внимания, Роза. Она в скверном настроении. Зачем ты здесь — это твое дело... хотя, думаю, Эйб захочет переговорить с тобой. Ты должна поблагодарить его. Он принял в тебе большое участие.

— Я тоже не против встретиться с ним, — пробормотала я.

Этот прекрасно защищенный, хотя и некоролевский морой, который привез меня сюда и, казалось, заставил всех испытывать неловкость, разжег мое любопытство. Стремясь избежать дальнейших расспросов о цели своего появления здесь, я поспешно сменила тему разговора:

— Мне также хотелось бы пройти по Бийску. Я никогда раньше не бывала в таких местах... в смысле, где живет много дампинов.

Виктория просияла.

— Я с удовольствием устрою тебе эту прогулку, если, конечно, ты хорошо себя чувствуешь. Или если ты не должна уехать прямо сейчас.

Она считала, что я уже выкарабкалась; так фактически и было. Честно говоря, я не знала, что еще мне здесь делать, поскольку, похоже, Дмитрия в городе не было. Я бросила вопросительный взгляд на Сидни.

Она пожала плечами.

— Делай что хочешь. Я никуда не уеду.

Такой ответ отчасти привел меня в замешательство. Она привезла меня сюда, потому что так велело ее начальство — и что теперь? Этим займемся позже.

Едва я покончила с едой, Виктория фактически вытащила меня за дверь, как будто я олицетворяла собой самое волнующее событие, происшедшее здесь в последнее время. На протяжении всей трапезы Ева не

отрывала от меня взгляда, и, хотя больше ничего не говорила, ее подозрительный вид явно свидетельствовал о том, что она не верит ни одному моему слову. Я пригласила Сидни с нами, но она отказалась, предпочтя закрыться в своей комнате и читать о греческих храмах, или звонить по всему миру, или заниматься еще чем-то в этом духе.

По словам Виктории, они жили недалеко от центра города. День выдался ясный, прохладный, но солнце делало пребывание на воздухе приятным.

— У нас бывает не много гостей, — объяснила она. — Если не считать моройских мужчин, но по большей части они не задерживаются надолго.

Больше она ничего не добавила, но я задумалась над подтекстом ее слов. Эти морейские мужчины приходят сюда в поисках дампинок? Я выросла с представлением, что все дампирки, не пожелавшие стать стражами, женщины легкого поведения, достойные всяческого осуждения. Те, которых я видела в «Соловье», определенно соответствовали стереотипу «кровавых шлюх», однако Дмитрий уверял меня, что не все дампирки такие. Теперь, познакомившись с Беликовыми, я поверила в это.

По мере приближения к центру города еще один миф рушился прямо на глазах. Люди говорили, что «кровавые шлюхи» всегда живут в лагерях или коммунах, но здесь это выглядело совсем иначе. Бийск — небольшой город, несравнимый с Санкт-Петербургом или даже с Омском, но это самый настоящий город, и населения (я имею в виду людей) в нем немало. Не какой-нибудь сельский лагерь, нет. Поразительно обычная обстановка, в центре маленькие магазинчики и рестораны; в общем, никаких отличий от любого другого человеческого города в мире. Современный и заурядный, с легким налетом провинциальности.

— Где все дампиры? — Спросила я.

По словам Сидни, здесь существовала тайная дампирская субкультура, но я не видела никаких ее признаков.

Виктория улыбнулась.

— О, они здесь. У нас много предприятий и других мест, о которых люди не знают. — Понятно, что в большом городе дампиры могут оставаться незамеченными, но здесь это было трудно себе представить. — И многие из нас просто живут и работают с людьми. — Она кивнула на аптеку. — Вот здесь сейчас работает Соня.

— Сейчас?

— Сейчас, когда она беременна. — Виктория закатила глаза. — Я отвела бы тебя повидаться с ней, но в последнее время она очень раздражительна. Малыш должен вскоре появиться на свет.

Она оставила эту тему, а я снова задумалась о взаимоотношениях здешних мороев и дампигов. Разговор продолжался в легком, непринужденном и даже не лишенном поддразнивания тоне. Виктория была приятная девушка, и спустя час мы ладили друг с другом, как будто были знакомы целую вечность. Может, мое расположение к этой семье объяснялось еще и привязанностью к Дмитрию.

Неожиданно кто-то окликнул Викторию, прервав мои размышления. Улицу переходил симпатичный дампирский парень, с волосами цвета бронзы и карими глазами, по возрасту где-то посередине между мной и Викторией.

Он непринужденно заговорил с ней. Она улыбнулась ему и сделала жест в мою сторону, видимо представляя меня по-русски.

— Это Николай, — объяснила она мне по-английски.

— Рад познакомиться, — тоже по-английски сказал он, бросив на меня быстрый оценивающий взгляд, как парни часто делают, но когда он обратился к Викторией, стало совершенно ясно, кто именно объект его интереса. — Ты должна привести Розу на вечеринку к Марине. В воскресенье вечером. — У него внезапно сделался робкий вид. — Ты-то сама придешь?

Виктория задумалась, и мне стало ясно, что она не догадывается о его влюбленности.

— Я собираюсь, но... — Она посмотрела на меня. — Ты еще будешь здесь?

— Не знаю, — честно призналась я. — Но если буду, то пойду с тобой. Что за вечеринка?

— Марина — школьная подруга, — объяснила Виктория. — Мы просто соберемся вместе и повеселимся, прежде чем возвращаться.

— В школу? — Тупо спросила я.

Мне как-то никогда не приходило в голову, что здешние дампиры тоже могут ходить в школу.

— Сейчас у нас каникулы, — объяснил Николай. — В честь Пасхи.

— А-а-а...

Был конец апреля, но я понятия не имела, когда в этом году Пасха. Я вообще потеряла счет дням. Но Пасхи точно пока не было, значит, каникулы в их школе начались за неделю до Пасхи. А вот в Академии Святого Владимира это была неделя после.

— И где ваша школа?

— Примерно на расстоянии трех часов отсюда. Еще дальше, чем эта глухомань.

Виктория состроила гримасу.

— В Бийске не так уж плохо, — поддразнил ее Николай.

— Тебе легко говорить. В конце концов, ты уедешь отсюда и увидишь новые, интересные места.

— А ты нет? — Спросила я ее.

Она нахмурилась, явно испытывая неловкость.

— Я могла бы... но мы так не поступаем здесь... по крайней мере, в нашей семье. У бабушки свои... твердые взгляды касательно мужчин и женщин. Николай станет стражем, а я останусь здесь, с семьей.

Николай внезапно снова заинтересовался мной.

— Ты страж?

— Ну...

Теперь я чувствовала неловкость. Виктория заговорила прежде, чем я придумала, что сказать.

— Она убила двух стригоев неподалеку от города. Сама.

Это, казалось, произвело на него впечатление.

— Ты страж.

— Ну, нет... Я убивала их и прежде, но клятву не давала.

Я повернулась спиной и приподняла волосы, обнажая шею. Кроме всех обычных знаков молний там была маленькая татуировка в форме звезды, означающая, что я участвовала в сражении. Оба они буквально раскрыли рты, и Николай сказал что-то по-русски. Я опустила волосы и повернулась.

— Что?

— Ты... — Виктория прикусила губу, в глазах появилось задумчивое выражение, как будто она подыскивала слова. — Ты отказница. Так мы называем тех, кто прошел обучение, но отказывается быть стражем. Не знаю, как это сказать по-английски.

— Отказница? Наверно... Но фактически разве не все здешние женщины такие?

— Даже если мы не стражи, нам наносят знаки, показывающие, что мы прошли обучение. Эти знаки, правда, не означают, что мы обещаем быть стражами. Ты — другое дело. Ты убила столько стригоев, но отреклась и от школы, и от стражей... Вот кого мы называем отказниками... и это необычно.

— Это необычно и там, откуда я приехала.

Неслыханно, точнее говоря. У нас даже нет термина для обозначения подобного поведения. Такого просто не бывает.

— Мне пора идти, — сказал Николай, не отрывая от Виктории

влюбленного взгляда. — Но мы увидимся с тобой у Марины? Или, может, раньше?

— Да, — ответила она.

Они попрощались по-русски, и он вприпрыжку снова перешел улицу, с той легкой, атлетической грацией стража, которую дает обучение. Это снова напомнило мне о Дмитрие.

— Это я, наверно, спугнула его, — сказала я.

— Нет, он от тебя в восторге.

— Не в той мере, как от тебя.

Она вскинула брови.

— Что?

— Ты ему нравишься... В смысле, по-настоящему нравишься. Разве ты не замечаешь?

— Ох, мы просто друзья.

И, судя по выражению ее лица, так оно и было — для нее. Она была совершенно равнодушна к нему. Жаль. Он красивый, приятный парень. Бедняга.

Когда Николай скрылся из вида, я вернулась к вопросу о стражах.

— Ты сказала, что не можешь быть стражем... но ты хотела бы?

Она помолчала.

— Я никогда всерьез не рассматривала такую возможность. В школе мы все проходим одинаковое обучение, и мне нравится, что я в состоянии защитить себя. Однако я предпочитаю охранять свою семью, а не какого-нибудь мороя. — Она снова задумалась, подбирая нужные слова. — Дискриминация по половому признаку? Может быть. Однако у нас так — мужчины становятся стражами, а женщины остаются дома. Только мой брат покинул нас. Я чуть не споткнулась.

— Брат? — Переспросила я, стараясь, чтобы голос не выдал меня.

— Дмитрий. Он старше меня и стал стражем. Он где-то в США, между прочим. Мы давно с ним не виделись.

— Ммм...

Я испытывала ощущение ужаса и вины. Вины — потому что скрывала правду от Виктории и остальных. Ужас — потому что, похоже, никто не потрудился сообщить новости его семье. Улыбаясь собственным воспоминаниям, Виктория не заметила, что у меня изменилось настроение.

— Павлик ну в точности Дмитрий в том же возрасте. Я покажу тебе его фотографии — и кое-какие недавние тоже. Дмитрий очень хорош собой.

Я не сомневалась, что фотографии маленького Дмитрия разорвут мне

сердце. Чем больше Виктория рассказывала о нем, тем хуже я себя чувствовала. Она понятия не имела, что с ним стряслось, и, хотя они не виделись вот уже года два, было ясно, что она и остальные члены семьи любят его до безумия. Удивляться, конечно, нечему. (Если уж на то пошло, разве можно не любить Дмитрия?) Я провела с ними всего одно утро, но этого хватило, чтобы почувствовать, насколько все они близки. Из рассказов Дмитрия я знала, что он тоже без ума от них.

— Роза? С тобой все в порядке?

Виктория обеспокоенно смотрела на меня — видимо, потому, что за последние десять минут я не произнесла ни слова.

Мы сделали круг и теперь почти подошли к дому. Глядя в ее открытое, дружелюбное лицо, в глаза, так похожие на глаза Дмитрия, я поняла, что еще должна сделать перед тем, как продолжить поиски Дмитрия. Я сглотнула.

— Со мной... да. Думаю, мне нужно поговорить с тобой и остальными членами вашей семьи.

— Конечно, — ответила она с тревогой в голосе.

Алена и Каролина хлопотали на кухне. Я подумала, что они готовят обед, что пугало, учитывая, какой грандиозный совсем недавно был завтрак. Поживи я здесь, определенно привыкла бы обедаться, как они. В гостиной Павел строил из «Лего» сложную беговую дорожку. Неподалеку от него Ева сидела в кресле-качалке, вязала носки и выглядела как самая типичная бабушка на свете. Разве что бабушки обычно не выглядят так, словно способны испепелить вас взглядом.

Алена разговаривала с Каролиной по-русски, но переключилась на английский, увидев меня.

— Вы вернулись раньше, чем я ожидала.

— Мы посмотрели город, — ответила Виктория. — И... Роза хочет поговорить с нами. Со всеми.

Алена бросила на меня недоуменный, озабоченный взгляд.

— Что случилось?

Под взглядами всех этих устремленных на меня одинаковых глаз сердце глухо заколотилось в груди. Как я смогу сказать им? Заставить их... и себя... пережить ужасное известие... нет, это невыносимо. Все стало еще хуже, когда в кухню поспешно вошла Ева. Может, некое мистическое чувство подсказало ей, что сейчас случится что-то важное.

— Давайте присядем, — сказала я.

Павел оставался в гостиной, и это было хорошо. Вряд ли у меня повернулся бы язык сказать то, что я должна была, в присутствии ребенка,

к тому же так похожего на Дмитрия.

— Роза, что случилось? — Повторила Алена.

Она вела себя так мило, так... по-матерински, что я едва не расплакалась. Всякий раз, сердясь на собственную мать за то, что ее нет рядом, когда она нужна, я сравнивала ее с образом некоей идеализированной мамы — такой, типа, как мама Дмитрия, поняла я теперь. Его сестры тоже выглядели встревоженными — словно я для них не чужой человек, словно мы знали друг друга вечность. А ведь мы впервые встретились только сегодня утром. Глаза обожгли слезы. На лице Евы, однако, застыло очень странное выражение — как будто она ожидала чего-то в этом роде.

— Ну... Причина того, почему я здесь... В общем, я искала вас.

Это была не совсем правда — я искала Дмитрия и почти не задумывалась о том, чтобы найти его семью, и только сейчас осознала, как хорошо, что это произошло.

— Видите ли, Виктория рассказала мне о Дмитрие. — (Лицо Алены осветилось при упоминании имени ее сына.) — И... я знала... ну... знаю его. Он был стражем в нашей школе. Моим учителем фактически.

Каролина и Виктория тоже просияли.

— Как он? — Спросила Каролина. — Мы уже сто лет его не видели. Ты знаешь, когда он собирается приехать сюда?

Прямо ответить на этот вопрос было выше моих сил, поэтому я перешла к изложению самой истории — пока еще не утратила мужества перед всеми этими любящими лицами. Ощущение было такое, словно говорю не я, а кто-то другой моими устами.

— Месяц назад... на нашу школу напали стригои. Очень серьезная атака... огромная банда стригоев. Мы потеряли многих, и мороев, и вампиров.

Алена воскликнула что-то по-русски. Виктория наклонилась ко мне.

— В Академии Святого Владимира?

— Вы слышали о том, что произошло? — Удивилась я.

— Все слышали, — ответила Каролина. — Значит, это и есть твоя школа? Ты была там той ночью?

Я кивнула.

— Неудивительно, что у тебя так много знаков молнии, — восхищенно сказала Виктория.

— И Дмитрий сейчас там? — Спросила Алена. — Мы не знаем, куда его перевели в последний раз.

— Ну да... — Язык, казалось, распух и еле ворочался, мешая даже

дышать. — Я была в школе в ночь нападения, — повторила я. — И Дмитрий тоже. Он был одним из тех, кто руководил сражением... и так бился... так храбро... и...

Мои слова сошли на нет, но к этому моменту все уже поняли суть. Алена тяжело задышала и снова забормотала по-русски; я разобрала лишь слово «Бог». Каролина словно окаменела, но Виктория наклонилась ко мне. Ее глаза, ужасно похожие на глаза брата, смотрели на меня так пристально, так пристально, как смотрел бы он, если бы хотел услышать от меня правду, какой бы страшной она ни была.

— Что произошло? — Требовательно спросила она. — Что случилось с Дмитрием?

Я отвела взгляд от их лиц, и на дальней стене гостиной заметила этажерку, заполненную старыми книгами в кожаных обложках, с золотыми буквами, вытисненными на корешках. Дмитрий как-то упоминал о них.

«Моя мать собирала старые приключенческие романы, — говорил он. — Обложки были такие красивые, и я обожал их. Иногда она давала мне почитать эти книги, только осторожно».

Мысль о молодом Дмитрие, сидящем перед этой этажеркой и бережно переворачивающем страницы — и, да, он мог быть очень бережен, — почти заставила меня забыть, зачем я здесь. Может, именно отсюда его любовь к вестернам?

Да, я отвлеклась и утратила весь свой запал. Я не могла сказать им правду. Эмоции и воспоминания захлестнули меня, сколько я ни старалась думать о чем угодно, только не о сражении.

Потом я снова взглянула на Еву, и что-то в сверхъестественно понимающем выражении ее лица непостижимым образом подхлестнуло меня. Я посмотрела на остальных.

— Он бился исключительно храбро, а после сражения возглавил отряд по спасению людей, которых захватили стригои. Он и там действовал потрясающе, только... потом... он...

Я снова замолчала, чувствуя, как по щекам бегут слезы. В сознании прокручивалась та ужасная сцена в пещере, когда Дмитрий был так близок к свободе, но в последнее мгновение один из стригоев одолел его. Отогнав эти мысли, я сделала глубокий вдох. Я должна довести дело до конца. Я в долгу перед этой семьей.

И смягчить удар было невозможно.

— Один из стригоев... одолел Дмитрия.

Каролина уткнулась лицом в плечо матери, Алена не скрывала слез. Виктория не плакала, но ее лицо сохранило неестественное спокойствие.

Она изо всех сил старалась сдерживать эмоции — прямо как Дмитрий. И не сводила с меня пристального взгляда, желая знать правду.

— Дмитрий мертв, — сказала она наконец.

Это прозвучало как утверждение, не как вопрос, но она хотела, чтобы я подтвердила ее предположение. На мгновение у меня мелькнула мысль ухватиться за эту подсказку, сказать им, что да, Дмитрий мертв. Так им сказали бы в Академии, так им сказали бы стражи. И так было бы легче для них... но я почему-то не могла солгать им, пусть даже в порядке утешения. Дмитрий всегда предпочитал правду, и его семья тоже.

— Нет, — сказала я, и на одно краткое мгновение все лица озарила надежда — пока я не заговорила снова. — Дмитрий стал стригоем.

ВОСЕМЬ

Все отреагировали по-разному. Некоторые плакали, некоторые замерли в полном ошеломлении. А Ева и Виктория никак не проявляли своих чувств — в точности, как это сделал бы Дмитрий. Их поведение так напоминало его, что огорчило меня даже больше, чем слезы. Сильнее всего переживала беременная Соня, вернувшаяся незадолго до того, как я открыла им правду. Рыдая, она бросилась в свою комнату и закрылась там.

Все это, однако, продолжалось недолго, поскольку Ева и Алена вскоре развили бурную деятельность. Они быстро заговорили по-русски, явно замысливая что-то. Были сделаны несколько телефонных звонков, и Викторию отослали с поручением. До меня, казалось, никому не было дела, поэтому я просто слонялась по дому, стараясь ни во что не вмешиваться.

В какой-то момент я обнаружила, что стою перед замеченной ранее этажеркой, поглаживая руками книги в кожаных переплетах. Заголовки были русские, но это не имело значения. Прикасаясь к ним и представляя, как Дмитрий держал их в руках и читал, я чувствовала себя ближе к нему.

— Ищешь легкое чтиво?

Сидни остановилась рядом со мной. Она не присутствовала при нашем разговоре, но уже слышала новости.

— Куда уж легче, учитывая, что я не знаю языка, — ответила я и кивнула в сторону остальных. — Что там?

— Они собираются помянуть Дмитрия, — ответила Сидни. — Заупокойная служба.

— Но он же не умер...

— Ш-ш-ш... — Она резко оборвала меня и оглянулась на остальных. — Не говори этого.

— Но это правда, — прошептала я.

Она покачала головой.

— Не для них. Здесь... в этих краях... не существует понятия промежуточного состояния. Ты либо живой, либо мертвый. Они ни за что не признают его одним из... этих. — Она не смогла сдержать раздражения в своем голосе. — Во всех отношениях он для них мертв. Они оплачут его и будут жить дальше. И тебе следует поступить так же.

Меня не обидела ее резкая и откровенная позиция, потому что я понимала, что она не хочет обидеть меня. Просто так она это понимала.

Проблема в том, что для меня это «промежуточное состояние» было

совершенно реально и просто «жить дальше» я не могла. Пока, по крайней мере.

Последовала пауза.

— Роза... — снова заговорила Сидни, стараясь не встречаться со мной взглядом. — Мне очень жаль.

— В смысле, жаль Дмитрия?

— Я понятия не имела. Я вела себя с тобой не лучшим образом. В смысле, не буду притворяться, что сейчас чувствую к вам симпатию, ведь вы, что ни говори, не люди. Но у вас есть чувства, вы любите и страдаете. И пока мы добирались сюда, ты таила все эти ужасные новости в себе, а я не сделала ничего, чтобы облегчить твою боль. Вот о чем я сожалею. И сожалею, что думала о тебе плохо.

Сначала я посчитала, что под этим «плохо» она разумеет, что и меня относил к злым созданиям, но потом поняла. Все это время она думала, что я собираюсь стать «кровавой шлюхой», а теперь верила, будто моей целью было сообщить новости семье Дмитрия. Я не стала поправлять ее.

— Спасибо, но ты ведь не знала. И, честно, будь я на твоем месте... Я, скорее всего, вела бы себя так же.

— Нет, — возразила она. — Ты всегда любезна с людьми.

Я бросила на нее недоверчивый взгляд.

— Может, последние несколько дней ты путешествовала в компании кого-то другого? Дома у меня репутация человека совсем не любезного. Считалось, что я завожусь с пол-оборота.

Она улыбнулась.

— Да, это так. Но одновременно ты говоришь людям то, что, по твоему мнению, должна. Рассказать Беликовым то, что ты рассказала, — нелегко. Ты можешь быть вежливой и стараешься изо всех сил, чтобы людям было легче. Почти всегда.

Я была поражена. Неужели я произвожу такое впечатление? Я вообще-то относилась к себе как к агрессивной суке. Я задумалась: как я вела себя в эти последние дни с Сидни? Много препиралась, да, но если сравнить с остальными, с кем мы встречались, то, наверно, я была дружелюбнее их.

— Ну, спасибо, — повторила я, не зная, что еще сказать.

— Ты уже виделась с Эйбом? Когда вы гуляли по городу?

— Нет. — Я и думать забыла о своем таинственном спасителе. — А должна была?

— Мне просто казалось, он найдет тебя.

— Кто он? Почему он приехал забрать нас, когда ты сказала, что я пострадала?

Сидни явно колебалась, я подумала, что меня ждет очередное молчание алхимиков. Потом, с тревогой оглянувшись, она сказала еле слышно:

— Эйб не королевский морой, но очень влиятельный. Хотя он не русский, но много времени проводит в этой стране, всегда по делам, и легальным, и нелегальным, мне кажется. Он дружен со всеми важными мороями, и временами кажется, что он в значительной степени контролирует алхимиков. Я знаю, он имеет отношение к ритуалу нанесения наших татуировок, но его деловые интересы простираются гораздо дальше. За спиной мы называем его Змеем.^[2]

— Как-как?

Очень странное слово — я определенно никогда не слышала его раньше. Она еле заметно улыбнулась при виде моего недоумения.

— Это русское слово, означающее «змей».^[3] Но не просто какой-нибудь змей. — Прищурившись, она задумалась, как лучше объяснить. — Это слово используется во множестве мифов. Иногда так называют гигантских змеев, с которыми сражаются герои. Это прозвище также часто носят колдуны со змеиной кровью, о которых сложено немало рассказов. А змей в Эдемском саду, которому Ева обязана своим грехопадением? Он тоже из их числа.

Я вздрогнула. Ладно, это, конечно, было весьма странно, но зато многое встало на свое место. Алхимики предположительно имели связи с правителями и властями, и этот Эйб, по-видимому, пользовался у них большим влиянием.

— Алхимики заставили тебя ехать сюда, в Бийск, потому что Эйб хотел встретиться со мной?

И снова она заколебалась, но потом кивнула.

— Когда я звонила той ночью в Санкт-Петербурге, мне было сказано, что тебя ищут. Через алхимиков Эйб приказал мне оставаться при тебе, пока он здесь с тобой не встретится. Думаю, он разыскивал тебя в интересах кого-то.

Я похолодела. Мои страхи реализовывались. Меня разыскивают. Но кто? Если бы это была инициатива Лиссы, я почувствовала бы это, когда проникала в ее сознание. И Адриан, надо думать, тоже тут ни при чем — судя по тому, что он явно не имел представления, где я. Плюс, он ведь сумел понять, зачем мне жизненно необходимо найти Дмитрия.

Так кто же меня разыскивает? И зачем? Этот Эйб вроде бы высокопоставленный тип — хотя и вовлечен в теневой бизнес — и вполне

может быть связан с королевой или другими, столь же значимыми людьми. Может, ему приказали найти меня и привезти обратно? Или, учитывая, как сильно королева ненавидит меня, ему, возможно, приказали проследить, чтобы я не вернулась обратно? Может, он наемный убийца? Сидни определенно относилась к нему со смесью страха и уважения.

— Не уверена, что хочу встречаться с ним, — сказала я.

— Не думаю, что он причинит тебе вред. В смысле, если бы хотел, он уже сделал бы это. Однако будь осторожна. Он всегда играет сразу в несколько игр, а что касается секретов, он может составить конкуренцию алхимикам.

— То есть ты не доверяешь ему?

Она бросила на меня удрученный взгляд.

— Ты забыла — я не доверяю никому из вас.

Когда она ушла, я решила выйти из объятых скорбью дома. Усевшись на верхней ступеньке крыльца на заднем дворе, я смотрела, как играет Павел, который строил что-то вроде крепости. Он, конечно, чувствовал, что семья опечалена, но ему было трудно слишком остро воспринимать «смерть» дяди, которого он и видел-то всего пару раз в жизни. Для него эта новость значила гораздо меньше, чем для остальных.

До вечера было еще далеко, заняться мне было нечем, и я решила быстренько «проверить» Лиссу. Мне было любопытно, как там развиваются события с Эйвери Лазар.

Несмотря на свои добрые намерения, Лисса испытывала дурные предчувствия в связи с тем, что пригласила Эйвери на ланч. И что же? Она была приятно удивлена, обнаружив, что Эйвери прекрасно вписывается в их компанию и даже очаровала и Адриана, и Кристиана. Правда, Адриана могла запросто очаровать любая особа женского пола. Кристиан был орешком покрепче, но даже он, казалось, расположился к ней — наверно, потому, что она поддразнивала Адриана. Любой, кто в состоянии подшучивать над Адрианом, дорогого стоил в глазах Кристиана.

— Ну-ка, объясни вот что, — говорила Эйвери, накручивая спагетти на вилку. — Ты просто целый день болтаешься по Академии? Вроде как закрепляешь полученные в средней школе знания?

— Ничего я не закрепляю, — высокомерно ответил Адриан. — Я полностью заправлял своей средней школой. Мне там поклонялись, мной восхищались — впрочем, это неудивительно.

Кристиан рядом с ним чуть не подавился очередным куском.

— Значит, ты пытаешься пережить заново те славные денечки. Теперь-то все у тебя по нисходящей?

— Ничего подобного, — ответил Адриан. — Я похож на доброе вино — становлюсь лучше с возрастом. То ли еще будет!

— Со временем вино вроде бы стареет, — парировала Эйвери, на которую, видимо, не произвело впечатления это сравнение. — Здесь такая скука! Я даже трачу каждый день какое-то время, помогая папе.

— Адриан спит большую часть дня, — заметила Лисса, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. — Поэтому ему фактически не приходится беспокоиться о том, чем занять себя.

— Эй, я трачу массу времени, помогая тебе постигнуть таинства духа, — напомнил ей Адриан.

Эйвери перегнулась через стол, на ее красивом лице вспыхнуло выражение любопытства.

— Значит, это правда? Я слышала всякие рассказы о духе... и о том, что ты можешь исцелять.

Лисса ответила не сразу — она до сих пор не привыкла в открытую говорить о своих магических способностях.

— Среди прочего. Мы пока не разгадали эту загадку.

Адриан был гораздо больше склонен рассуждать на эту тему — возможно, в надежде произвести впечатление на Эйвери — и кратко изложил, на что способен дух типа ауры и принуждения.

— И, — добавил он, — я могу проникать в чужие сны.

Кристиан вскинул руку.

— Хватит. Чувствую, сейчас последует описание того, как женщины грезят о тебе. Я, знаешь ли, только что поел.

— Я не собирался ничего такого делать, — ответил Адриан, хотя выглядел так, словно жалеет, что не он высказал эту шутку.

Глядя на него, я против воли забавлялась. Адриан на людях вел себя так нахально, так легкомысленно... а в моих снах проявлял себя серьезным и участливым. Он был гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, но практически никто не понимал этого.

Эйвери явно была потрясена.

— Господи, я-то думала, что быть пользователем воздуха — это круто, а теперь вижу, что нет.

Внезапно легкий ветерок отдул ее волосы назад, придав ей такой вид, будто она позирует для фото с рекламой купальников. Она ослепительно улыбнулась остальным. Да, доставало только фотографа.

Прозвенел звонок, и все встали. Кристиан вспомнил, что оставил домашнее задание в другом классе, и заторопился туда — разумеется, поцеловав Лиссу на прощание.

Адриан тоже ушел почти сразу же.

— Учителя бросают на меня гнусные взгляды, если я болтаюсь тут, когда начинаются уроки. — Он отвесил легкий поклон Лиссе и Эйвери. — До следующего раза, леди.

Эйвери, которой было плевать на то, что думают учителя, пошла с Лиссой на урок. Лицо у нее было задумчивое.

— Значит... ты правда с Кристианом?

Если бы Эйвери видела хотя бы половину того, что я, когда отношения Лиссы и Кристиана только складывались, такого вопроса у нее не возникло бы.

Лисса рассмеялась.

— Да. Ну и что?

Эйвери помолчала, разжигая любопытство Лиссы.

— Я слышала, что у тебя роман с Адрианом.

Лисса почти остановилась.

— Где ты это слышала?

— При дворе. Королева говорит, что вы прекрасная пара и как она счастлива, что вы вместе.

Лисса застонала.

— Значит, вот почему всякий раз, когда я бываю при дворе, она приглашает и его тоже, а потом поручает нам вместе делать для нее всякие вещи. Это происходит не по моей инициативе... Не пойми меня неправильно. Я не возражаю проводить с ним какое-то время, но нас постоянно видят вместе только потому, что Татьяна устраивает это.

— Похоже, она тебе симпатизирует. Она все время говорит о тебе, о твоём высоком потенциале и о том, как она гордится тобой.

— Думаю, она гордится тем, что манипулирует мной. Ездить туда так неприятно. Она то ли полностью игнорирует тот факт, что я встречаюсь с Кристианом, то ли пользуется любой возможностью, чтобы вбить клин между нами.

Королева Татьяна, как и многие другие, никогда не могла простить Кристиану, что его родители по доброй воле стали стригоями.

— Извини, — сказала Эйвери, и, судя по ее виду, она действительно испытывала неловкость. — Я не хотела огорчать тебя. Меня просто интересует, свободен ли Адриан, вот и все.

Лисса не сердилась на Эйвери. Ее гнев был обращен на королеву, на то, как она заставляет всех плясать под свою дудку. В морейском мире король или королева правят с незапамятных времен, и Лисса думала, что настало время перемен. Нужна система, где все будут иметь одинаковое

право слова — и королевские, и некоролевские морои. И даже дампирь.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее злилась — что было более характерно для меня, чем для нее. Ей хотелось закричать, отправиться прямо к Татьяне и объявить о разрыве их договоренности. Никакой колледж не стоил такого. Может, она даже скажет Татьяне, что настало время революционных перемен, время перевернуть моройский мир с ног на голову...

Лисса с удивлением обнаружила, что дрожит. Откуда все эти устремления? Одно дело расстраиваться из-за Татьяны, но это?.. Такая бесконтрольная ярость не овладевала ею с тех пор, как она впервые начала использовать дух. Она сделала глубокий вдох и прибегла к кое-каким успокаивающим приемам. Не хватало только, чтобы Эйвери поняла, в какого психа Лисса только что чуть не превратилась.

— Я просто терпеть не могу, когда люди говорят обо мне, — сказала она наконец.

Эйвери, казалось, не заметила «припадка» Лиссы.

— Если тебе приятно это услышать, не все думают о тебе так же. Я встретила девушку... как ее... Мия? Да, так ее зовут. Она не из королевской семьи. — Судя по тону Эйвери, она разделяла отношение большинства королевских мороев к «простым». — Ну так вот, она рассмеялась, услышав о тебе и Адриане. Сказала, что это чушь.

Лисса еле заметно улыбнулась. Когда-то Мия была ее соперницей и вела себя как эгоистичный, надоедливый ребенок. Однако после того, как стригои убили ее мать, Мия заняла очень решительную позицию, которая чрезвычайно нравилась и мне, и Лиссе. Мия жила при дворе со своим отцом, по секрету училась сражаться и надеялась когда-нибудь лично вступить в схватку со стригоями.

— Ах! — Неожиданно воскликнула Эйвери. — Это Симон. Я должна идти.

В глубине коридора Лисса увидела сурового стража Эйвери. Может, он и не был таким мрачным, как Рид, брат Эйвери, но по-прежнему имел тот же непреклонный, строгий вид, как тогда, когда Лисса впервые встретила с ним. Эйвери, правда, вроде бы чувствовала себя рядом с ним прекрасно.

— Ладно, увидимся позже, — сказала Лисса. — И, Эйвери...

— Да?

— Адриан свободен.

Эйвери улыбнулась и зашагала к Симону.

В доме Беликовых в Бийске подготовка к заупокойной службе продолжалась. Медленно собирались друзья и соседи дампирь, многие

приносили еду. Тут я впервые увидела дампирское сообщество, хотя в отличие от Сидни ничего таинственного в нем не заметила. На кухне везде, где только можно, стояли угощения. Кое-какая еда была мне знакома, и еще тут было много сладкого — свежее испеченные булочки, пирожные, печенья, усыпанные орехами и сахарной глазурью. Некоторых блюд я никогда прежде не видела и не уверена, что хотела бы увидеть снова. В особенности мне не понравилась миска с отвратительной на вид, липкой капустой.

Однако прежде чем заняться едой, все вышли из дома и собрались на заднем дворе в полукруг — больше нигде не было места, способного вместить такое количество людей. Появился священник, человек. Это немного удивило меня, но я предположила, что, живя в человеческом городе, дампирь посещают человеческую церковь. И для большинства людей дампирь ничем не отличались от них, поэтому священник наверняка думал, что его пригласили в обычный дом. Присутствовали и немногие живущие в городе морои, но и они тоже более-менее могли сойти за людей — правда, очень бледных — если следили за тем, чтобы не демонстрировать свои клыки. Люди не ожидали увидеть тут ничего сверхъестественного, а раз так, то никакие сомнения не закрадывались в их головы, даже когда они сталкивались с чем-то таким нос к носу.

Постепенно наступила тишина. Солнце уже садилось, западная часть неба полыхала оранжевым, повсюду протянулись длинные тени. Священник совершал заупокойную службу по-русски, его речитатив в темнеющем дворе звучал мистически.

Мне приходилось слышать заупокойные службы только по-английски, но ощущение возникало то же самое. Собравшиеся то и дело крестились. Я не понимала слов, поэтому просто смотрела и ждала, чувствуя, как горестный голос священника проникает в душу. Любовь к Дмитрию нарастала внутри, словно приближающаяся буря, но я старалась сдерживать эмоции, утаить их в своем сердце. Когда поминальная служба закончилась, сверхъестественное напряжение, охватившее всех, рассеялось. Люди снова задвигались, обнимали Беликовых, жали руку священнику. Вскоре он ушел.

Приступили к еде. Все рассаживались с полными тарелками, где могли найти местечко, как в доме, так и во дворе. Никто из гостей не знал меня, и Беликовым тоже было не до меня. Они были слишком заняты, бегая туда и обратно, чтобы никого не обделить вниманием. Сидни в основном сидела рядом со мной, мы вели легкий разговор, и ее присутствие действовало на меня успокаивающе. Мы сидели на полу в гостиной, прислонившись к стене рядом с этажеркой. Сидни, как обычно, только ковыряла еду, что

заставило меня улыбнуться. Было что-то успокаивающее в этой ее уже ставшей знакомой привычке.

Покончив с едой, люди продолжали разговаривать, собравшись небольшими группами. Я ничего не понимала, естественно, но постоянно упоминалось имя: Дмитрий, Дмитрий. Это напоминало неразборчивый шепот, издаваемый призраками, и вызывало тягостное ощущение, будто я сейчас задохнусь; снова и снова повторяемое имя давило на сердце. Дмитрий, Дмитрий. В какой-то момент это стало просто невыносимо. Сидни куда-то ушла, и я выбежала из дома, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Кто-то разжег на заднем дворе костер, вокруг него сидели люди и тоже разговаривали о Дмитриии. Ну, я и пошла на передний двор, а потом на улицу.

Далеко заходить я не собиралась. Ночь была теплая, ясная, в темном небе ярко сияли луна и звезды. Меня одолевали противоречивые чувства, и теперь, когда рядом никого не было, я позволила долго сдерживаемым эмоциям вырваться наружу вместе с бесшумно текущими по щекам слезами. Миновав пару домов, я села на обочину, радуясь, что вокруг так тихо. Это мирное состояние, однако, продлилось совсем недолго — мой острый слух уловил звук голосов, приближающихся со стороны дома Беликовых. Показались три фигуры. Один был морой, высокий и худощавый, а остальные дампирь. Подойдя, они остановились передо мной. Я подняла взгляд и посмотрела в темные глаза морья. На службе я эту троицу не видела, но лицо морья показалось мне знакомым. Я криво улыбнулась ему.

— Эйб Мазур, надо полагать.

ДЕВЯТЬ

— Я думала, ты мне снился, — сказала я.

Дампиры заняли вокруг моря оборонительные позиции. Лицо Эйба было тем самым странным, которое я видела после сражения в сарае, то теряя сознание, то снова приходя в себя. Он был старше меня, по возрасту ближе к Алене. Черные волосы, эспаньолка, очень смуглый для моря. Если вы видели смуглого или загорелого человека, который болен и от этого бледнеет, то это был как раз тот оттенок смуглоты. В его коже определенно присутствовал какой-то пигмент, и сильная бледность лишь подчеркивала его. Больше всего поражала его одежда — длинный, черный, явно безумно дорогой плащ и темно-красный кашемировый шарф, под которым посверкивало какое-то золотое украшение; в одном ухе сверкала золотая серьга. Поначалу все это навело меня на мысль, что он либо пират, либо гей, но спустя мгновение я изменила свое мнение. Что-то в его облике говорило о том, что он переломает ноги любому, вставшему на его пути.

— Снился? Такое мне не часто приходится слышать, — заговорил морой с еле заметной улыбкой и на некоторое время задумался. — Иногда я являюсь людям в ночных кошмарах.

Он не был ни американцем, ни русским; я не смогла распознать акцент.

Что происходит? Он пытается своей скверной репутацией произвести на меня впечатление или запугать? Сидни определенно не боялась его, но относилась к нему со здоровой настороженностью.

— Ты, видимо, уже знаешь, кто я, — сказала я. — Возникает вопрос: что ты здесь делаешь?

— Нет. — Улыбка стала шире. — Вопрос ставится иначе: что ты здесь делаешь?

Я сделала жест в сторону дома Беликовых.

— Я приехала на похороны.

— Ты не по этой причине появилась в России.

— Я приехала в Россию, чтобы рассказать Беликовым, что Дмитрий мертв, поскольку никто больше не потрудился сделать это.

Это было удобное объяснение моего появления здесь, однако под пристальным взглядом Эйба по спине побежали мурашки. Как и Ева, та безумная старая женщина, он не верил мне, и я остро ощутила, насколько он опасен, несмотря на свою ярмарочную внешность.

Эйб покачал головой, улыбка полностью исчезла.

— Это тоже не подлинная причина. Не лги мне, девочка.

Я мгновенно взъерепенилась.

— А ты не допрашивай меня, старикан. Разве что ты готов рассказать, зачем ты и твои дружки рискнули проехать по ночной дороге, чтобы спасти Сидни и меня.

Дампиры Эйба напряглись, услышав слово «старикан», но, к моему удивлению, он снова улыбнулся — хотя эта улыбка не затронула его глаз.

— Может, я просто выручил вас.

— Вряд ли — судя по тому, что я слышала. Ведь это ты заставил алхимиков послать Сидни со мной.

— Да? — Он дугой выгнул бровь. — Это она рассказала тебе? Ммм... Не следовало ей так поступать. Ее начальству это не понравится. Совсем не понравится.

Проклятье! Снова я брякнула, не подумав. Мне не хотелось причинять Сидни неприятности. Если Эйб действительно в некотором роде «крестный отец» мороев — как она его называла? Змей? — не сомневаюсь, он способен воздействовать на алхимиков с той целью, чтобы они еще больше осложнили Сидни жизнь.

— Я вынудила ее рассказать мне все, — соврала я. — Угрожала ей в поезде. Это было нетрудно — она и так до смерти боялась меня.

— Не сомневаюсь. Они все боятся нас, связанные вековыми традициями и укрывающиеся за своими крестами, которые должны защитить их — несмотря на дары, полученные с помощью татуировок. Во многих отношениях они похожи на вас, дампиров, — за исключением репродуктивных проблем.

Выдавая эту тираду, он смотрел на звезды, как какой-нибудь философ, размышляющий над тайнами Вселенной. Почему-то это меня еще больше разозлило. Он говорил в шутку, а ведь, совершенно очевидно, имел определенный план в отношении меня. Не люблю оказываться частью плана, составленного у меня за спиной, — в особенности когда понятия не имею, что это за план.

— Да, да, уверена, мы можем всю ночь обсуждать алхимиков и то, как ты контролируешь их, — взорвалась я. — Но меня по-прежнему интересует, чего ты хочешь от меня.

— Ничего, — просто ответил он.

— Ничего? Ты всерьез осложнил себе жизнь, чтобы помочь мне и Сидни, а потом последовал за мной сюда ради «ничего»?

Он опустил взгляд, в котором вспыхнул угрожающий огонек.

— Меня ты не интересуешь. У меня своих дел хватает. Я приехал ради других, заинтересованных в тебе.

Я окаменела, и наконец-то мне стало по-настоящему страшно. Дерьмо! На меня устроили облаву. Но кто? Лисса? Адриан? Татьяна? Мысль о королеве заставила меня занервничать еще сильнее. Если бы меня стали разыскивать остальные, то они делали бы это, беспокоясь обо мне. Но Татьяна — Татьяна боялась, что я сбегу с Адрианом. И снова мелькнула мысль — если бы она стала разыскивать меня, то лишь с целью обеспечить, чтобы я не вернулась. Эйб сильно смахивал на того, кто умеет способствовать исчезновению людей.

— И чего хотят эти другие? Чтобы я вернулась домой? — Я изо всех сил старалась скрыть свой страх. — По-твоему, ты можешь явиться сюда и запросто оттащить меня в США?

Сдержанная улыбка Эйба вернулась.

— А как ты думаешь — я могу запросто оттащить тебя обратно?

— Ну, — снова без раздумий, с усмешкой сказала я, — ты не можешь. Другое дело — твои парни. Это не исключено. Хотя, может, я способна одолеть их.

Эйб в первый раз громко рассмеялся — глубокий, низкий звук, полный искреннего веселья.

— Ты достойна своей репутации нахальной девицы. Очаровательно. — Здорово. Эйб, наверно, где-то раздобыл мое личное дело. Может, даже знал, что я люблю на завтрак. — Предлагаю сделку. Расскажи мне, зачем ты здесь, а я расскажу тебе, зачем я здесь.

— Я уже говорила.

Смех мгновенно смолк. Он сделал шаг ко мне; его стражи напряглись.

— А я говорил, чтобы ты не лгала мне. Ты приехала сюда по какой-то причине, и я должен знать зачем.

— Роза? Можешь прийти сюда?

Со стороны дома Беликовых в ночи прозвенел чистый голос Виктории, стоящей в дверном проеме. Внезапно я испытала сильнейшее желание удрать от Эйба. Под этим ярким, кричащим фасадом скрывалось что-то смертоносное, и я не хотела задерживаться рядом с ним даже на минуту. Я вскочила и попятилась к дому, отчасти ожидая, что его стражи попытаются похитить меня, что бы он там ни говорил. Они, однако, оставались на своих местах, не сводя с меня бдительных взглядов. Усмешка Эйба вернулась.

— Сожалею, что не могу остаться и поболтать, — сказала я.

— Все в порядке, — величественно объявил он. — Мы найдем тебя позже.

— Не уверена, — ответила я.

Он засмеялся, а я торопливо вслед за Викторией вошла в дом и почувствовала себя в безопасности, только закрыв дверь:

— Мне не нравится этот тип.

— Эйб? Я думала, он твой друг.

— Ну уж нет. Он в некотором роде гангстер.

— Наверно, — ответила она таким тоном, словно это не имело особого значения. — Но именно благодаря ему ты здесь.

— Да, я знаю, как он выручил нас.

Виктория покачала головой.

— Нет, я имею в виду здесь. Пока он вез тебя в автомобиле, ты все время повторяла: «Беликов, Беликов!» Эйб решил, что ты знаешь нас, и привез тебя в наш дом.

Это меня напугало. Мне снился Дмитрий, да, и я, конечно, могла повторять его фамилию, однако до сих пор понятия не имела, что именно поэтому оказалась здесь. Я думала, дело в том, что Алена имеет медицинское образование.

Потом Виктория сказала самую потрясающую вещь:

— Поняв, что мы с тобой незнакомы, он хотел отвезти тебя куда-то в другое место, но бабушка сказала, что ты должна остаться здесь. По-моему, она видела во сне, что ты у нас появишься.

— Что? — Безумная Ева, от которой мурашки бегут по коже, которая ненавидит меня? — Она видела меня во сне?

Виктория кивнула.

— Такой у нее дар. Ты уверена, что незнакома с Эйбом? Он слишком важная шишка, чтобы торчать здесь без причины.

Я не успела ответить — к нам торопливо приближалась Алена. Подойдя, она взяла меня за руку.

— Мы искали тебя. Почему так долго?

Этот вопрос был адресован Виктории.

— Эйб...

Алена покачала головой.

— Не важно. Пошли. Все ждут.

— Чего? — Спросила я, пока они вели меня на задний двор.

— Я не успела объяснить тебе, — торопливо сказала Виктория. — Сейчас наступил момент, когда все садятся и вспоминают Дмитрия, рассказывая разные истории.

— Мы давно не видели его и не знаем, что происходило с ним в последнее время, — пояснила Алена. — Ты должна рассказать нам.

Я вздрогнула. Я? Я не хотела, в особенности когда увидела все эти лица вокруг костра. Я не знала никого из них. Как могла я рассказывать им о Дмитриии? Как могла я обнажить то, что было так дорого сердцу? Все лица слились в неясное пятно, возникло чувство, что я могу потерять сознание. Какое-то время никто не замечал меня. Говорила Каролина, держа на руках малышку. Время от времени она делала паузу, и остальные смеялись. Виктория уселась на расстеленное на земле одеяло и потянула меня к себе. Немного погодя к нам присоединилась Сидни.

— Что она говорит? — Прошептала я.

Виктория некоторое время прислушивалась, а потом наклонилась ко мне.

— Она рассказывает, что когда Дмитрий был маленьким, он всегда просил, чтобы она и ее подружки приняли его в игру. Ему было около шести, а им по восемь, и они не хотели, чтобы он вертелся рядом. — Виктория смолкла, снова вслушиваясь. — В конце концов Каролина сказала, что они его примут, если он согласится жениться на их куклах. Каролина с подружками наряжали его и всех кукол одну за другой и устраивали свадьбы. Таким образом, Дмитрия женили по крайней мере десять раз.

Я против воли рассмеялась, представляя себе, как упрямый, сексапильный Дмитрий позволяет старшей сестре наряжать себя. Скорее всего, он отнесся к этим свадебным церемониям с куклами так же серьезно и стоически, как к своим обязанностям стража.

Потом говорили другие, а я пыталась следить за переводом. Во всех историях он представал добрым и сильным. Не только в сражениях с немертвыми — Дмитрий в любой ситуации стремился помочь тому, кто нуждался в этом. Почти все могли вспомнить случаи, когда Дмитрий первым бросался на помощь, делая то, что считал правильным, даже если это было для него сопряжено с риском. Меня это ничуть не удивляло. Дмитрий всегда делал то, что должно.

И в большой степени за это я так его любила. По своей природе мы были похожи. Я тоже бросалась на помощь, когда кто-то нуждался во мне, иногда даже если этого делать не следовало. Многие из-за этого считали, что я не в своем уме, но Дмитрий меня понимал. Он всегда меня понимал и помогал упорно работать над тем, как обузывать эту импульсивную потребность кидаться в опасные ситуации, точно в омут головой, как использовать разум и расчет. По-моему, никто на свете никогда не понимал меня так, как он.

Я не замечала струящихся по щекам слез, пока не осознала, что все

смотрят на меня. Первой мыслью было — они считают меня безумной из-за того, что я плачу, но потом я осознала, что кто-то задал вопрос.

— Они хотят, чтобы ты рассказала о последних днях Дмитрия, — сказала Виктория. — Расскажи, что хочешь. Что он делал. Какой он был.

Я утерла рукавом мокрое лицо и перевела взгляд на огонь костра. Сколько раз мне приходилось говорить перед множеством людей — и хоть бы что, но сейчас...

— Не могу, — напряженным, еле слышным голосом ответила я Виктории. — Не могу говорить о нем.

Она сжала мою руку.

— Пожалуйста! Им это очень нужно. Они должны знать. Расскажи что угодно. Какой он был?

— Он... Он же был твой брат. Ты знаешь.

— Да, — мягко ответила она. — Но нам хотелось бы знать, какой он был с твоей точки зрения.

Мой взгляд по-прежнему был прикован к костру; пляшущее пламя медленно меняло цвет с оранжевого на голубой.

— Он... Я не встречала человека лучше. — Я замолчала, собираясь с духом, и Виктория воспользовалась возможностью перевести мои слова на русский. — И он был одним из лучших стражей. В смысле, он был моложе многих, но все знали, каков он. Все знали, какая у него репутация, и обращались к нему за советом. И если происходил бой... или просто возникала какая-то угроза, он всегда первым бросался на помощь. Никогда не отступал. Пару месяцев назад на нашу школу напали...

Я слегка притормозила. Беликовы говорили, что знают об этом нападении — что все знают о нем, — и, судя по обращенным ко мне лицам, так оно и было. Не требовалось в деталях описывать эту ночь, все те ужасы, которые я видела.

— Той ночью, — продолжала я, — Дмитрий столкнулся со стригоями. Точнее, мы были вместе, когда поняли, что они напали. Я хотела остаться и помочь ему, но он не позволил мне, велел бежать изо всех сил и предупредить остальных. А сам остался — понятия не имея, скольких стригоев ему придется одолеть, пока я приведу помощь. Я до сих пор не знаю точно, сколько их было, но довольно большая группа. И он в одиночку справился со всеми.

Я подняла взгляд. Все сидели так тихо, что, казалось, не дышали.

— Это было так трудно. — Мой голос упал до шепота, и пришлось повторить то же самое громче. — Это было так трудно. Я не хотела оставлять его, но понимала, что должна. Он многому научил меня, и

прежде всего тому, что мы должна защищать других. Это был мой долг — предупредить остальных, хотя больше всего на свете я хотела остаться с ним. Пока я бежала, в сердце неотступно билось: *«Поворачивай обратно! Возвращайся к нему!»* Но я помнила о своем долге и понимала, что в какой-то степени он таким образом стремился уберечь меня от опасности. И если бы мы поменялись местами, я тоже заставила бы его бежать за подмогой.

Я вздохнула, удивляясь тому, что так откровенно говорю о своих чувствах, и вернулась к описанию событий.

— Даже когда прибыли другие стражи, Дмитрий продолжал сражаться. Он убил больше стригоев, чем кто-либо еще. Ну, почти. — На самом деле больше всех убили мы с Кристианом. — Он... Он был неподражаем.

Я рассказала им остальное, что прежде рассказывала Беликовым, просто добавила немного ярких деталей, чтобы показать, каким он был храбрым и яростным в борьбе. Было больно говорить обо всем этом, и тем не менее... я почти испытывала облегчение, выпуская наружу то, что так долго держала внутри. Но в конечном счете мне пришлось рассказывать им о пещере, и это было самое худшее.

— В пещере мы загнали сбежавших стригоев в ловушку. Там было два входа, и мы наступали на них с обеих сторон. Некоторые из наших, однако, сами угодили в ловушку, а стригоев оказалось больше, чем мы рассчитывали. Мы потеряли людей... но потери были бы гораздо значительнее, если бы там не было Дмитрия. Он не покинул пещеру, пока все не вышли наружу, не заботясь о том, как при этом рискует сам. Его единственное желание было — спасти остальных...

Я видела решимость в его глазах. Наш план состоял в том, чтобы как можно быстрее выйти наружу и начать отступление, но, мне кажется, он хотел задержаться и убить всех стригоев, которых сможет найти. Однако, подчиняясь приказу, в конце концов и он начал отступать — когда все остальные были уже в безопасности. И в эти последние мгновения, прямо перед тем, как стригой укусил его, наши взгляды встретились, и его глаза были настолько полны любви, что, казалось, вся пещера внезапно осветилась. Они как будто говорили о том, что он сказал раньше: *«Мы можем быть вместе, Роза. Мы уже вместе. И ничто никогда не разлучит нас...»*

Конечно, обо всем этом я не стала рассказывать. Когда я закончила, у всех собравшихся были мрачные, но исполненные благоговения и уважения лица. В задней части толпы я заметила Эйба с непроницаемым лицом и его стражей. В нем чувствовалась жесткость, но не гнев и не страх. По кругу

начали передавать маленькие чашки, и кто-то протянул одну мне. Незнакомый дампир, один из немногих присутствующих здесь мужчин, встал, поднял свою чашку и заговорил громко, с оттенком благоговения в голосе. Имя Дмитрия упоминалось несколько раз. Закончив, он выпил то, что было в его чашке. Все сделали то же самое, я последовала их примеру.

И едва не задохнулась до смерти.

Это было словно жидкий огонь. Потребовались все мои силы, чтобы проглотить его, а не обрызгать стоящих вокруг.

— Что... Что это? — Закашлявшись, спросила я.

Виктория улыбнулась.

— Водка.

Я уставилась в свою чашку.

— Нет. Я уже пила водку.

— Но не русскую водку.

По-видимому, она была права. Из уважения к Дмитрию я допила остальное, хотя меня не покидало чувство, что, будь он здесь, он бы осуждающе покачал головой. Я думала, что после своего рассказа не останусь в центре внимания, но нет. Меня продолжали расспрашивать. Они хотели знать больше о Дмитрие, о его жизни в последнее время. Они также хотели знать о наших с Дмитрием отношениях. Похоже, они поняли, что мы с ним были влюблены друг в друга, и одобряли это. Расспрашивали о том, как мы познакомились, как долго были вместе...

И все время подливали в мою чашку. Полная решимости не выглядеть снова круглой идиоткой, я продолжала пить, пока в результате не смогла глотать водку, не кашляя и не брызгаясь. Чем больше я пила, тем громче и воодушевленное говорила. Конечности начало покалывать, и в глубине души я понимала, что надо остановиться.

В конце концов, люди начали расходиться. Точно не скажу, но, по моему, это была середина ночи. Может, позже. Я тоже встала, с удивлением обнаружив, что это гораздо труднее, чем я ожидала. Мир вокруг вращался, в животе было ой как нехорошо. Кто-то подхватил меня и помог устоять на ногах.

— Тихо, тихо, — сказала Сидни. — Не спеши.

Медленно, осторожно она повела меня к дому.

— Господи! — Простонала я. — Что это было — ракетное топливо?

— Никто не заставлял тебя продолжать пить водку.

— Эй, обойдемся без проповедей. Я должна была проявить вежливость.

— Конечно, — сказала она.

Мы вошли в дом и с большим трудом, очень медленно поднимались по лестнице в комнату, предоставленную мне Аленой. Каждый шаг давался с ужасными мучениями.

— Они все поняли обо мне и Дмитриии, — сказала я, с трудом ворочая языком. — Но я не говорила им, что мы были вместе.

— Этого и не требовалось. Все было написано на твоём лице.

— Они вели себя так, словно я вдова или кто-то в этом роде.

— Ты такой и являешься в их глазах. — Мы добрались до комнаты, и Сидни помогла мне опуститься на постель. — Здесь немногие женаты по-настоящему. Если ты с кем-то достаточно долго, считается, что это то же самое.

Я вздохнула, глядя в пространство.

— Я так скучаю по нему.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Станет когда-нибудь легче?

Казалось, этот вопрос застал её врасплох.

— Не... Не знаю.

— Ты когда-нибудь была влюблена?

Она покачала головой.

— Нет.

Я не знала, считать это удачей для неё или нет. Я даже не была уверена, стоили ли все яркие дни, проведенные с Дмитрием, той боли, которую я испытывала сейчас. Спустя мгновение, правда, я поняла.

— Конечно, они того стоили.

— Что? — Спросила Сидни.

До меня дошло, что я размышляю вслух.

— Ничего. Просто говорю сама с собой. Я должна немного поспать.

— Тебе ещё что-нибудь нужно? Тебя не вырвет?

Я ощупала живот, что вызвало неприятные ощущения и легкую тошноту.

— Нет. Но все равно спасибо.

— Хорошо.

И в типичной для неё бесцеремонной манере она ушла, выключив свет и закрыв дверь.

Я думала, что отключусь мгновенно. Честно говоря, я хотела этого. Сегодня ночью я распахнула сердце настежь в том, что касалось Дмитрия. Это было мучительно, и хотелось, чтобы боль ушла, хотелось тьмы и забвения. Вместо этого, может, потому, что во мне присутствует определенная толика мазохизма, сердце решило довести дело до конца и

раскрыться полностью.

Я отправилась к Лиссе.

ДЕСЯТЬ

За ланчем с Эйвери все прошло так замечательно, что тем же вечером они снова собрались вместе, чтобы хорошенько оттянуться. Лисса думала об этом на следующее утро, сидя на первом уроке английского. Ночью они вообще не ложились спать, наплевав на комендантский час. Это воспоминание заставило Лиссу улыбнуться, хотя она только что подавила зевок. Я знала — полученным удовольствием Лисса обязана Эйвери, и на каком-то совсем мелочном уровне это беспокоило меня. Тем не менее... Тот факт, что Лисса подружилась с Эйвери, ослаблял чувство вины, которое я испытывала с тех пор, как покинула Лиссу.

Она снова зевнула. Трудно сосредоточиться на «Алой букве», страдая от похмелья, пусть и не очень сильного. У Эйвери, похоже, был неисчерпаемый запас спиртного. Адриан сразу же набросился на него, но Лисса поначалу сомневалась, стоит ли. Вечеринки остались для нее в далеком прошлом, но в конце концов она не устояла и выпила больше вина, чем следовало. Очень похоже на мою ситуацию с водкой, в чем была своеобразная ирония. Мы обе предались излишествам, хотя нас и разделяли бесконечные мили.

Внезапно воздух прорезал пронзительный вой. Все в классе вскинули головы. В углу комнаты вспыхнул сигнал пожарной тревоги. Естественно, некоторых учеников это развеселило, в то время как другие притворялись испуганными. Остальные выглядели удивленными и просто ждали, что будет дальше.

Для инструктора Лиссы это тоже, видимо, стало неожиданностью. Это явно была не плановая тревога. Обычно о таком учителям сообщали заранее, а на лице миссис Мэллоу возникло обычное усталое выражение учителя, пытающегося вычислить, сколько времени от урока отнимут пожарные учения.

— Ну-ка, дружно! — Раздраженно сказала миссис Мэллоу, хватая классный журнал. — Вы знаете, куда идти.

Пожарные учения были стандартной процедурой. Лисса, выходя вслед за остальными, нагнала Кристиана.

— Это ты устроил? — Поддразнила она его.

— Не-а. А жаль. Этот урок просто убивает меня.

— Тебя? Это у меня голова раскалывается.

Он понимающе усмехнулся.

— Пусть это послужит тебе уроком, маленькая мисс Пьянчужка.

Она состроила гримасу и легонько ткнула его. Они вышли в замкнутый четырехугольный двор, и класс занял отведенное для него место. Вместе с остальными ученики пытались выстроиться более-менее ровными рядами. Появилась миссис Мэллоу и проверила всех по журналу, с удовлетворением отметив, что никто не отстал.

— Не думаю, что это плановая тревога, — заметила Лисса.

— И я тоже, — ответил Кристиан. — Это означает, что даже если пожара нет, времени уйдет немало.

— И какой смысл слоняться в ожидании неизвестно чего?

Кристиан и Лисса в удивлении обернулись и увидели Эйвери, одетую в нарядное фиолетовое платье и туфли на высоких каблуках.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила Лисса. — Предполагается, что ты должна находиться в своей комнате.

— А, плевать! Там так скучно. Я просто должна была выйти, чтобы освободить вас.

— Что, что? — Удивленно спросил Кристиан.

— Говорю же, мне скучно. А теперь пошли, пока здесь все еще царит хаос.

Кристиан и Лисса обменялись взглядами.

— Ну, — медленно заговорила Лисса, — поскольку наше присутствие уже отмечено...

— Скорее! — Воскликнула Эйвери.

Ее возбуждение оказалось заразительным, и, почувствовав прилив смелости, Лисса торопливо последовала за ней в сопровождении Кристиана. Вокруг мельтешило множество учеников, и никто не заметил, как они пересекали кампус в направлении гостиницы. Прислонившись к двери, стоял Симон, и Лисса оцепенела. Их застукали.

— Все на мази? — Спросила его Эйвери.

Симон быстро кивнул в ответ и выпрямился, после чего сунул руки в карманы куртки и ушел. Лисса изумленно проводила его взглядом.

— Он что... позволил нам сбежать? Это он все устроил?

Симон присутствовал в кампусе не в роли учителя, и все же... это вовсе не означало, что он может позволить ученикам покинуть класс в случае ложной пожарной тревоги.

Эйвери озорно улыбнулась, тоже глядя ему вслед.

— Мы все время действуем вместе. У него есть дела поинтереснее, чем нянчиться с нами.

Она повела их внутрь, но не в свою комнату, а в совсем другую часть

здания, которую я знала очень хорошо: в комнату Адриана. И постучала в дверь.

— Эй, Ивашков! Открывай.

Лисса прижала ладонь ко рту, чтобы скрыть смешок.

— Столько хитрости, и все зря. Тебя всякий может услышать.

— Важно, чтобы он услышал меня, — возразила Эйвери.

Она продолжала колотить в дверь, и в конце концов Адриан ответил. Его каштановые волосы торчали во все стороны, под глазами были темные круги. Этой ночью он выпил вдвое больше Лиссы.

— Что? — Он удивленно вытаращился на них. — Вы же должны быть на уроке! О господи. Я совсем не выспался.

— Впусти нас. — Эйвери вошла в комнату. — Мы беженцы с пожара.

Чувствуя себя как дома, она опустилась на кушетку. Адриан так и стоял, удивленно глядя на Эйвери. Лисса и Кристиан уселись рядом с ней.

— Эйвери включила сигнал пожарной тревоги, — объяснила Лисса.

— Мило. — Адриан рухнул в мягкое кресло. — Но с какой стати вы пришли сюда? Это единственное место, которое не сгорело?

Эйвери захлопала ресницами.

— Ты не рад нам?

Какое-то время он с любопытством разглядывал ее.

— Всегда счастлив вас видеть.

Обычно Лисса не благоволила к такого рода ситуациям, но что-то во всем происходящем забавляло ее. Это было так необузданно, так дерзко. Передышка от снедающих ее в последнее время тревог.

— Много времени им не понадобится, чтобы понять, что к чему, знаешь ли. Может, они уже отпустили всех.

— Может быть. — Эйвери водрузила ноги на кофейный столик. — Но мне известно из надежного источника, что сирена в школе взвояет снова, как только они откроют двери.

— Как, черт побери, ты все это устроила? — Спросил Кристиан.

— Военная тайна.

Адриан, потирая глаза, тоже явно забавлялся, хотя его неожиданно разбудили.

— Ты не сможешь включать пожарную тревогу весь день, Лазар.

— Вообще-то мне известно из надежных источников, что как только все успокоится после второго сигнала, включится третий.

Лисса громко расхохоталась — не столько из-за заявления Эйвери, сколько из-за реакции парней. Кристиан в приступе характерного для него антиобщественного мятежа не раз поджигал людей. Адриан проводил

большую часть времени в пьянстве и курении. Чтобы привлекательная светская девушка могла поразить их, должно было произойти что-то поистине из ряда вон. Эйвери выглядела очень довольной тем, что сумела превзойти их.

— Ты покончил с допросом? — Спросила она. — Может, предложишь гостям чего-нибудь освежающего?

Адриан встал и протяжно зевнул.

— Прекрасно, прекрасно, дерзкая девчонка. Я сварю кофе.

— С чем-нибудь покрепче?

Она наклонила голову в сторону бара с напитками.

— Ты, наверно, шутишь, — сказал Кристиан. — Как твоя печень, целая еще?

Эйвери подошла к бару, достала бутылку и протянула ее Лиссе.

— Ты в игре?

Однако мятежное настроение Лиссы имело свои пределы. Похмельная боль все еще пульсировала у нее в голове.

— Ну уж нет.

— Труссы, — сказала Эйвери и повернулась к Адриану. — Тогда, мистер Ивашков, сделайте-ка, что обещали. Я всегда любила кофе с бренди.

Чуть погодя я выскользнула из сознания Лиссы, вернулась к себе и наконец уснула обычным сном. Это продолжалось недолго; громкий удар заставил меня очнуться.

Я распахнула глаза, чувствуя сильнейшую, жгучую боль в затылке — несомненно, результат воздействия здешней ядовитой водки. Похмелье Лиссы не шло ни в какое сравнение с моим. Глаза начали закрываться. Мне хотелось снова провалиться в сон в надежде, что он притупит боль, хотя бы отчасти. И тут я опять услышала удар — и не только услышала, но и почувствовала: вся кровать сотряслась от него. Кто-то с силой ударил ее ногой.

Снова открыв глаза, я повернулась и встретила с пронзительным, темным взглядом Евы. Если Сидни сталкивалась с похожими на Еву дампирами, нетрудно понять, почему она считает нас приспешниками ада. Поджав губы, Ева снова ударила по кровати ногой.

— Эй! — Воскликнула я. — Хватит, я уже проснулась!

Ева пробормотала что-то по-русски. Из-за ее спины выглянул Павел и перевел:

— Она говорит, что ты проснешься, когда встанешь с постели.

И без дальнейших предупреждений старая садистка снова принялась колотить ногой по кровати. Я подскочила, села, и мир вокруг завертелся.

Прежде я уже зарекалась пить, но на этот раз была исполнена решимости никогда больше не делать этого. Ничего хорошего, с какой стороны ни посмотри. Ужасно хотелось снова нырнуть под одеяло, но еще несколько ударов остроносых туфель Евы заставили меня пулей выскочить из постели.

— Хорошо, хорошо. Вы довольны? Я встала.

Выражение лица Евы не изменилось, но, по крайней мере, удары прекратились. Я посмотрела на Павла.

— Что происходит?

— Бабушка говорит, что ты должна пойти с ней.

— Куда?

— Она говорит, что этого тебе знать не надо.

Я хотела сказать, что не пойду с этой безумной старухой никуда, но одного взгляда на ее устрашающее лицо оказалось достаточно, чтобы передумать. Она наверняка запросто могла превращать людей в жаб.

— Хорошо, — сказала я. — Вот только приму душ и переоденусь.

Павел перевел мои слова, но Ева покачала головой и снова заговорила.

— Она говорит, на это нет времени. Выходить нужно прямо сейчас.

— Можно, по крайней мере, зубы почистить?

Эту уступку она мне сделала, но смена одежды, по-видимому, не подлежала обсуждению. Тем лучше. Каждый шаг вызывал слабость и тошноту почти до обморока; раздеться и снова одеться — нет, на это у меня явно не хватит сил. Одежда на мне просто помялась оттого, что я спала в ней.

Спустившись вниз, я обнаружила, что спят все, кроме Алены. Она домывала тарелки после ночного угощения и, казалось, была удивлена моим появлением. Как и я сама.

— Не рано ли для тебя? — Спросила она.

Я посмотрела на кухонные часы и удивленно открыла рот. Оказывается, я отправилась спать меньше четырех часов назад!

— Господи! Солнце хоть встало?

Удивительно, но оно уже встало. Алена предложила приготовить мне завтрак, но Ева снова заявила, что нас поджимает время. Мой желудок вроде бы хотел еды, но в то же время я чувствовала отвращение к ней, поэтому не знала, как на него подействует воздержание.

— Не важно, — сказала я. — Давайте пойдем и покончим с этим.

Ева удалилась в гостиную, вскоре вернулась с большой сумкой и, как и следовало ожидать, вручила ее мне. Я взяла ее и повесила на плечо. В ней явно что-то лежало, но не тяжелое. Ева ушла в другую комнату, принесла

еще одну большую сумку, и я повесила ее на то же плечо. Эта оказалась потяжелее, но пока спина не жаловалась.

Когда она удалилась в третий раз и вернулась с огромной коробкой, я почувствовала нарастающее раздражение.

— Что это?

Я взяла у нее коробку; казалось, она набита кирпичами.

— Бабушке нужно, чтобы ты отнесла все это, — объяснил Павел.

— Да, — сказала я сквозь стиснутые зубы. — Похоже, здесь фунтов пятьдесят.

Ева принесла еще одну коробку и поставила ее поверх первой. Эта последняя тяжелой не была, но теперь это уже не имело значения. Алена бросила на меня сочувственный взгляд, покачала головой и вернулась к своим тарелкам, по-видимому не решаясь спорить с Евой.

После этого Ева наконец отправилась в путь, а я за ней, стараясь и коробки удержать, и не дать сумкам свалиться с плеча. Измученное похмельем тело не хотело тащить весь этот груз, но я знала, что сил у меня хватит; как-нибудь уж справлюсь. Павел бежал рядом со мной; может, чтобы сообщить мне, если Ева велит прихватить еще что-нибудь по дороге.

Казалось, весна вступала в свои права в Сибири намного активнее, чем в Монтане. Небо было чистое, и утреннее солнце удивительно быстро согревало воздух. Отнюдь не летняя погода, но достаточно неприятная для мороев, вздумавших погулять.

— Ты знаешь, куда мы идем? — Спросила я Павла.

— Нет, — жизнерадостно ответил он.

Несмотря на свой возраст, Ева задала такой темп, что мне с моим грузом приходилось прикладывать усилия, чтобы не отстать. В какой-то момент она оглянулась и сказала что-то.

— Она удивляется, что ты не можешь идти быстрее, — перевел Павел.

— Ага, а я-то удивляюсь, почему она именно меня выбрала тащить весь этот груз.

— Она говорит, что если ты и вправду убила столько стригов, то это для тебя не должно быть проблемой, — снова перевел Павел.

Я испытала огромное облегчение, когда мы достигли центра города... вот только мы продолжали двигаться дальше.

— Ох, хватит! — Воскликнула я. — Куда, черт побери, мы идем?

Не оглядываясь, Ева продребезжала что-то.

— Бабушка говорит, что дядя Дима никогда столько не жаловался, — перевел Павел.

Конечно, мальчик ни в чем не был виноват; он всего лишь выполнял

роль переводчика. И все же каждый раз, когда он говорил, мне хотелось врезать ему ногой. Тем не менее я безропотно несла свою ношу и за оставшуюся часть пути не произнесла ни слова. В определенной степени Ева была права. Я — охотница на стригоев, а Дмитрий никогда не стал бы жаловаться, выполняя безумные капризы старой леди. Он просто терпеливо делал бы то, что должен.

Я попыталась мысленно вызвать образ Дмитрия и почерпнуть из него силы. Снова вспоминала наше свидание в сторожке, то, как мои губы ощущали прикосновение его губ, и чудесный запах его кожи, когда я прижималась к нему. Я почти слышала, как он шепчет мне на ухо, что любит меня, что я прекрасна, что я единственная... От этих мыслей наш поход с Евой приятнее не стал, но, по крайней мере, выносить его было немного легче.

Мы шли почти час, пока наконец не добрались до какого-то маленького дома, и я, истекая потом, была готова рухнуть от облегчения. Дом был одноэтажный, деревянный и далеко не новый, однако выходящие на три стороны окна прикрывали изящные голубые ставни с белыми узорами. Тот же несколько кричащий способ использования цвета, который я видела на зданиях в Москве и Санкт-Петербурге. Ева ногой стукнула в дверь. Сначала никакой реакции не последовало, и я запаниковала, испугавшись, что нам придется тащиться обратно.

Наконец дверь открыла женщина. Моройка. Лет тридцати, очень хорошенькая, с высокими скулами и рыжеватыми волосами. При виде Евы она испустила удивленный возглас, улыбнулась и по-русски приветствовала ее. Бросив взгляд на Павла и меня, женщина быстро отступила в сторону и впустила нас внутрь.

Поняв, что я американка, она тут же перешла на английский. Удивительно, сколько здесь людей, владеющих двумя языками. В США такое встретишь не очень часто. Кивнув на стол, она предложила мне поставить все туда, что я и сделала с огромным облегчением.

— Меня зовут Оксана. — Мы пожали друг другу руки. — Мой муж, Марк, сейчас в саду и скоро придет.

— Я Роза.

Оксана предложила нам кресла, мне — деревянное, с прямой спинкой, однако в тот момент оно показалось желанней, чем мягчайшая кровать. Я испустила вздох облегчения и вытерла со лба пот. Оксана тем временем распаковывала принесенное мной.

Сумки были полны того, что осталось от похоронной трапезы. В верхней коробке оказались тарелки и кастрюли, которые, как объяснил

Павел, брали у Оксаны займы. Наконец Оксана открыла нижнюю коробку, и — держите меня четверо! — она была набита кирпичами.

— Вы, наверно, подшутили надо мной... — простонала я.

Сидевшая в другом углу гостиной Ева выглядела очень самодовольно. Оксана пришла от подарков в восторг.

— Ох, Марк будет просто счастлив получить их. — Она улыбнулась мне. — Очень мило с твоей стороны принести все это.

— Рада помочь, — сухо ответила я.

Открылась задняя дверь, и вошел мужчина — Марк, надо полагать. Высокий, крепкого сложения; судя по седым волосам, значительно старше Оксаны. Вымыв руки над кухонной раковиной, он присоединился к нам, и тут, когда я увидела его лицо, меня ждал еще один сюрприз. Разница была не только — и не столько — в возрасте. Он оказался дампиром. Мелькнула мысль — может, это не Марк, муж Оксаны? Однако, представляя его мне, она назвала именно это имя, и на меня обрушилась истина во всей ее красе: моройка и дампир — супружеская пара. Конечно, наши расы все время были тесно связаны. Но брак? Позор — в моройском мире.

Я постаралась скрыть удивление и вести себя максимально вежливо. Казалось, Оксана и Марк очень интересуются мной, хотя больше говорила она. Марк просто смотрел и слушал с выражением крайнего любопытства на лице. Я распустила волосы, и скрытые под ними татуировки не могли выдать мой статус отказницы. Может, Марку просто было интересно, как американская девушка сумела найти дорогу в самое сердце этой безбрежной страны. Может, он думал, что я собираюсь стать «кровавой шлюхой».

Выпив третий стакан воды, я почувствовала себя лучше. Тут Оксана сказала, что нужно поесть, и теперь мой желудок ничего не имел против. Оксана и Марк вместе готовили еду, отказавшись от предложенной помощи.

Наблюдать, как они трудятся, — это завораживало. Никогда не видела такой слаженной работы. Они абсолютно не мешали друг другу; они понимали друг друга без слов. Они просто знали.

Несмотря на то что город находился в такой глуши, на кухне было современное оборудование, и Оксана поставила в микроволновку какое-то блюдо из картошки. Стоя к ней спиной, Марк рылся в холодильнике, но когда она включила печь, он сказал:

— Нет, не нужно греть так долго.

Я удивленно переводила взгляд с одного на другую. Он даже не видел, какое время она выбрала. И потом до меня дошло.

— Вы связаны! — Воскликнула я.

Оба удивленно посмотрели на меня.

— Да. Это Ева тебе сказала? — Спросила Оксана.

Я бросила быстрый взгляд на Еву, но та сохраняла прежнее самодовольное выражение лица, так страшно меня раздражающее.

— Нет. Сегодня утром Ева была не слишком общительна.

— Большинство местных знают.

Оксана вернулась к работе.

— Значит... Значит, вы — пользователь духа.

Это заставило ее снова остановиться. Они с Марком обменялись испуганными взглядами.

— Об этом, — сказала она, — мало кто знает.

— Большинство считают, что у вас нет никакой специализации.

— Откуда ты узнала?

Оттуда, что точно так обстояло дело с Лиссой и со мной. В морейском фольклоре всегда присутствовали рассказы о связи, но как именно формировалась связь — это всегда оставалось тайной. В основном считалось, что она «просто возникала». Как и Оксану, Лиссу считали морейкой, не имеющей специализации — то есть такой, которая не специализируется ни в одной из четырех стихий. Теперь мы, конечно, понимали, что связь может возникнуть только с пользователем духа и только в момент, когда он спасает кому-то жизнь.

Что-то в голосе Оксаны подсказало мне — на самом деле она не удивлена тем, что я знаю. Однако как она поняла? Этого я не могла вычислить, но была слишком ошеломлена своим открытием, чтобы продолжать разговор. Мы с Лиссой никогда, никогда не встречались с другой связанной парой. Единственные такие же, о которых мы знали, были легендарные Владимир и Анна. И рассказы о них были неполными, затянутые пленкой многовековой истории, что затрудняло возможность отделить правду от вымысла. С миром духа были связаны всего двое людей, которых мы знали: госпожа Карп, моя бывшая учительница, сошедшая с ума, и Адриан. До сегодняшнего дня он был нашей важнейшей находкой — пользователь духа, сумевший более-менее сохранять стабильность.

Наконец еда была готова. Вопрос о духе больше не поднимался. Беседу вела Оксана, придерживаясь ненавязчивых тем и переходя с одного языка на другой. Во время еды я внимательно изучала ее и Марка, выискивая признаки нестабильности, но их не было. Оба казались просто симпатичными, совершенно ординарными людьми. Не знай я того, что мне

было известно, я ничего не заподозрила бы. Оксана не выглядела ни подавленной, ни беспокойной. В Марке не ощущалась отвратительная тьма, которая временами просачивалась из Лиссы в меня.

Желудок радовался еде, и остатки головной боли рассеялись. В какой-то момент, однако, меня охватило странное ощущение. Временная потеря ориентации, что-то вроде щеколки в голове, волна сначала жара, потом холода. Ощущение исчезло так же быстро, как и появилось; я понадеялась, что это остаточное воздействие дьявольской водки.

Когда с едой было покончено, я вызвалась помочь, но Оксана покачала головой.

— Нет, не нужно. Ты должна пойти с Марком.

— Что?

Он вытер рот салфеткой и встал.

— Да. Давай выйдем в сад.

Я двинулась к выходу, но потом остановилась и оглянулась на Еву, ожидая, что она выберет меня за оставленные грязные тарелки. На ее лице, однако, не было выражения самодовольства или осуждения; оно выглядело... понимающим, почти исполненным надежды. По спине побежали мурашки, вспомнились слова Виктории: *«Ева видела твой приезд во сне»*.

Сад оказался гораздо больше, чем я ожидала. Его окружала густая зеленая изгородь и ряды деревьев. Большинство кустов и цветов уже цвели, здесь и там из земли пробивались зеленые ростки. Прекрасный сад; интересно, приложила ли к нему руку Оксана? Лисса с помощью духа могла заставить растения расти. Марк указал в сторону каменной скамьи. Мы уселись на нее бок о бок, и воцарилась тишина.

— Ну, — заговорил он наконец, — что бы ты хотела узнать?

— Ничего себе! Вы даром времени не теряете.

— Не вижу смысла в этом. У тебя наверняка множество вопросов. Постараюсь как можно точнее ответить на них.

— Как вы узнали, — спросила я, — что я тоже «поцелованная тьмой»? Вы ведь это знаете.

Он кивнул.

— Ева сказала нам.

Вот это сюрприз!

— Ева?

— Она может чувствовать то, что другие не могут. Правда, она не всегда понимает, что именно чувствует. Она знала лишь, что от тебя исходит странное ощущение, которое она испытывала рядом только с

одним человеком. Поэтому она привела тебя ко мне.

— Наверно, можно было сделать это без того, чтобы я тащила все это барахло.

Он рассмеялся.

— Тут нет ничего личного. Она проверяла тебя. Хотела убедиться, что ты подходящая пара для ее внука.

— Какой в этом смысл? Он же мертв.

Я чуть не задохнулась, произнося эти слова.

— Все так, но для нее это по-прежнему важно. И между прочим, она считает, что ты ему подходишь.

— Станный способ продемонстрировать это. Если не считать того, что она свела меня с вами.

Он снова рассмеялся.

— Даже без нее Оксана, едва встретив тебя, поняла бы, кто ты такая. У «поцелованных тьмой» особая аура.

— Значит, она тоже может видеть ауру, — пробормотала я. — Что еще она может? Она должна уметь исцелять, иначе вы не были бы «поцелованным тьмой». Она хорошо владеет принуждением? Может проникать в чужие сны?

Эти вопросы застали его врасплох.

— Она сильна в принуждении, да... но как это — проникать в чужие сны?

— Это похоже на способность проникать в сознание другого человека, когда он спит. Не только в ваше. Там они могут вести беседу... ну... как будто просто встретились. У меня есть друг, который может делать это.

Судя по выражению лица Марка, это стало для него новостью.

— Твой друг? Тот, с которым ты связана?

— Нет... Другой пользователь духа.

— Другой? Скольких же ты знаешь?

— Формально троих. Теперь четверых, включая Оксану.

Марк отвернулся, с отсутствующим видом глядя на куст с розовыми цветами.

— Так много... просто невероятно. Я встретил лишь еще одного пользователя духа, и это произошло много лет назад. Он тоже был связан со своим стражем. Страж умер, и это нанесло ему тяжелейший удар. Он по-прежнему помогает нам, когда мы с Оксаной пытаемся в чем-то разобраться.

Я всегда боялась умереть и страшилась смерти Лиссы, хотя всерьез никогда не задумывалась, каково это будет — при наличии связи. Как

скажется уход на оставшемся? На что это похоже — иметь зияющую дыру там, где раньше была теснейшая связь с другим?

— Он тоже никогда не говорил о проникновении во сны, — продолжал Марк и дружелюбно засмеялся; вокруг его голубых глаз собрались морщинки. — Я думал, что смогу помочь тебе, но, может, ты здесь, чтобы помочь мне.

— Не знаю, — с сомнением сказала я. — Думаю, вы с Оксаной гораздо опытнее во всем этом, чем мы.

— Где тот, с кем ты связана?

— В Америке. — Я не собиралась вдаваться в подробности, но почему-то чувствовала, что должна сказать ему правду. — Я... Я бросила ее.

— Что значит бросила? Ради этой поездки? Или совсем отказалась от нее?

Отказалась. Это слово было как пощечина, и внезапно перед моим внутренним взором возник последний день, когда я видела ее, всю в слезах.

— Я должна кое-что сделать, — уклончиво ответила я.

— Да, знаю. Оксана говорила мне.

— Говорила вам что?

Он явно заколебался.

— Она не должна была делать этого... Она пыталась не делать этого.

— Не делать чего? — Воскликнула я, охваченная тревогой по причине, которой не понимала.

— Она, ну... Она проникла в твоё сознание. Во время завтрака.

Внезапно я вспомнила свои ощущения — покалывание в голове, жар и холод, прокатившиеся по телу.

— Что это означает точно?

— Пользователь духа может судить о человеке по его ауре. Однако Оксана способна проникать дальше, вглубь, и считывать более конкретную информацию. Иногда она вплетает в эту способность принуждение... но, как бы то ни было, результаты очень, очень значительные. Это плохо. Неправильно поступать так с тем, с кем ты не связан.

Мне понадобилось время, чтобы в полной мере осознать, о чем речь. Ни Лисса, ни Адриан не могут читать мысли других. Самое большее, что Адриан может сделать с точки зрения внедрения в сознание, это проникнуть в сон другого человека. Лисса и этого не может, даже в отношении меня. Я ее воспринимаю, она меня нет.

— Оксана почувствовала... Ох, не знаю, как объяснить. В тебе есть какое-то безрассудство. Ты в поисках чего-то. Твою душу переполняет

жажда мести. — Внезапно он протянул руку и приподнял мои волосы. — Как я и думал. Ты отказница.

Я тряхнула головой, отбросив его руку.

— Подумаешь, большое дело! В вашем городе полно дампиров, не желающих быть стражами.

Марк по-прежнему казался мне приятным человеком, но я всегда терпеть не могла нравоучений.

— Да, но это потому, что они решили остаться дома. Ты... и другие вроде тебя... вы становитесь в некотором роде вершителями судеб. Вы одержимы охотой на стригоев на свой страх и риск и намерены лично исправить все зло, которое обрушила на нас целая раса. Это ни к чему хорошему не приводит. Я наблюдаю это все время.

— Все время? — Вздрогнув, спросила я.

— Как ты думаешь, почему число стражей убывает? Они уходят, чтобы иметь дома и семьи. Или сбегают, как ты, продолжая сражаться, но ни перед кем не держа ответа — если только не нанимаются телохранителями или охотниками на стригоев.

— Наемные дампиры...

Внезапно до меня дошло, откуда у некоролевских мороев вроде Эйба берутся стражи. Деньги могут все.

— Никогда не слышала ни о чем таком.

— Конечно. Думаешь, морои и другие стражи хотят, чтобы это стало широко известно? Хотят, чтобы это маячило перед вами как возможный и весьма соблазнительный вариант?

— Не понимаю, что плохого в охоте на стригоев. Сейчас, имея с ними дело, мы всегда защищаемся, не нападаем. Может, если бы дампиры сами отлавливали их, они не выросли бы в такую проблему.

— Может быть, но существуют разные способы, одни лучше, другие хуже. И когда ты выходишь на охоту такая, какая есть... с сердцем, переполненным печалью и мстью... это не лучшее решение. Когда человек охвачен одной идеей, он небрежен к мелочам, а они зачастую очень важны. И то, что ты «поцелованная тьмой», лишь усложняет все.

Я скрестила на груди руки, с каменным выражением лица устремив взгляд вперед.

— Да, хорошо, но с этим я ничего не могу поделать.

И снова на его лице возникло удивленное выражение.

— Почему бы тебе просто не попросить ту, с кем ты связана, исцелить тебя от этой тьмы?

ОДИННАДЦАТЬ

Я смотрела на Марка несколько бесконечно долгих мгновений.

— Как вы сказали... исцелить?

Лицо Марка вытянулось, глаза полезли на лоб.

— Да, конечно. Она же может лечить всякие болезни? Почему не это?

— Потому что... — Я нахмурилась. — Это не имеет смысла. Тьма... то есть все эти побочные эффекты... она исходит от самой Лиссы. Если бы эту тьму можно было просто исцелить, почему она не избавилась от нее сама?

— Потому что когда она в ней, то слишком глубоко проникает, слишком связана со всем ее существом. Она не может вылечить себя в точности так, как вылечивает других. Но поскольку ваша связь затягивает эту тьму в тебя...

Сердце бешено заколотилось. То, что он предлагал, было слишком легко и поэтому выглядело нелепо. Нет, это просто чушь, и точка. После всего, через что мы прошли, Лисса не может исцелить эту ярость и депрессию — точно простуду или сломанную ногу. Виктор Дашков, мерзкий заговорщик, тем не менее потрясающе много знал о духе и кое-что объяснил нам. Другие четыре стихии имеют материальную природу, но дух исходит из разума и души. Чтобы делать столь мощные вещи, как, скажем, исцеление, требуется затратить огромное количество психической энергии, что неизбежно сопровождается разрушительными побочными эффектами. Мы с самого начала боролись с ними, но совсем избавиться от них так и не удалось.

— Если бы это было возможно, — сказала я, — тогда все так поступали бы. Госпожа Карп не сошла бы с ума. Анна не покончила бы жизнь самоубийством. То, о чем вы говорите, слишком легко.

Марк не знал, о ком конкретно я говорю, но это не имело значения с точки зрения сути.

— Совсем нелегко, потому что требует осторожного балансирования, а также круга доверия и силы между двумя людьми. Нам с Оксаной понадобилось много времени, чтобы научиться... много тяжких лет...

Его лицо омрачилось; можно лишь представить, что это были за годы. Мы с Лиссой были вместе не так уж долго (относительно), и то как часто нам приходилось тяжело. Марк с Оксаной прожили с этим гораздо дольше. Наверно, временами было просто невыносимо. Медленно, по-прежнему

потрясенно, я начинала верить, что все сказанное им правда.

— Но теперь-то у вас все в порядке?

— Хм... — Кривая улыбка тронула его губы. — Не сказал бы, что идеально. Но по крайней мере, наша жизнь управляема. Оксана оттягивает исцеление, пока мы еще в силах справляться и без него, поскольку оно забирает у нее много сил, опустошает и ограничивает ее возможности в целом.

— Что вы имеете в виду?

— Она по-прежнему многое может делать... исцеление, принуждение... но не на том уровне, как могла бы, если бы время от времени не исцеляла меня.

— Ох! Тогда... Не могу. Не могу поступить так с Лиссой.

— По сравнению с тем, что происходит с тобой? Роза, поверь мне, она сочтет это справедливым обменом.

Я снова мысленно вернулась к нашей последней встрече. Подумала о том, как бросила Лиссу, несмотря на ее мольбы. Подумала об унынии и подавленности, которые она испытывает во время моего отсутствия. Подумала об ее отказе исцелить Дмитрия, когда я верила, что, может, для него еще сохранилась надежда. Скверные подруги мы обе, ничего не скажешь.

Я покачала головой и еле слышно сказала:

— Не знаю... Не знаю, правы ли вы.

Марк бросил на меня долгий взгляд, но углубляться в эту проблему не стал. Поднял взгляд на солнце с таким видом, как будто по его расположению мог определить время. Скорее всего, и правда мог. В конце концов, необходимость выживать в дикой местности должна была научить его многому.

— Они там наверняка удивляются, почему мы тут так надолго застряли. Однако, прежде чем уйти... — Он вытащил из кармана маленькое, совсем простое серебряное колечко. — Научиться исцелять требует времени. Что меня беспокоит больше всего, это мстительное настроение в тебе, и тьма лишь отягощает его. Возьми это.

Он протянул кольцо. Я заколебалась, но потом взяла его.

— Что это?

— Оксана наделила его духом. Исцеляющее заклинание.

И снова я испытала потрясение. Морои постоянно с помощью разных стихий зачаровывают предметы. Наши колы смертоносны для стригоев, поскольку зачарованы всеми четырьмя стихиями. Виктор использовал магию земли, чтобы наложить заклинание вожделения на ожерелье. Даже

татуировка Сидни в некотором роде талисман. Почему бы и дух не мог зачаровывать предметы? Правда, до сих пор я с этим не сталкивалась. Скорее всего, потому, что силы Лиссы были все еще слишком новы для нас, слишком неисследованны.

— Что оно делает? В смысле, какого рода исцеление?

— Оно поможет тебе совладать с темными эмоциями. Не избавит от них совсем, но ослабит... поможет яснее мыслить. Не исключено, что избавит от неприятностей. — Я хотела надеть кольцо, но он покачал головой. — Надень его, когда почувствуешь, что не в силах справиться с собой. Запас магии в нем не бесконечен. Он уменьшается, как в любом другом амулете.

Я пристально смотрела на кольцо, внезапно осознав, какие новые возможности передо мной открываются, и сунула его в карман.

Из задней двери высунулась голова Павла.

— Бабушка хочет уходить, — сказал он. — Она хочет знать, почему ты надолго задержалась, заставляя ждать старого человека, у которого болит спина.

Я вспомнила, как быстро Ева шла сюда и как я еле-еле поспевала за ней. Вряд ли у нее болела спина, но я снова напомнила себе, что Павел — всего лишь посланец, и оставила его слова без комментариев.

— Ладно. Сейчас приду. — Он ушел, и я покачала головой. — Трудно быть достойной. — Я направилась к двери, но потом мне в голову пришла одна мысль, и я оглянулась на Марка. — Вы говорите, это плохо — сбежать и действовать самостоятельно... но вы ведь тоже не страж.

Он улыбнулся — на этот раз печальной, кривой улыбкой.

— Я был им раньше. Потом Оксана спасла мне жизнь. Мы оказались связаны и в конце концов влюбились друг в друга. После этого я не представлял себе жизни без нее, а стражи направили бы меня куда-нибудь в другое место. Пришлось уйти.

— Это было трудно?

— Очень. Наша разница в возрасте делает ситуацию даже более скандальной.

Станный холодок пробежал по спине. Марк и Оксана были воплощением двух половинок моей жизни. Как и мы с Лиссой, они сражались с последствиями своей связи и, как мы с Дмитрием, столкнулись с тем же осуждением своих отношений.

— Но иногда, — продолжал Марк, — следует прислушиваться к собственному сердцу. И, даже уйдя, я не ринулся в опрометчивую охоту на стригоев.

Я просто пожилой человек, живущий с женщиной, которую любит, и обихаживающий свой сад. Тут есть разница — не забывай об этом.

Меня одолевали разные мысли, когда я возвращалась в дом Беликовых. Без кирпичей дорога обратно проходила намного легче, что дало мне возможность поразмышлять над словами Марка. Возникло чувство, будто всего за час я получила столько новой информации, что ее хватило бы на целую жизнь.

Дома была Алена, как обычно, готовила и убиралась. Лично я никогда не питала склонности к исполнению этих нескончаемых домашних обязанностей, но теперь должна была признать: есть что-то успокаивающее в том, что всегда рядом присутствует кто-то, готовый ежедневно готовить еду и заботиться о тебе. Я понимала: это чистой воды эгоизм; понимала и то, что моя собственная мама посвятила свою жизнь другому очень важному и нужному делу. Мне не следовало осуждать ее. И все-таки было так приятно чувствовать тепло и заботу! Ведь Алена, которая едва знала меня, обращалась со мной как с дочерью.

— Ты голодна? — Непроизвольно вырвалось у нее.

Думаю, ее постоянно терзал страх: вдруг кто-то в ее доме останется голодным? В частности, она просто вся извелась из-за того, какой плохой аппетит у Сидни.

Я улыбнулась.

— Нет, Марк и Оксана накормили нас.

— А-а, вот где вы были. Славные люди.

— Где все? — Спросила я.

В доме было необычно тихо.

— Соня и Каролина на работе. Виктория встречается с другом, но она будет рада, что ты вернулась.

— А Сидни?

— Уехала. Сказала, что возвращается в Санкт-Петербург.

— Что? — Воскликнула я. — Уехала не попрощавшись? Вот так просто?

Сидни была резковата, но это чересчур даже для нее.

— Алхимики, они всегда в пути. — Алена протянула мне листок бумаги. — Она оставила тебе вот это.

Я взяла записку и развернула ее. Сидни писала аккуратным, четким почерком.

Роза,

мне очень жаль, что пришлось покинуть тебя так быстро, но

если алхимики неожиданно велют уезжать — я уезжаю. Я направляюсь в маленький городок, где мы останавливались по дороге, там подбираю «Красный ураган» и потом еду в Санкт-Петербург. По-видимому, теперь, когда ты в Бийске, им больше не требуется, чтобы я постоянно находилась рядом.

Жаль, что я не могу рассказать тебе больше об Эйбе и о том, что ему нужно от тебя. Но даже если бы мне это позволили, добавить особенно нечего, во многих отношениях для меня он такая же загадка, как для тебя. Я уже говорила, что по большей части он занимается нелегальным бизнесом — и с людьми, и с морями. Обычно он сторонится людей и имеет с ними дело напрямую лишь постольку, поскольку это связано с его бизнесом — или в каком-то очень, очень особенном случае. Думаю, ты как раз один из таких случаев, и даже если в его намерения не входит причинить тебе вред, он, возможно, хочет использовать тебя в каких-то собственных целях. Может, это что-то простое — например, нанять тебя своим телохранителем, поскольку он убедился, какая ты крутая. А может, он хочет с твоей помощью добраться до кого-нибудь. Или все это просто часть плана кого-то даже более таинственного, чем он сам. Может, он оказывает кому-то любезность. Змей может быть как опасным, так и любезным — все зависит от того, какова его цель.

Никогда не думала, что у меня возникнет желание сказать это дампирю — но будь осторожна. Не знаю, каковы твои планы теперь, но меня не покидает чувство, что неприятности следуют за тобой по пятам. Звони мне, если будет что-то, в чем я могу помочь, но если ты вернешься в большой город, чтобы охотиться на стригоев, не бросай их тела просто так!

Всего наилучшего,

Сидни

P. S. «Красный ураган» — это я так называю машину.

P. P. S. Ты мне нравишься, да, но это не означает, что для меня ты больше не злое создание ночи. Ты такая и есть.

Внизу был написан номер ее мобильного телефона, и я не смогла сдержать улыбки. Поскольку в Бийск нас привезли Эйб и его

телохранители, Сидни пришлось бросить купленную ею машину, что травмировало ее почти так же, как стригои. Надеюсь алхимики позволят ей сохранить ее. Это надо же придумать — «Красный ураган»! Я развеселилась, несмотря на ее предостережения относительно Эйба.

Пока я поднималась по лестнице в свою комнату, моя улыбка угасла. Несмотря на ее раздражающе резкую позицию, мне будет недоставать Сидни. Может, она мне и не подруга — или подруга? — но за это недолгое время я начала воспринимать ее как часть своей жизни. Я была в растерянности, не зная, что делать дальше. Я приехала сюда, чтобы принести мир Дмитрию, а вместо этого лишь опечалила его семью. И если то, что говорят все, правда, в Бийске не так уж много стригоев. Я почему-то не могла представить себе Дмитрия, скитающегося в этой местности в поисках случайной жертвы. Даже став стригоем — думать о нем так убивало меня! — Дмитрий наверняка преследует какую-то цель. Если он не вернулся в свой родной город, тогда он предпримет что-то другое, но непременно осмысленное — настолько, насколько это возможно для стригоя. Записка Сидни подтверждала то, что я слышала снова и снова: стригои в городах есть. Но где именно? Куда пошел бы Дмитрий?

Теперь я оказалась в положении человека, утратившего цель. Ко всему прочему, в голове снова и снова прокручивались слова Марка. Неужели мной действительно владеет безумная жажда мести? Может, я безрассудно устремляюсь к собственной гибели? Или безрассудно устремляюсь в... никуда?

Неужели я обречена всю оставшуюся жизнь скитаться? В одиночестве?

Я уселась на постель. Настроение с каждым мгновением падало, и я поняла, что нужно отвлечься. Все время, пока Лисса использовала дух, я была слишком восприимчива к темным эмоциям; не стоило и дальше «подкармливать» их. Я надела подаренное Марком колечко, надеясь, что оно хотя бы отчасти прочистит мне мозги и успокоит. Не заметив особой разницы, я решила отвлечься от своих тревог обычным способом: проникнув в сознание Лиссы.

Она была с Адрианом, они снова упражнялись в магии. Поначалу у него не очень получалось, но потом он довольно быстро начал делать успехи в исцелении. Сила Лиссы прежде всего проявила себя именно через эту способность, и ее всегда задевало, что он добился большего прогресса в том, чему она учила его, чем *vice versa*.^[4]

— У меня уже кончается запас того, что ты можешь исцелять. — Она поставила на стол маленькие горшки с растениями. — Разве что ты

начнешь наносить увечья кому-нибудь.

Адриан улыбнулся.

— Раньше я все время поддразнивал Розу, говоря, что собираюсь произвести на нее впечатление, исцелив человека с ампутированной конечностью или сделав еще что-нибудь столь же абсурдное.

— Даже не сомневаюсь, что у нее всегда находился какой-нибудь дерзкий ответ.

— Да уж, это точно.

При воспоминании об этом его лицо просветлело. Мне всегда было безумно любопытно слушать их разговоры обо мне, и в то же время я огорчалась, чувствуя, как печалит их мое отсутствие.

Лисса застонала и вытянулась на застеленном ковром полу. Они находились в комнате отдыха спального корпуса, вскоре должен был наступить комендантский час.

— Я ужасно хочу поговорить с ней, Адриан.

— Это невозможно, — с необычной для него серьезностью в голосе ответил он. — Я знаю — она по-прежнему заглядывает в твое сознание, и это все, что тебе доступно. И знаешь? Это не так уж плохо. Ты можешь рассказать ей обо всем, что чувствуешь.

— Да, но я хочу услышать ее — как ты в своих снах.

Он снова улыбнулся.

— Она за словом в карман не лезет, поверь мне.

Лисса села.

— Сделай это сейчас.

— Что сделать?

— Проникни в ее сон. Ты не раз пытался объяснить мне, как это происходит, но я никогда не видела этого своими глазами. Дай мне посмотреть.

Он в недоумении смотрел на нее.

— В этом есть что-то от подглядывания.

— Адриан! Я хочу научиться этому, а все другие способы мы испробовали. Иногда я чувствую окружающую тебя магию. Просто сделай это, ладно?

Он снова запротестовал, но потом, взглядевшись в ее лицо, «проглотил» свои комментарии. Она говорила резко и требовательно, что было совсем нехарактерно для нее.

— Ладно, попробую.

Сама идея проникновения Адриана в мое сознание в то время, когда я наблюдала за ним глазами Лиссы, выглядела по меньшей мере

сюрреалистичной. Мне всегда было интересно, должен ли он при этом спать или хотя бы закрывать глаза. По-видимому, нет. Вместо этого он уставился в пространство, взгляд сделался отсутствующим. Глазами Лиссы я видела исходящее от него магическое излучение и его ауру; она жадно вглядывалась, пытаясь анализировать все оттенки. Потом, совершенно неожиданно, магия рассеялась. Он замигал и покачал головой.

— Прости. Не получается.

— Почему?

— Скорее всего, потому, что она не спит. Ты извлекла что-нибудь из своих наблюдений?

— Немного. Наверно, толку было бы больше, если бы ты смог установить связь, — обиженно сказала Лисса.

— Мы же не знаем, где она и какое у нее расписание. — Адриан зевнул. — Нужно попытаться в другое время дня. Вообще-то обычно я связываюсь с ней... где-то примерно в это время. А иногда очень рано утром.

— Тогда она, может быть, и не очень далеко, — сказала Лисса.

— Или на другом конце света, но живет по человеческому, дневному расписанию.

Энтузиазма у нее поубавилось.

— Да. Это тоже возможно.

— Почему у вас всегда такой вид, словно вы вовсе и не работаете?

В комнату вошел Кристиан, удивленно глядя, как Лисса сидит на полу, в Адриан развалился на кушетке. Позади Кристиана стоял некто, кого я никак не ожидала здесь увидеть. Адриан, способный чувствовать женщин за милю, тут же заметил гостью.

— Где ты подобрал эту малолетку? — Спросил он.

Кристиан бросил на него предостерегающий взгляд.

— Это Джил.

Джил Мастрано позволила подтолкнуть себя вперед, таращась по сторонам широко распахнутыми светло-зелеными глазами.

— Джил, это Лисса и Адриан.

Как уже было сказано, кого-кого, а Джил я никак не ожидала увидеть. Мы познакомились с ней чуть больше месяца назад. Она училась в девятом классе, а это означает, что осенью ей предстояло перейти в кампус старших. Худощавая, как и большинство мороев, но такая высокая, что это поражало даже по стандартам вампиров. Вьющиеся светло-каштановые волосы ниспадали до середины спины и выглядели бы очень красиво — если бы она научилась как следует их укладывать. В данный момент они

были в беспорядке, и в целом она производила впечатление неуклюжей девочки, хотя и довольно симпатичной.

— П-привет...

Она переводила взгляд с одного лица на другое. По ее представлениям, здесь собрались знаменитости. Впервые встретившись со мной и Дмитрием, она чуть в обморок не грохнулась — такая о нас шла слава. Судя по выражению ее лица, сейчас она пребывала в схожем состоянии.

— Джил хочет научиться использовать свою силу не во зло, а с пользой, — сказал Кристиан, усердно подмигивая.

Таким образом он хотел дать понять, что Джил хочет научиться сражаться с помощью магии. Она говорила мне об этом, и я посоветовала ей найти Кристиана. Я порадовалась, что у нее хватило мужества последовать моему совету. Кристиан тоже был в кампусе звездой, пусть даже и с подмоченной репутацией.

— Еще один рекрут? — Лисса покачала головой. — Думаешь, она долго продержится?

Джил бросила на Кристиана испуганный взгляд.

— Что это означает?

— После нападения множество людей заявили, что хотят учиться сражаться с помощью магии, — объяснил Кристиан. — Они находили меня, и мы занимались... раз или два. Однако это нелегко, и все исчезали, понимая, что нужно практиковаться и практиковаться.

— Кроме всего прочего, ты скверный учитель, — заметила Лисса.

— Значит, теперь ты набираешь рекрутов среди детей, — мрачно сказал Адриан.

— Эй, мне четырнадцать! — Возмутилась Джил.

И тут же вспыхнула, осознав, как дерзко ответила ему. Адриан, однако, нашел это забавным.

— Извини, ошибся. И какая у тебя стихия? — Спросил он.

— Вода.

— Вода и огонь. — Адриан достал из кармана стодолларовую банкноту. — Дорогая, я заключу с тобой сделку. Если ты сумеешь создать ведро с водой и вылить ее на голову Кристиана, то получишь это.

— Я добавлю десятку, — со смехом сказала Лисса.

Джил выглядела ошеломленной — из-за того, что Адриан обратился к ней «дорогая», так мне показалось. Я так часто воспринимала Адриана как должное, что иногда забывалось, какой он на самом деле сексапильный парень. Кристиан подтолкнул Джил к двери.

— Не обращай на них внимания. Они просто завидуют, потому что

пользователи духа не могут участвовать в сражении, как мы. — Он опустился на колени рядом с Лиссой и поцеловал ее. — Мы практиковались в комнате отдыха наверху, но теперь мне нужно отвести ее обратно. Увидимся утром.

— Это ни к чему, — возразила Джил. — Я прекрасно доберусь сама. Не хочу никому причинять беспокойство.

Адриан встал.

— Никакого беспокойства. Если кто-то здесь готов взять на себя ответственность и выступить в роли рыцаря в сияющих доспехах, то это я. Я отведу тебя обратно. Пусть эти неразлучники не разлучаются. — Он отвесил Джил поклон. — Идем?

— Адриан...

В голосе Лиссы прозвучали резкие нотки.

— Ох, перестань! — Он закатил глаза. — Мне так и так пора уходить — от вас все равно никакого толку, как только начнется комендантский час. И, честно, что за недоверие? Даже для меня существуют определенные границы.

Тут он бросил на Лиссу многозначительный взгляд — дескать, как глупо с ее стороны думать, будто он собирается приударить за Джил. Вглядевшись в его лицо, она поняла, что он прав. Временами он вел себя как настоящий проходимец и никогда не делал тайны из своего интереса ко мне, но провожание Джил домой не означало, что он собирается ее обольщать. Он просто был очень мил.

— Все в порядке, — сказала Лисса. — Увидимся позже. Рада была познакомиться с тобой, Джил.

— Я тоже. — Она осмелилась улыбнуться Кристиану. — Еще раз спасибо.

— Лучше не пропусти следующее занятие, — проворчал он.

Адриан с Джил направилась к двери, но тут в комнату вошла Эйвери.

— Привет, Адриан. — Эйвери сверху донизу оглядела Джил. — Что это за малолетка с тобой?

— Вы когда-нибудь перестанете называть меня малолеткой? — Воскликнула Джил.

Адриан осуждающе посмотрел на Эйвери.

— Ш-ш! Я разберусь с тобой позже, Лазар.

— Надеюсь, — игриво отозвалась она. — Я оставлю свою дверь незапертой.

Джил и Адриан ушли, а Эйвери села рядом с Лиссой. Она вела себя достаточно раскованно, чтобы показаться пьяной, но Лисса не чувствовала

исходящего от нее запаха спиртного. Она уже поняла, что эта раскованность и легкомыслие просто присущи натуре Эйвери независимо от того, пьяна она или нет.

— Ты что, действительно только что пригласила Адриана к себе в комнату?

Лисса спросила, поддразнивая, но в глубине души ей было интересно, есть ли что-то между ними. И да, меня это тоже интересовало.

Эйвери пожала плечами.

— Не знаю. Может быть. Почему бы нам не пообщаться, пока вы спите? Ты, часом, не ревнуешь?

— Нет, — рассмеялась Лисса. — Просто любопытно. Адриан славный парень.

— Да? — Спросил Кристиан. — Интересно, почему это он «славный».

Эйвери подняла руку и принялась перечислять доводы, загибая пальцы.

— Он потрясающе красивый, забавный, богатый, родственник королевы...

— Ты уже выбрала, как оденешься на свадьбу? — Все еще смеясь, перебила ее Лисса.

— Пока нет, — ответила Эйвери. — Я всего лишь прощупываю почву. Я думала, его легко подцепить, но он не так уж прост.

— Мне надоело это слушать, — заметил Кристиан.

— Временами он ведет себе как ветреный тип, который легко влюбляется и легко бросает. А временами строит из себя романтика с разбитым сердцем. — Лисса и Кристиан обменялись взглядами, но Эйвери этого не заметила. — Как бы то ни было, я здесь не для того, чтобы говорить о нем. Я здесь, чтобы поговорить о тебе и моем бегстве отсюда.

Эйвери с такой силой обхватила Лиссу за плечи, что та чуть не упала.

— Откуда отсюда? Из спального корпуса?

— Нет. Из школы. В уик-энд мы имеем возможность, как следует оторваться при дворе.

— Что, в этот уик-энд? — Лисса была в полной растерянности, и я не осуждала ее. — Почему?

— Потому что это Пасха. И ее королевское величество полагает, что было бы «прекрасно», если бы в этот день и ты была с ней. — Эйвери говорила величественным, даже надменным тоном — видимо, подражая королеве. — И, поскольку я тусуюсь с тобой, папа решил, что теперь я себя веду хорошо.

— Бедняга, много он понимает, — пробормотал Кристиан.

— Поэтому он сказал, что я могу поехать с тобой. — Эйвери бросила взгляд на Кристиана. — Полагаю, и ты тоже. Королева сказала, что Лисса может привезти с собой гостя — кроме меня, конечно.

Глядя в сияющее лицо Эйвери, Лисса не разделяла ее энтузиазма.

— Я ненавижу бывать при дворе. Татьяна все давит и давит, без конца дает мне, как она считает, полезные советы. Теперь там всегда скучно и убого.

Когда-то она находила двор интересным — когда была там вместе со мной; но она не стала этого разьяснять.

— Это потому, что ты ездила туда без меня. Увидишь, это будет кайф! Я знаю, где там можно получить удовольствие. И спорю, Адриан тоже поедет. Он куда угодно пробьется. Получится как бы двойное свидание!

У Лиссы промелькнула мысль, что, может, и правда удастся развлечься. Мы с ней тоже сумели «получить удовольствие» — не так, чтоб уж очень много, правда, — умело скрытое под изысканной поверхностью придворной жизни. После этого каждый визит проходил для Лиссы так, как она описала, — скучно и исключительно по-деловому. Однако поехать туда с Кристианом и бесшабашной, непосредственной Эйвери? В этом определенно чувствовался потенциал.

Вот только Кристиан все это порушил.

— Я пас, — заявил он. — Если ты можешь пригласить только одного человека, возьми лучше Джил.

— Кого? — Спросила Эйвери.

— Эту малолетку, — объяснила Лисса, изумленно глядя на Кристиана. — С какой стати я должна брать с собой ее? Я сейчас впервые встретилась с ней.

— Потому что она действительно серьезно настроена учиться защищать себя. Познакомь ее с Мией. Они обе пользователи воды.

— Да. А тот факт, что ты ненавидишь бывать при дворе, тут ни при чем? — Спросила Лисса.

— Ну...

— Кристиан! — Внезапно Лисса ужасно расстроилась. — Почему ты не можешь сделать это ради меня?

— Потому что я ненавижу, как эта сука королева смотрит на меня. Лиссу его ответ не убедил.

— Да, но когда мы закончим школу, я буду жить там, и тебе тоже придется поехать туда.

— Поэтому я и хочу сейчас устроить себе небольшие каникулы.

Раздражение Лиссы возросло.

— Ага, понятно. Я должна все время считаться с твоими заскоками, а ты ради меня не желаешь и шагу сделать.

Эйвери перевела взгляд с одного на другую и встала.

— Я ухожу. Разбирайтесь сами, ребята. Мне все равно, кто там будет, эта малявка или Кристиан, мне важно, чтобы поехала ты. — Она в упор посмотрела на Лиссу. — Ты же поедешь?

— Да. Поеду.

Пожалуй, отказ Кристиана только подстегнул Лиссу. Эйвери улыбнулась.

— Замечательно. А вы лучше поцелуйтесь и помиритесь, когда я уйду.

Внезапно в дверном проеме показался брат Эйвери, Рид.

— Ты готова? — Спросил он ее.

Почему-то он всегда разговаривал в ворчливом тоне. Эйвери бросила на Лиссу и Кристиана довольный взгляд.

— Видите? Мой галантный братец пришел, чтобы отвести меня домой до того, как ваши дежурные матроны разорутся, выгоняя меня. Теперь Адриану придется искать новый и, конечно, восхитительный способ, чтобы доказать свое рыцарство.

Рид не выглядел ни галантным, ни рыцарственным, но, по-моему, это было любезно с его стороны — прийти, чтобы отвести Эйвери в ее комнату. С точки зрения расчета времени он проявил фантастическую точность. Может, она права и он не так плох, как люди обычно думают.

Как только Эйвери ушла, Лисса повернулась к Кристиану.

— Ты это серьезно — чтобы я вместо тебя взяла с собой Джил?

— Ага. — Кристиан попытался положить голову ей на колени, но она оттолкнула его. — Но я буду считать секунды до твоего возвращения.

— Ты шутишь? Поверить не могу!

— Нет, не шучу. Послушай, у меня нет намерения тебя огорчить, понимаешь? Просто... Просто я ужасно не хочу иметь дело со всякими дворцовыми трагедиями. А для Джил это будет очень даже хорошо. Ты ведь ничего не имеешь против нее?

— Я даже не знаю ее, — сказала Лисса.

Она все еще была расстроена — больше, чем я ожидала. Странно.

Кристиан с очень серьезным выражением лица взял ее за руки. Взгляд этих голубых глаз, которые она так любила, немного смягчил ее раздражение.

— Пожалуйста, мне правда совсем не хочется огорчать тебя. Если это действительно так важно...

Резко, словно его отключили, гнев Лиссы рассеялся.

— Нет, нет. Я возьму с собой Джил — хотя не думаю, что для нее полезно проводить время с нами, учитывая, что на уме у Эйвери.

— Перепоручи ее Мии. Она приглядит за ней во время уик-энда.

Лисса кивнула, спрашивая себе, почему он проявляет такое участие в Джил.

— Ладно. Но ты остаешься не потому, что не расположен к Эйвери?

— Нет, мне нравится Эйвери. Она заставляет меня чаще улыбаться.

— Ты заставляешь меня улыбаться.

— Поэтому я и сказал «чаще». — Кристиан нежно поцеловал руку Лиссы. — Ты была такая грустная с тех пор, как уехала Роза. Я рад, что у тебя появился кто-то еще — в смысле, я же не могу дать тебе все, в чем ты нуждаешься.

— Эйвери не замена Розе, — быстро ответила Лисса.

— Знаю. Но она напоминает мне ее.

— Ты что? Между ними ничего общего.

Кристиан выпрямился и сел рядом, положив голову ей на плечо.

— Эйвери похожа на Розу, какой она была до того, как вы сбежали.

Услышав это, мы обе задумались. Прав ли он? До того как проявилась сила Лиссы во владении духом, мы с ней вели довольно легкомысленный образ жизни. И да, зачастую я выдвигала всякие безумные идеи с целью хорошо провести время, втягивая нас в нескончаемые неприятности. Но неужели я была до такой степени отвязной, какой иногда кажется Эйвери?

— Другой Розы никогда не будет, — грустно сказала Лисса.

— Не будет. — Кристиан быстро, нежно поцеловал ее в губы. — Зато появятся новые друзья.

Я понимала, что он прав, но против воли почувствовала укол ревности. И одновременно тревоги. Сегодняшняя недолгая вспышка раздражения Лиссы была совершенно неожиданной. Понятно, она хотела, чтобы Кристиан тоже поехал, но вела себя слишком ожесточенно, почти озлобленно... и еще эта странная ревность из-за Джил. У Лиссы не было никаких оснований сомневаться в чувствах Кристиана и уж тем более испытывать по этому поводу тревогу из-за малявки вроде Джил. Дурное настроение Лиссы очень сильно напоминало прежние дни.

Скорее всего, она просто переутомилась, но какой-то инстинкт — видимо, бывший частью нашей связи — подсказывал мне: что-то не так. Мимолетное ощущение, которое я не смогла удержать, — словно вода, просачивающаяся между пальцев. Тем не менее, прежде инстинкты никогда не обманывали меня, и я решила, что стоит почаще посещать Лиссу.

ДВЕНАДЦАТЬ

Это посещение Лиссы породило больше вопросов, чем ответов.

Не зная, что предпринять дальше, я следующие несколько дней просто провела у Беликовых. Подстроилась под их жизненный уклад, удивляясь, как легко это получилось. Всячески пыталась быть полезной, выполняя любую рутинную работу, которую они мне доверяли, и даже зашла так далеко, что присматривала за малышкой (в чем совсем не чувствовала уверенности, поскольку обучение делу стража не оставляло время нянчиться с младенцами). Ева все время не спускала с меня глаз, не говоря ничего, но с выражением неодобрения. Не знаю — то ли она хотела, чтобы я ушла, то ли это был ее обычный вид. Остальные не задавали мне никаких вопросов, просто радовались моему присутствию и совершенно не скрывали этого. В особенности это относилось к Виктории.

— Как жаль, что ты не можешь вместе с нами поехать в школу, — как-то вечером с грустью сказала она.

Надо сказать, мы много времени проводили вместе.

— Когда вы возвращаетесь туда?

— В понедельник, сразу после Пасхи.

Я тоже ощутила печаль. Останусь я здесь или нет, мне будет недоставать Виктории.

— О господи! Я не думала, что это произойдет так скоро.

Последовала небольшая пауза; потом она искоса взглянула на меня.

— Тебе не приходило в голову... Ну, может, ты подумывала о том, чтобы вместе с нами поехать в школу Святого Василия?

Я вытаращилась на нее.

— Святого Василия? Ваша школа тоже носит имя святого?

Это относится не ко всем школам; Адриан учился на Восточном побережье в школе под названием Алдер.

— Наш святой человечнее, — с улыбкой ответила она. — Ты могла бы доучиться там. Уверена, тебя примут.

Из всех безумных вариантов — и, поверьте, я строила совершенно безумные предположения — что-что, но это никогда не приходило мне в голову. Я списала школу со счета, уверенная, что ничему больше не смогу научиться, но после встречи с Марком и Сидни стало очевидно, что кое-чего я все же не знала. Перебирая варианты того, что делать со своей жизнью, я не думала, что еще один семестр математики и прочих наук

много даст мне. Обучение делу стража было закончено, и фактически мне оставалось лишь готовиться к завершающим испытаниям. Но чего стоят все эти тесты и инсценировки нападения по сравнению с тем, какой опыт борьбы со стригоями я уже имела?

Я покачала головой.

— Не думаю. Хватит с меня школы. Кроме того, там же все по-русски.

— Для тебя будут переводить. — Озорная усмешка тронула ее губы. — Кроме того, удары руками и ногами в переводе не нуждаются. — Улыбка сменилась задумчивым выражением. — Нет, серьезно. Если ты не хочешь заканчивать школу и становиться стражем, почему бы тебе не остаться здесь? В смысле, просто в Бийске. Ты могла бы жить у нас.

— Я не собираюсь стать «кровавой шлюхой», — выпалила я.

Странное выражение промелькнуло на ее лице.

— Я не это имела в виду.

— Мне не следовало этого говорить. Извини.

Как нехорошо! До меня доходили слухи о том, что в городе есть «кровавые шлюхи», но видела я лишь одну или двух. И уж конечно, женщины Беликовых к ним не относились. Беременность Сони была для меня загадкой, но в работе в аптеке я не видела ничего зазорного. Кое-что мне стало известно о ситуации Каролины. Отцом ее детей был морой, к которому она, по-видимому, была искренне привязана. Эти отношения не принижали ее, и он не использовал ее. После рождения малышки они решили разойтись, но это произошло вполне по-дружески. Сейчас Каролина, похоже, встречалась со стражем, который приходил к ней всякий раз, когда получал увольнительную.

Те немногие «кровавые шлюхи», которых я видела, полностью соответствовали моему представлению о них. Их одежда и макияж просто вопили о легкой доступности. Синяки на шеях явственно свидетельствовали о том, что они без проблем позволяли партнерам во время секса пить кровь — одна из самых постыдных и грязных вещей в среде дампиров. Только люди дают кровь мороям, моя раса нет. У нас это считается позором.

— Мама будет рада, если ты останешься. Можешь найти себе работу. Войти в нашу семью.

— Я не могу занять место Дмитрия, Виктория, — сказала я.

Она успокаивающе сжала мне плечо.

— Знаю. Никто этого от тебя и не ожидает, Роза. Просто ощущение такое, что твое место здесь... недаром же Дима выбрал тебя.

Я попыталась представить себе жизнь, которую она мне предлагала.

Легко. Удобно. Никаких тревог. Просто жить в любящей семье, встречаться каждый вечер, разговаривать и смеяться вместе. Жить своей жизнью, не охотиться целыми днями на кого-то. Никаких сражений — разве что в целях самозащиты. Отказаться от плана убить Дмитрия, осуществление которого, я точно знала, убьет и меня, либо физически, либо морально. Занять рациональную позицию — дать ему уйти, смириться с тем, что он мертв. И тем не менее... если уж становиться на этот путь, то почему бы не вернуться в Монтану? В Академию, к Лиссе?

— Не знаю, — сказала я наконец. — Просто не знаю, что делать.

Это происходило после обеда, и она нетерпеливо взглянула на часы.

— Не хочется оставлять тебя... ведь неизвестно, сколько еще мы вместе пробудем... но... у меня вскоре назначена встреча...

— С Николаем? — Поддразнила ее я.

Она покачала головой, и я постаралась скрыть свое разочарование. Я видела его несколько раз, и он мне все больше нравился. Жаль, что Виктория не питала к нему никаких чувств. Теперь мне пришло в голову, что, может, этому препятствовало что-то — или, скорее, кто-то.

— Ладно, колись, — с улыбкой сказала я. — Кто он?

Ее лицо оставалось бесстрастным — прямо как у Дмитрия.

— Друг.

Уклончивый ответ, но мне показалось, что в ее глазах мелькнула улыбка.

— Из школы?

— Нет. — Она вздохнула. — И это создает проблему. Я буду сильно скучать по нему.

— Могу себе представить.

— Ох! — У нее сделался смущенный вид. — Как глупо с моей стороны! Что такое мои проблемы по сравнению с твоими? Не буду я встречаться с ним какое-то время... но потом-то увижусь. А вот Дмитрия больше нет. Ты никогда с ним не увидишься.

Может, это и не совсем так. Ничего такого я ей не сказала, конечно, просто ответила:

— Да.

К моему удивлению, она обняла меня.

— Я знаю, что такое любовь. Потерять ее... ну, не знаю. Просто не знаю, что сказать. Кроме того, что все мы рады видеть тебя здесь. Ты не можешь заменить Дмитрия, но мы воспринимаем тебя как сестру.

Эти слова ошеломили меня — но одновременно и согрели сердце.

Потом Виктория стала готовиться к свиданию. Переоделась, наложила

макияж — определенно больше чем друг, решила я — и ушла. Я отчасти даже обрадовалась этому — не хотелось, чтобы она заметила на моих глазах слезы, вызванные ее словами. Я была единственным ребенком и воспринимала Лиссу как сестру. Ближе ее у меня никого не было, и теперь я ее потеряла. Слышать, как Виктория называет меня сестрой... как будто я больше не одна и у меня есть друзья.

Вскоре после этого я направилась на кухню; туда же пришла и Алена. Я искала, чего бы съесть.

— Мне показалось, Виктория ушла? — Спросила она.

— Да, ушла на встречу с другом.

К моей чести, я сумела сохранить нейтральное выражение лица. Выдавать Викторию я не собиралась.

Алена вздохнула.

— Я хотела дать ей одно поручение в городе.

— Давайте я схожу, — тут же предложила я. — Только перехвачу что-нибудь.

Она улыбнулась и похлопала меня по щеке.

— У тебя доброе сердце, Роза. Я понимаю, почему Дмитрий полюбил тебя.

Это было удивительно — то, как здесь воспринимали мои отношения с Дмитрием. Никаких разговоров о разнице в возрасте или о том, что я была его ученицей. Для них я была кем-то вроде его вдовы, и предложение Виктории остаться здесь снова зазвучало в сознании. Когда Алена смотрела на меня, возникало чувство, будто я и впрямь ее дочь, и в очередной раз в душе зашевелились предательские эмоции по отношению к моей родной матери. Она, скорее всего, подняла бы на смех мои отношения с Дмитрием. Назвала бы их неподходящими, сказала бы, что я слишком молода. Или нет? Может, я слишком сурова к ней.

Алена укоризненно покачала головой.

— Сначала тебе нужно поесть.

— Просто что-нибудь перекусить, — заверила я ее. — Не беспокойтесь.

Кончилось тем, что она отрезала мне несколько больших кусков черного хлеба, который испекла раньше, и достала банку с маслом, зная, что я люблю мазать его на хлеб. Каролина поддразнивала меня — дескать, американцы были бы шокированы, узнав, из чего приготовлен этот хлеб, но я никогда не задавала никаких вопросов. Он был сладковатый и одновременно острый и очень нравился мне.

Алена уселась напротив меня и смотрела, как я ем.

— Он тоже его любил, когда был маленьким.

— Дмитрий?

— Каждый раз, прибегая из школы, он первым делом просил хлеба. Мне практически приходилось печь для него отдельную буханку, так много он ел. Девочки никогда не ели столько.

— Парни всегда едят больше. — Честно говоря, я от них не отставала. — А он крупнее и выше большинства.

— Это правда. Но в конце концов я дошла до того, что заставила его самого печь для себя хлеб. Сказала, что раз он считает всю еду, пусть почувствует, сколько в это вкладывается труда.

Я засмеялась.

— Не могу представить, как это — Дмитрий печет хлеб.

Однако, едва произнеся эти слова, я поняла, что не права. Дмитрий — бог в сражении — у меня всегда ассоциировался с мощью, энергией и сексуальностью. Вот какой образ прежде всего приходил на ум. Однако именно сочетающаяся со всем этим мягкость и вдумчивость делали его таким удивительным. Те же руки, которые со смертоносной точностью владели колом, бережно отводили волосы от моего лица. Те же глаза, которые не упускали ни малейших признаков угрозы, смотрели на меня с таким восхищением и поклонением, будто я самая прекрасная и изумительная женщина в мире.

Я вздохнула, ощущая сладкую, но с примесью горечи боль в сердце, ставшую такой знакомой. Что за глупость — расчувствоваться от этих разговоров о буханке хлеба. Но так теперь было всякий раз, когда я думала или говорила о Дмитрие.

Ласковый, сочувственный взгляд Алены был прикован ко мне.

— Я понимаю, — сказала она, прочтя мои мысли. — Понимаю, что ты чувствуешь.

— Станет когда-нибудь легче?

В отличие от Сидни у Алены был ответ.

— Да. Но ты никогда уже не будешь прежней.

Я не знала, призваны эти слова успокоить меня или нет. Когда я покончила с едой, Алена дала мне небольшой список бакалейных товаров, и я отправилась в центр города, радуясь движению и свежему воздуху.

В бакалейном магазине я, к своему удивлению, встретила Марка. Мне почему-то казалось, что они с Оксаной нечасто выбирают в город. Вроде бы они жили за счет того, что выращивали сами. Марк тепло улыбнулся мне.

— Мне было интересно, здесь ты еще или нет.

— Да. Вот, покупаю кое-что для Алены.

— Я рад, что ты здесь. Ты кажешься более... спокойной и мирной.

— Наверно, ваше кольцо помогает. По крайней мере, в том, что касается спокойствия и мира. Правда, толку от него немного, когда нужно принимать решения.

Он нахмурился, переместив пакет с молоком из одной руки в другую.

— Какие решения?

— Что делать дальше. Куда идти.

— Почему бы тебе не остаться здесь?

Просто фантастика! Почти слово в слово то, о чем говорила Виктория. И ответила я так же.

— Я не знаю, чем заняться, если останусь здесь.

— Найди работу. Живи с Беликовыми. Ты ведь знаешь — они тебя любят. Ты практически член их семьи.

Вернулось ощущение тепла и любви, и я снова попыталась представить себе, как просто живу с ними, работаю в магазине вроде этого или официанткой.

— Не знаю. — Я была прямо как заезженная запись. — Не знаю, правильно ли это для меня.

— Лучше, чем другая альтернатива, — предостерегающе сказал он. — Лучше, чем убегать, не имея реальной цели, просто бросаясь навстречу опасности. Это вообще не вариант.

И тем не менее именно по этой причине я приехала в Сибирь. Внутренний голос брюзжал: *«Дмитрий, Роза! Ты что, забыла о Дмитриии? Забыла, что приехала сюда, чтобы освободить его, как он, без сомнения, хотел бы?»* А действительно, хотел бы он этого? Может, он хотел бы, чтобы я оставалась в безопасном месте? Я просто не знала, и теперь, без помощи Мейсона, выбрать стало еще труднее. Мысль о Мейсоне внезапно напомнила мне кое-что, о чем я напрочь забыла.

— Когда мы разговаривали раньше, о том, что могут делать Лисса и Оксана... А что можете вы?

Марк прищурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы когда-нибудь... сталкивались... мм... с призраками?

Его лицо омрачилось.

— А я-то надеялся, что с тобой такого не случалось.

Поразительно, какое облегчение я испытала, узнав, что не мне одной доводилось проходить через встречи с призраками. Сейчас я уже понимала, почему стала их мишенью — из-за того, что побывала в мире мертвых, но

все равно это была одна из самых странных вещей на свете.

— Это происходило когда-нибудь помимо вашего желания? — Спросила я.

— Поначалу. Потом я научился контролировать их.

— Я тоже. — Тут мне внезапно вспомнился сарай. — По правде говоря, не совсем.

Понизив голос, я торопливо пересказала, что именно тогда произошло. Никогда прежде я об этом никому не говорила ни слова.

— Ты не должна больше так делать, — сурово заявил он.

— Но я не собиралась их вызывать! Это произошло само собой.

— Ты запаниковала, нуждалась в помощи и, не отдавая себе отчета, воззвала к духам. Не делай этого. Слишком легко потерять над ними контроль.

— Я до сих пор не понимаю, как такое получилось.

— Все дело в утрате контроля. Никогда не позволяй панике завладеть собой.

Мимо нас прошла старая женщина с шарфом на голове и корзиной зелени в руках. Я дождалась, пока она скроется, и только после этого спросила Марка:

— Почему они сражались за меня?

— Потому что мертвые ненавидят стригоев. Стригои — противоестественные создания, ни мертвые, ни живые... просто существуют где-то между. Мы же чувствуем исходящее от них зло. Ну и призраки тоже.

— Похоже, они могут быть неплохим оружием.

Его лицо, обычно спокойное и открытое, снова омрачилось.

— Это опасно. Такие люди, как ты и я, уже ходят по краю тьмы и безумия. Напрямую воззвать к мертвым — это лишь подвинет нас ближе к смерти. — Он взглянул на часы и вздохнул. — Послушай, мне пора идти, но я говорю серьезно, Роза. Оставайся здесь. Сторонись неприятностей. Сражайся со стригоями, если они сами придут за тобой, но не разыскивай их без оглядки. И определенно оставь призраков в покое.

Прекрасные советы — но, к сожалению, я не была уверена, что смогу им последовать. Однако я поблагодарила его и передала привет Оксане, после чего занялась покупками и тоже ушла. Я уже была недалеко от дома Алены, когда, завернув за угол, чуть ли не нос к носу столкнулась с Эйбом.

Он был одет в своей обычной кричащей манере — дорогое пальто, золотисто-желтый шарф и под стать всему золотые украшения. Стражи держались рядом, а он стоял, прислонившись к кирпичной стене.

— Вот, значит, зачем ты приехала в Россию. Чтобы, будто какая-то деревенщина, ходить на рынок.

— Нет, — ответила я. — Конечно нет.

— Осматривала достопримечательности?

— Нет. Всего лишь хочу помочь. Хватит вытягивать из меня информацию. Ты не такой умный, каким себя воображаешь.

— Это неправда.

— Послушай, я ведь уже говорила. Я приехала сюда, чтобы рассказать Беликовым новости. Так что возвращайся и скажи тому, на кого работаешь, что это все.

— А я уже говорил тебе, чтобы ты не лгала мне. — И снова я заметила эту странную смесь угрозы и шутливости. — Ты понятия не имеешь, какое адское терпение я к тебе проявляю. Будь это не ты, я бы в первый же вечер получил всю информацию, в которой нуждался.

— Вот повезло! — Взорвалась я. — И что теперь? Ты затащишь меня в темный проулок и будешь бить, пока я не расскажу, зачем приехала? Твои замашки криминального босса меня достали.

— А у меня лопнуло терпение, — заявил он.

Шутки кончились, он возвышался надо мной, и я неожиданно отметила, что он сложен лучше большинства мороев. Морои, как правило, сами драк избегают, но я не удивилась бы, узнав, что Эйб самолично избил не меньше людей, чем его телохранители.

— И знаешь что? Меня больше не интересует цель твоего приезда сюда. Ты просто должна уехать. Немедленно.

— Не смей угрожать мне, старикан. Я уеду, черт побери, когда сама захочу.

Забавно получилось. Только что я клялась Марку, что не знаю, хочу ли остаться в Бийске, но стоило Эйбу надавить на меня, как я возжаждала пустить тут корни.

— Не знаю, почему ты хочешь, чтобы я убралась отсюда, но я тебя не боюсь.

Что не совсем соответствовало действительности.

— А следовало бы. — Его любезность вернулась. — Я могу быть очень хорошим другом или очень скверным врагом. Я могу сделать так, что, уехав, ты не пожалеешь. Давай заключим сделку.

В его глазах вспыхнул огонек возбуждения. Я вспомнила слова Сидни о том, что он манипулирует людьми. Возникло ощущение, что ради этого он и живет — переговоры купли-продажи и заключение сделок с целью получить то, что он хочет.

— Нет. Я уеду тогда, когда буду готова. И ни ты, ни тот, на кого ты работаешь, ничего с этим не сможете поделать.

Я надеялась, что выгляжу достаточно нахально, и повернулась, собираясь продолжить путь, но он схватил меня за плечо и рванул к себе, так что я едва не выронила покупки. Я приготовилась сделать выпад, но его стражи в мгновение ока оказались рядом. Я знала, что они не дадут мне и коснуться его.

— Время твоего пребывания здесь закончилось, — прошипел Эйб. — В Бийске. В России. Возвращайся в США. Я готов дать тебе все, что нужно для этого, — деньги, билеты первого класса, что угодно.

Я вырвалась и осторожно попятилась.

— Мне ничего от тебя не нужно, ни денег, ни помощи.

Компания людей завернула за угол, смеясь и разговаривая. Я продолжала пятиться, уверенная, что Эйб не станет устраивать сцену при свидетелях. Я даже почувствовала прилив храбрости, что, конечно, было глупо с моей стороны:

— Я уже сказала: вернусь, когда захочу.

Не сводя взгляда с прохожих, Эйб тоже начал отступать вместе со своими стражами. Наводящая ужас улыбка тронула его губы.

— И я уже сказал тебе. Я могу быть очень хорошим другом или очень скверным врагом. Убирайся из Бийска, прежде чем поймешь, с кем именно имеешь дело.

Он повернулся и ушел, к моему огромному облегчению. Я не хотела его видеть, но страх, вызванный его словами, остался висеть в воздухе.

Тем вечером я рано отправилась в постель, внезапно утратив желание общаться. Я лежала, листая журнал, который была не в состоянии читать. И странное дело, чувствовала себя все более и более усталой. Думаю, встречи с Марком и Эйбом вымотали меня. Совет Марка остаться, последовавший сразу же за разговором с Викторией, угодил точно в цель. Завуалированные угрозы Эйба всколыхнули мою защитную реакцию, заставили насторожиться против того, кто вместе с ним заставлял меня покинуть Россию. Интересно, спрашивала я себя, в какой момент он действительно потеряет терпение и откажется от заключения со мной сделки?

Засыпая, я испытала знакомое ощущение присутствия Адриана. Он уже давно не появлялся; я надеялась, потому, что прислушался к моей просьбе не приходить. Правда, я всегда говорила ему это. Нынешний перерыв был самый длинный, и хотя мне претило признавать это, но я соскучилась по нему.

Обстановка, выбранная им на этот раз, представляла собой часть

принадлежащих Академии угодий, а именно лесистую местность рядом с озером. Все зеленело и цвело, с неба лился солнечный свет. Я сильно подозревала, что творение Адриана не в точности соответствует реальной ситуации в Монтане на данный момент, но... Он тут правил бал и мог делать, что хотел.

— Маленькая дампирка... — Он улыбнулся. — Давненько не виделись.

— Я думала, ты больше не появишься, — заметила я, сидя на большом гладком валуне.

— Ничего подобного. — Он сунул руки в карманы и зашагал ко мне. — Хотя... по правде говоря, на этот раз я был исполнен намерения и впрямь больше не приходить. Но я должен был убедиться, что ты жива.

— Жива и в порядке.

Он с улыбкой смотрел на меня. Солнце играло в его каштановых волосах, придавая им золотистый отсвет.

— Хорошо. Похоже, ты и впрямь в полном порядке. Такой хорошей ауры я у тебя еще не видел. — Его взгляд переместился с лица на мои лежащие на коленях руки. Нахмурившись, он встал на колени и поднял мою правую руку. — Что это?

На ней было кольцо Оксаны. Пусть и совсем простое, оно ярко мерцало в солнечном свете. Эти сны были такие странные. Хотя мы с Адрианом и не находились по-настоящему рядом, кольцо последовало за мной в его сон, сохраняя достаточно силы, чтобы он почувствовал ее.

— Амулет. В нем частичка духа.

Он, по-видимому, ничего похожего никогда не видел — как и я. Его лицо приняло напряженное выражение.

— И он исцеляет? Это благодаря ему в твоей ауре гораздо меньше тьмы?

— Отчасти. — Его сосредоточенность на кольце была мне неприятна. Я выдернула руку и сунула ее в карман. — И его действие носит временный характер. Я встретила еще одного пользователя духа и «поцелованного тьмой» дампира.

Удивление на его лице возросло.

— Что? Где?

Я прикусила губу и покачала головой.

— Черт побери, Роза! Это важно. Ты же знаешь, как мы с Лиссой бьемся, разыскивая других пользователей духа. Скажи мне, где они.

— Нет. Может, позже. Не хочу, чтобы вы кинулись за мной.

Похоже, они уже преследовали меня, используя Эйба как своего

агента. Его зеленые глаза сердито вспыхнули.

— Послушай, попробуй представить хоть на миг, что мир не вращается вокруг тебя. Это касается Лиссы и меня, касается понимания безумной магии внутри нас. И если ты встретила людей, которые могут нам помочь, мы должны знать.

— Может, позже, — безжалостно повторила я. — Я скоро уеду отсюда... тогда и скажу тебе.

— Почему с тобой всегда так трудно?

— Потому что такой я тебе и нравлюсь.

— Только не сейчас.

Это прозвучало как одно из обычных шутливых замечаний Адриана, но что-то в нем обеспокоило меня. По какой-то причине у меня возникло еле заметное ощущение, что он не так расположен ко мне, как обычно.

— Просто прояви терпение, — сказала я. — Уверена, у вас есть над чем работать. И Лисса, похоже, очень занята с Эйвери.

Эти слова вырвались у меня, прежде чем я успела прикусить язык, и в тоне ощущались горечь и ревность, которые я испытывала, наблюдая за ними.

Адриан вскинул бровь.

— Леди и джентльмены, это признание. Ты подсматривала за Лиссой, теперь это не вызывает сомнений.

Я отвела взгляд.

— Просто мне тоже хочется знать, жива ли она.

— Жива и в порядке, прямо как ты. Прошу прощения... в основном в порядке. — Адриан нахмурился. — Иногда я ощущаю исходящие от нее странные вибрации. Пропадает чувство, что с ней все в полном порядке, да и ее аура слегка трепещет. Это всегда длится недолго, но я все равно беспокоюсь. — Голос Адриана зазвучал мягче. — Эйвери тоже беспокоится о ней, так что Лисса в надежных руках. Эйвери потрясающая.

Я бросила на него уничтожающий взгляд.

— Потрясающая? Ты что, влюбился в нее?

Я помнила, как она говорила, что оставит дверь для него незапертой.

— Конечно, она мне нравится. Она замечательная.

— Я не имею в виду «нравится», я имею в виду «влюбился».

— А-а, понятно. — Он закатил глаза. — Вопрос терминологии.

— Ты не отвечаешь на вопрос.

— Как я уже сказал, она интересная личность. Остроумная. Общительная. Красивая.

То, как он сказал «красивая», зацепило меня. Я снова отвела взгляд,

теребя в пальцах свисающий с шеи голубой назар и пытаюсь разобраться в своих чувствах. Адриан сообразил быстрее меня.

— Неужели ты ревнуешь, маленькая дампирка?

Я подняла на него взгляд.

— Нет. Если бы я была склонна ревновать тебя, то уже давным-давно свихнулась бы, учитывая всех девушек, с которыми ты развлекаешься.

— Эйвери не из тех девушек, с которыми развлекаются.

И снова мне послышалась теплота в его голосе. Даже мечтательность. Вообще-то это не должно было беспокоить меня. Напротив, мне следовало радоваться, что он заинтересовался другой. В конце концов, я очень долго убеждала его оставить меня в покое. Одним из условий, на которых он дал мне деньги для этой поездки, было обещание предоставить ему возможность попытаться стать для меня больше чем другом, когда — и если — я вернусь в Монтану. Если он начнет встречаться с Эйвери, у меня одной заботой станет меньше.

И, честно, будь это кто угодно, кроме Эйвери, я, наверно, ничего не имела бы против. Но почему-то идея того, что он подпал под ее очарование... Это было чересчур. Разве недостаточно того, что благодаря ей я теряю Лиссу? Как такое могло случиться — чтобы одна девушка могла так легко занять мое место? Она вот-вот украдет у меня лучшую подругу, а теперь еще и парень, который клялся, что я — единственная, кого он хочет, всерьез задумывается о том, чтобы заменить меня ею.

«Ты лицемерка, — произнес суровый голос внутри. — Ты ведь сама покинула их, и Лиссу, и Адриана, почему же теперь недовольна тем, что кто-то другой входит в их жизнь? Они имеют полное право жить, как хотят».

Я встала, не в силах сдержать злость.

— Послушай, мы уже достаточно сегодня поговорили. Могу я вернуться в свой сон? Мне неинтересно слушать, какая замечательная Эйвери и насколько она лучше меня. И я все равно не скажу тебе, где я.

— Эйвери никогда не ведет себя словно капризное дитя. И она не стала бы обижаться, если бы кто-то беспокоился о ней настолько, чтобы время от времени проводить ее. Она не лишила бы меня шанса узнать больше о моей магии из параноидального страха, что кто-то помешает ее безумной попытке убить своего бойфренда.

— Не смей называть меня капризным ребенком! — Взорвалась я. — Ты законченный эгоист, думающий только о себе. Это всегда проявлялось во всем — взять хотя бы этот сон. Ты удерживаешь меня против моей воли, потому что это забавляет тебя.

— Прекрасно, — холодно сказал он. — С этим покончено. И вообще покончено со всем между нами. Я больше не вернусь.

— Хорошо. Надеюсь, на этот раз так и будет.

Его зеленые глаза были последнее, что я увидела, прежде чем проснуться в своей постели.

Я села, тяжело и часто дыша. Было ощущение, что мое сердце разбито; казалось, я вот-вот расплачусь. Адриан прав — я вела себя как капризный ребенок. Набросилась на него, когда он совсем этого не заслуживал. И тем не менее... Это было сильнее меня. Я скучала по Лиссе. Я даже скучала по Адриану. А теперь эта красотка занимает мое место, просто потому, что в отличие от меня никуда не собирается уходить.

«Я больше не вернусь».

И впервые за все время у меня возникло чувство, что он действительно не вернется.

ТРИНАДЦАТЬ

На следующий день была Пасха. Все встали рано и суетились, собираясь в церковь. В доме пахло изумительно, так он пропитался запахами Алениной стряпни. В животе урчало, и я спрашивала себя, сумею ли дотянуть до праздничного обеда, который она приготовила. Хотя с Богом у меня отношения сложные, я часто посещала церковь. В основном в порядке любезности и чтобы не выделяться из общей массы. Дмитрий ходил в церковь, потому что обретал там мир, и я невольно задавалась вопросом — а вдруг, когда я сегодня буду там, на меня снизойдет озарение, что же мне делать дальше?

По сравнению с остальными я выглядела довольно жалко. Все принарядились, а у меня не было ничего, кроме джинсов и нескольких рубашек. Заметив мое смятение, Виктория одолжила мне белую блузку с кружевами. Она была чуть-чуть тесна мне, но все равно выглядела хорошо. Войдя вместе с Беликовыми в церковь, я оглянулась по сторонам и подивилась тому, как Дмитрий мог находить утешение в крошечной академической церкви, если он вырос, посещая эту.

Она была огромна, здесь хватило бы места для четырех наших церквей. Высокий, сводчатый потолок с росписью; золотое убранство и иконы святых, казалось, занимали все стены. Величественное зрелище подавляло, ослепляло. Воздух был насыщен ладаном так густо, что я действительно видела дымку.

Народу собралось множество, и людей, и дампиров; более того, я с удивлением заметила даже нескольких мороев. По-видимому, приезжие морои были достаточно набожны, чтобы ходить в церковь, какими бы грязными делами они тут ни занимались. И если уж речь зашла о мороях...

— Эйба тут нет, — заметила я Виктории, оглянувшись вокруг.

Она стояла слева от меня, Алена справа. Он не произвел на меня впечатления сильно религиозного, но я ожидала, что он будет преследовать меня и здесь. Наша последняя стычка все еще заставляла меня нервничать.

— Он покинул город?

— Думаю, он мусульманин, — объяснила Виктория. — И, насколько я в курсе, он все еще здесь. Каролина видела его сегодня утром.

Проклятый Змей! Значит, он не уехал. Как он выразился? *«Хороший друг или скверный враг»*. Я промолчала, и Виктория бросила на меня озабоченный взгляд.

— Он не проворачивает здесь никаких темных делишек. Просто встречается с кем-то по делу, а потом исчезает. Не думаю, будто он способен причинить тебе вред, но сейчас ты беспокоишь меня. У тебя какие-то неприятности?

Отличный вопрос.

— Не знаю. Похоже, он интересуется мной, вот и все. А я не могу понять почему.

Ее лицо омрачилось.

— Мы не допустим, чтобы с тобой что-то случилось, — сказала она твердо.

Я улыбнулась — потому, что она беспокоилась обо мне, и потому, что в этот момент ужасно походила на Дмитрия.

— Спасибо. Дома есть люди, которые, возможно, ищут меня, и мне кажется, Эйб поэтому интересуется мной.

Мило, правда? Учитывая, что речь идет о человеке, готовом отправить меня в США любыми способами или просто сделать так, чтобы я исчезла навеки.

Виктория, казалось, почувствовала, что я смягчила ситуацию.

— Я не позволю ему причинить тебе вред.

Началась служба, и мы замолчали. Священник прекрасно справлялся со своей ролью, но молитвы читал, естественно, по-русски, как на заупокойной службе, и никто не собирался мне ничего переводить. Это не имело значения. Погрузившись в созерцание окружающей красоты, я просто растворилась в ней. Слева от алтаря со свода на меня глядел золотоволосый ангел.

Неожиданно нахлынуло одно воспоминание. Как-то Дмитрий добился для меня разрешения сопровождать его в поездке на уик-энд в Айдахо, где он должен был встретиться с какими-то стражами. Я не очень-то рвалась в Айдахо, но радовалась любому проведенному с Дмитрием дню. Он сумел убедить школьное начальство, что подобный опыт будет для меня полезен. Это произошло вскоре после гибели Мейсона, вся школа была в шоке, и, кажется, они позволили бы мне тогда что угодно.

К несчастью, никакого свободного времени или тем более романтики в этой поездке не было. Дмитрий был весь в делах, поэтому мы урывали каждый свободный момент. Во время нашей предыдущей поездки мы наткнулись на устроенную стригоями кровавую бойню, поэтому то, что этот трагический случай оказался менее кровавым, было к лучшему. Как обычно, Дмитрий не пускал меня за руль, несмотря на мои заявления, что я могу вести машину вдвое быстрее. А может, именно поэтому он не давал

мне вести.

В какой-то момент мы остановились, чтобы заправиться и купить в магазине при станции какой-нибудь еды. Мы находились высоко в горах, в маленьком городке, таком же затерянном в дикой местности, как наша Академия. В ясные дни из школы можно было разглядеть горы, но находиться в них — совершенно другое ощущение. Они окружали нас со всех сторон и были так близко, что, казалось, можно просто перепрыгнуть одну и приземлиться на другой. Пока Дмитрий заправлял машину, я, с сэндвичем в руке, обошла заправочную станцию и встала там, откуда открывался лучший вид.

Все признаки цивилизации остались у меня за спиной. Впереди возвышались заснеженные сосны, которым, казалось, нет конца. Все было тихо и спокойно, если не считать отдаленного шума со стороны шоссе. Сердце все еще болело из-за гибели Мейсона, меня мучили ночные кошмары с участием стригоев, которые захватили нас и держали в плену. Эта боль еще долго будет терзать меня, но открывшаяся взору картина выглядела так мирно, что на мгновение стало легче.

Пока я глядела вниз на слой нетронутого снега не меньше фута высотой, в голову внезапно пришла совершенно безумная мысль. Я сделала шаг вперед и упала на землю навзничь. Пышный снег принял меня в свои объятия, и некоторое время я просто спокойно лежала, а потом раскинула руки, ноги и подвигала ими, отчего в снегу образовывались новые провалы. Когда мне надоело барахтаться, я осталась лежать, глядя в голубое-голубое небо.

— Чем ты занимаешься? — Спросил Дмитрий. — Если не считать того, что ты заморозила свой сэндвич.

Его тень упала на меня, я подняла взгляд на его высокую фигуру. Несмотря на холод, светило солнце, и его лучи подсвечивали сзади волосы Дмитрия.

«Он сам мог бы быть ангелом», — подумала я.

— Я делаю снежного ангела, — ответила я. — Знаешь, что это такое?

— Да, знаю. Но зачем? Ты, наверно, замерзла.

На мне было плотное зимнее пальто, шапка, перчатки и все прочие, подходящие для холодной погоды аксессуары. На счет сэндвича — тут да, он был прав.

— Не очень, на самом деле. Разве что лицо.

Он покачал головой и криво улыбнулся.

— Ты замерзнешь, когда окажешься в машине и снег начнет таять.

— По-моему, тебя больше беспокоит машина, чем я.

Он рассмеялся.

— Я больше беспокоюсь, как бы ты не переохладилась.

— Во всем этом? Ерунда. — Я похлопала по снегу рядом с собой. — Иди сюда. Сделай одного ангела тоже, и потом мы уйдем.

Он продолжал сверху вниз смотреть на меня.

— Ты хочешь, чтобы я тоже замерз?

— Я хочу, чтобы ты получил удовольствие. Оставил свою метку в Айдахо. Кроме того, что тебе по этому поводу волноваться? Ты же родом из Сибири, у тебя должна была выработаться повышенная сопротивляемость к холоду.

Он вздохнул, по-прежнему с улыбкой на губах — она могла согреть меня даже в такую погоду.

— Снова та же песня: ты представляешь себе Сибирь местностью вроде Антарктики. Я из южной части Сибири. Погода там почти такая же, как здесь.

— Хватит придумывать оправдания, — сказала я. — Если не хочешь тащить меня к машине, давай тоже делай ангела.

Несколько долгих мгновений он пристально изучал меня, и я подумала, что, наверно, он и впрямь потащит меня в машину. Его лицо, однако, было оживленным, открытым — и исполненным нежности, отчего мое сердце забилося чаще. Потом, совершенно неожиданно, он хлопнулся в снег рядом со мной.

— Хорошо, — заговорила я, видя, что он лежит совершенно неподвижно. — Теперь начинай шевелить руками и ногами.

— Я знаю, как делать снежного ангела.

— Так делай его! А иначе ты больше похож на меловой контур, который полиция рисует на месте преступления.

Он снова рассмеялся — теплый, низкий звук, разнесшийся в морозном воздухе. В конце концов, после новых уговоров с моей стороны, Дмитрий задвигал руками и ногами, создавая собственного ангела. Когда он закончил, я думала, он вскочит и начнет торопить меня возвращаться на дорогу, но он тоже продолжал лежать, глядя на небо и горы.

— Красиво? — Спросила я, дыхание морозными облачками висело в воздухе. — В каком-то смысле не хуже, чем вид, открывавшийся с лыжной базы, но сейчас все воспринимается по-другому.

— Так всегда в жизни, — ответил он. — Мы растем, изменяемся, и кое-что из того, что мы переживали раньше, обретает новый смысл. И так будет всегда.

Поначалу я принялась поддразнивать его, мол, он, как обычно, не

упускает случая преподать мудрый жизненный урок, но потом до меня дошло, что Дмитрий прав. Когда я только влюбилась в него, это чувство было всепоглощающим. Ничего подобного прежде я не испытывала. Мне казалось, что любить его сильнее просто невозможно. Однако сейчас, после трагедии с Мейсоном и стригоями, многое изменилось. Сейчас я любила Дмитрия еще сильнее и как-то по-другому, более глубоко, что ли. Столкнувшись вплотную с тем, насколько хрупка жизнь, я стала еще выше ценить Дмитрия. Поняла, как много он значит для меня и каким горем обернулась бы для меня его потеря.

— Как думаешь, здорово было бы иметь вон там хижину? — Я кивнула на ближайший горный пик. — В глубине леса, где никто не может найти тебя?

— Я думаю, что это было бы очень приятно, только вот ты быстро заскучала бы.

Я попыталась представить себя в этой глуши вместе с ним. Маленькая комната, камин, постель. Не думаю, что заскучала бы.

— Не так уж плохо, если подвести туда электричество. И подключить Интернет.

А также жар наших тел.

— Ох, Роза! — (Я почувствовала, что он снова улыбается.) — Не думаю, что ты можешь быть счастлива в тишине и спокойствии. У тебя слишком деятельная натура.

— Ты хочешь сказать, что мое внимание быстро рассеивается?

— Вовсе нет. Я хочу сказать, что в тебе есть огонь, побуждающий постоянно шевелиться, стремиться делать мир лучше, помочь тем, кого ты любишь. Ты не можешь стоять на месте, и это одно из твоих замечательных качеств.

— Только одно? — Спросила я вроде бы легкомысленно, но его слова вызвали в душе трепет.

Я чувствовала, что он гордится мной.

— Одно из многих. — Он сел и посмотрел на меня. — Итак, никакой спокойной жизни в сторожке для тебя. По крайней мере, пока не станешь совсем старой.

— За сорок?

Он раздраженно покачал головой и встал, не сочтя нужным отшутиться в ответ. Тем не менее он смотрел на меня с той же нежностью, которую я слышала в его голосе. В нем было и восхищение, и я подумала, что никогда не буду чувствовать себя несчастной, пока Дмитрий считает меня прекрасной и удивительной. Наклонившись, он протянул мне руку.

— Пора идти.

Он помог мне встать, и мы держались за руки чуть дольше необходимого. Потом мы разомкнули их и обозрели результаты своих трудов. Два идеальных снежных ангела — один намного выше другого. Осторожно шагнув внутрь каждого, я наклонилась и обвела линией голову сначала одного, потом другого.

— Что это? — Спросил Дмитрий.

— Ореол, — с улыбкой ответила я. — В самый раз для небесных созданий вроде нас.

— Это уже натяжка.

Несколько мгновений мы разглядывали своих ангелов — там, где только что лежали бок о бок. Хотелось бы, чтобы мои слова насчет оставленной нами метки в горах были правдой, но я понимала, что следующий же снегопад накроет их своей белизной и не останется ничего, кроме воспоминаний.

Дмитрий мягко дотронулся до моей руки, и без единого слова мы зашагали к машине.

По сравнению с этим воспоминанием о нем и о том, как он в горах смотрел на меня, ангел, глядящий на меня в церкви, казался бледным и скучноватым. Это не его вина.

Вкусив хлеба и вина, прихожане снова заняли свои места. Я не подходила к причастию, но некоторые слова священника были мне понятны. Жизнь.

Смерть. Грехопадение. Вечность. Мне хватало знаний обо всем этом, чтобы уловить общий смысл. Спорю, что в этом ряду присутствовало и слово «воскрешение». Я вздохнула, вот бы и впрямь можно было с легкостью победить смерть и вернуть к жизни тех, кого мы любим.

По окончании службы я вместе с Беликовыми покинула церковь, в меланхолическом настроении. У выхода некоторые люди обменивались яйцами. Виктория объяснила, что это здешняя традиция. Люди, которых я не знала, подарили несколько яиц и мне, я пожалела, что мне нечем одарить их. И как, интересно, я все эти яйца съем? Некоторые были просто покрашены в разные цвета, на других нанесены искусные узоры.

Все, казалось, испытывают потребность поболтать после службы, и мы тоже остановились снаружи. Друзья и родственники обнимались, пересказывали друг другу сплетни и слухи. Я стояла рядом с Викторией, пытаюсь следить за ходом разговоров, которые велись и по-английски, и по-русски.

— Виктория!

Мы обернулись и увидели приближающегося к нам Николая. Он одарил нас — в смысле, конечно, ее — ослепительной улыбкой. В честь праздника он приоделся — рубашка цвета полыни, темно-зеленый галстук — и выглядел изумительно. Я глянула на Викторию, интересуясь, произвел ли его вид на нее хоть какое-то впечатление. Увы. Она вежливо улыбнулась, искренне радуясь встрече с ним, но ничего романтического тут не было. И снова мелькнула мысль о ее таинственном «друге».

С Николаем были двое парней, которых я уже видела прежде. Они приветствовали и меня. Как и Беликовы, они, похоже, считали меня неотъемлемым элементом здешней жизни.

— Ты не передумала пойти на вечеринку к Марине? — Спросил Николай.

Я почти забыла об этой вечеринке, на которую он пригласил нас, когда мы впервые встретились. Тогда Виктория согласилась, но, к моему удивлению, сейчас покачала головой.

— Нет. У нас есть свои планы.

Это стало новостью для меня. Возможно, предстоит что-то, о чем я пока не знала, хотя сомнительно. Возникло чувство, что она лжет, и, как преданная подруга, я не стала опровергать ее слова. Однако было больно смотреть, как вытянулось лицо Николая.

— Правда? Нам будет не хватать вас.

— Увидимся в школе.

Похоже, это его не утешило.

— Да, но...

Внезапно взгляд Николая переместился с ее лица за наши спины. Он нахмурился. Мы с Викторией обернулись, и я почувствовала, как ее настроение тоже изменилось.

К нам приближались трое парней, все дампиров. Ничего необычного я в них не заметила — не считая самодовольных ухмылок, — но на лицах других собравшихся около церкви дампов и мороев возникло то же выражение, что и у моих собеседников. Взмущенное. Обеспокоенное. Смущенное. Парни остановились рядом с нами.

— Я так и думал, что ты здесь, Коля, — сказал один на превосходном английском, и до меня не сразу дошло, что он обращается к Николаю.

Я никогда не понимала, по какому принципу у русских образуются уменьшительные имена.

— Я не знал, что ты вернулся, — натянуто ответил Николай.

Я заметила между этими двумя явное сходство — те же волосы с бронзовым отливом и худощавое сложение. Братя, надо полагать.

Взгляд брата Николая переместился на меня. Он просиял.

— А это, должно быть, та самая американская отказница.

Меня не удивило, что он знал, кто я. После поминальной службы местные дампиров рассказывали удивительные истории об американской девушке, которая сражалась со стригоями, но не имела знаков окончания школы и обязательства служить стражем.

— Роза, — представилась я.

Я не знала, что на уме у этих парней, но не собиралась выказывать никаких признаков страха перед ними. Ему, казалось, понравилась моя уверенность. Мы пожали друг другу руки.

— Я Денис. — Брат Николая кивнул в сторону своих друзей. — А это Артур и Лев.

— Когда ты вернулся в город? — Спросил Николай, по-прежнему не выказывая радости по поводу этой встречи.

— Только сегодня утром. — Денис посмотрел на Викторию. — Я слышал о твоём брате. Мне очень жаль.

Виктория, сохраняя жесткое выражение лица, вежливо кивнула.

— Спасибо.

— Это правда, что он погиб, защищая мороев?

Мне не понравилась усмешка в тоне Дениса, но, опередив меня, ему ответила Каролина. Я не заметила, как она подошла. Встреча с Денисом, похоже, ее тоже не обрадовала.

— Он погиб, сражаясь со стригоями. Как герой.

Денис пожал плечами, игнорируя возмущенные нотки в ее голосе.

— Как бы то ни было, он мертв. Уверен, морои будут годами воспевать его.

— Конечно, — вмешалась в разговор я. — Он спас многих. И дампов тоже.

Денис снова обратил взор на меня и несколько мгновений задумчиво вглядывался в мое лицо.

— Я слышал, ты тоже там была. Вас обоих послали участвовать в безнадежном сражении.

— Оно не было безнадежным. Мы победили.

— Интересно, согласился бы с этим Дмитрий, если бы остался жив?

Каролина скрестила на груди руки.

— Если вы здесь с целью затеять свару, вам лучше уйти. Все-таки рядом церковь.

Забавно. Она всегда казалась мне такой мягкой, доброй, обычной молодой женщиной, честным трудом зарабатывающей деньги для своей

семьи. Однако в этот момент она как никогда напоминала Дмитрия — та же внутренняя сила, та же жесткость, подталкивающая защищать того, кого она любит, и давать отпор врагу. Хотя вряд ли эти парни были ее врагами. С какой стати?

— Мы просто разговариваем, — ответил Денис. — Я всего лишь хочу понять, что случилось с твоим братом. Поверь, я воспринимаю его смерть как трагедию.

— Он не сожалел бы об этом, — сказала я. — Он умер, сражаясь за то, во что верил.

— Защищая тех, кто воспринимал его служение как должное?

— Неправда.

— Да? — Денис одарил меня кривой улыбкой. — Тогда почему ты не хочешь быть стражем? Ты убивала стригоев, но у тебя нет знака обещания. Нет даже знака окончания школы, как я слышал. Почему же ты не рвешься защищать мороев?

— Денис, — явно испытывая неловкость, сказал Николай. — Пожалуйста, уйди.

— Я разговариваю не с тобой, Коля. — Взгляд Дениса был прикован ко мне. — Просто пытаюсь понять Розу. Она убивает стригоев, но не работает стражем. Она наверняка не похожа на вас, остальных мягкотелых жителей этого города. Может, она больше похожа на нас.

— Она ничуть не похожа на вас! — Взорвалась Виктория.

Только тут до меня дошло, и холодок пробежал по спине. Это были дампирьы того рода, о которых говорил Марк. Настоящие отказники. Мстители, разыскивающие стригоев на свой страх и риск, не желающие угомониться, никому не подотчетные. Вообще-то они не должны были раздражать меня — в чем-то Денис был прав. Если совсем все упрощать, я действительно похожа на них. Правда, вокруг этих парней ощущалась атмосфера, которая безумно раздражала меня.

— Тогда почему ты в России? — Спросил один из друзей Дениса; я позабыла, как его звали. — Неблизкий путь. Ты не приехала бы сюда, не имея веской причины.

Викторию, как и Каролину, тоже охватил гнев.

— Она приехала сюда, чтобы рассказать нам о Диме.

Денис сверлил меня взглядом.

— А я думаю, она здесь, чтобы охотиться на стригоев. В России их больше, чем в Штатах.

— Идиот, она не приехала бы в Бийск, если бы охотилась на стригоев, — невозмутимо возразила Виктория. — Она отправилась бы во

Владивосток, или Новосибирск, или еще куда-нибудь.

Новосибирск. Это название звучало знакомо. Где я его слышала? Спустя мгновение я вспомнила — его упоминала Сидни, Новосибирск — самый крупный город в Сибири.

— Может, она здесь мимоходом, — продолжал Денис. — Может, завтра, когда мы отправимся в Новосибирск, она поедет с нами.

— Ради бога! — Воскликнула я. — Между прочим, я здесь. Перестаньте обсуждать меня, как будто меня нет. И с какой стати мне ехать с вами?

Глаза Дениса вспыхнули интенсивным, лихорадочным огнем.

— Там можно славно поохотиться. Полно стригоев. Поехали с нами. Поможешь преследовать их.

— И многие из вас вернутся оттуда? — Жестко спросила Каролина. — Где Тимоша? Где Василий? Каждый раз, когда вы возвращаетесь, ваш охотничий отряд становится все меньше. Кто будет следующим? Чья семья будет оплакивать погибшего?

— Вам легко говорить, — возразил друг Николая, по-моему, Лев. — Вы сидите здесь и ничего не предпринимаете, пока мы уезжаем и обеспечиваем вашу безопасность.

Каролина бросила на него полный отвращения взгляд, и я вспомнила, что она встречается со стражем.

— Вы уезжаете и без раздумий бросаетесь в опасные ситуации. Если хотите обеспечить нашу безопасность, оставайтесь здесь и защищайте свои семьи, когда в этом возникнет нужда. Если хотите преследовать стригоев, становитесь стражами. Они, по крайней мере, не лишены здравого смысла.

— Стражи не охотятся на стригоев! — Воскликнул Денис. — Они сидят и ждут, поджимая хвосты перед мороями.

К сожалению, отчасти его слова имели смысл. Но только отчасти.

— Сейчас все меняется, — сказала я. — Существуют отряды, которые охотятся на стригоев. Ходят слухи, что морои учатся сражаться вместе с нами. Вы могли бы помочь в этом.

— Как ты, что ли? — Он рассмеялся. — Ты пока не объяснила нам, зачем здесь, а не с ними. Можешь сколько угодно вешать лапшу на уши остальным, но я-то знаю, зачем ты здесь. Я могу видеть это в тебе. — Он бросил на меня безумный, сверхъестественный взгляд, почти заставивший поверить, что он и вправду может. — Ты понимаешь — единственный способ избавить мир от зла, это действовать на свой страх и риск. Самим искать стригоев и убивать их, одного за другим.

— Не имея никакого плана, — закончила за него Каролина. — И не

думая о последствиях.

— Мы сильные и умеем сражаться. Чтобы убивать стригоев, больше ничего и не нужно.

И вот тогда я, наконец, поняла, что пытался втолковать мне Марк. Денис в точности озвучивал мои мысли с того момента, как я покинула Академию Святого Владимира. Я сбежала без всякого плана, не опасаясь никакой угрозы, поскольку ощущала, что должна осуществить миссию, которую только я была способна довести до конца. Только я могла убить Дмитрия, уничтожить завладевшее им зло. Я совершенно не задумывалась о том, как справлюсь с этой задачей, а ведь Дмитрий в сражениях почти всегда одолевал меня, и это в бытность свою дампиром. А теперь с силой и скоростью стригоя? Шансы определенно складывались не в мою пользу. Однако меня это не волновало. Я была одержима идеей убить его.

Пока эти мысли бродили в моей голове, они казались имеющими смысл, но сейчас, услышав то же самое из уст Дениса, я поняла, насколько они безумны. Безрассудны, как выразился Марк. Может, этими парнями двигали и хорошие мотивы — в точности как мной, — но они носили совершенно самоубийственный характер. Честно говоря, когда не стало Дмитрия, я не слишком дорожила своей жизнью. Я и прежде не страшилась риска, но только сейчас осознала, что существует огромная разница между тем, чтобы умереть без всякого толка и умереть с умом. Если я погибну в попытке убить Дмитрия только потому, что не выработала никакой стратегии, моя жизнь не стоит и цента.

В этот момент вперед вышел священник и сказал что-то по-русски. Судя по тону и выражению его лица, мне подумалось, что он спрашивает, все ли в порядке. После службы он смешался с толпой. Как человек, он, скорее всего, не понимал этих разногласий в среде дампинов, но, без сомнения, ощущал напряженность.

Денис одарил его самодовольной улыбкой и ответил что-то, прозвучавшее как вежливое объяснение. В ответ священник улыбнулся, кивнул и снова затерялся среди прихожан.

— Хватит! — Резко сказала Каролина, как только священник отошел достаточно далеко, чтобы не слышать. — Вы должны уйти. Немедленно.

Тело Дениса напряглось, мое среагировало так же, готовое к драке. Я подумала, что он вполне может затеять какую-нибудь заваруху. Однако по прошествии нескольких секунд он расслабился и снова обратился ко мне:

— Сначала покажи мне их.

— Что показать? — Спросила я.

— Знаки. Покажи, скольких стригоев ты убила.

Мелькнула мысль — может, это еще какой-то трюк? Все взоры были прикованы ко мне. Слегка повернувшись, я приподняла волосы и продемонстрировала татуировки на шее, маленькие знаки в форме молнии и еще особый знак, полученный за последнее сражение. Судя по тому, как удивленно Денис разинул рот, он никогда не видел такого количества этих меток. Я отпустила волосы и в упор посмотрела на него.

— Еще что-нибудь? — Спросила я.

— Ты впустую тратишь время, — сказал он наконец и указал в сторону окружающих нас людей. — С ними. Здесь. Ты должна поехать с нами в Новосибирск. Мы поможем сделать так, чтобы твоя жизнь обрела смысл.

— Только я могу распоряжаться своей жизнью. — Я кивнула в сторону улицы. — Вас просили уйти. Теперь уходите.

Я затаила дыхание, все еще напрягшись в ожидании драки. Но нет — спустя несколько мгновений они отступили. Прежде чем уйти, Денис бросил на меня последний пронизывающий взгляд.

— Такая жизнь тебе не по нутру, и ты понимаешь это. Если передумаешь, ищи нас на Казакова, восемьдесят три. Мы уезжаем завтра на рассвете.

— Вы уедете без меня, — ответила я.

От улыбки Дениса мороз снова побежал у меня по коже.

— Посмотрим.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Стычка с Денисом оставила меня в еще большем смятении, чем прежде. Это была шокирующая иллюстрация к предостережению Марка, воплощение того, кем я могу стать, если не буду осторожна. Разве я не такая же, как Денис? Я бессмысленно нарывалась на неприятности. Правда, не просто так, а по определенной причине, желая выполнить данное себе обещание найти Дмитрия. Я стремилась к гибели и просто обманывала себя, что мной руководят благородные мотивы.

Виктория практически лишила меня возможности без конца жевать эту жвачку. Позже вечером, когда вся семья собралась в гостиной после очередного чересчур сытного обеда, она спросила Алену:

— Можно мне пойти к Марине? Она устраивает вечеринку перед возвращением в школу.

Здорово! Похоже, не только Эйб и алхимики имеют свои секреты. Я переводила взгляд с Алены на Викторию, любопытствуя, чем все закончится. Алена и Ева вязали, но Ева не подняла взгляда. Виктория говорила по-английски. Лицо Алены приняло задумчивое выражение.

— Тебе же уезжать в школу завтра рано утром.

— Знаю. Но я могу поспать в автобусе. Сегодня там соберутся все.

— Все — это не аргумент, — усмехнулась Алена.

— Они тоже утром будут уставшими, — с улыбкой ответила Виктория.

— Ты утратишь возможность провести последний вечер с Розой.

— Я пообщаюсь с ней после возвращения с вечеринки.

— Замечательно. Она должна ради тебя допоздна не ложиться спать.

— Это будет не так уж поздно. Я вернусь к двум.

— Ни за что не поверю. Ты вернешься в середине ночи.

Алена вернулась к своему вязанью. Если я правильно поняла, это было разрешение.

Виктория взглянула на часы. Было почти восемь тридцать. Приближался комендантский час, и это явно тревожило ее, но она, по-видимому, все равно решила идти. Когда мы выходили из комнаты, Каролина бросила на нас странный взгляд, но промолчала. Соня и Павел, поглощенные телевизором, вряд ли даже заметили наш уход. Я должна была разобраться, что происходит.

— Ладно, — заговорила я, когда мы поднимались по лестнице, — что же получается? Я думала, ты не идешь к Марине.

Виктория улыбнулась и поманила меня в свою спальню. Я только недавно узнала, что раньше это была спальня Дмитрия, и каждый раз, оказываясь там, с трудом преодолевала желание зарыться лицом в постель, хотя и понимала, что с тех времен постельное белье меняли бесчисленное число раз. Воображение рисовало мне, что от простыней исходит запах Дмитрия и ощущение тепла, как будто мы лежим в постели вместе.

— Я и не иду.

Виктория порылась в своем шкафу и вытащила оттуда короткое красное платье без рукавов, с кружевными бретельками. Ткань была эластичной, чтобы подчеркнуть все прелести тела, это было довольно вульгарно, и я испытала потрясение, когда увидела его.

— Это шутка?

Оказалось, нет. Виктория сняла рубашку, джинсы и надела платье. Оно плотно облепило ее. Грудь у нее была меньше моей, но в таком платье это не имело значения.

— Ладно. — До меня наконец дошло. — И как его зовут?

— Ролан. Ох, Роза! Он потрясающий. И это последняя наша встреча перед школой.

Я не знала, то ли радоваться за нее, то ли огорчаться за Николая. Видимо, из-за Ролана она и отказалась провести с Николаем этот вечер. Она влюбилась по уши, никаких сомнений. Однако это платье...

— Ты, наверно, действительно любишь его, — сухо заметила я.

— Хочешь встретиться с ним?

— Зачем, не стоит мешать вашему свиданию...

— Ты и не помешаешь. Просто подойдешь и скажешь «привет», идет?

Немного навязчиво, ничего не скажешь, но меня разбирало любопытство, ради какого парня она могла покинуть дом в таком виде, тем более что она еще и намалевала лицо: очень темным карандашом подвела глаза, очень яркой алой помадой накрашила губы. Я таки согласилась встретиться с Роланом, и мы потихоньку выбрались из дома. Виктория накинула поверх платья пальто, но все равно явно не хотела столкнуться с матерью.

Мы направились к центру, несколько раз сворачивали то туда, то сюда и, в конце концов, добрались до здания в заброшенной части города, выглядевшего как обычный склад. Все было спокойно, но у двери стоял, скрестив перед собой руки, высокий, сильный с виду дампир. Виктория остановилась неподалеку, заявив, что нужно подождать здесь. Спустя минуту, смеясь и болтая, появилась компания мужчин-мороев разного возраста. Дампир бросил на них беглый взгляд и распахнул дверь. Изнутри

хлынули свет и музыка, но потом дверь закрылась и снова наступила тишина.

— Значит, это и есть тайный мир вампиров в Бийске, — пробормотала я.

Она не услышала меня, потому что внезапно лицо ее просияло.

— Вот он!

Она кивнула на двух приближающихся парней. Оба морои. Кто бы мог подумать? Тайный бойфренд Виктории оказался не вампиром. В принципе ничего особенного, но меня по-прежнему беспокоило, как она вырядилась сегодня вечером. Она страстно обняла его и представила нас. Его друга звали Сергей — вежливо улыбнувшись, он поспешно прошел внутрь, где, надо полагать, его тоже ждала девушка.

Надо отдать Виктории должное: Ролан был хорош. Волосы темно-рыжие, мягкие и волнистые.

Зеленые глаза напомнили мне Адриана (и это было мучительно). Он ослепительно улыбнулся Виктории, и на ее лице возникло в точности такое же выражение, как у Николая, когда он находился рядом с ней.

Взяв ее руки в свои, он по очереди поднес их к губам и поцеловал. Эти зеленые-зеленые глаза не отрывались от нее, он пробормотал что-то, чего я не расслышала. Она залилась краской и ответила по-русски. Перевод не требовался: явно что-то кокетливо-сексуальное. Все еще улыбаясь, он посмотрел на меня и, хотя она представляла нас, похоже, только сейчас впервые заметил мою персону — и заинтересовался.

— Ты здесь новенькая? — Спросил он.

Виктория обхватила его рукой и положила голову ему на грудь.

— Роза гостит у нас. Она друг семьи.

— Ах! Теперь припоминаю, я слышал о тебе. Никогда не думал, что смертоносная убийца стригоев может быть столь хороша.

— Это входит в должностную инструкцию, — сухо ответила я.

— Ты поедешь в школу с Викторией? — Спросил он.

— Нет. Я ненадолго задержусь здесь.

Говоря «ненадолго задержусь», я понятия не имела, что это означает, час или год.

— Хм... — задумчиво произнес он, перевел взгляд на Викторию, поцеловал ее волосы, провел пальцами по шее. Его следующие слова были обращены к ней: — Рад, что ты сумела вырваться сюда перед отъездом. Не знаю прямо, как я переживу расставание с тобой.

Она просияла.

— Это невымыслимо — чтобы я уехала, еще раз не встретившись с

тобой...

Она смолкла, захлестнутая эмоциями. Он наклонился, все еще касаясь рукой ее шеи, и на один ужасный момент у меня мелькнула мысль, что они займутся любовью прямо здесь и сейчас.

К счастью, их остановило появление девушки-дампирки. Виктория оторвалась от Ролана и обняла ее. По-видимому, они какое-то время не виделись и теперь быстро заговорили по-русски, игнорируя Ролана и меня. Воспользовавшись этим, он наклонился ко мне.

— Когда Виктория вернется в школу, тебе будет здесь одиноко. Могу я показать тебе окрестности?

— Спасибо, но я уже все видела.

Он продолжал ослепительно улыбаться.

— Конечно. Тогда, может, мы могли бы просто встретиться и поговорить?

Я просто глазам своим не верила. Полминуты назад этот парень обнимал Викторию, а теперь пытался закинуть удочку насчет меня, сразу же после того, как она покинет город. Мне стало ужасно противно, и я с трудом сдержалась, чтобы не сделать какую-нибудь глупость.

— Сожалею, но не думаю, что долго здесь пробуду.

По-видимому, ему не часто приходилось слышать от женщин отказ. Он помрачнел, начал возражать, но тут Виктория повернулась и снова обняла его. Еще несколько мгновений он недоуменно всматривался в мое лицо, а потом переключил внимание на нее, весь такой улыбающийся и очаровательный.

Она ничего не заметила, и, хотя они пытались втянуть меня в разговор, было ясно, что они поглощены друг другом. Может, Ролан и заинтересовался мной, но на данный момент она была более легкой «добычей» — и такой, которая долгое время потом будет недоступна. Чем дольше мы стояли там, тем лучше я осознавала, что происходит, и волна отвращения снова поднялась во мне. Внутри находились морейские мужчины и дампирские девушки. И все девушки были одеты в точности как Виктория. Это был притон «кровавых шлюх». Внезапно тайный дампирский мир в Бийске утратил для меня всю свою привлекательность.

Вот мерзость! Мне хотелось одного — убраться отсюда. Нет, постойте. Мне хотелось убраться отсюда и увести с собой Викторию, если понадобится, даже пинками. Ролан оказался подлецом, никаких сомнений, и я не хотела, чтобы она проводила время с ним. Тем не менее вскоре стало ясно, что они не собираются простоять в подворотне всю ночь. Они собрались зайти внутрь и заняться там бог знает чем.

— Виктория, — заговорила я по возможности сдержанно, — ты не хочешь вернуться домой и провести время со мной? Утром мы можем с тобой не увидеться.

На мгновение она заколебалась, но потом покачала головой.

— С Роланом мы тоже не увидимся. Но обещаю, когда в следующий раз вернусь домой, мы с тобой встретимся и проведем вместе всю ночь. Мама не будет против.

Я не знала, как еще выразить свой протест. Теперь, когда я отказала Ролану, он начал проявлять нетерпение. Интересно, что там, внутри... Танцплощадка? Спальни? Наверно, я могла бы пойти с ними, чтобы самой все увидеть, несмотря на то что была одета не так, как нужно, — точнее говоря, недостаточно раздета. Всю жизнь меня воспитывали относительно «кровок шлюх», внушая, что их образ жизни отвратителен. Я не знала, стала ли Виктория одной из них, — и очень надеялась, что нет, — но что я могла поделать?

С тяжелым сердцем я смотрела, как они уходят, удивляясь тому, что позволяю своей подруге поступать так. Видеть ее в обтягивающем платье, полностью опьяненной каким-то дрянным мороем, — это внезапно заставило меня переоценить все. Мирная жизнь Бийска, сколько в ней притворства? И Виктория, которая называла меня сестрой, та ли девушка, какой казалась? В полном смятении я повернулась, зашагала домой...

...и чуть не столкнулась с Эйбом. Опять.

— Какого черта? — Воскликнула я. Сегодня на нем был смокинг и серебристый шелковый шарф. — Ты следишь за мной?

Глупый вопрос. Конечно следил. Я понадеялась, что его официальная одежда означает, что сегодня вечером он меня никуда не потащит. Стражи были одеты ему под стать. Мелькнула мысль: может, притоны вроде этого имеют отношение к его нелегальному бизнесу? Может, он торгует «кровавыми шлюхами»? Как сутенер? Хотя вряд ли, большинство девушек явно не загоняли сюда силой.

Эйб одарил меня понимающей улыбкой, чем, как обычно, еще больше взбесил меня.

— Я чувствую, твоей подруге предстоит интересная ночь. Понятия не имел, что у Виктории такие прекрасные ноги. Теперь это всем станет известно благодаря ее платью.

Стиснув кулаки, я наклонилась к нему.

— Не смей говорить о ней в таком тоне, старикан.

— Я всего лишь констатировал очевидное для всех. И определенно совсем скоро это станет известно и юному Ролану.

— Ты ничего о них не знаешь!

Ах, я и сама не верила собственным словам! По-моему, Эйб прочел мои мысли.

— Все эти девушки говорят, что с ними такого никогда не случится. Но увы, случается. Всегда. И с тобой случится, если ты здесь останешься.

— Снова та же песня, — насмешливо сказала я. — Я знала — без угроз не обойдется. Ты снова прикажешь мне покинуть страну, или произойдут просто ужасные вещи.

Он показал на дверь, в которую входили новые морои и дампиров.

— Мне даже не надо прикладывать никаких усилий, чтобы приключилось нечто ужасное. Ты сделаешь все сама, оставшись здесь. Впустую растратишь свою жизнь, бегая на посылках у Алены Беликовой. Покупка продуктов станет самым волнующим занятием в твоей жизни.

— Они хорошие люди, — проворчала я. — Нечего издеваться над ними.

— О, этого я не отрицаю. — Он поправил шелковый шарф. — Они и впрямь хорошие люди. Но они не твои люди. Это всего лишь игра воображения. Ты обманываешь себя. — Сейчас он был сама суровость. — Горе погнало тебя сюда. Ты оказалась оторвана от своего возлюбленного, а потом сама покинула старых друзей. И пытаешься восполнить эту пустоту, убеждая себя, что Беликовы твоя семья, что здесь твой дом. Но это не так.

— Я могу сделать так, чтобы их дом стал моим.

Я по-прежнему не была уверена в этом, но упрямая натура заставляла противоречить ему.

— Ты не создана для Бийска. — Его темные глаза вспыхнули. — Ты создана для лучшего. Возвращайся домой, в свою школу, к принцессе Драгомир.

— Черт возьми, откуда тебе известно о ней? Кто ты? Когда ты, наконец, скажешь мне, на кого работаешь? Чего ждешь от меня?

Возникло чувство, будто у меня вот-вот начнется истерика. Когда он упомянул Лиссу, внутри словно что-то оборвалось.

— Я просто сторонний зритель, который видит, что здесь ты впустую тратишь время. Эта жизнь не для тебя, Роза. Твоя жизнь там, в Штатах. Говорят, из тебя должен получиться выдающийся страж. Ты понимаешь, какая это честь — получить назначение к последней из Драгомиров? Твоя жизнь будет проходить среди власть имущих, в элитных кругах. Твоя репутация уже такова, что статус и всеобщее уважение тебе обеспечены. Перед тобой открыт путь к великолепной карьере, и еще не поздно снова встать на него. Пока не поздно.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне, как жить? Я слышала, у тебя на руках кровь, Змей. Ты сомнительный образец для подражания. Чем ты сам-то занимаешься?

— Своими собственными делами. И как раз из-за той жизни, которую я веду, ты должна прислушаться ко мне и вернуться домой.

Его слова звучали настойчиво и властно; интересно, что позволяет ему разговаривать со мной в таком тоне?

— Та жизнь осталась позади, — холодно ответила я.

Он хрипло рассмеялся и повел рукой по сторонам.

— Вот это теперь твоя жизнь? Ты хочешь стать «кровавой шлюхой», как твоя подруга?

— Не называй ее так! — Закричала я. — Мне плевать, есть у тебя телохранители или нет. Если скажешь о Виктории еще хоть одно плохое слово, старикан, я сделаю тебе больно, поверь!

Он даже не вздрогнул.

— Это было грубо, готов признать. Пока она не «кровавая шлюха». Но именно пока. Ей остался один шаг. Как я уже говорил, конец всегда один и тот же. Даже если тебя не использует кто-то вроде Ролана Кизляка — а поверь мне, он использует ее в точности так, как ее сестру, — в итоге ты окажешься одна с младенцем на руках, в той роли, для которой слишком молода.

— Постой... — Я замерла. — Ты сказал, что он — тот парень, из-за которого забеременела Соня? Почему Виктория связалась с ним после этого? После того, как он бросил ее сестру?

— Потому что она ничего не знает. Соня ничего не рассказывает, а мистер Кизляк считает это забавной игрой — затащить в постель двух сестер. И наверняка сожалеет, что Каролина умнее других и всех их ему не заполучить. Кто знает? — Он одарил меня иронической улыбкой. — Может, стань ты частью семьи, еще что-нибудь обломилось бы.

— Черта с два! Я никогда не свяжусь с таким типом. Я вообще больше ни с кем никогда не свяжусь. После Дмитрия.

Суровость Эйба сменилась веселым изумлением.

— Ох, Роза, ты еще так молода! Твоя жизнь только начинается. Все думают, что первая любовь — единственная и другой никогда не будет.

Он действительно сумел по-настоящему разозлить меня, но я достаточно хорошо владела собой и решила, что не стоит его бить. Вместо этого я попятилась к стене здания.

— Я не собираюсь играть в твои игры. И ты можешь сказать мне, на кого работаешь, потому что в их игры я не собираюсь играть тоже. Как и

возвращаться обратно. — Так или иначе, охотясь на Дмитрия или оставшись с его семьей, но я буду в России. — Тебе придется упаковать меня в ящик и отправить туда морем.

Я не опасалась подавать ему новые идеи, не сомневаясь, что он может сделать все, что угодно — если захочет. Проклятье! Кто за всем этим стоит? Кто так сильно желает найти меня, что отправил на розыски этого типа? Самое странное, что, кто бы это ни был, он был достаточно осторожен, чтобы сначала попытаться урезонить меня. Если бы Эйб хотел похитить меня, он уже сделал бы это. Хотя бы той ночью, когда привез меня в Бийск. От него требовалось лишь проехать мимо и дальше, в ближайший аэропорт. Хорошо, это понятно. Теперь задача — как отделаться от Эйба?

Я отступила еще дальше.

— Я ухожу, и ты не остановишь меня. И прекрати шпионить за мной. С этим покончено.

Задумчиво сощурившись, Эйб несколько минут внимательно вглядывался в меня. Я почти видела, как колесики всяческих замыслов и интриг крутятся в его голове. Потом он заговорил, так тихо, что я едва расслышала.

— С ними, однако, еще не покончено.

— С кем?

Он кивнул на дверь.

— С Викторией и Роланом.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Она думает, что влюблена в него. Он понимает, что завтра утром она вернется в школу. Сегодня ночью у него есть последний шанс, и уж он не упустит его. Там много очень милых спален. В данный момент они, скорее всего, в одной из них.

Я почувствовала, что задыхаюсь.

— Наверно, я должна пойти и все рассказать ее матери.

— Будет слишком поздно. Она не успеет, завтра Виктория уедет в школу, и он утратит к ней всякий интерес. Что может сделать мать, оказавшись перед свершившимся фактом? Всыпать ей?

Я злилась все больше, главным образом потому, что чувствовала — он прав.

— Прекрасно. Тогда я сама вытащу ее оттуда.

— Нет, не получится. Она хочет, чтобы это произошло. Даже если тебе удастся оторвать ее от Ролана, она снова найдет его.

Я во все глаза смотрела на него.

— Достаточно. Ты, надо полагать, ведешь к чему-то, так давай, не тяни

время.

Он улыбнулся, явно довольный моей сообразительностью — или, может, прямоотой.

— Если хочешь спасти ее, нужно действовать через него. Через Ролана.

Я усмехнулась.

— Не пойдет. Он оставит ее в покое только в том случае, если я предложу ему себя.

И, эй, дружба дружбой, но не до такой же степени.

— Или если я поговорю с ним.

— И что ты ему скажешь? Преподашь урок морали и переубедишь с помощью разумных доводов?

— Я могу переубедить его. Но поверь мне, разумные доводы здесь ни при чем — по крайней мере, не в том смысле, как ты себе представляешь. Если я велю ему оставить ее в покое, он оставит ее в покое. Навсегда.

Не осознавая этого, я отступила еще на шаг и уткнулась в стену. Эйб выглядел чертовски устрашающе. Змей. Я ни на миг не усомнилась в его словах. Он может заставить Ролана оставить Викторию в покое. Ему даже не придется для этого прибегать к помощи своих дампиров. Он способен нагнать такой страх — а в случае необходимости и ударить, — что, конечно, добьется своего.

— С какой стати ты станешь делать это для меня? — Спросила я.

— Пообещай покинуть Бийск, и я разберусь с ним.

Его глаза вспыхнули. Мы оба чувствовали, как вокруг меня стягивается сеть.

— Значит, такая у тебя теперь тактика? Ты предлагаешь мне обмен? Неужели мой отъезд стоит того, чтобы нагнать страха на какого-то морейского козла?

— Неужели не стоит, а, Роза?

Сеть затягивалась все туже. Я лихорадочно искала выход. Конечно, Виктория свободна делать свой собственный выбор, любить того, кого хочет, но я абсолютно точно знала, что Ролан не любит ее. Она для него — очередная победа, и все. Достаточно вспомнить хотя бы, как он был готов приударить за мной, да еще и история с Соней. Что произойдет с Викторией? Станет ли она такой же, как остальные здешние женщины? Еще одна Беликова, в одиночку растящая ребенка? Да, она не хочет быть стражем, но этот путь не для нее. Каролина тоже не пожелала стать стражем и теперь живет со своими детьми, честно зарабатывает себе на жизнь и пользуется всеобщим уважением. Пусть ее работа не какая-то

особо захватывающая, но она как минимум позволяет ей сохранять достоинство. Я не могу допустить, чтобы Виктория пошла по кривой дорожке и разрушила свою жизнь. Я не могу допустить, чтобы это случилось с сестрой Дмитрия.

Дмитрий...

Я хорошо знала его, знала его натуру. Он никогда не позволил бы случиться ничему плохому с теми, кого любил. Мне была ненавистна даже сама мысль об этом притоне «кровавых шлюх», и все же я ворвалась бы туда, чтобы вызволить ее, потому что именно так поступил бы Дмитрий. Но успею ли я вовремя, вот вопрос. А вот Эйб сумеет сделать это — и сумеет добиться того, чтобы Ролан никогда больше ни на шаг не приблизился к ней. Поэтому, полностью отдавая себе отчет в последствиях сказанного, я ответила:

— Хорошо, я покину Бийск.

ПЯТНАДЦАТЬ

Эйб оглянулся на одного из стражей и коротко кивнул. Тот мгновенно исчез.

— Вот и все, — сказал Эйб.

— Так просто? — Недоверчиво спросила я.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Ролан знает, кто я такой. Знает, кто работает на меня. Как только Павел сообщит ему о моих желаниях, на том и конец.

Я содрогнулась, понимая, что Эйб говорит правду. Учитывая, как вызываяще я вела себя с Эйбом все это время, просто чудо, что меня пока не закатали в цемент и не зашвырнули в океан.

— Почему, интересно, ты силой не утащил меня отсюда?

— Мне неприятно заставлять людей делать что-то против их воли. Даже Ролана. Гораздо легче, если человек просто внемлет разуму и сделает то, о чем я его прошу, без применения силы.

— И под словами «внемлет разуму» ты понимаешь шантаж, — заметила я, подумав, на что только что дала согласие.

— Мы заключили сделку, — ответил он. — Вот и все. Не забывай о своих обязательствах. Ты обещала уехать отсюда, и ты не похожа на человека, отказывающегося от своего слова.

— Это так.

— Роза!

Внезапно в двери возникла Виктория. Класс, вот это скорость! Павел спокойно вел ее за руку. Ее волосы были в беспорядке, бретелька с одного плеча соскользнула. На лице застыло смешанное выражение недоверия и ярости.

— Что ты натворила? Этот парень пришел, велел Ролану убираться отсюда и никогда больше не встречаться со мной! И Ролан согласился! Просто взял и ушел.

Забавно — Виктория обвинила в этом меня. Если разобраться, я в ответе за происшедшее, но ведь Эйб стоял тут же. И ни для кого не секрет, кто на него работает. Тем не менее я решила оправдаться.

— Он хотел использовать тебя, — сказала я.

В карих глазах Виктории блеснули слезы.

— Он любит меня.

— Если он любит тебя, то почему стал заигрывать со мной, как только

ты отвернулась?

— Он не делал этого!

— Это от него Соня беременна.

Даже в тусклом свете проулка было видно, как ее лицо побледнело.

— Ложь!

Я вскинула руки.

— С какой стати мне врать? Он собирался встречаться со мной, как только ты уедешь из города.

— Если и так, — дрожащим голосом сказала она, — то лишь потому, что ты завлекала его.

Я потрясение раскрыла рот. Эйб, стоя рядом, спокойно слушал с самодовольным видом. Скорее всего, считал, будто все происходящее подтверждает его правоту. Мне захотелось врезать ему, но сейчас меня волновала Виктория.

— Как только тебе такое в голову пришло? Мы же с тобой друзья!

— Будь ты моим другом, ты не поступила столь подло. Не пыталась бы встать у меня на пути. Ты вела себя так, будто любила моего брата, но теперь я не верю в твои чувства — потому что ты не понимаешь, что такое любовь!

Не понимаю, что такое любовь? Она сошла с ума? Если бы только она знала, чем я пожертвовала ради Дмитрия, на что пошла, лишь бы оказаться здесь. Все ради любви. Она сама не понимает, что такое любовь. Любовь — не секс в пустой комнате на вечеринке. Любовь — это то, чем ты живешь и за что умираешь. Во мне разыгрались эмоции, подталкивая достойно ответить на ужасные обвинения. Только величайшим усилием воли я сумела напомнить себе, что она и так страдает и наговорила лишнего потому, что расстроена и сбита с толку.

— Виктория, я все понимаю, и мне очень жаль. Я так поступила только потому, что ты мой друг, я беспокоюсь о тебе.

— Ты мне не друг, — прошипела она. — И ты не член нашей семьи. Ты ничего не знаешь о нас, о том, как мы живем! Я сожалею, что ты вообще приехала сюда.

Она повернулась и бросилась бежать, проталкиваясь сквозь толпу завсегдатаев притона. Я смотрела ей вслед с болью в сердце.

— Она наверняка попытается найти его, — сказала я Эйбу.

Отвратительное понимающее выражение так и застыло на его лице.

— Это не имеет значения. Он больше не станет с ней связываться — если, конечно, дорожит смазливой физиономией.

Я продолжала волноваться из-за Виктории, но чувствовала, что Эйб

прав насчет Ролана. С ним проблем не будет. Что же касается следующего парня Виктории, сейчас об этом не стоило беспокоиться.

— Прекрасно. Значит, здесь все улажено. Не преследуй меня больше, — проворчала я.

— Сдержи свое обещание покинуть Бийск, и ты избавишься от меня.

Я прищурилась.

— Я уже говорила: я всегда держу свои обещания.

Торопливо шагая назад к дому Беликовых, я внезапно задумалась, правда ли это. Стычка с Эйбом и Викторией подействовала как ушат холодной воды на голову. Что я здесь делаю? В какой-то степени Эйб прав. Стараясь утишить свое горе, я обманывалась, притворяясь, будто семья Дмитрия — моя семья. Но это не так. Это не мой дом. Академия тоже перестала быть мне домом. Единственное, что у меня осталось, это обещание — обещание, данное Дмитрию. Обещание, которое отошло на второй план со времени моего приезда сюда.

Некоторые члены семьи Беликовых уже ушли спать, когда я вернулась, но кое-кто еще сидел в гостиной. Я проскользнула наверх в свою комнату, с тревогой ожидая возвращения Виктории домой. Полчаса спустя я услышала ее шаги и звук закрываемой двери. И тихонько постучалась.

— Виктория, — громким шепотом позвала я. — Это я. Пожалуйста, давай поговорим.

— Нет! Я никогда в жизни не стану разговаривать с тобой.

— Виктория...

— Убирайся!

— Я просто беспокоюсь за тебя.

— Ты не мой брат! Ты даже не моя сестра. Тебе здесь не место!

Вот так-то. Я не хотела шума в коридоре, не хотела, чтобы другие услышали, и вернулась в свою комнату с разбитым сердцем. Там я остановилась перед зеркалом и почему-то именно в этот момент поняла ее правоту. Даже Эйб прав. Мое место не в Бийске.

В мгновение ока я упаковала свои немногочисленные вещи, но, стоя наверху лестницы, заколебалась. Закрытая дверь Виктории глядела на меня, я с трудом преодолела желание постучать снова. Если я появлюсь у нее, скорее всего, последует новая стычка. Или, еще хуже, Виктория простит меня — и тогда я захочу остаться здесь навсегда, затеряться в покое семьи Дмитрия, найти утешение в их простой жизни.

Сделав глубокий вдох, я ринулась вниз по лестнице и вышла через переднюю дверь. Мне хотелось попрощаться с ними, но я опасалась, что, увидя их лица, передумаю. Я понимала — пора уходить. Я была сердита и

на Викторию, и на Эйба. Их слова причинили мне боль, но в них была правда. Это не мой мир. Мне следует по-другому распорядиться своей жизнью. И я должна держать свои обещания.

Преодолев на скорости около восьми кварталов, я пошла медленнее. Не потому, что устала, просто не знала, куда идти. Покинуть родственников Дмитрия — такой трудный, такой важный шаг. Я присела у стены дома в незнакомом темном дворе. Подступили слезы, не знаю почему. Я хотела, чтобы вернулась прежняя жизнь. С Дмитрием и Лиссой. О господи, как я тосковала по ним!

Однако Дмитрий ушел. Чтобы увидеть его, существовал единственный способ — снова отправиться на поиски с целью убить его. Что же касается Лиссы... для меня она тоже более-менее ушла. Даже если я уцелею, не думаю, что она простит меня. Чувствуя себя ужасно потерянной и одинокой, я попыталась еще раз дотянуться до нее. Понимала, что это глупо, учитывая виденное раньше, но не смогла удержаться. Еще один раз. Я должна знать, займу ли я прежнее место, если вернусь. Я мгновенно проскользнула в ее сознание, мои разыгравшиеся эмоции облегчили процесс.

Лисса летела в самолете. Если Джил изначально была потрясена встречей с известнейшими учениками Академии, то путешествие с ними ввергло ее почти в коматозное состояние. Во время полета она смотрела вокруг широко распахнутыми глазами и едва ли произнесла хотя бы слово. Эйвери предложила ей бокал шампанского, но Джил лишь пролепетала в ответ: «Н-н-нет, спасибо». После этого все позабыли о ней и продолжили болтать между собой. Лисса заметила неловкость Джил, но не предприняла ничего, чтобы помочь ей. Это меня потрясло. Лисса, которую я знала, постаралась бы включить Джил в общий разговор, чтобы та почувствовала себя лучше. К счастью, девочка, казалось, получала удовольствие, просто наблюдая за остальными персонажами.

Меня также успокоил тот факт, что ей предстояла встреча с Мией. Лисса послала вперед сообщение Мии с просьбой позаботиться о Джил, когда они прилетят, поскольку сама Лисса и остальные сразу же отправятся на прием к Татьяне. Мия ответила, что возьмет Джил под свое крыло на весь уикэнд и покажет ей некоторые новые приемы с магией воды, которые она освоила. Лисса была рада, что ей не придется весь уик-энд нянчиться с новенькой.

Джил полностью выпала из поля зрения Лиссы, чего нельзя сказать о другом персонаже, а именно Риде, брате Эйвери. Их отец счел хорошей идеей отправить Рида вместе с ними, и, поскольку мистер — ох, прошу

прощения! — директор школы Лазар играл ключевую роль в организации этой поездки (с учетом пожеланий Татьяны, конечно), никаких возражений не последовало. Только Эйвери закатила глаза, шепнув об этом на ушко Лиссе, перед самой посадкой в самолет.

— Все мы в какой-то мере используем твою репутацию, — заявила Эйвери. — Папа позволил мне поехать, потому что ты на хорошем счету у королевы, и он полагает, это положительно отразится на мне. И тогда, он рассчитывает, я тоже буду в милости у королевы, а значит, и Рид, и вся наша семья.

Лисса постаралась не отягощать свое сознание подобной логикой. Ей не слишком нравилось, что Рид Лазар летит с ними, но главным образом потому, что он оставался таким же неприветливым, как во время их первой встречи. Никакого серьезного значения его манеры не имели, ей просто было неуютно рядом с ним. Он казался полной противоположностью Эйвери. В то время как она была девушка живая, способная завязать разговор практически на любую тему, он сидел, плотно сжав губы, и отвечал, только когда к нему обращались. Лисса пока не понимала, что это — застенчивость или пренебрежение.

Она спросила, радует ли его поездка ко двору. В ответ он просто пожал плечами.

— Мне все равно.

Говорил он почти враждебно, как будто ее вопрос обидел его, и Лисса оставила всякие попытки втянуть его в беседу. По крайней мере, у нее на глазах он разговаривал только со стражем Эйвери — Симоном, за исключением самой Эйвери, разумеется. Симон также летел с ними.

Когда самолет сел, Мия уже ждала их и с энтузиазмом помахала Лиссе; ее светлые кудри раздувал ветер. Лисса улыбнулась, они нежно обнялись — что всегда изумляло меня, учитывая, какими врагами они были когда-то.

Пока эскорт стражей вел их со взлетной полосы к зданиям королевского двора, Лисса представила тех, кто впервые прибыл ко двору. Мия так тепло приветствовала Джил, что неловкость последней практически растаяла, и зеленые глаза восхищенно заискрились. Все еще улыбаясь, Мия снова перевела взгляд на Лиссу.

— А где Роза?

Последовала пауза; все смущенно переглянулись.

— Что? — Воскликнула Мия. — Что такого я сказала?

— Роза уехала, — ответила Лисса. — Извини. Я думала, ты знаешь. Она бросила школу и уехала вскоре после нападения, у нее есть кое-какие

дела... личные дела... которые ей нужно уладить.

Лисса опасалась, что Мия начнет расспрашивать об этих личных делах. Всего несколько человек знали, что я отправилась на поиски Дмитрия, и Лисса хотела, чтобы так и осталось. Большинство винили в моем исчезновении посттравматический синдром, сломивший меня после нападения. Следующий вопрос Мии полностью выбил Лиссу из колеи.

— Почему ты не поехала с ней?

— Что? — Пролепетала Лисса. — Зачем? Роза бросила школу. Я этого себе позволить не могу.

— Наверно. — Мия устремила на нее любопытный взгляд. — Вы были так близки... даже без учета вашей связи. Мне казалось, вы должны последовать друг за другом хоть на край земли, а уж потом думать о последствиях.

В жизни самой Мии недавно произошли столь сильные потрясения, что у нее выработалась определенная чуткость.

Этот странный, внезапно вспыхивающий гнев, который я так часто ощущала в последнее время в Лиссе, неожиданно обратился против Мии.

— Если бы мы действительно были так уж близки, она, наверно, не покинула бы меня. Она повела себя эгоистично, не я.

Эти слова больно задели меня и, совершенно очевидно, шокировали Мию. Она сама была девушка с характером, но сдержалась и просто извиняющимся жестом вскинула руки. Что ни говори, она действительно очень изменилась.

— Извини. Я не хотела обвинять тебя.

Лисса промолчала. Со времени моего отъезда она ругала себя за многое. Снова и снова перебирала, что могла бы сделать для меня до и после нападения, чтобы заставить меня остаться. Но отправиться вместе со мной — эта мысль никогда не приходила ей в голову; услышать такое от Мии равносильно пощечине. Она ощутила одновременно чувство вины и злость — и сама не понимала, на кого злилась, на меня или на себя.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Адриан несколько минут спустя, когда Мия увела Джил, пообещав встретиться с ними позже.

— Ты что, и мысли мои теперь читаешь?

— В этом нет нужды — все написано у тебя на лице. И Роза никогда не допустила бы, чтобы ты уехала с ней, так что прекрати мучиться из-за этого.

Они вошли в королевскую гостиницу, такую же роскошную и богато украшенную, как во время моего пребывания там.

— Откуда тебе знать? Может, я смогла бы убедить ее.

— Нет! — Отрезал Адриан. — Не смогла бы. Я серьезно — не впадай в депрессию еще и из-за этого.

— Эй, с чего ты взял, что я впадаю в депрессию? Как я уже говорила, это она оставила меня.

Адриан удивился. Со времени моего отъезда Лисса выглядела печальной, иногда сердилась из-за моего решения, но такого пыла в ней ни я, ни Адриан ни разу не замечали. Темные чувства вскипали в ее сердце.

— Я думал, ты понимаешь, — сказал Адриан с оттенком недоумения. — Ты же говорила, что...

Внезапно в разговор вмешалась Эйвери, бросив на Адриана острый взгляд.

— Эй, оставь ее в покое, идет? Встретимся на приеме.

Они находились сейчас в том месте, где им предстояло расстаться — девушки направлялись в одну часть гостиницы, парни в другую. Адриан как будто хотел что-то добавить, но потом просто кивнул и ушел вместе с Ридом и двумя стражами. Сердито глядя ему вслед, Эйвери нежно обхватила Лиссу рукой.

— Ты в порядке?

Обычно жизнерадостное лицо Эйвери выражало беспокойство. Это напугало Лиссу — так же ее пугали редкие для Адриана моменты серьезности.

— Наверно. Не знаю.

— Не ругай себя за то, что ты, возможно, должна была сделать, но не сделала. Прошлое осталось позади. Нужно смотреть в будущее.

На сердце у Лиссы по-прежнему лежал камень, а настроение было мрачнее, чем когда-либо в последнее время. Тем не менее она сумела улыбнуться.

— Думаю, это самое мудрое из твоих изречений.

— Знаю! Как думаешь, оно произведет впечатление на Адриана?

Они рассмеялись, однако внутренне Лисса все еще страдала от бесцеремонных замечаний Мии. И больше всего ее терзало не то, что, отправься она вместе со мной, ей удалось бы уберечь меня от неприятностей. Нет, она мучилась из-за того, что мысль об этом ей даже в голову не пришла, а ведь я ее лучшая подруга, и, как ей теперь казалось, именно так следовало среагировать на известие о моем уходе. Ничего подобного не произошло, и теперь Лисса винила себя больше обычного. Это чувство было всепоглощающим, и время от времени, чтобы облегчить боль, она трансформировала его в гнев. Но практически без толку.

На протяжении вечера настроение ее не улучшилось. Вскоре после их

прилета королева устроила небольшой прием для самых элитных гостей двора. Лисса быстро обнаружила, что королева часто устраивает приемы. В какой-то момент это открытие позабавило ее, но удовольствия она не получала, по крайней мере от приемов такого рода.

Скрывая свои мрачные чувства, Лисса с успехом играла роль приятной девушки из королевской семьи. Королева явно была довольна, что Лисса обзавелась «подходящей» подругой; ей также импонировало то, что Лисса произвела впечатление на других королевских гостей и сановников, которым ее представили. В какой-то момент, правда, Лисса почти утратила всю свою собранность.

— До отъезда, — сказала Татьяна, — ты должна подумать о своих стражах.

Они с Лиссой стояли неподалеку от группы поклонников и прихлебателей королевы, держащихся на почтительном расстоянии. Лисса, рассеянно смотревшая на пузырьки в бокале с шампанским, к которому так и не притронулась, вздрогнула и подняла взгляд на королеву.

— О стражах, ваше величество?

— Не хотелось бы затрагивать эту тему, но никуда не денешься, поскольку сейчас, к лучшему или к худшему, ты осталась без защиты. — Королева сделала уважительную паузу. — Беликов был хорошим человеком.

Мое имя она, естественно, не упомянула. Меня как бы вообще не существовало. Она никогда не любила меня, в особенности с тех пор, как вообразила, будто я хочу сбежать с Адрианом. Лисса заметила, что Татьяна с пристальным вниманием наблюдает за флиртом Эйвери и Адриана. Трудно сказать, одобряла она его или нет. При явном легкомыслии Эйвери выглядела эффектной девушкой — вот только Татьяна лелеяла планы в будущем воссоединить Лиссу и Адриана.

— Пока мне никакая защита не нужна, — вежливо, но со стесненным сердцем ответила Лисса.

— Нет, но достаточно скоро ты покинешь школу. Мы подыскивали для тебя превосходных кандидатов. Один из них женщина — счастливая находка.

— Джанин Хэзевей предложила стать моим стражем, — внезапно выпалила Лисса.

Я не знала об этом, но пока она говорила, прочла в ее сознании, как все произошло. Оказывается, вскоре после моего отъезда мама подошла к ней с этим предложением. Я пребывала в легком шоке. Моя мама очень предана тому, кого защищала в данный момент, она совершила трудный шаг.

— Джанин Хэзевей? — Брови Татьяны взлетели вверх. — Уверена, у нее есть другие обязательства. Нет, мы нашли гораздо лучший вариант. Эта молодая леди всего на несколько лет старше тебя.

«Лучший вариант», чем Джанин Хэзевей? Маловероятно. До появления Дмитрия моя мать была золотым стандартом, по которому я мерила крутизну стражей. «Молодая леди», о которой упоминалось, без сомнения, находилась под контролем Татьяны — и, что более важно, не носила фамилию Хэзевей. Королева не любила мою маму даже больше, чем меня. Как-то, читая мне нотацию, Татьяна упомянула о мужчине, у которого была связь с моей матерью — как я полагаю, о моем отце, которого звали Ибрагим. Самое интересное, королева говорила таким тоном, будто когда-то сама интересовалась этим мужчиной, и я не удивилась бы, если бы подобная связь всплыла наружу.

Лисса изобразила натянутую, вежливую улыбку и поблагодарила королеву за заботу. Мы обе понимали, что происходит. Медленно, но верно осуществлялся замысел Татьяны. Всем отведены определенные роли, и воспротивиться ей не представлялось возможным. В сознании Лиссы промелькнуло воспоминание о том, что ей когда-то сказал Виктор Дашков. Он, конечно, был безумным убийцей и похитителем, но, помимо этого, Виктор хотел затеять революцию в среде мороев. Он полагал, что власть несправедливо сосредоточилась в руках меньшинства и необходимы перемены. Иногда Лиссе казалось, что он прав. Однако Виктор Дашков — безумный злодей, чьи идеи не заслуживают признания.

Вскоре, как только позволили правила хорошего тона, Лисса извинилась перед королевой и удалилась в свою комнату с таким чувством, будто вот-вот взорвется от огорчения и ярости. По дороге она едва не столкнулась с Эйвери.

— Господи, я уж думала, что Рид не может поставить меня в более неловкое положение, но нет! — воскликнула Эйвери. — Двое людей пытались завязать с ним разговор, а он распугал их. Просто сказал Робин Бадика, чтобы та заткнулась. В смысле, да, она тарахтит и тарахтит, но тем не менее... Это скверно. — Трагическое выражение на лице Эйвери пошло на убыль, когда она вгляделась в лицо Лиссы. — Эй, что случилось?

Лисса оглянулась на Татьяну и снова посмотрела на Эйвери, находя утешение в дружеском взгляде ее серо-голубых глаз.

— Мне нужно выбраться отсюда. — Стремясь успокоиться, Лисса сделала глубокий вдох. — Помнишь, ты говорила, что знаешь, где тут можно получить удовольствие. Когда мы перейдем к этому?

Эйвери улыбнулась.

— Как только пожелаешь.

Я вернулась к себе, сидящей в темном дворе. Эмоции по-прежнему бушевали, я боролась со слезами. Мои сомнения подтвердились: Лисса больше не нуждалась во мне, — и тем не менее меня не покидало чувство, будто происходит нечто странное, а я не имею возможности вмешаться. Наверно, на нее повлияло чувство вины, вызванное замечаниями Мии, или побочные эффекты работы с духом, но все же... Это совсем другая Лисса.

Шаги по мостовой заставили меня поднять взгляд. Я ожидала, что меня может найти Эйб или Виктория, но нет.

Появилась Ева.

Старая женщина остановилась, шаль укутывала ее худые плечи, острый, умный взгляд с неодобрением устремился на меня. Я вздохнула.

— Что случилось? Дом обрушился на вашу семью? — Спросила я.

Все-таки в языковом барьере есть свои плюсы. Она поджала губы.

— Тебе больше нельзя оставаться здесь, — сказала она.

У меня отвалилась челюсть.

— Вы... Вы говорите по-английски?

Она фыркнула.

— Конечно.

Я вскочила.

— И все это время вы просто притворялись, заставляя Павла играть роль переводчика?

— Так легче, — просто ответила она. — Если не знаешь языка, то избегаешь от всяких надоедливых разговоров. А я выяснила, что американцы надоедливы.

Я все еще пребывала в полном ошеломлении.

— Вы даже не знаете меня, но с первого дня не жаловали! Почему? Почему вы ненавидите меня?

— Я не ненавижу тебя. Просто разочарована.

— Разочарованы? В каком смысле?

— Я видела во сне твой приезд.

— Я слышала об этом. Вы часто видите пророческие сны?

— Иногда, — ответила она. Лунный свет поблескивал в ее глазах, усиливая потустороннее впечатление от ее облика. Холодок пробежал у меня по спине. — Иногда мои сны сбываются, иногда нет. Мне приснилось, что Дима мертв, но я не хотела верить, пока не получу доказательств. Ты стала доказательством.

— И поэтому вы разочарованы?

Ева плотнее натянула шаль.

— Нет. В моих снах ты сияла, обжигала, словно звезда. Я видела тебя воином, способным на великие дела. И что? Ты расслаиваешься, сложа руки, и хандришь. Не делаешь того, ради чего пришла.

Я внимательно вглядывалась в ее лицо. Интересно, она на самом деле понимает, о чем говорит?

— И?

— Ты знаешь. Я все видела во сне.

Я выждала немного, а потом рассмеялась.

— Замечательно расплывчатый ответ. Вы жульничаете, как любая гадалка.

Даже в темноте я разглядела, как в ее глазах вспыхнул гнев.

— Ты пришла, чтобы найти Диму. Попытаться убить его. И ты должна найти его.

— Что значит «попытаться»? — Я не хотела верить тому, что она действительно знает мое будущее. Тем не менее ей удалось подцепить меня на крючок. — Вы видели, что произойдет? Я убью его?

— Я не могу видеть все.

— А-а... Фантастика.

— Я только видела, что ты должна найти его.

— И все? Я и без вас знаю!

— Это то, что я видела.

Я застонала.

— Проклятье! У меня нет времени разгадывать ваши загадки. Если не хотите помочь мне, лучше не говорите ничего.

Она молчала. Я повесила сумку на плечо.

— Прекрасно. Я ухожу. — И я знала, куда пойду. — Передайте остальным спасибо за все. И мои сожаления.

— Ты поступаешь правильно, — сказала она. — Здесь тебе не место.

— Нечто подобное я уже слышала, — пробормотала я и зашагала прочь.

Интересно, скажет она что-нибудь еще? Обругает меня, проклянет, выдаст невразумительные напутственные слова «мудрости»? Но она молчала, и я не стала оглядываться.

У меня не было дома, ни здесь, ни в Америке. Мне оставалось одно — сделать то, ради чего я сюда приехала. Я сказала Эйбу, что держу свои обещания. И вот я покидаю Бийск, как обещала ему. И я убью Дмитрия, как обещала себе.

Теперь я знала, куда идти. Адрес врезался в мою память: Казакова, 83. Я не знала, где это, но в центре столкнулась с идущим по улице мужчиной,

и он указал мне направление. Дом находился неподалеку, примерно на расстоянии мили, и я быстрым шагом устремилась туда.

Добравшись до дома, я обрадовалась, увидев, что свет еще не погашен. Пусть я и была зла как черт, будить мне никого не хотелось. Правда, разговаривать с Николаем тоже не хотелось, поэтому я обрадовалась, когда дверь открыл Денис.

При виде меня он ужасно удивился. Несмотря на дерзкие слова, сказанные около церкви, он не верил, будто действительно сумел убедить меня присоединиться к ним. Он потерял дар речи от неожиданности, пришлось говорить мне.

— Передумала и пришла к вам. — Я сделала глубокий вдох, собираясь с силами, чтобы произнести следующие слова. Я обещала Эйбу покинуть Бийск — но не обещала вернуться в США. — Возьмите меня с собой в Новосибирск.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Денис и оба его друга-отказника, Артур и Лев, были в восторге, что я в их компании. Однако если они верили, будто я разделяю идиотский энтузиазм относительно бездумной охоты на стригоев, их ждало горькое разочарование. Фактически сразу после моего появления они очень хорошо поняли, что я подхожу к этой охоте совершенно иначе, чем они. У Льва была машина и, мы, сменяя друг друга за рулем, поехали в Новосибирск. Дорога заняла около пятнадцати часов, и хотя на ночь мы остановились в отеле, поездка выдалась нелегкой. Попробуйте провести столько времени в тесном пространстве автомобиля с тремя парнями, которые без конца трещат о стригоях и о том, как очистят от них мир.

В частности, они пытались разговаривать и меня. Хотели узнать, сколько стригоев я убила. Расспрашивали о сражении в Академии. Хотели понять мои методы. Однако едва мое сознание обращалось к этим темам, я могла думать лишь о крови и страданиях. Мне совсем не хотелось хвастаться своими успехами, и спустя примерно шесть часов езды парни поняли, что много информации из меня им не вытянуть.

Тогда они принялись потчевать меня рассказами о собственных приключениях. Ради справедливости следует сказать, что они убили нескольких стригоев — но при этом потеряли немало друзей, таких же молодых парней. Мой опыт не сильно отличался, я тоже потеряла друзей. Правда, наши потери объяснялись тем, что стригои значительно превосходили нас численно, в то время как потери группы Дениса скорее стали результатом непродуманных действий. План по поимке стригоев, который они намеревались осуществить в Новосибирске, изобилдовал слабыми сторонами. Они твердили, что стригои любят охотиться ночью в местах большого скопления людей, около танцевальных клубов или в глухих проулках. В таких местах никто не заметит, если один-два человека исчезнут. Предложение Дениса сводилось к тому, чтобы крутиться там в надежде наткнуться на стригоя.

Поначалу я собиралась сразу по приезде бросить этих ребят и дальше действовать самостоятельно. В конце концов, моей главной целью было просто добраться до Новосибирска. Судя по тому, что я теперь знала, представлялось логичным отправиться в самый крупный сибирский город. Однако чем больше я думала об этом, тем яснее становилось, что ворваться в одиночку в область активного действия стригоев ничуть не умнее, чем

примитивные планы Дениса. Я могла использовать их резервы. Плюс, поскольку я не знала, где именно Дмитрий, требовались источники информации, способные помочь мне в этом.

Мы прибыли в Новосибирск в конце второго дня. Я слышала, что это большой город, но подозревала, что его не стоит сравнивать с Москвой или Санкт-Петербургом. И действительно, он оказался значительно меньше российских столичных мегаполисов, но имел все признаки большого города — многоэтажные дома, театры, аэропорты и вокзалы; надо сказать, что город отличала прекрасная архитектура.

Мы остановились у подружки ребят, живущей в отдельной квартире в центре города, дампирки по имени Тамара. По-английски она говорила не очень хорошо; тем не менее выяснилось, что она тоже отказница, жаждущая самостоятельно очищать мир от стригоев. Она была немного старше всех нас, чем объяснялось наличие собственного жилья; Тамара, симпатичная брюнетка с лицом, усыпанным веснушками, произвела приятное впечатление. По ее словам, она дожидалась, пока парни приедут в город, чтобы приступить к охоте. И то благо — по крайней мере, она не выходила одна. Появление второй девушки привело ее в восторг, но, как и остальные, она быстро поняла, что я не разделяю их энтузиазма.

Когда наступила наша первая ночь охоты на стригоев, я в конце концов взяла лидерство на себя. Перемены в моем поведении поначалу напугали их, но вскоре они уже с восхищением вслушивались в каждое слово, зачарованные моей репутацией звезды.

— Хорошо. — Я пробежала взглядом по всем лицам. Мы сидели в тесной гостиной Тамары. — Вот как мы будем действовать. Всей группой патрулируем ночной клуб, а также проулки позади него...

— Постой, — прервал меня Денис. — Обычно мы разделяемся.

— Поэтому вас и убивают, — возразила я. — Нет, мы будем действовать вместе.

— А ты-то ведь убивала стригоев в одиночку? — Спросил Лев.

Он был самый высокий и тощий среди них, сложением сильно походя на мороя.

— Да, но мне просто повезло. — К тому же как боец я была лучше любого из них. Пусть считают меня самоуверенной, но я чертовски хороший страж. Почти страж. — Впятером мы добьемся большего. Найдя стригоев, надо заставить их вступить в бой в изолированном пространстве. — Я не забыла предостережений Сидни. — Однако прежде чем убить, мне потребуется переговорить с каждым. Ваша задача при этом — сдерживать их.

— Зачем? — Спросил Денис. — О чем ты собираешься с ними болтать?

— На самом деле они должны сказать мне кое-что. Послушайте, это не займет много времени. И в конце вы убьете его, так что не из-за чего волноваться. — Следующая часть противоречила моему главному плану, но я понимала, это должно быть сказано. Мне не хотелось, чтобы они погибали ради моих личных поисков. — Если вы окажетесь в ловушке или вам будет угрожать непосредственная опасность, забудьте о всяких разговорах и необходимости сдерживать. Убивайте. Спасайте себя.

По-видимому, я выглядела достаточно уверенной в себе и крутой, и они решили следовать моим указаниям. Непременной частью нашего плана я обозначила скрытность действий. Любой стригой, подошедший достаточно близко и получивший возможность как следует взглядеться, тут же распознал бы в нас дампиров. Важно, чтобы мы не выделялись в толпе, чтобы стригой, выискивающие свои жертвы, не обращали на нас внимания. Мы должны выглядеть как другие люди, посетители клуба.

Поэтому мы соответственно приоделись, и я подивилась тому, как хорошо выглядели парни, и лучше всех Денис, сдвинутый он или нет. У него, как и у его брата Николая, были темно-золотистые волосы и карие глаза. Мой скромный гардероб плохо соответствовал клубным стандартам, поэтому Тамара порылась в своем шкафу и нашла кое-что для меня. Ее почему-то приводила в восторг идея поделиться со мной одеждой. У нас оказался примерно один размер, что было удивительно. Ведь одежда высокой, худощавой Лиссы мне никогда не подходила. Тамара же была примерно моего роста и сложения.

Сначала она предложила мне короткое, плотно обтягивающее платье, так похожее на то, в которое вырядилась Виктория, что я просто покачала головой и вернула его. Воспоминания о нашей стычке все еще ранили. Не хотелось снова переживать события той ночи; и, уж в любом случае, не хотелось одеваться как «кровавая шлюха». Тогда Тамара достала черные джинсы и черную безрукавку. Я согласилась, чтобы она уложила мне волосы и слегка подкрасила. Потом, изучая себя в зеркало, я вынуждена была признать, что она постаралась на славу. Мне нравится выглядеть хорошо — пусть и совершенно без толку. В особенности мне нравится, когда парни смотрят на меня с восхищением и почтением, а не просто как на кусок мяса. Тамара предложила мне и кое-какие украшения, но я осталась при своем назаре. Для кола требовалась куртка, и Тамара подыскала мне кожаную, достаточно сексуальную, вполне под стать остальному прикиду.

Когда мы вышли где-то около полуночи, я не удержалась и пробормотала:

— Мы чертовски эффективные охотники на вампиров.

Денис повел нас в клуб, где прежде они видели стригоев. Там же погиб один из его друзей. Это был пользующийся дурной славой район города, что, надо полагать, делало его еще более привлекательным для стригоев. Сюда стекалось множество молодых людей, принадлежащих к среднему классу и даже высшему обществу; по-видимому, их притягивал именно аспект «опасности». Если бы только они знали, насколько тут на самом деле опасно! Я часто подшучивала над увлечением Дмитрия музыкой России и Восточной Европы десятилетней давности, но когда мы вошли, на нас обрушились грохочущие ритмы сродни тем, что я слышала в США незадолго до отъезда.

В забитом до отказа народом помещении было темно, если не считать резких вспышек светомузыки, которая действует слегка раздражающе на глаза дампиря. Только ночное видение приспособится к темноте, как вспыхивает дурацкий свет и путает все карты. Для меня, впрочем, фактор зрения особой роли не играл. Как «поцелованная тьмой», я сразу почувствовала, что стригоев здесь нет.

— Давайте потанцуем какое-то время и подождем, — бросила я остальным. — Сейчас поблизости стригоев нет.

— Откуда ты знаешь?

Денис удивленно воззрился на меня.

— Просто знаю. Держитесь вместе.

Мы вышли на танцплощадку. Я так давно не танцевала, что изрядно удивилась, обнаружив, как быстро сумела уловить ритм. В глубине сознания прозвучало, что следует не увлекаться и не терять бдительности, но я знала, моя система обнаружения стригоев сработает незамедлительно, если они появятся, и тошноту трудно игнорировать.

Прошло около часа; никаких стригоев. Мы покинули танцплощадку, прочесали все углы клуба, вышли наружу и осмотрели ближайшие проулки. Ничего.

— Неподалеку есть другой клуб? — Спросила я.

— Конечно, — ответил улыбчивый Артур, приземистый, с почти наголо обритой головой. — Примерно на расстоянии двух кварталов.

Второй клуб, очень похожий на первый, размещался в полуразрушенном здании. Снова вспышки света. Снова толпа. Снова грохочущая музыка. Прежде всего меня неприятно беспокоил запах — огромное сборище людей выделяло слишком много пота. Наверняка эту

вонь чувствовали даже люди, а у нас она просто вызывала отвращение. Мы с Тамарой обменялись взглядами и сморщили носы, не нуждаясь в словах, чтобы выразить свои впечатления.

Мы снова вышли на танцплощадку, только Лев двинулся в сторону, чтобы раздобыть выпивку. Я стукнула его по плечу.

Он воскликнул что-то по-русски, я знала, что это ругательство.

— За что? — Спросил он.

— За глупость! Как можно рассчитывать убить того, кто вдвое быстрее тебя, если ты пьян?

Он пожал плечами с таким видом, будто мои слова не убедили его, и я с трудом сдержала желание врезать ему на этот раз в лицо.

— Одна рюмка не повредит. Кроме того, здесь даже нет ни...

— Тихо!

В животе возникло хорошо знакомое неприятное ощущение. Я остановилась, пристально вглядываясь в толпу. Чувства позволяли мне обнаружить присутствие стригоев, но вот разглядеть их в толпе гораздо труднее. Я сделала несколько шагов в сторону выхода, и тошнота уменьшилась. Я двинулась в сторону бара, и неприятное ощущение усилилось.

— Вон там, — сказала я. — Ведите себя так, словно все еще захвачены музыкой.

Моя напряженность оказалась заражительна, и я видела, что их захлестнуло предвкушение — и одновременно страх. Отчасти хорошо. Может, они поведут себя как серьезные люди. Проталкиваясь к бару, я вела себя так, будто хочу выпить, а взглядом все время шарила по толпе.

Вот! Я засекла его. Мужчина-стригой стоял в углу, обнимая девушку примерно моего возраста. В тусклом свете он казался почти привлекательным. Я знала — при ближайшем рассмотрении обнаружатся смертельно бледная кожа и красные глаза. Наверно, в темном клубе девушка не могла рассмотреть их, а может, стригой применил к ней принуждение. Скорее всего, и то и другое, судя по улыбке на ее лице. Стригой способен принуждать других не хуже, чем пользователи духа вроде Лиссы. Может, даже лучше. Прямо у нас на глазах стригой повел девушку в маленький, незаметный коридор, в конце которого мерцало табло «выход». Я предположила, что это выход, написано-то было кириллицей.

— Знает кто-нибудь, куда эта дверь выходит? — Спросила я остальных.

Парни пожали плечами, а Денис повторил мой вопрос Тамаре. Она

ответила, и он перевел.

— В маленький проулок, где стоят мусорные баки. Между этим зданием и фабрикой. Обычно там никого нет.

— Можно добраться туда, обойдя клуб?

Денис дождался ответа Тамары.

— Да. Проулок открыт с обоих концов.

— Прекрасно.

Мы поспешно покинули клуб через переднюю дверь, и я разделила нашу группу на две. План состоял в том, чтобы выйти на стригоя с обеих сторон и таким образом загнать его в ловушку — при условии, что он и его жертва все еще там. Не исключено, что он увел ее куда-нибудь, но мне казалось более вероятным, что он хочет закусить ее кровью прямо на месте, в особенности если дворик и впрямь такой безлюдный, как сказала Тамара.

Я оказалась права. Как только моя группа выглянула из-за угла клуба, мы увидели стригоя с девушкой, затаившегося в тени мусорного бака. Он склонился над ней, рот уже почти у шеи, и я молчаливо выругалась. Он не терял времени даром. Надеюсь, что она еще жива, я бросилась в проулок, остальные за мной. С другой стороны выскочили Денис и Лев. Едва услышав шаги, стригой среагировал молниеносно, включив свои потрясающе быстрые рефлексy. Он уронил девушку и в мгновение ока сделал выбор, в качестве первой мишени предпочтя Дениса и Льва Артуру, Тамаре и мне. Вполне разумная стратегия, по правде говоря. Их было всего двое; понимая, что может двигаться с невероятной скоростью, он, видимо, рассчитывал быстро вывести парней из строя и потом заняться нами, прежде чем мы нападём на него сзади.

И у него почти получилось. Мощный удар подбросил Льва в воздух. К моему облегчению, мусорные баки помешали ему врезаться в стену. Баки — тоже не подарок, но лучше удариться о металлические баки, чем о кирпичную стену. Следующий удар стригоя предназначался Денису, но тот оказался на удивление быстр. Я совершенно незаслуженно решила, что никто из этих отступников не имеет реальных боевых навыков, а ведь могла бы сообразить, что они прошли точно такое же обучение, как я; у них просто были проблемы с дисциплиной.

Денис увернулся и сам нанес низкий удар по ногам стригоя. Недостаточно сильный, однако, чтобы сбить его на землю. В руках Дениса вспыхнуло серебро, и он сумел ударить стригоя в щеку за мгновение до того, как ответный удар отбросил его на меня. Такой порез для стригоя не смертелен, но прикосновение серебра причиняет боль, и стригой зарычал, обнажив клыки, с которых капала слюна.

Я успела отскочить в сторону, и Денис не сбил меня с ног. Тамара схватила его за руку и не дала упасть. Она тоже проявила хорошую реакцию и, сообразив, что Денис в порядке, бросилась на стригоя. Он нанес ей удар, но недостаточно сильный, чтобы отшвырнуть далеко. В этот момент мы с Артуром навалились на него, с силой прижав к стене. Ответственный голос у меня в голове — подозрительно похожий на голос Дмитрия — предупредил меня, что сейчас самый подходящий момент убить стригоя. Он был открыт, и в руке я держала кол. Если мой безумный план допрашивать стригоев провалится, гибель остальных будет на моей совести.

— Помогите нам! — Закричала я.

Тамара бросилась на стригоя, нанеся ему быстрый удар в живот. Я почувствовала — еще миг, и он стряхнет нас, но тут включился Денис. Вчетвером мы повалили стригоя на землю лицом вверх. Однако это был еще далеко не конец. Удерживать его в таком положении оказалось очень нелегко. Он с невероятной силой молотил конечностями, выворачиваясь из-под рук. Я всей своей тяжестью навалилась на его туловище, в то время как остальные удерживали руки и ноги. Мелькнули еще одни руки — это к нам присоединился Лев. Его губы кровоточили, но лицо было полно решимости.

Стригой продолжал выворачиваться, но я с удовлетворением отметила, что теперь, когда мы удерживали его впятером, ему не вырваться. Я приставила кончик кола к его шее. На мгновение он замер, но тут же возобновил борьбу. Я склонилась к его лицу и спросила:

— Ты знаешь Дмитрия Беликова?

Он выкрикнул что-то непонятное для меня, но прозвучавшее отнюдь не дружелюбно. Я сильнее вдавила кол и сделала длинный разрез на его горле. Он закричал от боли и продолжил ругаться по-русски, злобно сверкая глазами.

— Переводите! — Потребовала я. — То что я сказала.

Денис произнес что-то по-русски; надо полагать, мой вопрос, поскольку я слышала имя Дмитрия. Стригой что-то проворчал в ответ, и Денис покачал головой.

— Он говорит, что не собирается играть в наши игры.

Я резанула колом по его лицу, расширив рану, которую Денис нанес ему раньше. И снова стригой вскрикнул. Я мысленно взмолилась, чтобы охрана клуба ничего не услышала, и одарила стригоя улыбкой, исполненной злобы.

— Скажи ему, что мы будем играть в свои игры, пока он не заговорит.

Так или иначе, сегодня ночью он умрет. Ему выбирать, произойдет это медленно или быстро.

Я сама едва верила, что произнесла эти слова. Они были такими суровыми, такими жестокими. Никогда в жизни не думала, что стану пытаться кого-то, даже стригоя. На перевод Дениса стригой снова дал вызывающий ответ, и я продолжила делать колом разрезы, которые убили бы любого человека, моря или вампира.

В конце концов, он разразился потоком слов, которые не звучали как его обычные оскорбления. Денис тут же перевел.

— Он сказал, что никогда не слышал ни о ком с таким именем, и если Дмитрий твой друг, то он убивал бы его медленно и мучительно.

Эта последняя попытка вызывающего поведения со стороны стригоя заставила меня улыбнуться. Не исключено, он солгал. Я не имела возможности узнать точно. Что-то в его словах заставило меня предположить, что он сказал правду, как будто думал, что я говорю о человеке или вампире, но не о стригое.

— Тогда он бесполезен. — Я откинулась назад и посмотрела на Дениса. — Убей его.

Денис только этого и ждал. Его кол сильно и быстро пронзил сердце стригоя. Спустя мгновение яростная борьба прекратилась. Злобный огонь в красных глазах угас. Мы встали, и я увидела, как глаза моих товарищей со страхом обратились на меня.

— Роза, — заговорил наконец Денис, — на что ты надеешься...

— Не важно, — прервала я его, направляясь к лежащей без сознания девушке.

Опустилась рядом с ней на колени, осмотрела шею. Он укусил ее, но крови отпил немного. Ранка была сравнительно небольшая и кровоточила несильно. Когда я дотронулась до девушки, она слегка зашевелилась и застонала. Я восприняла это как добрый знак и бережно оттащила ее от мусорного бака на свет, где ее быстрее заметят. Стригоя, напротив, я затолкала в самое темное место. После этого я попросила у Дениса мобильный телефон и набрала номер, записанный на клочке бумаги, который на протяжении последней недели носила в кармане.

После пары гудков Сидни ответила по-русски. Голос у нее был сонный.

— Сидни? Это Роза.

Последовала еле заметная пауза.

— Роза? Что случилось?

— Ты уже в Санкт-Петербурге?

— Да... А ты где?

— В Новосибирске. Ваши агенты здесь есть?

— Конечно, — настороженно ответила она. — Зачем тебе?

— Ммм... Я и тут обеспечила вас работенкой.

— О господи!

— Эй, я, по крайней мере, звоню. И вряд ли так плохо — избавить мир еще от одного стригоя. Кроме того, разве ты не хотела, чтобы я ставила тебя в известность?

— Да, да. Где ты?

Я передала телефон Денису, чтобы он коротко описал наше месторасположение. Закончив, он вернул телефон мне, и я рассказала Сидни о девушке.

— Она серьезно пострадала?

— Не похоже. Что нам делать?

— Оставьте ее. Парень, который скоро прибудет, позаботится, чтобы с ней все было в порядке, и не станет распускать язык. Он все объяснит, когда появится.

— Эй, я не собираюсь торчать здесь, когда он появится.

— Роза...

— Меня здесь не будет. И мне хотелось бы, чтобы ты никому больше не говорила о моем звонке... например, Эйбу.

— Роза...

— Пожалуйста, Сидни. Просто не говори никому. А иначе... — Я заколебалась. — Иначе я перестану звонить, когда в очередной раз оставлю за собой труп. Мы собираемся прикончить еще нескольких.

Господи, и что дальше? Сначала пытки, теперь угрозы. И самое ужасное, я угрожала человеку, которому симпатизировала. Конечно, я говорила неправду. Я понимала, почему Сидни и ее алхимики делают то, что делают, и не пошла бы на риск, просто бросив труп. Правда, она этого не знала. Я молилась, чтобы она решила, будто я просто достаточно неуравновешенна, чтобы рискнуть выдать секрет нашего существования миру.

— Роза... — снова попыталась она, но я лишила ее этой возможности.

— Спасибо, Сидни. Буду держать тебя в курсе. — Я отключилась и вернула Денису телефон. — Пошли, ребята. Ночь еще не закончилась.

Конечно, допрос стригоя показался им чистым безумием, но, учитывая, насколько безрассудно иногда действовали они сами, подобное странное поведение не заставило их утратить веру в меня. Вскоре их снова охватил энтузиазм — как-никак мы уже совершили одно убийство.

Сверхъестественная способность чувствовать стригоев сделала меня в их глазах еще более крутой. Я почувствовала уверенность, что они готовы пойти за мной в огонь и в воду.

Той ночью мы поймали еще двух стригоев и сумели повторить процесс. С тем же результатом. Поток оскорблений по-русски. Никакой новой информации. Убедившись, что стригую нечего сообщить, я позволяла убить его. Мои товарищи делали это с удовольствием, однако после третьего стригоя я почувствовала себя вымотанной и физически, и морально. Сказала, что пора домой, — и вот тогда, когда мы обходили фабрику, почувствовала четвертого стригоя.

Мы набросились на него. Произошла еще одна потасовка, но в итоге мы сумели пригвоздить его к земле, как и других.

— Давай, ты знаешь, что... — начала я, обращаясь к Денису.

— Я вырву тебе глотку! — рявкнул стригой.

Вот так-так! Этот говорил по-английски. Денис открыл рот, собираясь начать допрос, но я покачала головой.

— Я сама.

Как и другие, этот стригой ругался и боролся, даже несмотря на упертый в шею кол, и это затрудняло разговор.

— Послушай, — сказала я, испытывая нарастающее нетерпение и усталость, — просто скажи то, что нам нужно. Мы ищем вампира по имени Дмитрий Беликов.

— Я знаю его, — самодовольно ответил стригой. — И он не вампир.

Я назвала Дмитрия вампиром, даже не отдавая себе в этом отчета. Просто оговорила от усталости. Неудивительно, что стригой так разговаривался — он не подозревал, что нам известно об обращении Дмитрия. И как истинный стригой, рад был причинить боль хотя бы словами.

— Твоего дружка пробудили. Сейчас по ночам он вместе с нами крадется в темноте, пьет кровь глупых девушек вроде тебя.

Миллион мыслей закружились в моей голове. Вот дерьмо! Я приехала в Россию, думая, что найти Дмитрия будет легко. В его родном городе мои надежды разбились вдребезги, почти заставив отказаться от этой идеи из-за неосуществимости. Мысль, что я, возможно, близка к чему-то важному, потрясала до глубины души.

— Лжешь! — Сказала я. — Ты никогда не встречался с ним.

— Я вижу его каждую ночь. И не раз убивал вместе с ним.

Живот свело и вовсе не от близости стригоя.

«Не думай о Дмитрие, убивающем людей! Не думай о Дмитрие,

убивающем людей!»

Я снова и снова мысленно повторяла эти слова, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

— Если это правда, — прошипела я, — тогда у меня есть для тебя поручение. Передай, что его разыскивает Роза Хэзевей.

— Я тебе не мальчик на посылках, — проворчал он.

Мой кол вспорол его кожу, потекла кровь, и он скривился от боли.

— Ты будешь тем, кем я захочу. А теперь отправляйся и передай Дмитрию то, что я велела. Роза Хэзевей. Роза Хэзевей ищет его. Не забудь. — Я вдавила острие ему в шею. — Повтори мое имя, хочу быть уверена, что ты запомнил.

— Я запомню его, чтобы иметь возможность убить тебя.

Кол надавил сильнее, брызнула кровь.

— Роза Хэзевей.

Он плюнул в меня, но промахнулся. Я удовлетворенно откинулась назад. Исполненный ожидания Денис вскинул кол.

— Теперь мы убьем его?

Я покачала головой.

— Нет, теперь мы его отпустим.

СЕМНАДЦАТЬ

Убедить их отпустить стригоя — в особенности когда он был в наших руках — оказалось нелегко. Мои расспросы в их глазах не имели никакого смысла, но с этим они смирились. Однако позволить стригю уйти? Это чистое безумие — даже с точки зрения отступников. Они обменялись недоуменными взглядами. Интересно, послушаются или нет? В итоге моя крутизна и авторитет победили. Они хотели, чтобы я оставалась их лидером, и приняли на веру правильность моих действий — какими бы безумными эти действия ни казались.

Конечно, когда мы отпустили стригоя, у нас возникла новая проблема — как сделать, чтобы он действительно ушел. Он снова ринулся в атаку, и только осознав, что неравенство сил слишком велико, бросил на нас последний злобный взгляд и растаял в темноте. Вряд ли тот факт, что его одолела группа юнцов, добавил ему самоуважения. В особенности на меня он смотрел с неприкрытой ненавистью, и я содрогнулась при мысли, что ему известно мое имя. Теперь уж с этим ничего не поделаешь; оставалось лишь надеяться, что мой план сработает.

Денис и его компания сумели «переварить» тот факт, что я отпустила стригоя, в большой степени потому, что на протяжении недели мы убили еще нескольких. Даже втянулись в определенный режим — обследовали ночные клубы и другие опасные места, полагаясь на мою способность чувствовать приближение угрозы. Забавно — сколь быстро ребята стали доверять мне как лидеру. По их словам, они не хотели подчиняться правилам и власти стражей, но удивительно хорошо и охотно выполняли мои приказы.

Более или менее. Время от времени я сталкивалась с проявлениями все той же бездумности и опрометчивости. К примеру, кто-то из них, строя из себя героя и недооценивая противника, кидался в бой в одиночку. Артур таким образом чуть не заработал сотрясение мозга. Самый крупный из нас, он повел себя самонадеянно, стригю удалось застать его врасплох и швырнуть о стену. На протяжении нескольких мучительных мгновений я боялась, что Артуру конец — и виновата в этом буду я. Прибыл один из алхимиков Сидни — я при этом не присутствовала, опасаясь, что Эйб найдет меня, — и осмотрел Артура. Сказал, что все обойдется, просто ему нужно какое-то время полежать в постели, то есть прекратить охоту. Артур заупрямился, и мне пришлось кричать на него, когда в одну из ночей он

попытался последовать за нами, напомнить обо всех друзьях, погибших по глупости.

Поселившись в мире людей, вампиры обычно придерживаются человеческого расписания, однако теперь я перешла на ночной образ жизни, как в Академии. Остальные тоже, за исключением Тамары, которая днем работала. Каждый раз, оставляя труп, я звонила Сидни, и вскоре в среде стригоев распространился слух, что кто-то наносит им серьезный ущерб. Если отпущенный нами стригой передал мое сообщение, некоторые из них могли начать охоту конкретно на меня.

Со временем число убийств пошло на убыль, и это наводило на мысль, что стригои стали более осмотрительны. Я не знала, хорошо это или плохо, но без конца повторяла остальным, что необходимо проявлять крайнюю осторожность. Они воспринимали меня чуть ли не как богиню, но их восхищение не приносило мне никакого удовлетворения. Сердце продолжало болеть от всего, что случилось с Лиссой и Дмитрием. Я старалась полностью сосредоточиться на своей задаче, надеясь лишь на то, что смогу подобраться ближе к Дмитрию. Однако мы не проводили круглые сутки в охоте на стригоев — были длинные промежутки вынужденного бездействия. Тогда я продолжала следить за Лиссой.

Я и раньше знала, что при королевском дворе жили ребята вроде Мии, чьи родители работали там, но не отдавала себе отчета, как их много. Естественно, Эйвери знала всех, и неудивительно (по крайней мере, для меня), что большинство из них оказались богаты и избалованы.

Оставшуюся часть своего визита Лисса в основном участвовала в официальных приемах и церемониях. Чем больше она прислушивалась к деловым разговорам королевских мороев, тем большее раздражение испытывала. То же злоупотребление властью, которое она замечала прежде, та же несправедливость при распределении стражей, словно это не люди, а вещи. Дискуссионная проблема, должны ли морои учиться сражаться наряду со стражами, все еще оставалась в центре внимания. Большинство людей при дворе придерживались старомодных взглядов: пусть стражи сражаются, защищая мороев. Лисса своими глазами видела результаты этой политики — и успехи, которые имели место, когда выскочки вроде Кристиана и меня пытались изменить ее. Лисса с возмущением воспринимала эгоизм моройской элиты и глупость.

Лисса пользовалась малейшей возможностью уклониться от официальных мероприятий, предпочитая проводить время с Эйвери. Та всегда могла найти, с кем пообщаться, и организовывала вечеринки, не имеющие ничего общего с приемами Татьяны. На этих вечеринках никто не

разговаривал о политике, и тем не менее множество вещей продолжало отравлять Лиссе настроение.

В частности, чувство вины, гнев и депрессия, одолевавшие ее из-за меня, становились все глубже. Побочные эффекты духа были знакомы ей в достаточной мере, чтобы распознать потенциально угрожающие признаки, хотя во время этой поездки она не использовала дух. Чем бы ни объяснялось ее плохое настроение, она всячески старалась отвлечься и заглушить депрессию.

— Поосторожнее, — сказала ей Эйвери однажды вечером.

На следующий день после этой вечеринки они должны были возвращаться в Академию. Большинство живущих при дворе имели собственные дома, и вечеринка происходила у некоего Селски, который служил консультантом в комиссии, о которой Лисса ничего не знала. На самом деле она не была знакома и с хозяином, знала лишь, что его родителей сейчас в городе нет, но это не имело особого значения.

— С чем? — Спросила Лисса, оглядываясь.

При доме имелся задний двор, освещенный крошечными фонарями и гирляндами мигающих лампочек. Было полным-полно всяких угощений и напитков. Какой-то моройский парень пытался произвести впечатление на девушек игрой на гитаре, но лучше бы он этого не делал. Фактически он извлекал такие ужасные звуки, что они, наверно, могли бы стать новым способом убивать стригоев. Правда, выглядел он довольно симпатично, и, похоже, его поклонниц мало волновало, как он играет.

— Вот с чем. — Эйвери кивнула на картины Лиссы. — Ты следишь за тем, сколько выпила?

— Нет, насколько я могу судить, — заметил Адриан.

Он развалился в шезлонге рядом, с бокалом в руке.

По сравнению с ними обоими Лисса чувствовала себя в этом отношении любителем. Сумасбродка Эйвери, как обычно, флиртowała, но в целом не выглядела такой уж пьяной. Лисса не знала, сколько та выпила, но, наверно, немало, поскольку в руке подружки всегда была выпивка. То же самое относилось и к Адриану, на которого спиртное действовало расслабляюще, без какого-либо другого эффекта. Лисса считала, что в этом отношении они оба гораздо опытнее ее.

— Со мной все в полном порядке, — солгала Лисса.

На самом деле она чувствовала, что мир вокруг слегка вращается, и всерьез обдумывала, не присоединиться ли к танцующим на столе девушкам.

Губы Эйвери дрогнули в улыбке, но во взгляде ощущалось

беспокойство.

— Конечно. Просто постарайся, чтобы тебя не вырвало. О таких вещах сразу всем становится известно, и меньше всего хотелось бы, чтобы люди думали, будто принцесса Драгомир не в состоянии удержать в желудке спиртное. Тебе нужно поддерживать репутацию семьи.

Лисса залпом допила мартини.

— Сомневаюсь, чтобы увлечение алкоголем сказалось на знаменитой репутации моей семьи.

Эйвери оттолкнула Адриана и втиснулась в шезлонг рядом с ним.

— Не говори. Ты удивишься, но пройдет десять лет, и эти люди будут вместе с тобой заседать в совете. Ты захочешь протолкнуть какую-нибудь резолюцию, а они станут перешептываться, мол, помните историю, когда она напилась и ее вырвало на вечеринке?

Лисса и Адриан рассмеялись. Лисса не думала, что ее вырвет, но считала, что этим можно будет обеспокоиться позже, как и остальными проблемами. В алкоголе хорошо то, что он заглушал воспоминания об инциденте, приключившемся днем. Татьяна представила Лиссу ее будущим стражам: опытному мужчине по имени Грант и «молодой леди», которую звали Серена. Оба производили приятное впечатление, но их сходство с Дмитрием и мной просто ошеломяло. Принять их на службу — все равно что совершить предательство по отношению к нам. Тем не менее Лисса просто кивнула и поблагодарила Татьяну.

Позже Лиссе стало известно, что первоначально Серена должна была стать стражем девушки, которую знала всю свою жизнь. Девушка не принадлежала к королевской семье, но иногда, в зависимости от числа стражей, их получали даже простые морои — правда, не больше одного. Однако когда позиция стража Лиссы оказалась свободна, Татьяна отменила первоначальное назначение Серены к ее подруге. Серена улыбнулась и сказала Лиссе, что это не имеет значения. Долг превыше всего, продолжала девушка, и она будет счастлива служить ей. Тем не менее у Лиссы возникло очень тяжелое ощущение — она понимала, как трудно для обеих девушек расстаться и как несправедливо назначение. Но здесь не было ничего нового: все тот же перевес в пользу власти, которую никому не под силу сдерживать.

Уходя с этой встречи, Лисса проклинала собственное смирение. Если уж у нее не хватило мужество уехать вместе со мной, рассуждала она, ей, по крайней мере, следовало занять твердую позицию и потребовать, чтобы Татьяна назначила к ней мою мать. Тогда Серена смогла бы вернуться к своей подруге, и хотя бы одна дружба в мире не была разрушена.

Мартини оказывало двойное действие — одновременно и притупляло боль, и заставляло чувствовать себя еще хуже, что казалось вовсе лишенным смысла.

«Плевать», — подумала Лисса и, заметив проходящего мимо слугу с подносом, помахала ему рукой, чтобы заказать еще.

— Эй, можно мне... Эмброуз?

Она удивленно смотрела на стоящего перед ней парня. Если бы выпускался рекламный журнал купальников для самых сексуальных дампирских парней, этого, несомненно, запечатлели бы первым на его обложке (не считая Дмитрия — но, несомненно я тут не полностью объективна). Звали его Эмброуз, и мы с Лиссой познакомились с ним в тот раз, когда приезжали сюда вместе. У него была очень смуглая кожа, из-под серой, застегивающейся на пуговицы рубашки проглядывала прекрасно сформированная мускулатура. Он являлся в некотором роде достопримечательностью двора — дампир, не пожелавший стать стражем, оказывающий здесь всевозможные услуги наподобие массажа и — если верить слухам — имеющий «романтические свидания» с королевой. Последнее все еще заставляло меня непроизвольно сжиматься — уж очень противно.

— Принцесса Драгомир. — Он наградил ее ослепительной белозубой улыбкой. — Вот так сюрприз.

— Как поживаешь? — Спросила Лисса, искренне обрадовавшись встрече с ним.

— Хорошо. Хорошо. В конце концов, моя работа — лучшая в мире. А вы?

— Замечательно, — ответила она.

Эмброуз помолчал, вглядываясь в ее лицо. Его улыбка никуда не делась, но Лисса чувствовала, что он не согласен с ней. Она прочла осуждение на его лице. Когда Эйвери обвиняла ее в том, что она слишком много пьет — это одно. Но какой-то красавчик дампир, к тому же слуга? Непозволительно. В ее поведении проступил холодок, и она протянула ему стакан.

— Еще martinis.

Ее голос прозвучал так же высокомерно, как у любой королевской особы.

Он почувствовал перемену в ней, и дружеская улыбка сменилась выражением вежливого безразличия.

— Сию минуту.

Он коротко поклонился и заскользил в сторону бара.

— Черт побери! — Эйвери восхищенно провожала его взглядом. — Почему ты не представила нас своему другу?

— Он мне не друг! — Взорвалась Лисса. — Он ничтожество.

— Согласен, — сказал Адриан, обхватив рукой Эйвери. — Зачем заглядываться на других, когда прямо тут есть кое-кто получше? — Не знаю я, что это не так, я бы поклялась, что за его жизнерадостным тоном скрывается ревность. — Разве я не постарался, чтобы ты вместе со мной присутствовала на завтраке с моей тетей?

Эйвери наградила его ленивой улыбкой.

— Хорошее начало. Но ты еще не исчерпал все возможности произвести на меня впечатление, Ивашков. — В ее взгляде появилось удивление, когда она перевела его за спину Лиссы. — Эй, малолетка здесь.

Сад пересекала Мия, ведя за собой Джил и не обращая внимания на шокированные взгляды. Их появление здесь выглядело неуместно.

— Привет, — сказала Мия, добравшись до Лиссы и остальных. — Моего папу только что вызвали по делу, и я должна ехать с ним. Вынуждена вернуть вам Джил.

— Никаких проблем, — автоматически ответила Лисса, хотя появление Джил ее явно не обрадовало. Ее все еще занимал вопрос, не питает ли Кристиан особый интерес к этой девушке. — Все в порядке?

— Да. Просто дела.

Мия попрощалась со всеми и удалилась так же быстро, как появилась, закатывая глаза при виде усмешек и шокированного выражения на лицах королевских особ.

Лисса переключила внимание на Джил, которая робко присела на соседнее кресло и с удивлением оглядывалась по сторонам.

— Как все прошло? Тебе понравилось с Мией?

Лицо Джил просияло.

— О да! Она замечательная. Она так здорово работает с водой. С ума сойти! И она показала мне несколько боевых приемов. У меня уже получается хук... хотя пока не очень хорошо.

Вернулся Эмброуз с мартини для Лиссы и без единого слова вручил ей стакан. При виде Джил выражение его лица немного смягчилось.

— Хочешь что-нибудь?

Она покачала головой.

— Нет, спасибо.

Адриан пристально вглядывался в лицо Джил.

— Как тебе здесь? Хочешь, отведу в гостиницу?

Как и прежде, в отношении нее у него не было никаких игривых

поползновений. Он, казалось, воспринимал ее как младшую сестру, и мне это симпатизировало. Никогда не думала, что он способен так вести себя.

Она снова покачала головой.

— Все в порядке. Я не хочу, чтобы ты уходил, если только... — На ее лице возникло выражение беспокойства. — Может, ты хочешь, чтобы я ушла?

— Ничего подобного, — ответил Адриан. — Приятно видеть ответственного человека посреди этого бедлама. Если ты голодна, нужно поесть.

— Ты ведешь себя прямо по-матерински, — поддразнила его Эйвери, вторя моим мыслям.

По какой-то причине Лисса отнесла замечание Адриана насчет «ответственного человека» и «бедлама» на свой счет. Не думаю, чтобы это был тот самый случай, но она не слишком хорошо соображала. Решив, что и сама не прочь перекусить, она встала и направилась к столу, на котором стояли подносы с закусками. Теперь на столе танцевали девушки, на которых Лисса раньше обратила внимание. Кто-то расчистил пространство для них, переставив подносы с едой на землю. Лисса наклонилась и взяла мини-сэндвич, наблюдая за девушками и поражаясь тому, как им удастся найти кайф в ужасающей игре гитариста.

Одна из девушек заметила Лиссу, улыбнулась и протянула ей руку.

— Эй, залезай сюда!

Лисса уже встречалась с ней, но не помнила ее имени. Внезапно танцы на столе показались ей великолепной идеей. Она доела сэндвич и, со стаканом в руке, позволила втянуть себя на стол. Вокруг слышались приветственные возгласы. Лисса обнаружила, что скверная музыка не помеха, и ей удастся даже как-то вписаться в ритм. Движения девушек варьировались от откровенно сексуальных до подражания танцорам диско. Все было очень забавно, и Лисса подумала, станет ли Эйвери утверждать, будто и это помешает ее будущей карьере.

Спустя какое-то время девушки попытались двигаться синхронно. Они принялись одновременно покачивать поднятыми руками и вскидывать ноги. Эти вскидывания и привели к беде. Лисса оступилась — на ней были туфли с высокими каблуками — упала со стола. Выронила стакан и рухнула бы на пол, если бы чьи-то руки не подхватили ее и не помогли выпрямиться.

— Мой герой, — пробормотала она и подняла взгляд на своего спасителя. — Аарон?

Бывший бойфренд Лиссы — и первый парень, с которым она спала, —

сверху вниз с улыбкой посмотрел на нее и разомкнул руки, убедившись, что она в состоянии стоять. Светловолосый, голубоглазый, Аарон был хорош по-своему.

«Интересно, что случилось бы, если бы Мия встретила с ним?» — Подумала я.

Она, Аарон и Лисса когда-то представляли любовный треугольник, достойный мыльной оперы.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила Лисса. — Мы думали, ты куда-то исчез.

Аарон оставил Академию несколько месяцев назад.

— Я перехожу в школу в Нью-Гемпшире, — ответил он. — Мы здесь с семьей.

— Очень рада встрече, — сказала Лисса.

Они расстались не слишком хорошо, но в данный момент она подразумевала именно то, что сказала. Она достаточно «набралась», чтобы радоваться встрече с кем угодно.

— Я тоже, — ответил он. — Ты выглядишь потрясающе.

Его слова поразили ее больше, чем она ожидала, может, потому, что все остальные намекали, будто она выглядит сильно набравшейся и безответственной. И, несмотря на разрыв, она хорошо помнила, каким привлекательным он ей казался когда-то. По правде говоря, он и сейчас был привлекательным. Просто она больше его не любила.

— Ты не должен пропадать насовсем, — заявила она. — Держи нас в курсе своих дел.

У нее мелькнула мысль — может, не стоило этого говорить, учитывая, что у нее есть бойфренд? Но потом она выбросила сомнения из головы. Что плохого в том, чтобы пообщаться с другими парнями? В особенности если учесть, что Кристиан сам отказался сопровождать ее в этой поездке.

— Очень мило, — ответил Аарон. Было что-то в его глазах... приятно сбивающее с толку. — Наверно, не стоит рассчитывать на прощальный поцелуй, хоть я и спас тебя?

Идея показалась Лиссе абсурдной — но потом, спустя мгновение, она рассмеялась. Какое это имеет значение? Кристиан — единственный, кого она любит, и дружеский поцелуй ничего не значит. Она подняла взгляд. Аарон наклонился и обхватил ладонями ее лицо. Их губы слились, и никто не смог бы оспорить тот факт, что поцелуй длился чуть дольше просто дружеского. По его окончании Лисса глупо улыбалась, словно какая-нибудь школьница — кем формально она и была.

— Увидимся, — сказала она и направилась к своим друзьям.

Лицо Эйвери выражало укоризну, но не из-за Аарона и поцелуя.

— Ты в своем уме? Чуть ногу не сломала. Нельзя так.

— А говорят, что у тебя на уме одни развлечения, — заметила Лисса. — По-моему, это была неплохая идея.

— Развлекаться не значит творить глупости, — возразила Эйвери с очень серьезным выражением лица. — Тем более такие дерьмовые. Думаю, нам пора домой.

— Я чувствую себя прекрасно, — заявила Лисса.

Упрямо отвернувшись от Эйвери, она сосредоточилась на группе парней, пьющих текилу. Там наметилось что-то вроде соревнования, и половина из них выглядели так, будто они вот-вот отключатся.

— Поясни, что значит «прекрасно», — с кривой улыбкой сказал Адриан, тоже выглядевший озабоченным.

— Я чувствую себя прекрасно, — повторила Лисса и снова перевела взгляд на Эйвери. — Я ничуть не пострадала.

Она ожидала выговора насчет Аарона и была удивлена, что они не затронули эту тему, и удивилась еще больше, когда выпад последовал совсем из другого источника.

— Ты поцеловала этого парня! — Наклонившись вперед, воскликнула Джил.

Никакой свойственной ей сдержанности — она явно была потрясена.

— Это ничего не значит, — раздраженно ответила Лисса; еще не хватало — чтобы ее отчитывала Джил. — И уж во всяком случае, не твое дело.

— Ты же с Кристианом! Как ты могла так поступить с ним?

— Расслабься, малолетка, — приказала Эйвери. — Поцелуй по пьянке ничто по сравнению с этим дурацким падением. — Бог знает, сколько миллионов раз я целовалась по пьянке.

— И тем не менее сегодня ночью я остаюсь без поцелуя, — пробормотал Адриан, качая головой.

— Это здесь ни при чем! — Джил по-настоящему разошлась. Она выросла в уважении и расположении к Кристиану. — Ты изменила ему.

Вид у нее был такой, будто сейчас она попытается применить к Лиссе недавно освоенный хук.

— Нет! — Воскликнула Лисса. — Ты сама в него втюрилась! Нечего меня сюда впутывать, воображая то, чего нет и в помине.

— Я не вообразила тот поцелуй, — вспыхнув, упорствовала Джил.

— Поцелуй беспокоит нас меньше всего, — вздохнула Эйвери. — Я серьезно — просто прекратите перепалку, и все. Утром поговорим.

— Но... — начала Джил.

— Ты слышала, что она сказала. Хватит, — проворчал новый голос.

Словно бы ниоткуда возник Рид Лазар и теперь нависал над Джил с жестким, почти устрашающим выражением лица.

Джил широко распахнула глаза.

— Я просто сказала правду...

Я не могла не восхититься ее мужеством — учитывая застенчивость, свойственную ее натуре.

— Ты всех уже достала, — Рид склонился над девочкой, стиснув кулаки. — И меня достала.

По-моему, таких длинных речей я от него до сих пор не слышала. Он обычно напоминал пещерного человека, неспособного связать больше трех слов.

— Тихо, тихо! — Адриан вскочил и в мгновение ока оказался рядом с Джил, затем повернулся к Рилу. — Хватит — это прежде всего к тебе относится. Что, собираешься затеять драку с девочкой?

Рид перевел злобный взгляд на Адриана.

— Не лезь!

— Черта с два! Ты не в своем уме.

Если бы меня попросили составить список людей, способных ввязаться в драку ради защиты женщины, Адриан оказался бы в самом конце. И тем не менее! Он стоял там с решительным выражением лица, положив руки на плечи Джил и тем самым защищая ее. Да, он сумел произвести на меня впечатление, ничего не скажешь.

— Рид! — Воскликнула Эйвери. Сейчас она тоже стояла рядом с Джил. — Она ничего такого не имела в виду. Отвали.

Брат и сестра стояли — взгляды прикованы друг к другу, словно в безмолвном поединке. Такого сурового выражения лица я у нее никогда не видела, и наконец он с ворчанием отступил.

— Прекрасно. Плевать.

Он резко развернулся и ушел, все изумленно смотрели ему вслед. Музыка так гремела, что многие не слышали спор. Они с интересом уставились на оставшихся. Эйвери выглядела смущенной, когда снова опустилась в кресло. Адриан все еще стоял рядом с Джил.

— Что это было, черт побери? — Спросил он.

— Не знаю, — призналась Эйвери. — Иногда на него находит — он ведет себя странно и кидается меня защищать без всякой необходимости. — Она одарила Джил извиняющейся улыбкой. — Мне очень жаль.

Адриан покачал головой.

— Думаю, нам действительно пора уходить.

Даже сильно набравшись, Лисса вынуждена была согласиться. Стычка с Ридом отрезвила ее, и, оценивая свои сегодняшние поступки, она ощутила тревогу. Мигающие огни и причудливые коктейли внезапно утратили прелесть. Пьяные королевские морои стали казаться неуклюжими и глупыми. Определенно завтра утром она начнет сожалеть об этой вечеринке.

Вернувшись в себя, я ощутила страх. Ладно. С Лиссой явно что-то не так, но никто, похоже, не придает ее состоянию должного значения. Адриан и Эйвери казались озабоченными, но они осуждают ее лишь за увлечение алкоголем. Лисса напоминала ту девушку, какой она была, когда мы только вернулись в Академию; тогда дух впервые овладел ею и сильно затуманивал разум. Только вот... Сейчас я знала о себе достаточно, чтобы понимать — моя ярость и одержимость убийством стригоев в большой степени объясняются воздействием темной стороны духа, тем, что я вытягиваю тьму из Лиссы. Тогда почему с ней что-то не так? Откуда на свет божий вылезла эта вспыльчивая, безумная и ревнивая личность? Может, порождаемая духом тьма нарастает так интенсивно, что захватывает нас обеих?

— Роза?

— Что?

Я подняла взгляд от телевизора, перед которым сидела, естественно ничего не видя. На меня смотрел Денис с мобильным телефоном в руке.

— Тамара задержалась на работе. Она готова выйти сейчас, но...

Он кивнул на окно. Солнце почти село, небо потемнело, лишь на западе у горизонта еще пылало оранжевым. До Тамариной работы можно было дойти пешком, и хотя вряд ли существовала реальная опасность, мне не хотелось, чтобы после заката она оказалась на улице одна. Я встала.

— Пойдем встретим ее. — Потом добавила, обращаясь к Артуру и Льву: — А вы, ребята, оставайтесь здесь.

Мы с Денисом прошагали полмили до маленького офиса, где работала Тамара. Она выполняла обязанности клерка. Мы с Денисом встретили ее на пороге и вернулись обратно без происшествий, живо обсуждая планы охоты на сегодняшнюю ночь. Около дома Тамары я услышала на другой стороне улицы странные завывания. Мы все резко обернулись, и Денис рассмеялся.

— Господи, снова эта сумасшедшая, — пробормотала я.

Тамара жила в относительно благополучном квартале, но, как и в

любом городе, здесь имелись бездомные и нищие. Эта женщина была почти так же стара, как Ева, и обычно ходила взад-вперед по улице, бормоча что-то себе под нос. Сегодня она лежала на спине, на тротуаре, издавая странные звуки и махая конечностями, словно перевернутая черепаха.

— Она больна? — Спросила я.

— Не-а. Просто сумасшедшая, — ответил Денис.

Они с Тамарой собирались войти в подъезд, но остатки моей мягкости не позволяли просто так бросить старуху. Я вздохнула.

— Идите, я сейчас.

Машин не было, и я без опасений перешла улицу. Протянула руку, чтобы помочь женщине, стараясь не думать о том, какая она грязная. Как и сказал Денис, сегодня она совершенно обезумела. Она не заболела, по-видимому, просто решила прилечь. Я содрогнулась. Я часто употребляла слово «безумие» по отношению к Лиссе и себе, но вот оно — подлинное безумие. Я очень, очень надеялась, что дух никогда не доведет нас до такого состояния. Бездомную женщину удивило предложение помощи, но она взяла мою руку, поднялась и начала возбужденно говорить что-то по-русски. Потом попыталась обнять меня в знак благодарности, но я попятилась и вскинула руки, отстраняя ее от себя.

Она послушалась, но продолжала что-то радостно щебетать. Подхватила полы своего длинного пальто, словно это было бальное платье, начала кружиться и напевать. Я засмеялась, удивляясь тому, что меня способно развеселить такое. И двинулась обратно через улицу к дому Тамары. Старая женщина перестала танцевать и со счастливым видом снова заговорила по-русски.

— Извините, мне нужно идти, — сказала я, но это осталось незамеченным.

Потом она замерла на середине фразы. Выражение ее лица насторожило меня, лишь на долю секунды опередив подкатившую тошноту. Одним плавным, но молниеносным движением я развернулась, вытащила кол и оказалась лицом к лицу со стригом, высоким и импозантным. Он подобрался ко мне, пока я отвлеклась. Глупо, глупо! Я не позволила Тамаре одной возвращаться домой, но мне никогда даже в голову не приходило, что опасность может поджидать прямо рядом с...

— Нет...

Не знаю, произнесла я это слово вслух или мысленно. Это не имело значения. Имело значение только то, что я видела перед собой. Или, скорее, думала, что вижу. Потому что, конечно, конечно, я это вообразила. Такого

не могло быть в реальности. Дмитрий.

Я узнала его мгновенно, хотя он и... изменился. Думаю, я узнала бы его среди миллиона человек. Иначе быть не могло, так сильна была наша связь. Я не видела его очень долго и теперь буквально впитывала каждую черту. Темные волосы до плеч, распущенные и слегка выющиеся. Так хорошо знакомые губы, изогнутые в удивленной и все же вызывающей дрожь улыбке. На нем даже был его обычный пыльник — длинное кожаное пальто по типу тех, что можно увидеть в ковбойских фильмах.

И еще... в нем появились признаки стригоя. Темные глаза — которые я так любила — были обведены красными кругами. Бледная-бледная, смертельно бледная кожа, а ведь раньше он был таким же загорелым, как я, поскольку много времени проводил на свежем воздухе. Я знала — открой он рот, и станут видны клыки.

Мой осмотр занял краткий миг. Я среагировала быстро, когда лишь почувствовала его, — быстрее, чем, наверно, он ожидал. Элемент неожиданности все еще оставался на моей стороне, кол наготове, нацеленный точно ему в сердце. Могу с уверенностью утверждать, что я сумела бы нанести удар быстрее, чем он успел бы защититься.

Но эти глаза. О господи, эти глаза!

Даже с отвратительными красными кругами вокруг зрачков, его глаза напоминали мне о Дмитрие, которого я знала. Их взгляд — бездушный, злобно мерцающий — не имел ничего общего с прежним. И все равно сходства хватало, чтобы растревожить сердце, потрясти меня до глубины души. Мой кол был наготове. Все, что требовалось, это замахнуться и нанести удар. Даже инерция была на моей стороне...

Но я не могла. Мне требовалось еще несколько секунд, всего несколько секунд, чтобы жадно впитать его облик, а потом я убила бы его. И тут он заговорил.

— Роза. — Голос звучал так же восхитительно низко, с тем же акцентом... просто холоднее. — Ты забыла мой первый урок: никаких колебаний.

Я едва успела заметить, как его кулак направился к моей голове... И потом уже не видела ничего.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Неудивительно, что я очнулась с жуткой головной болью. Несколько секунд я понятия не имела, что случилось и где я. Потом сознание прояснилось, и воспоминания о встрече на улице обрушились на меня. Я села, и, несмотря на легкое головокружение, все мои защитные рефлексy мгновенно включились. Я огляделась.

Я находилась в темной комнате, на гигантской постели. Нет... не просто в комнате. Больше похоже на номер в гостинице или студию. Я считала номера в отеле Санкт-Петербурга огромными, но сейчас была просто сражена. В той половине студии, где я сидела, находились кровать и обычные аксессуары спальни: шкаф, ночной столик и пр. Другая половина напоминала гостиную с кушеткой и телевизором. Встроенные полки на стенах были заполнены книгами. Справа от меня короткий коридор с дверью в конце вел, скорее всего, в ванную комнату. С другой стороны от меня венецианское окно, затененное, как это принято у мороев. Однако такого темного, почти черного, непроницаемого стекла я никогда не видела. Только очень сильно прищурившись и сумев в итоге отличить небо от горизонта, я поняла, что снаружи день.

Оставаясь настороже, я сползла с постели и попыталась оценить угрожающую мне опасность. В животе никаких неприятных ощущений не было, значит, поблизости нет стригоев. Но не факт, что здесь нет кого-то другого. Я ни в чем не могла быть уверена — именно из-за этого у меня на улице возникли неприятности. Времени на раздумья не было. Задержись я здесь, и моя решимость заколебалась бы.

Я потянулась в карман за колом. Исчез, естественно. Поблизости не было ничего, что сгодилось бы в качестве оружия, и это означало, что в случае схватки я могу рассчитывать исключительно на собственное тело. Уголком глаз я заметила на стене выключатель, щелкнула им и замерла, ожидая, какую картину откроет мне вспыхнувший верхний свет.

Ничего необычного. И никого. Первое, что я сделала, это проверила дверь. Она оказалась заперта, как я и ожидала, и открывалась с помощью цифровой клавиатуры. К тому же выглядела тяжелой, стальной. Очень похоже на противопожарную дверь. Поняв, что этот выход для меня закрыт, я вернулась и продолжила обследование. В происходящем присутствовала определенная ирония. На уроках нас часто детальнейшим образом обучали, как нужно проверять помещение. Я всегда ненавидела такие занятия, меня

интересовали только сражения. Теперь стало ясно: эти, казавшиеся тогда бесполезными уроки на самом деле не лишены смысла.

Свет заметно облегчил обследование. Кровать покрывало атласное пуховое одеяло цвета слоновой кости, ворсистое снизу. Крадучись по гостиной, я увидела, что телевизор хороший, дорогой. С большим плазменным экраном. Он выглядел новым, с иголки. Обтянутые матово-зеленой кожей кушетки и кресла были тоже очень симпатичные. Выбор расцветки казался необычным, но впечатлял. Вся мебель — столы, письменный стол, шкаф — была из полированного черного дерева. В углу стоял небольшой холодильник. Открыв его, я обнаружила бутылки с водой и соком, разнообразные фрукты и упаковку сыра в нарезке. На холодильнике стояли закуски: орехи, крекеры, глазированные пирожные. При виде всего этого в животе заурчало, но есть здесь я ничего не могла.

Ванная оказалась выдержана в том же стиле, что и студия. Душ и большая ванна джакузи сделаны из черного полированного мрамора, на полочке маленькие куски мыла и бутылочки с шампунем. Над раковиной висело большое зеркало, вот только на самом деле оно не висело, а было так плотно врезано в стену, что убрать его не представлялось возможным. И материал зеркала тоже выглядел странным — скорее блестящий металл, чем стекло.

Поначалу это меня удивило, но потом я метнулась обратно в гостиную и еще раз внимательно огляделась. Здесь не было абсолютно ничего, что удалось бы превратить в оружие. Телевизор слишком большой, чтобы сдвинуть его с места или разбить, что относилось и к экрану, который, похоже, был изготовлен из высокотехнологичного пластика. Никаких стаканов на столах. Полки встроенные. Бутылки в холодильнике пластиковые. И окно...

Я подошла к нему, провела пальцами по краям, лак и зеркало, оно было врезано в стену. Никаких отдельных стекол — один сплошной кусок. Еще раз прищурившись, я попыталась разглядеть пейзаж за окном. Холмистая равнина с разбросанными по ней редкими деревьями. Очень похоже на пустынную местность, по которой я добиралась до Бийска. По-видимому, я за пределами Новосибирска. И, глянув вниз, поняла, что нахожусь достаточно высоко. Возможно, четвертый этаж. Спрыгнуть отсюда, не сломав ногу, невозможно. И все же следует что-то предпринять, не сидеть же здесь.

Я взяла стоявшее у письменного стола кресло, и грохнула им в окно... Безрезультатно.

— Господи... — пробормотала я.

Я предприняла еще три попытки, столь же пустые. Казалось, и то и другое сделано из стали. Видимо, окно было пуленепробиваемое, особо прочное. А кресло — черт его знает. Оно казалось вырезанным из цельного дерева, и, сколько я ни колотила, от него не отщепилось ни кусочка. Продолжать попытки было неразумно, но, поскольку я всю жизнь только тем и занимаюсь, что делаю неразумные вещи, я не переставала бить креслом по стеклу.

Где-то на пятой попытке живот предупредил меня о приближении стригоя. Я резко развернулась и, не выпуская кресла из рук, бросилась к двери. Она открылась, и я обрушилась на вошедшего кресло, ножками вперед.

Это был Дмитрий.

Те же противоборствующие чувства нахлынули на меня, как тогда на улице, — любовь и одновременно ужас. Однако на этот раз я пробилась сквозь любовь и атаковала его, не дрогнув. Вот только практически без толку — бить его было все равно что колотить по бронебойному стеклу. Он оттолкнул меня, и я пошатнулась, но кресло из рук не выпустила и тут же снова бросилась в атаку. На этот раз он вцепился в кресло, вырвал его из моих рук и бросил о стену с такой легкостью, словно оно ничего не весило.

Лишившись даже такого жалкого оружия, я снова могла полагаться только на силу собственного тела. Именно это я и делала на протяжении двух последних недель, когда мы допрашивали стригоев; правда, тогда меня подстраховывали четверо товарищей. И ни один из тех стригоев не походил на Дмитрия. Даже в бытность дэмпиром, его было трудно одолеть. Теперь он сохранил свои навыки, но стал быстрее и сильнее. Он также хорошо знал все мои приемы — поскольку сам учил им меня. Застать его врасплох практически невозможно.

Однако в точности как с окном, я не могла бездействовать. В комнате я оказалась в ловушке — и не важно, насколько это была большая, роскошно обставленная комната. Более того, я была наедине со стригоем. Мне приходилось все время напоминать себе об этом. Здесь был стригой. Не Дмитрий. Все, что я без конца твердила Денису и остальным, было применимо и сейчас.

«Будь умным. Будь бдительным. Защищай себя».

— Роза, — заговорил он, без видимых усилий отражая мои удары. — Ты впустую тратишь время. Прекрати.

Ох, этот голос! Голос Дмитрия. Голос, который я слышала, засыпая ночью, голос, который когда-то говорил, что любит меня...

«Нет! Это не он. Дмитрия больше нет. Это монстр».

В отчаянии я попыталась придумать, как одолеть его. У меня даже мелькнула мысль о призраках, которых я вызывала в сарае. Марк говорил, что я смогу обращаться к ним в момент величайшего накала эмоций, и они будут сражаться за меня. Эмоции имелись в избытке, но я почему-то все равно не знала, как вызвать помощников. Я понятия не имела, как делала это прежде, и, несмотря на желание, сейчас ничего не получалось. Проклятье! Что толку во вселяющих ужас силах, если я не в состоянии прибегнуть к их помощи?

Вместо этого я сдернула с полки DVD-плеер, вырвав шнуры из стены. Совсем никудышное оружие, но я была в отчаянном положении. Я услышала странный, древний боевой клич и задним умом поняла, что сама издала его. И снова бросилась на Дмитрия, изо всех сил размахивая плеером. Наверно, он причинил бы вред, пусть и небольшой — если бы врезался в Дмитрия. Однако этого не произошло. Дмитрий перехватил его, вырвал из моих рук и бросил на пол. Плеер разлетелся на куски. Продолжая действовать, Дмитрий поймал мои руки, не давая мне ни ударить его, ни дотянуться до чего-то еще. Он так крепко держал меня, что, наверно, мог бы сломать кости, но я продолжала вырываться.

Он снова попытался урезонить меня.

— Я не причиню тебе вреда, Роза. Пожалуйста, остановись.

«Это не тот Дмитрий, которого ты знала».

Не имея возможности двигать руками, я начала отбиваться ногами, но, поскольку верхняя часть тела была скована, я не могла вложить в удары достаточно силы. Что касается Дмитрия, он выглядел не столько озабоченным или сердитым, сколько раздраженным. Испустив громкий вздох, он схватил меня за плечи, развернул и прижал к стене, пригвоздив к ней всей мощью своего тела. Я еще немного подергалась, но без всякого результата — я оказалась сейчас в той же ситуации, что и стригои, на которых мы охотились. У вселенной мерзкое чувство юмора.

— Перестань бороться со мной. — Шея ощущала тепло его дыхания, тело его было прижато к моему, рот находился всего в нескольких дюймах от моих губ. — Я не причиню тебе вреда.

Я снова задержалась, дыша тяжело, с хрипом, в голове пульсировала боль.

— Мне трудно поверить в это, неужели непонятно?

— Если бы я хотел тебя убить, ты уже была бы мертва. Если ты не прекратишь вырываться, мне придется связать тебя. В противном случае я не стану этого делать.

— Не боишься, что я сбегу?

— Нет. — Его голос звучал так спокойно, что холодок пробежал у меня по спине. — Не боюсь.

Мы оставались в таком положении еще около минуты. Мысли бешено проносились в голове. Это правда — если бы он хотел убить меня, то уже давно бы справился с поставленной задачей. Но я была далека от того, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. Тем не менее ситуация создалась безвыходная. Ладно, я не совсем точно выразилась. Для меня она была безвыходная. Он просто играл со мной. В голове после ударов пульсировала боль, и дальнейшая бесплодная борьба лишь ухудшила бы мое состояние. Требовалось восстановить силы, чтобы найти способ сбежать — если, конечно, я доживу до этого. И пора перестать думать о том, как близки наши тела и... губы. Такой тесный контакт слишком опьянял.

Я слегка расслабилась.

— Хорошо.

Он заколебался — наверно, спрашивал себя, можно ли доверять мне. Происходящее напомнило момент, когда мы с ним были в маленькой сторожке в дальней части академических угодий. Я тогда была расстроена, разъярена — и все под влиянием тьмы духа, которая переполняла меня. Дмитрий тоже удерживал меня и убеждал выйти из того ужасного состояния. Мы поцеловались, потом его руки приподняли мою рубашку... Нет, нет. Не сейчас. Нельзя думать об этом сейчас.

В конце концов, Дмитрий отпустил меня. Инстинкт вопил, подталкивая внезапно наброситься на него, но я строго напомнила себе, что необходимо выждать, восстановить силы и собрать побольше информации. Хоть он и отпустил меня, мы продолжали стоять близко друг к другу. Вопреки всякой логике, его облик снова обманчиво воздействовал на меня — как тогда, на улице. Как можно быть тем же самым и одновременно другим? Я всячески пыталась не замечать знакомых черт — волосы, рост, лицо — и сосредоточиваться лишь на признаках стригоя — красных кружках в глазах и чрезмерной бледности кожи.

Я так ушла в себя, заиклившись на выполнении этой задачи, что до меня не сразу дошло, что он тоже молчит. Он вглядывался в меня так пристально, как будто хотел пронзить взглядом. Я вздрогнула. Это выглядело почти — почти! — так, как будто он был зачарован мной. Впрочем, подобное невозможно. Такого рода эмоции недоступны стригоям, скорее всего, мысль о том, что он все еще испытывает ко мне какие-то чувства, была того рода, когда принимают желаемое за действительное. Выражение его лица всегда не поддавалось расшифровке, а теперь его

маскировала личина коварства и холодности, которая делала совершенно невозможным понять, что у него на уме.

— Почему ты оказалась здесь? — Спросил он наконец.

— Потому что ты ударил меня по голове и притащил сюда.

Если уж умирать, то с музыкой — в стиле Розы. Прежний Дмитрий улыбнулся бы или подчеркнуто испустил вздох. Этот остался невозмутим.

— Я о другом. Почему ты здесь?

В его низком голосе зазвучали угрожающие нотки. Я считала, что Эйб производит устрашающее впечатление, но... Даже Змей в ужасе отпрянул бы.

— В Сибири? Потому что искала тебя.

— А я здесь, потому что хотел оказаться как можно дальше от тебя.

В полном ошеломлении я сказала нечто совершенно нелепое.

— Почему? Потому что я могу убить тебя?

Судя по его взгляду, он тоже считал это нелепостью.

— Нет. Чтобы мы не оказались в подобной ситуации. Теперь это произошло, и ее исход неотвратим.

Я не была полностью уверена, что он вкладывает в слова о «подобной» ситуации.

— Можешь просто отпустить меня, если хочешь избежать его.

Он отступил на шаг и пошел, не оглядываясь, в сторону гостиной. Возникло искушение воспользоваться этим и напасть на него, но внутренний голос подсказывал, что вряд ли я сделаю больше четырех шагов, прежде чем он, по-прежнему не оглядываясь, нанесет мне удар. Он сел в роскошное кожаное кресло, движения его высокой фигуры были так же грациозны, как и раньше. Господи, ну почему он производит такое противоречивое впечатление? Привычки прежнего Дмитрия — и замашки монстра. Я осталась на том же месте, прислонившись к стене.

— Теперь это невозможно. После того, как я увидел тебя...

И снова он внимательно рассматривал меня. Это вызывало странное ощущение. Двойственное. Напряженность его взгляда, то, как он почти любовно скользил им по моему телу сверху донизу, — это волновало и даже возбуждало; с другой стороны, под его взглядом я чувствовала себя замаранной, грязной.

— Ты по-прежнему так же прекрасна, Роза. Впрочем, ничего другого я и не должен был ожидать.

На это я не знала, что сказать. Я никогда на самом деле не разговаривала со стригоем, если не считать обмена оскорблениями и угрозами в процессе схватки. Ближе всего к этому подходило, когда меня

захватил в плен Исая. Тогда я была связана, и разговор в основном сводился к тому, как он убьет меня. Сейчас... сейчас все было иным, но страх не отпускал меня. Я скрестила на груди руки и прислонилась к стене — защищаться я пока не могла.

Он наклонил голову, вглядываясь в меня, и на его лицо упала тень, красный отблеск в глазах стал почти не виден. Они — прямо как раньше — казались темными, бездонными и удивительными, исполненными любви и бесстрашия...

— Можешь сесть, — сказал он.

— Мне и так хорошо.

— Есть что-нибудь еще, чего ты хочешь?

— К примеру, чтобы ты отпустил меня.

На мгновение мне показалось, что его лицо слегка исказилось, как раньше, когда я шутила. Нет, наверно, я вообразила это.

— Нет, Роза. Я имею в виду — тебе потребуется что-нибудь? Другая еда? Книги? Развлечения?

Я недоверчиво смотрела на него.

— Ты так говоришь, будто я в самом роскошном отеле!

— В определенной степени так и есть. Я поговорю с Галиной, и она достанет все, что пожелаешь.

— С Галиной?

Губы Дмитрия искривились в улыбке. В этой улыбке полностью отсутствовала теплота — она была холодной, мрачной, полной секретов. Я съежилась бы от страха при виде ее — если бы не мое нежелание выказывать перед ним слабость.

— Галина — мой бывший инструктор, еще со времен школы.

— Она стригой?

— Да. Она была пробуждена несколько лет назад, в сражении под Прагой. Она сравнительно молода для стригоя, но становится все сильнее. Все это ее.

Он сделал жест, поведя рукой вокруг.

— И ты живешь с ней? — Спросила я, пытаясь сдержать любопытство.

Мне хотелось понять, что их связывает, и, к своему удивлению, я почувствовала ревность. Совершенно неразумную, конечно. Он — стригой и, следовательно, за пределами моей досягаемости. И это был бы не первый случай, когда учитель и ученик сближаются...

— Я работаю на нее. Частично из-за этого после пробуждения я вернулся сюда. Я знал, что она стригой, и нуждался в ее наставлениях.

— И ты жаждал оказаться подальше от меня. Такова другая причина?

В ответ, не вдаваясь в разъяснения, он кивнул.

— Где мы? Не в Новосибирске?

— Да. Поместье Галины за пределами города.

— Насколько далеко?

Снова возникла эта кривая улыбка.

— Я понимаю ход твоих мыслей и не собираюсь снабжать тебя информацией такого рода.

— Тогда о чем ты думаешь? — Еле сдерживаемый страх внезапно обернулся яростью. — Зачем запирать меня здесь? Убей или отпусти. Если ты собираешься заточить меня тут и издеваться надо мной, то я предпочла бы смерть.

— Смело сказано. — Он встал и принялся расхаживать. — Я почти верю тебе.

— Это правда, — с вызовом ответила я. — Я приехала сюда, чтобы убить тебя. И если я не могу этого сделать, лучше умереть.

— Ты потерпела неудачу, там, на улице.

— Да. Я догадалась об этом, когда очнулась здесь.

Дмитрий резко развернулся и внезапно оказался передо мной, двигаясь с молниеносной скоростью стригоя. Все это время я испытывала тошноту, свидетельствующую о присутствии рядом стригоя, но чем больше я находилась рядом с Дмитрием, тем слабее она становилась и теперь достигла того уровня, что я почти не замечала ее.

— Я немного разочарован, Роза. Ты так хороша. Очень, очень хороша. Ты и твои друзья расхаживаете вокруг и уничтожаете стригоев. Это вызвало брожение в наших рядах, а у некоторых даже страх.

— Но не у тебя?

— Когда я слышал, что это ты... хмм... — Он прищурился, приняв задумчивый вид. — Нет. Мне стало любопытно. Я насторожился. Если кто и мог убить меня, то это ты. Но, как я уже сказал, ты заколебалась. Это была решающая проверка того, как ты усвоила мои уроки, и ты потерпела неудачу.

Я сохраняла бесстрастное выражение лица, но внутренне ругала себя за момент слабости на улице.

— В следующий раз я не стану колебаться.

— Следующего раза не будет. И, хотя ты меня разочаровала, я, конечно, радуюсь тому, что жив.

— Ты не живой, — сказала я сквозь стиснутые зубы. Господи, он снова был ужасно близко ко мне! Даже с изменившимися чертами лица, стройное

и мускулистое тело осталось тем же самым. — Ты мертвый. Ты — неестественное создание. Когда-то давно ты сказал мне, что предпочел бы умереть, чем стать таким. Вот почему я пришла убить тебя.

— Ты говоришь все это только потому, что мало знаешь. Как и я в те времена.

— Послушай, я говорю то, что думаю. Я не играю в твои игры. Если я не могу выбраться отсюда, тогда просто убей меня.

Неожиданно он вскинул руку и провел пальцем по моей щеке. Я изумленно открыла рот. Его рука была холодна, точно лед, но то, как он прикасался ко мне... да, это снова было то же самое. В точности так, как я помнила. Как это возможно? Такой похожий... и такой другой. Внезапно мне вспомнился другой его урок, о том, что стригои могут казаться очень, очень похожими на тех, кого ты когда-то знал. Вот почему было так легко заколеться.

— Убить тебя не так-то просто. — Его голос упал до низкого шепота — словно змея, скользящая по моей коже. — Есть и третий вариант. Я могу пробудить тебя.

Я замерла и вовсе перестала дышать.

— Нет. — Это было единственное, что я смогла выдавить — ничего более сложного, умного или тем более остроумного мозг не смог выдать, такой ужас нагнали на меня его слова. — Нет.

— Ты не знаешь, что это такое. Это... изумительно. Необыкновенно. Все ощущения живые, мир ярче...

— Да, но ты-то мертвый.

— В самом деле?

Он взял мою руку и прижал к своей груди. Я почувствовала биение его сердца и удивленно распахнула глаза.

— Мое сердце бьется. Я дышу.

— Да, но... — Я отчаянно пыталась вспомнить все, чему меня учили о стригоях. — Это не значит, что ты по-настоящему жив. Просто... темная магия воскресила тебя. Это иллюзия жизни.

— Это лучше, чем жизнь. — Он вскинул руки и обхватил ладонями мое лицо. Его сердце билось ровно, но мое бешено заколотилось. — Это все равно что быть богом, Роза. Сила. Скорость. Способность воспринимать мир так, как ты даже представить себе не можешь. И... бессмертие. Мы можем быть вместе вечно.

Когда-то это было все, чего я желала. И глубоко внутри это отчаянное желание быть вместе с ним сохранилось. Правда, я представляла себе все несколько иначе.

Я сглотнула.

— Нет... — Чувствуя его прикосновение, такое легкое, такое нежное, я едва ворочала языком. — Не можем.

— Можем. — Его палец заскользил по подбородку и нащупал мою артерию. — Я могу сделать это быстро и безболезненно. Ты даже не поймешь, что происходит.

Скорее всего, он был прав. Чтобы превратить человека в стригоя, нужно выкачать из него всю кровь. Потом стригой обычно делает на себе надрез и подносит кровоточащую рану к твоим губам. Наверняка я отключусь еще до того, как потеряю половину крови.

Вместе навечно.

Мир вокруг слегка расплывался — то ли из-за головной боли, то ли из-за охватившего меня ужаса. Гоняясь за Дмитрием, я мысленно рисовала себе сотню возможных сценариев, но такого — стать стригоем — среди них не было. Смерть — его или моя — вот единственный исход. И это было очень глупо с моей стороны.

Вялые размышления внезапно были прерваны звуком открываемой двери. Дмитрий повернулся и решительно толкнул меня себе за спину. Вошли двое и сразу же закрыли за собой дверь; я не успела разглядеть вошедших. Один был стригой, парень, другая — женщина, человек, с низко склоненной головой и подносом в руках.

Стригоя я узнала сразу, что было совсем нетрудно: он часто являлся мне во сне. Светлые волосы, примерно такой же длины, как у Дмитрия, обрамляли лицо. Похоже, парню было едва за двадцать, когда его обратили. По-видимому, он встречал Лиссу и меня, когда мы были младше, но лично я видела его дважды. Один раз, когда сражалась с ним во время боя в Академии; и второй раз в пещере, которую стригой использовали как место встреч.

Это он укусил Дмитрия.

Едва удостоив меня взглядом, парень набросился на Дмитрия.

— Какого черта ты тут делаешь? — Он был американец, и я, естественно, понимала его. — Нашел себе забаву и держишь ее здесь?

— Тебя это не касается, Натан. — Голос Дмитрия был холоден как лед. Раньше я думала, что его речь лишена эмоций, но теперь поняла, что их просто труднее обнаружить. Сейчас в голосе звучал вызов, предостережение этому парню — дескать, лучше не суйся, куда не следует. — Галина дала мне разрешение.

Взгляд Натана соскользнул на меня, и злость сменилась шоком.

— Это она?

Дмитрий слегка переместился, полностью закрывая меня собой. Прежний бунтарский дух подталкивал меня рывкнуть, что я не нуждаюсь в защите стригоя, вот только сейчас я в ней как раз очень даже нуждалась.

— Она из школы в Монтане... Мы сражались... — Он скривил губы, обнажив клыки. — Я попробовал бы вкус ее крови, если бы там не болтался тот дрянной морой, пользователь огня.

— Не твоё дело, — повторил Дмитрий.

Красные глаза Натана широко распахнулись, в них вспыхнул живой интерес.

— Ты шутишь? Она может вывести нас на девчонку Драгомир! Если мы пресечем этот род, наши имена войдут в легенду. Долго ты собираешься держать ее здесь?

— Уходи, — проворчал Дмитрий. — Убирайся.

Натан ткнул в меня пальцем.

— Она дорогого стоит. Если ты собираешься использовать ее как «кровавую шлюху», то, по крайней мере, поделись. Тогда мы вытянем из нее информацию, а потом прикончим.

Дмитрий сделал шаг вперед.

— Вон! Только посмей коснуться ее, и я уничтожу тебя. Оторву голову голыми руками и буду смотреть, как ее опаляет солнце.

Натан разозлился еще сильнее.

— Галина не позволит тебе забавляться дома с этой девицей, несмотря на всю благосклонность.

— Не заставляй меня повторять дважды. Мое терпение кончается.

Натан промолчал. Стригои стояли, вперив друг в друга взгляды. Насколько мне известно, сила и мощь стригоев зависит от времени, которое они уже прожили в новом облике. Очевидно, Натан был обращен раньше. Я не знала, насколько, но при виде этих двоих у меня создалось впечатление, что Дмитрий сильнее или, по крайней мере, несколько не уступает в мощи. Клянусь, я заметила страх в красных глазах Натана.

— Это не конец. — Он резко развернулся и направился к двери. — Я поговорю с Галиной.

Он ушел, и некоторое время стояла тишина. Потом Дмитрий посмотрел на женщину и сказал что-то по-русски. Она так и стояла, замерев.

После его слов она осторожно поставила поднос на кофейный столик рядом с кушеткой. Подняла серебряную крышку, под которой оказалась пицца «пепперони» с сыром. При других обстоятельствах, если бы в доме стригоя мне принесли пиццу, подобное выглядело бы нелепо и забавно.

Сейчас, учитывая угрозы Дмитрия обратить меня в стригоя и стремление Натана с моей помощью добраться до Лиссы, ничто не могло быть забавно. Даже у Розы Хэзевей есть границы, когда дело доходит до шуток. Рядом с пиццей лежало большое шоколадное пирожное с орехами, с толстым слоем глазировки. То, что я люблю, — и Дмитрий знал это.

— Ланч, — объявил он. — Не отравлено.

Еда на подносе выглядела очень соблазнительно, но я покачала головой.

— Я не буду есть.

Он дугой выгнул бровь.

— Хочешь что-то другое?

— Не хочу ничего, потому что не буду есть вообще ничего. Если ты не собираешься меня убить, я сделаю это сама.

Только тут до меня дошло, что отсутствие оружия в помещении скорее должно было защитить меня от себя, а не от стригоев.

— Уморишь себя голодом? — В его глазах вспыхнуло мрачное изумление. — Я пробужу тебя задолго до этого.

— Почему бы тебе не приступить прямо сейчас?

— Потому что я предпочитаю добровольный выбор.

Господи, он рассуждал прямо как Эйб, только угроза сломать коленные чашки в сравнении с пробуждением выглядела просто милостью.

— Тебе долго придется ждать, — ответила я.

Дмитрий громко рассмеялся. Еще дампиром смеялся он редко, и это всегда заставляло меня трепетать. Сейчас смех его был не теплый и раскатистый, сейчас он звучал холодно и злобно.

— Посмотрим.

И не успела я придумать ответ, как он снова оказался прямо передо мной. Его рука проскользнула к моему затылку, приподняла голову, и он прижал свои губы к моим. Они были так же холодны, как и остальное тело... и тем не менее было в этом какое-то тепло. Внутренний голос завопил, что это мерзко, ужасно, но мир вокруг исчез; клянусь, мне почти показалось, что мы снова вместе в сторожке.

Наконец Дмитрия отодвинулся в сторону, оставив меня с выпученными глазами и потрясенно раскрытым ртом. Небрежно, словно ничего не произошло, он сделал жест в сторону женщины.

— Это Инна. — При звуке своего имени она вскинула голову, и я поняла, что женщина не намного старше меня. — Она работает на Галину и будет заботиться о тебе. Если что-нибудь понадобится, сообщи ей. Она плохо говорит по-английски, но сумеет понять.

Он сказал еще что-то ей по-русски, и она покорно направилась вслед за ним к двери.

— Куда ты? — Спросила я.

— У меня есть дела. А тебе необходимо время на раздумье.

— Тут не о чем думать.

Я постаралась произнести эти слова с вызовом.

Наверно, у меня не очень получилось, потому что в ответ он лишь насмешливо улыбнулся и вышел вместе с Инной, оставив меня одну в роскошной тюрьме.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Пожалуй, я была паршивым примером для Дениса, которого учила контролировать свои эмоции. Оставшись одна, я снова попыталась выбраться.

Судя по поведению Натана, пленники тут были редкостью, но мне помещение казалось вполне пригодным для заточения. Дверь и окно оставались неуязвимы, чем бы я ни колотила и какие бы предметы ни швыряла в них. На этот раз кресло я оставила в покое, используя вместо него один из небольших столиков, стоящих в гостиной. Надеюсь, что он потяжелее. Напрасно. Отчаявшись, я начала наобум нажимать кнопки на цифровой клавиатуре двери. С тем же результатом.

В конце концов, вымотавшись, я рухнула на кожаную софу и попыталась оценить, какой у меня есть выбор. Этот процесс много времени не занял. Я оказалась в ловушке в доме, полном стригоев. Ладно, я не знала, сколько их тут на самом деле, но по крайней мере трое точно, и это уже слишком много для меня. Дмитрий назвал убежище Галины «поместьем», что тоже не утешало. Поместья обычно велики. Доказательства? Пожалуйста — тот факт, что я находилась на четвертом этаже. Большое здание означало, что здесь может быть много комнат, а в них много вампиров.

Утешало одно — стригои плохо сотрудничают друг с другом. Очень редко им удавалось скоординировать свои действия для совместных операций. Хотя два раза я сталкивалась с подобным нонсенсом — атака на Академию была одним из них. Они тогда напали, потому что магические защитные кольца школы утратили свою силу и стригои не устояли перед соблазнительной перспективой, даже объединились на время. Однако их союзы быстро распадались. Доказательством тому могла послужить перепалка Дмитрия с Натаном, свидетельницей которой я стала.

Дмитрий.

Я закрыла глаза. Из-за Дмитрия я оказалась здесь. Я пришла, чтобы освободить его от участи живого мертвеца — и потерпела неудачу, он прав. И теперь я на грани того, чтобы стать такой же. *«Да, славно поработала, Роза»*. Я вздрогнула, попытавшись представить себя одной из них. Красные круги вокруг зрачков. Смуглая кожа станет бледной. Картина не складывалась, и я подумала, что если это случится, никогда не увижу себя в зеркале. Стригои не отражаются в них. Как тогда приводить в порядок

волосы?

Самые пугающие изменения, однако, произойдут внутри — прервется связь с душой. И Дмитрий, и Натан — оба они жестоки и полны антагонизма. Даже не будь здесь меня как повода для ссоры, они, скорее всего, быстро найдут другую причину, чтобы накинуться друг на друга. Я тоже агрессивна, но только из-за сильных переживаний. Стригои же сражаются, потому что кровопролитие доставляет им удовольствие. Я не хотела в этом походить на них — жаждать крови и насилия потому, что это приносит радость.

Я не хотела верить, что и Дмитрий стал таким, но его действия уже характеризовали его как стригоя. Еще я понимала, что все это время он должен был есть, чтобы выжить. Стригои могут выдержать без крови дольше мороев, но с тех пор, как его обратили, прошло больше месяца. Конечно, он пил кровь, а стригои почти всегда убивают свои жертвы во время трапезы. Никак не удавалось представить себе, что это делает Дмитрий.

Я открыла глаза. Мысли о еде напомнили о моем ланче. Пицца и пирожное. Два самых вкусных блюда на планете. Пицца наверняка остыла, пока я впустую тратила силы на попытки сбежать, но, взглянув на тарелку, я обнаружила, что и пицца, и пирожное выглядят восхитительно. Если судить по свету за окном, прошло уже двадцать четыре часа с тех пор, как Дмитрий поймал меня. Ну, приблизительно. Трудно столько времени обходиться без еды, и я ужасно хотела съесть пиццу, даже холодную. На самом деле я не собиралась морить себя голодом.

Конечно, становиться стригоем я тоже не намеревалась, но ситуация складывалась так, что мои желания вряд ли играли какую-то роль. Быстро уморить себя голодом не получится, и, наверно, Дмитрий прав: он обратит меня задолго до того, как я сумею сделать это. Нужно найти другой способ умереть — господи, как не хочется-то! Пока имеет смысл поддерживать свои силы ради призрачного шанса сбежать.

Приняв решение, я за три минуты расправилась с едой. Я понятия не имела, кого стригои нанимают, чтобы готовить пищу — черт, в отличие от мороев они даже не могут есть обычную еду, — но эта оказалась просто фантастикой. Какой-то извращенной частью сознания я отметила, что мне дали еду, не требующую использования столовых приборов. Да, они отлично продумали, как лишить меня любой возможности заполучить оружие. Я дожевывала последний, гигантский кусок пирожного, когда дверь внезапно открылась. Внутрь проворно проскользнула Инна и тут же заперла за собой дверь.

— Вот черт!

Или, по крайней мере, я попыталась это сказать с набитым ртом. Вместо того чтобы спорить с собой на тему «есть или не есть», мне следовало караулить у двери. Дмитрий сказал, что Инна позаботится обо мне. Я должна была дожждаться, когда она придет, и одолеть ее, а вместо этого она появилась, когда мое внимание было отвлечено. Еще одна промашка с моей стороны.

Как в присутствии Дмитрия и Натана, Инна практически не поднимала взгляда. В руках у нее была груда одежды; остановившись передо мной, она протянула мне тряпки. Я взяла их и положила рядом на кушетку.

— Ммм... Спасибо, — сказала я.

Кивнув на пустой поднос, она робко взглянула на меня, с застывшим вопросом в карих глазах. Разглядев ее внимательнее, я с удивлением отметила, какая она хорошенькая. Пожалуй, девушка была помладше меня. Я невольно задалась вопросом, как получилось, что она вынуждена работать здесь. Я поняла ее и кивнула.

— Спасибо.

Она подхватила поднос и остановилась на мгновение. Сначала я не сообразила почему, но потом до меня дошло — она, видимо, хотела знать, желаю ли я чего-нибудь еще. Вряд ли она поняла бы (со своим знанием английского), если бы я запросила «шифр для замка». Поэтому взмахом руки я отпустила ее и потом, глядя ей вслед, принялась лихорадочно перебирать возможные варианты действий.

«Нужно дожждаться, пока она откроет дверь, и наброситься на нее», — подумала я.

Живот тут же свело — при мысли, что я собираюсь напасть на невинного человека.

Оправдание просилось само.

«Вопрос стоит жестко: я или она».

Я напряглась.

Набирая комбинацию, Инна стояла очень близко к двери, перекрывая обзор. Это заняло много времени — видимо, код не так уж короток. Дверь со щелчком открылась, я приготовилась действовать, но в последний момент передумала. Тут наверняка целая армия стригоев. Если я решу использовать Инну для бегства, у меня, скорее всего, будет единственный шанс. Сначала следует разведать обстановку. Поэтому, вместо того чтобы наброситься на нее, я тихонько подкралась сзади, чтобы подсмотреть за дверью. Она так же быстро выскользнула, как и вошла, и дверь тут же захлопнулась. Однако за этот краткий миг я успела разглядеть

короткий коридор и что-то вроде еще одной тяжелой двери.

Интересно. В моей тюрьме двойная дверь. И если бы я пошла вслед за Инной, вторая дверь помешала бы мне сбежать. Инна могла просто ждать у второй двери, пока не покажется какой-нибудь стригой. Наличие новой преграды еще больше все усложняло, но понимание ситуации, по крайней мере, давало искру надежды. Просто нужно хорошенько продумать, как использовать эту информацию, а не губить все спешкой. А ведь совсем скоро заявится Дмитрий и снова начнет уговаривать меня стать стригоем...

Я вздохнула. Дмитрий, Дмитрий, Дмитрий.

Пока я решила посмотреть, что Инна принесла мне. Плевать, как выгляжу сейчас, но если придется тут задержаться, джинсы и тенниска испачкаются.

Как и Тамара, кто-то хотел принарядить меня.

Только платья, и все моего размера. Красное шелковое, сильно облегающее. Вязаное платье с длинными рукавами, облегающее фигуру, отделанное атласом. Приталенное в стиле ампир, длиной до щиколоток шифоновое платье.

— Замечательно! Чувствую себя куклой.

Порывшись в груди, я обнаружила несколько ночных рубашек и нижнее белье. Все атласное или шелковое. Случайным предметом тут выглядело зеленое платье-свитер, но даже оно было сшито из нежнейшего кашемира. Я разглядывала его, стараясь представить себе, как я в нем предпринимаю смелую попытку сбежать. Нет уж. Тряся головой, я небрежно бросила наряды на пол. Придется какое-то время ходить неряхой.

Потом я принялась расхаживать, снова и снова прокручивая в голове провальные планы бегства. И только тут почувствовала, насколько устала. Если не считать потери сознания после того, как Дмитрий ударил меня, я не спала целый день. Спать или не спать было равнозначно принятию решения есть или не есть. Позволить себе полностью отключиться? Мне необходимы силы, но каждая уступка увеличивала риск.

Наконец я сдалась, и, когда легла на огромную кровать, меня внезапно осенила идея. Я ведь не совсем беспомощна. Если бы Адриан проник в мой сон, я могла бы рассказать ему, что произошло. Правда, в последний раз я велела ему держаться подальше, но прежде он никогда меня не слушался. С какой стати сейчас будет иначе? Дожидаясь, пока придет сон, я изо всех сил сосредоточилась на Адриане, как будто мои мысли могли вызвать его.

Ничего не получилось. Никто не пришел ко мне во сне, и, проснувшись, я удивилась, почувствовав, какую это причиняет боль.

Несмотря на явное увлечение Адриана Эйвери, я никак не могла выбросить из головы, насколько по-доброму он в последний раз вел себя с Джил. И о Лиссе он тоже тревожился, отказавшись от своей легкомысленной бравады. Он был серьезен и мил. В горле стоял ком. Пусть я не питала к нему романтического интереса, все равно не следовало так скверно обращаться с ним. А теперь я утратила и его дружбу, и возможность через него воззвать о помощи.

Мои размышления были прерваны негромким шелестом бумаги. Я рывком села. Кто-то находился в гостиной, сидел спиной ко мне на кушетке, и спустя всего мгновение я узнала его. Дмитрий.

— Что ты здесь делаешь?

Я вылезла из постели, даже не чувствуя тошноты, настолько я не совсем проснулась.

— Жду, пока ты проснешься, — не оборачиваясь, ответил он, совершенно уверенный в моей неспособности причинить ему вред, и у него для этого имелись основания.

— Неужели скучал?

Я перешла в гостиную, встала как можно дальше от него, прислонилась к стене и скрестила на груди руки.

— Почему же скучал. У меня была компания.

Он оглянулся на меня и поднял книгу. Вестерн.

Думаю, это шокировало меня не меньше, чем его изменившийся облик. В этом было нечто обыденное и родное. Он и дампиром обожал вестерны, и я часто поддразнивала его, что, дескать, он явно мечтает стать ковбоем. Почему-то мне казалось, что после обращения это хобби должно исчезнуть. Исполненная абсурдной надежды, я вглядывалась в его лицо, точно ожидая увидеть, что он стал прежним, пока я спала. Может, последние полтора месяца были просто дурным сном.

Увы. Красные глаза и жесткое выражение лица — все на месте. Мои надежды разлетелись вдребезги.

— Ты долго спала, — продолжал он.

Я бросила быстрый взгляд за окно. Полная тьма. Ночь. Проклятье! Я ведь хотела всего лишь вздремнуть часок-другой.

— И ты поела.

Изумление в его голосе разозлило меня.

— Я любительница пиццы. Чего тебе надо?

Заложив книгу, он положил ее на стол.

— Увидеться с тобой.

— А я думала: твоя единственная цель — превратить меня в живого

мертвеца.

Он не желал признавать этого, что раздражало. Терпеть не могу, когда возникает чувство, будто твои слова просто игнорируют. Вместо этого он стал уговаривать меня сесть.

— Устанешь стоять.

— Я только что проснулась. Кроме того, если я в состоянии целый час швыряться мебелью, уж как-нибудь постою немного, ничего мне не сделается.

Не знаю, почему я продолжала отпускать свои обычные саркастические замечания. По-хорошему, учитывая ситуацию, следовало просто игнорировать его. Молчать, а не играть в словесные игры. Наверно, в глубине души мне казалось, будто, разговаривая в насмешливом тоне, как раньше, смогу достучаться до прежнего Дмитрия. Я подавила вздох. Снова из головы вылетел один из уроков самого же Дмитрия. Стригои — не те люди, какими были когда-то.

— От сиденья тебе тоже ничего не сделается, — ответил он. — Я ведь уже сказал, что не причиню тебе вреда.

— Вред — понятие субъективное. — Потом, внезапно ощутив прилив бесстрашия, я подошла и села в кресло напротив него. — Доволен?

Он наклонил голову, несколько прядей темных волос выбились из небольшого, завязанного сзади конского хвоста.

— Ты по-прежнему прекрасна, даже после сна и небольшой схватки. — Его мерцающий взгляд обратился на грудку нарядов, которую я бросила на пол. — Ничего не понравилось?

— Я здесь не для того, чтобы играть с тобой в переодевания. Дизайнерские платья не убедят меня в желании стать членом клуба стригоев.

Он вперил в меня долгий, пронизывающий взгляд.

— Почему ты не доверяешь мне?

Я тоже уставилась на него, только с выражением недоверия.

— И ты еще спрашиваешь? Ты похитил меня. Чтобы выжить, ты убиваешь невинных людей. Ты совсем другой.

— Я лучше, я же говорил тебе. А что касается невинности... — Он пожал плечами. — На самом деле в мире нет невинных людей, зато есть хищники и добыча. Те, кто сильнее, побеждают тех, кто слабее. Таков естественный порядок вещей. Ты раньше увлекалась естествознанием, если не ошибаюсь.

Я отвела взгляд. В школе, помимо уроков, имеющих отношение к делу стража, мне нравилась биология. Нравилось читать о поведении животных,

о выживании сильнейших. Для меня Дмитрий был мужчиной экстра-класса, не знающим себе равных с точки зрения силы.

— Это другое, — сказала я.

— Но не в том смысле, как ты думаешь. Почему тот факт, что мы пьем кровь, кажется тебе таким странным? Ты видела, как морои делают это. Ты сама позволяла морою пить свою кровь.

Я вздрогнула, мне вовсе не хотелось углубляться в то, как я позволяла Лиссе пить мою кровь, когда мы жили среди людей. Еще меньше хотелось вспоминать о выбросах эндорфинов, сопровождающих укусы вампира, и о том, как я едва не стала в этом смысле «наркоманкой».

— Они не убивают.

— И, поверь, много теряют. Это потрясающе. — На мгновение он закрыл глаза, потом снова открыл их. — Пить кровь другого, смотреть, как жизнь уходит из него, и чувствовать, как она вливается в тебя... Одно из самых удивительных ощущений в мире.

Его рассуждения о том, как он убивает других, усилили мою тошноту.

— Это мерзко и подло.

Это произошло так быстро, что я не успела среагировать. Дмитрий вскочил, схватил меня, притянул к себе и толкнул на кушетку, наполовину навалившись на меня. Я была так ошеломлена, что даже не сопротивлялась.

— Вовсе нет. И в этом ты должна доверять мне. Тебе понравится. Я хочу быть с тобой, Роза. Правда, хочу быть с тобой. Мы свободны от правил, которые предписывают другие. Мы можем быть вместе теперь, сильнейшие из сильных. Можем получить все, что хотим. В конечном счете мы можем стать такими же сильными, как Галина. Заполучить такой же роскошный особняк, свой собственный.

Его кожа оставалась холодной, но давление тела вызывало ощущение тепла. С такого близкого расстояния краснота в глазах прямо сверкала, и когда он говорил, я видела клыки. Я привыкла видеть клыки у мороев, но у него... это было ужасно. Мелькнула мысль попытаться вырваться, но я сразу же отвергла ее. Если Дмитрий хотел, чтобы я лежала, я буду лежать, никуда не денусь.

— Мне этого не нужно, — ответила я.

— И меня ты тоже не хочешь? — С недоброй улыбкой спросил он. — А ведь раньше хотела.

— Нет, — солгала я.

— Чего же ты хочешь в таком случае? Вернуться в Академию? Служить мороям, которые, не задумываясь, подвергнут тебя опасности? Если тебе по душе такая жизнь, зачем ты пришла сюда?

— Я пришла, чтобы освободить тебя.

— Я свободен. И если бы ты вправду хотела убить меня, ты уже сделала бы это. — Он слегка сместился, придвинув лицо к моей шее. — Но ты не смогла.

— Я допустила промашку. Больше этого не произойдет.

— Предположим, я тебе поверю. Предположим, что сейчас ты способна убить меня. Предположим, ты даже сумеешь сбежать. А потом? Вернешься домой, к Лиссе, и позволишь ей выплескивать на тебя тьму духа?

— Не знаю, — ответила я.

И это была чистая правда. За пределы того, чтобы найти его, мои планы никогда не простирались.

— Ты же в курсе, эта тьма поглотит тебя. Как бы далеко Лисса ни находилась, пока она использует магию, ты всегда будешь ощущать побочный эффект. По крайней мере, пока она жива.

Я застыла в его руках и отвернулась.

— Как это понимать? Ты, как Натан, хочешь выследить и убить ее?

— Меня совершенно не волнует ее судьба, — ответил он. — Ты — вот кто меня волнует. Если тебя пробудить, ваша связь разрушится, и тебе больше ничто не будет угрожать. Ты станешь свободна.

— А с ней что произойдет? Она останется совсем одна.

— Как я уже сказал, меня это не волнует. Быть с тобой — вот что волнует меня.

— А я не хочу быть с тобой.

Он повернул мое лицо к себе. И снова возникло это странное ощущение — что я с Дмитрием и не с Дмитрием. Любовь и страх.

Он прищурился.

— Я тебе не верю.

— Верить, не верить — твое право. Все изменилось.

Его губы изогнулись в пугающей, самодовольной улыбке.

— Лжешь. Я чувствую. Я всегда чувствовал тебя.

— Это правда — раньше я тебя хотела. Но теперь не хочу.

Если упорно твердить одно и то же, может, так и будет.

Он придвинулся ближе, и я замерла. Еще полднюйма, и наши губы соприкоснутся.

— Мой облик... моя сила... я изменился. К лучшему. Но во всем остальном я прежний, Роза. Моя сущность не изменилась. Связь между нами не изменилась. Ты просто этого не понимаешь.

— Все изменилось.

Его губы были так близко, что я не могла думать ни о чем, кроме его быстрого, но страстного поцелуя в прошлый раз, когда он был здесь. Нет, нет, нет. *«Не думай об этом».*

— Если я действительно полностью изменился, тогда почему не пробуждаю тебя насильно? Почему предоставляю тебе выбор?

Я хотела резко ответить, но слова замерли на губах. Отличный вопрос. Действительно, почему он предоставляет мне выбор? Стригои не предоставляют своим жертвам выбора. Они безжалостно убивают и берут то, что хотят. Если Дмитрий действительно хотел, чтобы я стала такой же, как он, ему следовало обратить меня, как только я оказалась в его руках. Прошло больше суток, а он лишь одаривает меня роскошными подарками. Почему? Обрати он меня, и я, конечно, воспринимала бы все так же извращенно, как он. Пробуждение существенно упростило бы дело.

Я молчала, и он снова заговорил:

— И если я совсем другой, почему раньше ты ответила на мой поцелуй?

Я по-прежнему не знала, что сказать, и его улыбка стала шире.

— Нет ответа. Ты знаешь, что я прав.

Внезапно его губы снова нашли мои. Я протестующе пискнула и попыталась вырваться из его объятий, но тщетно. Он был слишком силен, а спустя мгновение у меня пропало желание вырываться. То же ощущение, что и в прошлый раз, нахлынуло на меня. Холодные губы, но поцелуй такой жаркий! Лед и пламя. И он был прав — я отвечала на его поцелуй.

Сознательная часть разума вопила, что так нельзя, это неправильно. В прошлый раз поцелуй был коротким, без продолжения. Но не сейчас. И чем дольше длился поцелуй, тем слабее звучал голос разума. Верх взяла та часть меня, которая всегда любила Дмитрия, обожала ощущать соприкосновения наших тел, то, как он накручивал мои локоны на пальцы, как зарывался в мои волосы. Его рука проскользнула ко мне под рубашку — холодное прикосновение к теплой коже. Я придвинулась ближе и почувствовала, как его желание нарастает и поцелуй становится жарче.

В самом разгаре мои язык слегка задел острый кончик одного из его клыков. Ощущение было такое, словно на меня выплеснули ведро холодной воды. Напрягшись изо всех сил, я отдернула голову, прервав наш поцелуй. Видимо, Дмитрий совсем расслабился, раз позволил мне вырваться.

Я тяжело дышала, тело по-прежнему хотело его. Однако верх взял разум — сейчас. Господи, что я делаю? *«Ты же знаешь — это не Дмитрий. Это не он».* Я целовала монстра. Однако мое тело отнюдь не было в этом

уверено.

— Нет, — пробормотала я, удивляясь тому, как жалко, умоляюще звучит мой голос. — Нет. Нельзя.

— Ты уверена? — Все еще запустив руку в мои волосы, он с силой повернул меня лицом к себе. — Ты вроде бы не возражала. Все может быть в точности так, как прежде... как тогда, в сторожке... Тогда ты хотела этого...

Сторожка...

— Нет, — повторила я. — Не хотела.

Он прижал губы к моей щеке и, продолжая удивительно нежно целовать, начал опускаться к шее. И снова тело возжаждало его, и я возненавидела себя за слабость.

— А как насчет этого? — Еле слышно прошептал он. — Хочешь?

— Что...

И тут я почувствовала — острые резцы прорезали кожу на шее. Было больно, но совсем недолго, долю секунды. Больно и ужасающе. А потом, так же быстро, боль исчезла. Волна блаженства и радости нахлынула на меня. Никогда в жизни я не чувствовала себя так замечательно. Немного похоже на те ощущения, которые возникали, когда мою кровь пила Лисса, но это... Это было изумительно, в десять, в сто раз лучше. Кайф от укуса стригоя гораздо сильнее, чем от укуса мороя. Все равно как впервые влюбиться и быть переполненной всепоглощающим чувством радости.

Когда он оторвался от меня, возникло чувство, будто все счастье и очарование мира померкло. Он провел рукой по своим губам. Я смотрела на него, широко распахнув глаза. Основной инстинкт настойчиво спрашивал, почему он остановился, но потом, очень медленно, сражаясь с блаженным потрясением от его укуса, я стала приходить в себя.

— Почему... Что... — Язык отчасти заплетался. — Ты же сказал, что оставляешь выбор за мной...

— Он по-прежнему за тобой, — ответил Дмитрий. Его глаза были широко распахнуты, он тоже тяжело дышал, чувствовалось, что он потрясен не меньше меня. — Я сделал это не с целью пробудить тебя, Роза. Такого укуса недостаточно. Просто ради удовольствия...

Его рот снова приник к моей шее, и мир вокруг исчез.

ДВАДЦАТЬ

Последующие дни были похожи на сон. По правде говоря, я даже не могу точно сказать, сколько дней прошло. Может, один. Может, сто.

Я не отличала день от ночи. Было время с Дмитрием и время без него. Он стал моим миром. Время становилось мукой, когда его не было рядом. Я старалась как-то занять себя, но, казалось, оно тянется вечно. В эти моменты моим лучшим другом стал телевизор. Я часами лежала на кушетке, лишь отчасти следя за происходящим на экране. Под стать остальной роскоши помещения, телевизор оказался спутниковым, позволяющим ловить некоторые американские программы. Чаще мне было все равно, на каком языке идет вещание, на английском или на русском.

Инна продолжала заботиться обо мне. Приносила еду, стирала одежду — теперь я носила платья — и молча, в своей обычной манере, дожидалась, пытаясь понять, нужно ли мне что-нибудь еще. Мне ничего не требовалось — по крайней мере, от нее. Мне нужен был только Дмитрий. Каждый раз, когда она уходила, я вспоминала, что вроде бы должна сделать что-то, кажется, пойти следом за ней, вот что. У меня был план использовать ее для побега. Теперь он утратил для меня свою привлекательность. Слишком много хлопот.

И потом в конце концов приходил Дмитрий, и серое однообразие прерывалось. Мы лежали на моей постели в объятиях друг друга. Секса как такового не было, но мы целовались и ласкали друг друга, зачарованные чудом прикосновения наших тел, иногда почти обнаженных. Спустя какое-то время я уже едва верила, что когда-то его новый облик пугал меня. Конечно, глаза все еще слегка шокировали, но он был такой замечательный, такой невероятно сексуальный. И после того, как мы обнимались и разговаривали — иногда часами, — я позволяла ему укусить меня. Какой кайф! Удивительный поток изысканных химикалий уносил прочь все проблемы. Даже мои сомнения относительно существования Бога исчезали в эти моменты, потому что — конечно, конечно же! — в укусе ощущалось божественное прикосновение. Это был рай.

— Дай мне взглянуть на твою шею, — сказал он однажды.

Мы, как обычно, лежали — я на боку, он прижимался к моей спине, одной рукой обнимая за талию. Я перекатилась и откинула волосы с шеи. На мне был темно-синий сарафан из легкого, обтягивающего материала.

— Уже? — Спросила я.

Он обычно кусал меня в конце посещения. Отчасти я страстно жаждала укуса, предвкушая необыкновенный кайф, но и моменты «до того» доставляли мне удовольствие. Именно тогда уровень эндорфинов в крови был ниже всего, и я могла еще поговорить. Мы вспоминали сражения, в которых участвовали, или обсуждали, как он представляет себе нашу жизнь, когда я стану стригоем. Никаких особых сантиментов — но все равно приятно.

Я приготовилась к укусу, в предвкушении выгнувшись дугой. К моему удивлению, он не склонился ко мне и не вонзил зубы в мою шею. Вместо этого он достал из кармана ожерелье — то ли из белого золота, то ли из платины, я точно не знаю, с тремя темно-голубыми сапфирами размером с четвертак. На этой неделе он дарил мне много драгоценностей, и, клянусь, одна была прекраснее другой.

Я в изумлении смотрела на эту красоту, любуясь игрой драгоценных камней. Он надел украшение мне на шею и застегнул его. Провел пальцами по краям ожерелья и одобрительно кивнул.

— Прекрасно. — Его пальцы скользнули к бретельке сарафана, потом под нее; по коже пробежала волна трепета. — Подходит одно к другому.

Я улыбнулась. В прежние времена Дмитрий почти никогда не дарил мне подарков — просто не имел для этого средств, правда, я прекрасно обходилась без них. Теперь он буквально заваливал меня подарками.

— Где ты взял его? — Спросила я.

Металл охлаждал разгоряченную кожу, но не так, как его пальцы. Дмитрий лукаво улыбнулся.

— У меня есть свои источники.

Критический голос в голове, временами ухитряющийся пробиться сквозь туман, в котором я жила, заметил, что я увлеклась опасным вампиром. Однако его предостережения были тут же подавлены и канули обратно в облако моего дивного существования. Стоит ли из-за чего-то расстраиваться, когда ожерелье так красиво? Внезапно в голову пришла мысль, показавшаяся мне забавной.

— Ты прямо как Эйб.

— Кто?

— Мужчина, которого я как-то встретила. Эйб Мазур. Он воровской босс, он преследовал меня.

Дмитрий замер.

— Эйб Мазур преследовал тебя?

Мне не понравилось мрачное выражение его лица.

— Да. И что?

— Зачем? Чего он хотел от тебя?

— Не знаю. Он все время выпрашивал, зачем я приехала в Россию, но в конце сдался и просто требовал, чтобы я уехала. Думаю, кто-то на родине нанял его, чтобы он нашел меня.

— Держись подальше от Мазура. Он опасен. — Дмитрий разозлился, и это мне ужасно не нравилось.

Спустя несколько мгновений, однако, он успокоился, снова провел пальцами вдоль моей руки и еще ниже спустил бретельку.

— Конечно, такие люди не будут представлять проблему после твоего пробуждения.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что Дмитрий знал ответы на мои вопросы — относительно того, чем занимался Мазур. Однако разговор об Эйбе расстраивал Дмитрия, меня это испугало, и я поспешно сменила тему.

— Что ты делал сегодня?

Я осталась довольна своей способностью поддерживать нормальный светский разговор. Было трудно сосредоточиться, учитывая эндорфины и ласки Дмитрия.

— Кое-какие поручения для Галины. Обед.

Обед. Очередная жертва. Я нахмурилась. Ощущения, которые это известие породило во мне, были вызваны не столько отвращением, сколько... ревностью.

— Ты пил кровь ради удовольствия?

Он провел губами вдоль моей шеи, прихватывая кожу зубами, не прокусывая ее. Я тяжело задышала и прильнула к нему.

— Нет, Роза. Просто еда, вот и все. Очень быстро. Ты единственная, с кем я получаю удовольствие.

Эти слова вызвали у меня чувство самодовольного удовлетворения. Противный мысленный голос тут же заметил, что для меня это невероятно мерзкое и извращенное восприятие. Я постаралась не слушать его и переключилась на предвкушение укуса — обычно это заставляло голос разума умолкнуть.

Я коснулась его лица, провела рукой по удивительным, шелковистым волосам, которые всегда любила.

— Ты по-прежнему хочешь пробудить меня... но тогда блаженство останется в прошлом. Стригои не пьют кровь друг друга.

— Да, — согласился он. — Но оно того стоит. К тому же нас ждут удовольствия похлеще...

Какие именно удовольствия — он не пояснил, предоставляя свободу

моему воображению. Дрожь пробежала по телу. Поцелуи и укусы опьяняли, но случалось, мне хотелось большего. Воспоминания о том единственном разе, когда мы занимались любовью, неотступно преследовали меня, когда мы были вот так близки, и мне часто страстно хотелось повторения. По какой-то неведомой для меня причине он никогда не доводил дело до секса, независимо от того, какой пыл овладевал нами. То ли использовал его как приманку, чтобы склонить меня к обращению, то ли между стригоями и вампирами существовала какая-то несовместимость. Могут ли живой и мертвый заниматься любовью? Когда-то мысль о сексе со стригоем казалась мне омерзительной. Теперь я просто не задумывалась о таких сложных проблемах.

Он постоянно раздражал меня своими ласками, прикосновениями к бедрам, груди и другим опасным местам, лишая секса. И, плюс ко всему, напоминал о том, как изумительно это было в тот единственный раз, в сторожке. Правда, его воспоминания были скорее дразнящими, чем любящими.

Когда сознание отчасти прояснялось, я искренне удивлялась тому, что все еще не стала стригоем. Туман, в который я погружалась под воздействием эндорфинов, заставлял соглашаться почти со всем. Я с удовольствием принаряжалась для него, безропотно оставалась в золоченой тюрьме и смирилась с тем, что примерно раз в два дня он убивал очередную жертву. Правда, несмотря на спутанность сознания, даже когда я особенно страстно хотела Дмитрия, я не могла заставить себя согласиться на обращение. Что-то внутри препятствовало этому. По большей части, услышав в очередной раз отказ, он просто пожимал плечам и сводил все к шутке. И все же время от времени я замечала искру гнева в его глазах. Подобные моменты ужасно пугали меня.

— Ну да, — поддразнила я его. — Опять вечная жизнь, непобедимость. Никаких препятствий у нас на пути.

— Это не шутка.

Ох! Мое легкомыслие вернуло ему жесткость. Желание и нежность, которые я только что видела в его глазах, разлетелись на миллион осколков. Руки, только что ласкавшие меня, внезапно стиснули мои запястья, лишая возможности двигаться. Он склонился надо мной.

— Так не может продолжаться вечно. Мы не можем оставаться здесь навсегда.

«Эй, будь осторожна, — пробормотал внутренний голос. — Он не шутит».

Рукам было больно, и я часто спрашивала себя, сознательно он это

делает или просто не в состоянии сдержать свою силу.

Когда он в конце концов отпустил меня, я обхватила его за шею и попыталась поцеловать.

— Давай позже поговорим об этом.

Наши губы встретились, жар вспыхнул и опалил тела. Я чувствовала, что желание овладело и им, но спустя несколько мгновений он разорвал поцелуй. Выражение холодного недовольства так и не покинуло лицо Дмитрия.

— Хватит. — Он отодвинулся от меня. — Пошли.

Он встал, я тупо смотрела на него.

— Куда?

— На улицу.

Я в полном ошеломлении села на постели.

— А запрет? Мы не можем.

— Мы можем делать все, что я пожелаю! — Рывкнул он.

Протянув руку, он помог мне встать. Мы направились к двери. Он, как и Инна, умело прикрывал от меня цифровую клавиатуру, но сейчас это не имело значения. В моем теперешнем состоянии такую длинную последовательность мне в жизни не запомнить.

Дверь открылась, он вывел меня из комнаты. Я посмотрела в окно, мой затуманенный разум пытался осмыслить, что означает эта свобода. Еще раньше я заметила, что за дверью есть короткий коридор, а в конце его еще одна дверь, тоже тяжелая и снабженная цифровой клавиатурой. Дмитрий открыл и ее; у меня возникло ощущение, что коды разные.

Он взял меня за руку, вывел в другой коридор, и я замерла как вкопанная. Возможно, мне не следовало удивляться при виде той роскоши, с которой я столкнулась. В конце концов, я жила в одной из комнат этого фешенебельного особняка. Однако коридор сразу за моей дверью был пуст, лишен всяких изысков, и почему-то я решила, что весь остальной дом похож на государственное учреждение или на тюрьму.

Вовсе нет. Роскошный ковер покрывала дорожка с золотистым узором, которая тянулась в обе стороны коридора. На стенах висели старинные портреты, люди на полотнах были облачены в столь изысканные одежды давно ушедших эпох, что по сравнению с ними мое платье выглядело дешевым и заурядным. Пространство освещали крошечные люстры, размещенные вдоль потолка через каждые шесть футов или около того. Каплевидные кристаллы своими гранями ловили свет, отбрасывая на стены маленькие радужные пятнышки. Я раскрыла рот, зачарованная сверканием и красками. Наверно, потому и не заметила еще одну

достопримечательность коридора.

— Что ты вытворяешь?

Грубый голос Натана вырвал меня из созерцания кристаллов. Он стоял, прислонившись к стене напротив моей двери, но при виде нас сразу выпрямился. На его лице застыло характерное для стригоев злобное выражение, то самое, которое я иногда видела и на лице Дмитрия, каким бы очаровательным и добрым он ни казался временами.

Дмитрий мгновенно занял жесткую оборонительную позицию.

— Вывожу ее на прогулку.

Это прозвучало так, будто он говорил о собаке, но я даже не подумала обидеться, так велик был страх перед Натаном.

— Это против правил, — заявил Натан. — Плохо, что она все еще здесь. Галина велела тебе держать ее под замком. Еще не хватало — чтобы тут шлялась какая-то крутая дампирка.

Дмитрий кивнул на меня.

— По-твоему, она представляет собой угрозу?

Натан окинул меня взглядом. Не знаю, что такого он увидел, чего не было раньше, но усмешка коснулась его губ. И тут же исчезла, когда он снова заговорил с Дмитрием.

— Нет, но мне приказано караулить дверь, и я не хочу неприятностей из-за того, что тебе вздумалось погулять.

— Я улажу это дело с Галиной. Скажу, что одолел тебя. — Дмитрий улыбнулся, обнажив клыки. — Думаю, она легко мне поверит.

Взгляд, который Натан бросил на Дмитрия, заставил меня непроизвольно попятиться, пока я не уткнулась в стену.

— Ты так занят собой! Я пробуждал тебя не для того, чтобы ты командовал. Мы намеревались использовать твою силу и понимание внутренней обстановки. Ты мне обязан.

Дмитрий пожал плечами, взял меня за руку и повел дальше.

— Не моя вина, если ты недостаточно силен, чтобы заставить подчиняться себе.

И тут Натан бросился на Дмитрия. Тот среагировал так быстро, как будто заранее знал о нападении. Отпустил мою руку, схватил Натана и швырнул его о стену. Натан молниеносно вскочил — таким ударом не досадишь стригую, — но Дмитрий был наготове. Он ударил противника по носу — один, другой, а потом третий раз, в очень быстрой последовательности. Натан упал с залитым кровью лицом. Дмитрий с силой пнул его ногой в живот и наклонился над ним.

— Впредь не лезь, — отчеканил он. — Ты всегда будешь

проигрывать. — Он стер с руки кровь Натана и снова сплел свои пальцы с моими. — Я же сказал — все улажу с Галиной. Спасибо за беспокойство.

Дмитрий повернулся к Натану спиной, по-видимому уверенный, что больше нападений не будет. Их и не было. Однако, следуя за ним, я бросила быстрый взгляд через плечо на сидящего на полу Натана. Он злобно буравил взглядом спину Дмитрия, и я в жизни не видела выражения такой ненависти — до тех пор, пока он не перевел взгляд на меня. Холод пробежал по спине, и я заторопилась вслед за Дмитрием.

— Не воображайте, что вы защищены от опасности! — Зазвенел за спиной голос Натана. — Вы оба! Она ланч, Беликов. Ланч и не более того.

Дмитрий сильнее сжал мою руку и заставил ускорить шаг. Он излучал такую бешеную ярость, что внезапно я потеряла представление, кого мне следует больше бояться, Натана или Дмитрия. Дмитрий был крут, живой или не-мертвый. В прошлом я видела, как он нападал на врагов без страха и колебаний. Он всегда был изумительно храбр — как я и рассказывала его родным. Однако тогда была причина сражаться — ради самозащиты. А вот его нынешняя стычка с Натаном — нечто большее. Заявка на доминирующее положение и возможность пустить кровь. Казалось, он получает от этого удовольствие. Что, если он решит и меня обратить такими же методами? Что, если мои постоянные отказы подтолкнут к тому, чтобы пытать меня, пока я не соглашусь?

— Натан пугает меня, — сказала я, не желая, чтобы Дмитрий догадался о моем страхе и перед ним.

Я чувствовала себя слабой и полностью беззащитной — чрезвычайно редкое для меня состояние. Обычно я готова ответить на любой вызов, в каком бы отчаянном положении ни находилась.

— Он тебя и пальцем не тронет, — резко ответил Дмитрий. — Тут не о чем беспокоиться.

Сейчас мы добрались до лестницы. После того как я опустилась на несколько ступенек, стало ясно, что четыре лестничных пролета мне не одолеть. Мало того, что от его укусов я находилась в состоянии наркотического ступора, частые кровопотери взяли свою дань, и я заметно ослабела. Не говоря ни слова, Дмитрий подхватил меня на руки, без всяких усилий снес вниз и осторожно поставил на пол.

Первый этаж производил такое же грандиозное впечатление, как и коридор наверху. С огромного сводчатого потолка свешивалась искусно сделанная люстра, по сравнению с которой те, что я видела раньше, казались просто крошечными. Богато украшенная дверь, окна с цветными стеклами. Там встретился еще один стригой, мужчина, он сидел в кресле у

двери и, по-видимому, исполнял обязанности караульного. Рядом с ним в стену была встроена панель с кнопками и мигающими огоньками. Посреди старинного очарования — современная система безопасности. При нашем приближении он заметно напрягся, и поначалу я подумала, что это проявление естественного инстинкта охранника — пока не увидела его лицо. Это был тот стригой, которого я допрашивала в первую ночь в Новосибирске, а потом отпустила, наказав передать Дмитрию, что ищу его. Наши взгляды встретились, и его губы слегка изогнулись в полуулыбке.

— Роза Хэзевей, — сказал он. — Я запомнил твое имя — как ты и велела.

Больше он ничего не добавил, но я сильнее сжала руку Дмитрия, когда мы проходили мимо. Стригой не сводил с меня взгляда, пока мы не вышли наружу и не закрыли за собой дверь.

— Он хочет убить меня, — сказала я.

— Все стригой хотят убить тебя, — ответил Дмитрий.

— Нет, он по-настоящему хочет... Я пыталась его.

— Знаю. После этого он оказался в немилости, его положение ухудшилось.

— От этого мне не легче.

— Марлен не тот, из-за кого тебе следует волноваться, — беззаботно ответил Дмитрий. — Твоя схватка с ним лишь убедила Галину, что ты станешь для нас ценным приобретением. Он ниже тебя.

Нельзя сказать, что эти слова меня полностью успокоили. Я воспринимала стригоев как личных врагов и вряд ли могла приобрести в их среде друзей.

Была ночь, естественно. В противном случае Дмитрий не вывел бы меня наружу. Судя по виду фойе, я решила, что мы вышли через переднюю дверь, однако громадный сад вокруг заставил предположить, что мы позади дома. Или, может, весь дом окружала густая зелень, искусно подрезанная живая изгородь, создающая целый лабиринт. Там и сям попадались маленькие дворiki с фонтанами и статуями. И повсюду росли цветы, цветы, цветы, в воздухе ощущался густой аромат; наверно, кто-то немало потрудился, разыскивая цветы, раскрывающиеся ночью. Единственным растением, которое я сразу узнала, был жасмин, его длинные, усыпанными белыми цветами стебли обвивали шпалеры и статуи.

Мы немного прошли в молчании, романтика зачаровала меня. Все время, пока мы с Дмитрием были вместе в школе, меня терзал страх, как совместить наши отношения и наши обязанности. Тогда я даже вообразить такого не могла — что весенней ночью под светом звезд мы будем гулять в

саду.

Даже в отсутствие необходимости преодолевать спуск по лестнице прогулка все больше изнуряла меня. В конце концов, я вынуждена была остановиться и вздохнула.

— Я устала.

Дмитрий остановился и помог мне сесть. Сухая трава щекотала кожу. Я откинулась на спину; он растянулся рядом. Возникло фантастическое ощущение *deja vu* — при воспоминании о том дне, когда мы делали снежных ангелов.

— Это потрясающе, — сказала я, глядя в небо, чистое, без единого облачка. — Как оно выглядит для тебя?

— Хмм?

— Света достаточно, чтобы я могла хорошо видеть, и все же по сравнению с днем темновато. Твои глаза лучше моих. Что ты видишь?

— Для меня это как яркий день. — Я промолчала, и он добавил: — И для тебя это может стать таким же.

Я попыталась представить себе это. Останутся ли тени такими же таинственными? Будут ли луна и звезды сиять так же ярко?

— Не знаю. Мне нравится полутьма.

— Только потому, что ты не знаешь ничего другого.

Я вздохнула.

— Ты продолжаешь уговаривать меня.

Повернувшись ко мне, он отвел волосы с моего лица.

— Роза, это сводит меня с ума. Я устал ждать. Я хочу, чтобы мы были вместе. Разве ты не хочешь того же? А что мы имеем? Все может быть гораздо лучше.

Слова страстные, исполненные романтики, но не тон, каким они были сказаны.

Мне нравился туман, в котором я жила, туман, в котором таяли все тревоги. Мне нравилось ощущение нашей близости, его поцелуи, слова о том, как сильно он хочет меня...

— Почему? — Спросила я.

— Что почему?

Он казался озадаченным — то, чего я до сих пор не наблюдала у стригоев.

— Почему ты хочешь меня?

Я и сама не знала, откуда возник этот вопрос.

— Почему бы мне не хотеть тебя?

Его ответ прозвучал так, словно это было очевидно, словно я задала

глупейший в мире вопрос. Скорее всего, так оно и было. Тем не менее... Я почему-то ожидала услышать другой ответ.

И как раз в этот момент живот у меня свело. За время, проведенное с Дмитрием, я научилась не обращать внимания на тошноту, свидетельствующую о присутствии рядом стригоя. Появление еще одного стригоя, однако, усиливало ее. Я чувствовала это рядом с Натаном и почувствовала сейчас. Я села, Дмитрий тоже, почти одновременно со мной. Наверно, ему помог обостренный слух.

К нам приближалась темная фигура, закрывая собой звезды. Это была женщина, и Дмитрий вскочил. Я осталась сидеть на земле.

Она была поразительно хороша собой, ее красота ужасала. Сложение напоминало мое — свидетельство того, что до обращения она не была моройкой. Исайя, стригой, захвативший меня в плен, был очень стар и просто излучал силу. Эта женщина была стригоем не так давно, но я ощущала, что она старше Дмитрия и гораздо сильнее.

Она сказала ему что-то по-русски, голосом таким же холодным, как ее красота. Дмитрий ответил, уверенно, но вежливо; пару раз в их разговоре упоминалось имя Натана. Протянув руку, Дмитрий помог мне встать. Я почувствовала неловкость оттого, как часто теперь нуждалась в его помощи, а ведь раньше была почти наравне с ним.

— Роза, — представил он, — это Галина. Это она позволила тебе оставаться здесь.

Никакой доброты в лице Галины я не увидела. Оно вообще было лишено эмоций. Возникло ощущение, будто она в состоянии заглянуть мне в душу. Я, конечно, не понимала многого из того, что происходило вокруг, но одно не вызывало сомнений — мое длительное проживание здесь было явлением редким и, безусловно, временным. Я сглотнула.

— Спасибо, — произнесла я по-русски.

Я не знала, как сказать, что рада нашей встрече — и, честно, вовсе не была уверена, что так уж рада, — но решила, что простой благодарности будет вполне достаточно. Если она была когда-то инструктором Дмитрия и училась в нормальной Академии, то, скорее всего, знала английский и просто притворялась, как Ева. Я не имела понятия, зачем ей это, но если вы в состоянии сломать юной дампирке шею, то имеете право делать в ее присутствии, что пожелаете.

Выражение лица Галины — или, точнее, его отсутствие — не изменилось после моего «спасибо», и она снова переключила внимание на Дмитрия. Он пару раз указывал в мою сторону — они явно обсуждали меня. Я узнала слово «сильная».

В конце концов, Галина закончила разговор и удалилась, не попрощавшись. Мы с Дмитрием не шевелились, пока моя тошнота не исчезла.

— Пошли, — сказал он. — Пора возвращаться.

Мы снова двинулись по лабиринту, я понятия не имела, как Дмитрий ориентируется в поместье. Едва оказавшись здесь, я мечтала о том, чтобы вырваться наружу и сбежать. Теперь это потеряло смысл. Другое дело — гнев Галины.

— Что она сказала? — Спросила я.

— Ей не нравится, что ты все еще здесь. Она хочет, чтобы я пробудил тебя или убил.

— Ох! Ммм... И как ты поступишь?

Несколько мгновений он молчал.

— Подожду еще немного, а потом... сделаю выбор за тебя.

Он не пояснил, какой именно, и я чуть не начала молить его лишить меня жизни, а не делать стригоем. Но вместо этого внезапно спросила:

— Немного — это сколько?

— Недолго, Роза. Ты должна сделать выбор. Правильный выбор.

— То есть?

Он вскинул руки.

— Все целиком. Жизнь вместе.

Мы вышли из лабиринта. Я посмотрела на дом — снаружи было видно, какой он громадный, — и на прекрасный сад вокруг. Словно видение из сна. Позади него простиралась бескрайняя холмистая местность, вдали теряясь во тьме и сливаясь с бархатно-черным небом — если не считать слабого алого свечения на горизонте.

— И что потом? — Спросила я. — Тоже буду работать на Галину?

— Какое-то время.

— Как долго?

Мы остановились около дома. Дмитрий посмотрел мне в глаза; выражение его лица заставило меня отступить на шаг.

— Пока мы не убьем ее, Роза. Тогда все это будет наше.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Дмитрий не стал ничего разъяснять. Я была слишком напугана его словами и остальными событиями этой ночи, чтобы отреагировать на них. Он провел меня мимо стригоя, дежурившего у входа, и поднял вверх по лестнице, в мою комнату. Натана рядом с ней не оказалось.

Сердитый голос в голове заговорил достаточно громко, чтобы прорваться сквозь окутывавший меня дурман. Сейчас в коридоре нет охраны; если Инна придет достаточно скоро, у меня есть возможность запугать ее и выбраться отсюда. Правда, это означало, что мне придется иметь дело с бог знает сколькими стригоями в доме, и все же, окажись я за пределами своей комнаты, шансы сбежать увеличатся.

Потом эти мысли растаяли так же быстро, как возникли. Дмитрий обхватил меня рукой и притянул к себе. Я замерзла снаружи, и хотя его тело было холодным, одежда давала немного тепла. Я прижалась к нему, думая, что он собирается укусить меня, но вместо этого его губы прижались к моим, сильно и страстно. Запустив руки в его волосы, я попыталась притянуть его еще ближе к себе. Его пальцы заскользили по моей обнаженной ноге, задрав юбку почти до бедер. Предвкушение блаженства и желание охватили все тело. Я так мечтала о той сторожке, вспоминая все подробности и сгорая от желания! Долгое время мне казалось, что такое никогда больше не повторится, но теперь это стало возможно, и я была потрясена, как сильно хотела этого.

Скользя руками по его рубашке, я расстегивала пуговицу за пуговицей. Его кожа была холодна как лед — пугающий контраст с бушующим во мне пламенем. Его губы скользили по моей шее и плечу, бретелька упала, когда он покрывал мое тело жадными поцелуями. Его рука замерла на моем обнаженном бедре, а я неистово сдирала с него рубашку.

Внезапно, неожиданно резко, он отодвинулся и толкнул меня вниз. Сначала я подумала, что это продолжение любовной игры, но потом поняла: нет, он сознательно оттолкнул меня.

— Нет, — решительно заявил он. — Пока нет. Пока ты не пробудишься.

— Почему? — В отчаянии спросила я, у меня на уме были только его ласки и еще один укус. — Какое это имеет значение? Существует какая-то причина, почему нельзя?

Может, секс со стригоем просто невозможен? Он наклонился к самому

моему уху.

— Нет, после твоего пробуждения наши отношения наполнятся новыми ощущениями, более яркими. Позволь мне сделать это... позволь, и все станет для нас возможным...

Вот и «козырь в кармане». Он хотел меня — факт неоспоримый, — но использовал секс как приманку, чтобы заставить меня сдаться. И если честно? Я была на грани того, чтобы согласиться. Тело возобладало над разумом... почти.

— Нет, — захныкала я. — Я... Я боюсь...

Угрожающее выражение его лица смягчилось. Нет, он не стал прежним Дмитрием, но сейчас в нем меньше чувствовался стригой.

— Роза, неужели ты думаешь, будто я могу причинить тебе вред?

Выходит, сейчас вопрос не стоял, каким будет мой выбор — быть обращенной или умереть? Последний вариант вряд ли не причинит мне вреда, но в тот момент я не стала упоминать об этом.

— Укус... Обращение, возможно, причинит боль...

— Я уже говорил тебе: это очень похоже на то, что мы уже делали. Тебе понравится. И клянусь, никакой боли.

Я отвела взгляд. Проклятье! Лучше бы он выглядел злобным и пугающим. Тогда мне было бы гораздо легче воспротивиться. Даже в пылу страсти я не утратила способности сопротивляться. Но видеть его таким, спокойным и благоразумным... слишком похоже на того Дмитрия, которого я любила. А не пойти навстречу такому Дмитрию было ох как трудно. Впервые за все время превращение в стригоя показалось мне... не таким уж скверным.

— Не знаю... — жалобно сказала я.

Он сел, разочарованно взглянув на меня. Я почти испытала облегчение.

— Терпение Галины на исходе. И мое тоже.

— Ты сказал, что время еще есть... мне нужно подумать...

Сколько я смогу протянуть под этим предлогом? Его сощуренные глаза говорили, что недолго.

— Мне нужно идти, — сказал он резко. Больше никаких ласк и поцелуев, это уж точно. — У меня есть дела.

— Прости.

Я была смущена, испугана и не знала, какого Дмитрия хотела: наводящего ужас, сексуального или почти — но все же не совсем — нежного.

Он ничего не ответил, просто наклонился и прокусил нежную кожу

моего горла. Все жалкие стратегии бегства растаяли, словно дым. Я закрыла глаза и чуть не упала, только его рука, крепко обнимающая меня, помогла удержаться на ногах. Как и во время поцелуев, его рот казался теплым; от ощущения его языка и зубов меня словно прошел электрический разряд.

И, словно электрический разряд, все мгновенно закончилось. Он отодвинулся, облизывая губы и по-прежнему обнимая меня. Блаженный туман вернулся. Мир снова стал удивительным и прекрасным, все мои волнения растаяли, в том числе и те, которые были связаны с Натаном и Галиной. Страх, владевший мной несколько мгновений назад, досада из-за несостоявшегося секса, смятение. Зачем беспокоиться, если жизнь прекрасна, а я так сильно люблю Дмитрия? Я улыбнулась ему, попыталась обнять, но он уже вел меня к кушетке.

— Увидимся позже.

Миг — и он стоял на пороге. Это опечалило меня. Хотелось, чтобы он остался. Остался навсегда.

— Помни — я хочу тебя. И никогда не позволю ничему плохому случиться с тобой. Я защищу тебя от всего. Но больше я не могу ждать.

С этими словами он ушел. Я расплылась в улыбке, Дмитрий хочет меня. Смутно припомнилось, что во время прогулки я спросила его, почему он хочет меня. Почему, во имя всего святого, я задала этот вопрос? Какой ответ хотела услышать? Почему это имело значение? Он хочет меня — вот что важно.

От этих мыслей и чудесного кайфа под воздействием эндорфинов меня развезло и потянуло вздремнуть. Добрести до постели казалось слишком трудным, так что я осталась на кушетке, где и заснула.

И, совершенно неожиданно, встретила во сне Адриана.

Я уже, можно сказать, махнула на него рукой, убедив себя, что Адриан больше не вернется, что мне удалось избавиться от него. И вот он снова здесь, стоит прямо передо мной — ну, по крайней мере, его образ из сна. Часто мы оказывались в лесу или в саду, но сегодня стояли там, где встретились впервые, на веранде лыжной базы в Айдахо. Сияло солнце, над нами возвышались горы.

Я расплылась в улыбке.

— Адриан!

Не думаю, что когда-нибудь видела его таким удивленным. Учитывая, как скверно я обычно с ним обращалась, его можно было понять.

— Привет, Роза.

Он сказал это неуверенно, как будто опасался, что я могу подшутить

над ним.

— Ты отлично выглядишь, — ответила я.

И не соврала. На нем были темные джинсы и ситцевая рубашка на пуговицах темно-синего и бирюзового оттенков, которая фантастически сочеталась с его темно-зелеными глазами. Сами глаза, однако, выглядели до предела усталыми. Это было немного странно. В своих снах он мог без труда формировать мир и даже наш внешний облик в соответствии с собственными желаниями. Мог выглядеть идеально, а вместо этого сегодня его облик нес на себе отражение усталости, полученной в реальном мире.

— И ты тоже. — Голос тоже звучал устало. Он осмотрел меня с головы до ног. Я была все еще в том же обтягивающем сарафане, волосы распущены, на шее сапфиры. — Ты одета так, как мне всегда хотелось. Ты спишь в этом?

— Да. — Я пригладила юбку. Сарафан и впрямь хорошо выглядел. Интересно, Дмитрию он понравился? Конкретно о нем он ничего не говорил, просто продолжал повторять, что я прекрасна. — Я не думала, что ты вернешься. — Я перевела на него взгляд. Он сам на себя был не похож. — Снова пытаешься вычислить, где я?

— Нет, меня это больше не волнует. — Он вздохнул. — Меня волнует одно — что ты не здесь. Ты должна вернуться, Роза.

Я уселась на перила веранды, скрестив на груди руки.

— Адриан, я не склонна к романтическим...

— Не ради меня! — Воскликнул он. — Ради нее. Ты должна вернуться ради Лиссы. Вот почему я здесь.

— Лисса...

Мое бодрствующее «я» даже здесь оставалось под эндорфинами. Я попыталась вспомнить, почему меня должна волновать Лисса.

Адриан сделал шаг вперед, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ты помнишь? Лисса, твоя лучшая подруга? С которой ты связана и которую поклялась защищать?

Я сидела на перилах, качая ногами.

— Я никогда не давала никаких клятв.

— Что с тобой, черт побери?

Мне не нравился его взволнованный тон — от него мое хорошее настроение портилось.

— Что с тобой, хотела бы я знать?

— Ты сама на себя не похожа... Твоя аура...

Я засмеялась.

— Ох! Начинается. Магическая, мистическая аура. Дай-ка я угадаю.

Она черная?

— Нет... Она... — Он разглядывал меня еще несколько тягостных мгновений. — Я едва могу сосредоточить на ней взгляд. Она все время меняется. Что происходит, Роза? Что происходит наяву?

— Ничего не происходит, — ответила я. — За исключением того, что впервые в жизни я счастлива. Почему ты ведешь себя так странно? Раньше ты всегда был забавным. В кои-то веки мне хорошо, а ты все портишь своими скучными разговорами.

Он опустил перед мной на колени, без намека на юмор на лице.

— Что-то очень, очень скверно с тобой. Не могу сказать, что...

— Говорю же, я в полном порядке. Зачем ты снова пришел и пытаешься все испортить?

Не так давно я отчаянно хотела, чтобы он пришел. А сейчас это было совсем не важно. Мне хорошо здесь с Дмитрием, хотя и не безоблачно. Надо просто разобраться с этим, вот и все.

— Я уже объяснил — я здесь не ради себя. Я здесь ради Лиссы. — Он устремил на меня серьезный взгляд широко распахнутых глаз. — Роза, умоляю тебя, возвращайся домой. Ты нужна Лиссе. Я не знаю, что с ней происходит и как помочь ей. И никто не знает. Думаю, только ты сможешь. Может, разлука с тобой причиняет ей вред. Может, поэтому и ты ведешь себя так неестественно. Возвращайся домой. Пожалуйста. Мы исцелим вас обоих. Вместе мы сумеем во всем разобраться. Она ведет себя так странно. Безответственно, как будто ей на все наплевать.

Я покачала головой.

— Наша разлука не означает, что со мной что-то не так. Скорее всего, и на ней это не сказывается. Если у нее проблемы с духом, нужно обратиться к врачам.

— Проблема в том, что ее это не волнует! Проклятье! — Он поднялся и принялся расхаживать. — Что с вами обеими такое? Почему ни она, ни ты не в состоянии осознать важность своих проблем?

— Может, дело не в нас? Может, ты все это вообразил?

Адриан резко обернулся ко мне.

— Нет, я тут ни при чем.

Мне не нравилось все это — его тон, выражение лица, слова. Я обрадовалась при виде его, но сейчас была недовольна тем, что он портит мне настроение. Не хотелось думать обо всех этих вещах. Слишком трудно.

— Послушай, — заговорила я, — мне было приятно повидаться с тобой, но теперь хватит, в особенности если ты собираешься сидеть здесь, обвинять меня и выдвигать какие-то требования.

— Я ничего такого не делаю. — Теперь его голос звучал мягко — гнев ушел. — Меньше всего на свете мне хочется тебя огорчать. Я беспокоюсь о тебе. И о Лиссе тоже. Я хочу, чтобы вы были счастливы и жили той жизнью, какая вам нравится... но не так, как сейчас, когда вы обе встали на путь саморазрушения.

Его слова имели смысл, казались разумными и искренними. Я покачала головой.

— Не вмешивайся. Я там, где хочу быть, и обратно не вернусь. Пусть Лисса сама выкручивается. — Я спрыгнула с перил. Мир вокруг начал вращаться, и я пошатнулась. Адриан схватил меня за руку, но я выдернула ее. — Со мной все прекрасно.

— Вовсе нет. Иисус! Я готов поклясться, что ты пьяна, вот только... по ауре этого не видно. Что с тобой?

Он провел руками по своим темным волосам, что всегда было признаком волнения.

— Все, хватит. — Я старалась говорить как можно вежливее. И с какой стати мне так хотелось снова увидеться с ним? Когда я только оказалась здесь, это почему-то было очень важно. — Отошли меня обратно, пожалуйста.

Он открыл рот, как бы собираясь что-то сказать, и вдруг замер.

— Что с твоей шеей?

Он наклонился вперед, но я, хоть и одурманенная, сумела увернуться. Я понятия не имела, что такое он разглядел у меня на шее, да и не хотела знать.

— Не прикасайся ко мне.

— Роза, это похоже на...

— Отошли меня обратно, Адриан!

Все, хватит с меня вежливости.

— Роза, я хочу помочь...

— Отошли! Меня! Обратно!

Я выкрикнула эти слова и потом, впервые за все время, сумела сама вырваться из сна Адриана и проснулась на кушетке. Тишину в комнате нарушал лишь звук моего частого дыхания. Обычно вскоре после укуса я воспаряла, исполненная ликования, но сейчас, после встречи с Адрианом, в душе зародились беспокойство и печаль.

Я встала и, хотя с трудом, добрела до ванной. Включила свет и вздрогнула, таким ярким он показался по сравнению с освещением большой комнаты. Когда глаза привыкли, я наклонилась к зеркалу, убрала волосы, чтобы не мешали смотреть, и... потрясенно раскрыла рот. Вся шея

была в синяках и свежих ранках; вокруг последней запеклась кровь.

Я выглядела как... как «кровавая шлюха».

Почему я не замечала этого прежде? Я намочила мочалку и принялась скрести шею, стараясь смыть кровь. Я терла, терла, пока кожа не покраснела. Все? Или где-то есть еще? Меня волновал вопрос — много ли Адриан успел разглядеть? Тогда волосы у меня были распущены и хорошо прикрывали шею.

Мятежная мысль зародилась в голове. А мне какое дело — много Адриан видел или нет? Какое это имеет значение? Он ничего не понимает. Да и откуда? Я здесь с Дмитрием. Да, он изменился... но не так уж сильно. И я была уверена, что смогу как-то выкрутиться, не становясь стригоем. Просто пока не знаю как.

Я снова и снова уверяла себя в этом, но из зеркала на меня глядели синяки...

Я вернулась на кушетку. Включила телевизор, ничего фактически не видя, и спустя какое-то время счастливый туман вновь окутал меня. Я выключила ТВ и заснула, на этот раз погрузившись в собственные сны, не Адриана.

Дмитрий пришел не скоро. И, говоря «не скоро», я имею в виду почти целый день. К этому времени мне уже было нехорошо — я скучала и по нему, и по укусу. Обычно он заходил дважды в день, так что это был самый долгий срок без эндорфинов. Стремясь как-то занять себя, я постаралась сделать все, чтобы выглядеть как можно лучше.

Я перебрала платья в шкафу и остановилась на длинном шелковом, цвета слоновой кости, изящно расшитом алыми цветами. Мне хотелось зачесать волосы наверх, но, снова взглянув на синяки, я решила оставить их распущенными. Недавно мне доставили щипцы для завивки и косметiku, так что я тщательно уложила волосы и слегка подвила кончики. Закончив наводить красоту, я посмотрела в зеркало и осталась в уверенности, что Дмитрий будет очень доволен. Теперь оставалось лишь выбрать одно из подаренных им украшений. Что я и сделала. Однако, собираясь покинуть ванную, я мельком взглянула в зеркало и заметила, что не застегнула застежку на спине. Я потянулась к ней, изогнувшись всем телом, но она находилась вне пределов моей досягаемости.

— Проклятье! — пробормотала я, все еще пытаюсь ухватить крючок.

Брешь в моем идеальном облике.

И в этот момент дверь в комнате открылась; послышался легкий стук поставленного на кофейный столик подноса. Повезло!

— Инна! — Позвала я, выходя из ванной. — Мне нужно...

Нахлынула тошнота, и, выйдя в гостиную, я поняла, что источник ее не Дмитрий. Натан.

Челюсть у меня упала. Инна стояла рядом с ним, как обычно, опустив взгляд и дожидаясь, пока можно будет взять поднос. Не обращая на нее внимания, я перевела взгляд на Натана. Наверно, он все еще исполнял обязанности охранника, но раньше он не заходил внутрь. Впервые за все время ожили мои боевые инстинкты, хотя бы отчасти. Я попыталась оценить, какова вероятность сбежать. Страх подталкивал меня отступить, но тогда я оказалась бы заперта в ванной. Нет, лучше оставаться здесь, где, по крайней мере, есть пространство для маневра.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила я, удивляясь тому, как спокойно звучит мой голос.

— Решаю одну проблему.

Подтекст сказанного был ясен без всяких подсказок. Этой проблемой была я.

И снова я с трудом сдержалась, чтобы не попятиться.

— Я ничего плохого тебе не сделала.

Ошибочная логика с позиции стригоя. Ни одна из их жертв никогда ничего плохого им не делала.

— Ты находишься здесь. Занимаешь место, впустую расходуешь чужое время. Ты знаешь, как найти ее — девочку Драгомир, — но не сделаешь ничего хотя бы отдаленно полезного в этом отношении пока Беликов не пошевелится наконец и не пробудит тебя. А тем временем Галина заставляет меня без толку торчать здесь, карауля тебя, и поддерживает его, потому что он убедил ее, что ты станешь для нас исключительно ценным приобретением.

Целый поток жалоб, весьма интересный, если задуматься.

— Ммм... И что ты собираешься делать?

Миг — и он оказался рядом. Перед моим внутренним взором мгновенно возникла та сцена, когда он укусил Дмитрия, а меня при виде этого охватил ужас. Искра гнева вспыхнула в душе — но всего лишь искра.

— Так или иначе, я получу нужную информацию, — прошипел он. — Скажи мне, где она.

— Ты знаешь, где она. В школе.

Зачем спрашивать об этом? Он знал, где Лисса. Он знал, где школа.

Судя по выражению его лица, такой ответ его не устраивал. Протянув руку, он схватил меня за волосы и с силой дернул мою голову назад. Может, распущенные волосы — не всегда такая уж хорошая идея.

— Куда она собирается? Она не все время там. Она хочет поступить в

колледж? Поселиться при королевском дворе? У них наверняка насчет нее есть свои планы.

— Мне об этом ничего не известно. Я покинула школу.

— Я тебе не верю! — Рывкнул он. — Она слишком ценна для них. Ее будущее спланировано давным-давно.

— Если это и так, мне никто не докладывал. Я слишком быстро уехала.

Гнев вспыхнул в его глазах, и, клянусь, они стали еще краснее.

— Вы связаны! Ты знаешь! Скажи мне, и я убью тебя быстро. Если же нет, я пробужу тебя, чтобы получить информацию, и потом все равно убью. Подожгу, словно костер.

— Ты убьешь меня, если я стану такой, как вы?

Глупый вопрос. Преданность друг другу у стригоев не в чести.

— Да. Это сломает его, и когда Галина увидит, в каком он смятении, я вернусь на свое законное место рядом с ней — в особенности после того, как прерву род Драгомир.

— Черта с два!

Он улыбнулся, провел пальцами по моему лицу и синякам на шее.

— Так и будет, не сомневайся. Это упростит все — если ты просто скажешь мне сейчас. Умрешь в состоянии экстаза, а не сгоришь заживо. Мы оба получим удовольствие. — Он обхватил рукой мое горло. — Ты определенно представляешь собой проблему, но ты и впрямь прекрасна — в особенности твое горло. Можно понять, почему он хочет тебя...

Внутри играли противоречивые эмоции. Логически я понимала, что это Натан — Натан, которого я ненавидела, прежде всего за то, что он обратил Дмитрия. Тем не менее потребность в стригойских эндорфинах тоже поднимала голову, и с этой точки зрения вряд ли имело значение, кто меня укусит. Имело значение лишь то, что его зубы были совсем рядом с моей шеей, обещая изумительный, изумительный экстаз.

И пока одной рукой он держал меня за горло, другая соскользнула к талии и дальше, к изгибу бедер. В его голосе присутствовал оттенок похоти, он хотел большего, чем просто укусить меня. И после огромного множества сексуально заряженных встреч с Дмитрием — встреч, которые никогда ни к чему не приводили, — тело почти не волновало, кто конкретно ласкает его. Можно закрыть глаза, и станет не важно, чьи зубы кусают или чьи руки раздевают меня. Только последующий кайф — вот что будет важно. Я закрою глаза и притворюсь, что это Дмитрий, а потом забуду обо всем, когда губы Натана станут ласкать мою кожу...

«Одно плохо, — напомнил мне еле слышный голосок разума. —

Натан не просто хочет секса и крови. Он хочет в конечном счете убить».

В этом была своего рода ирония. Оказавшись здесь, я до смерти хотела — прошу прощения за невольный каламбур — убить себя, чтобы не стать стригоем. Именно это и предлагал мне Натан. Даже если бы он сначала обратил меня, то потом собирался сразу же убить. В любом случае мне не грозило бы провести вечность в качестве стригоя. По идее, я должна бы радоваться...

Однако именно в самом разгаре того, когда пагубная привычка, овладевшая моим телом, буквально вопила об укусе и последующем блаженстве, я с пугающей ясностью осознала, что не хочу умирать. Может, дело было в том, что целый день прошел без укуса, но во мне пробудился мятежный дух. Я не позволю ему сделать это со мной. Я не позволю ему навредить Дмитрию. И, черт побери, я не позволю ему выследить Лиссу.

Пробившись сквозь эндорфиновое облако, по-прежнему окутывающее меня, я собрала в кулак всю свою силу воли, вспомнила годы обучения и уроки Дмитрия. Добраться до этих воспоминаний было нелегко, и я лишь слегка прикоснулась к ним, но этого хватило, чтобы побудить меня действовать. Я резко устремилась вперед и ударила Натана.

И не добила ничего.

Он не пошевелился. Черт, я даже не была уверена, почувствовал ли он удар. Удивление на его лице быстро сменилось усмешкой, и он расхохотался тем ужасным образом, как это делали стригои, — жестоко и без намека на истинную радость. Потом без малейших усилий он ударил меня, отбросив на другой конец комнаты. Дмитрий поступил точно так же, когда я впервые очнулась здесь и напала на него. Только тогда я не отлетела так далеко и не ударила так сильно.

Сейчас я ударила о спинку кушетки, и, господи, как же мне было больно! Нахлынула волна головокружения, и только тут до меня дошло, какой это идиотизм — сражаться с тем, кто настолько сильнее меня, да еще ослабев от потери крови. Я сумела выпрямиться, лихорадочно соображая, что делать дальше. Натан, казалось, не спешил ответить на мое нападение. Более того — он продолжал хохотать.

Я оглянулась и наткнулась взглядом на то, что давало мне возможность действовать, пусть и весьма жалкую. Рядом со мной стояла Инна. Мучительно медленным движением — однако я и такого от себя не ожидала — я протянула руку и обхватила ее за шею. Она вскрикнула, и я рывком прижала ее к себе.

— Убирайся отсюда, — сказала я Натану. — Убирайся отсюда, или я убью ее.

Он перестал смеяться, удивленно воззрился на меня, а потом расхохотался еще громче.

— Ты серьезно? Ты правда думаешь, будто я не смогу остановить тебя, если захочу? Уверена, что меня это волнует? Давай убей ее. И еще дюжину таких, как она.

На самом деле ничего удивительного, но даже я слегка опешила, поняв, с какой легкостью он готов пожертвовать жизнью верной служанки. Ладно. Пора переходить к плану Б. Или, может, это план К? По правде говоря, я потеряла им счет, и ни один из них не был достаточно хорош...

— Ой!

Внезапно Инна ткнула меня локтем в живот, и я от удивления отпустила ее. Она развернулась с придушенным воплем и ударила меня в лицо. Не так сильно, как Натан, но тем не менее сбила с ног. Я попыталась ухватиться за что-нибудь, но без толку. Я ударилась о пол, врезавшись спиной в дверь. Я ожидала, что Инна продолжит нападать на меня, но вместо этого она метнулась через комнату и — Господь помог! — приготовилась защищать Натана.

Прежде чем я успела побороть оторопь, вызванную ее попыткой защитить того, кто без колебаний жертвовал ею, дверь внезапно распахнулась.

— Ой! — Снова воскликнула я, когда она ударила меня и отбросила в сторону.

Быстро вошел Дмитрий. Скользнул взглядом по нашим лицам и, конечно, заметил на моем результаты ударов и Натана, и Инны. Стиснув кулаки, он повернулся к Натану. Это напомнило мне их стычку в коридоре — гнев, и злобу, и жажду крови. Я съежилась, готовясь к новому ужасному столкновению.

— Не делай этого, — самодовольно заявил Натан. — Ты знаешь, что сказала Галина. Только дотронься до меня, и тебя вышвырнут вон.

Дмитрий широким шагом пересек комнату и остановился перед Натаном, отпихнув Инну, словно тряпичную куклу.

— Оно того стоит — пережить ее гнев, в особенности когда я скажу, что ты напал первым. Лицо Розы подтверждает это.

— Ничего у тебя не получится. — Натан кивнул на Инну, которая так и сидела на полу, куда ее отбросил Дмитрий. — Она скажет правду.

Несмотря на боль во всем теле, я начала подползать к девушке. Хотела выяснить, все ли с ней в порядке.

Теперь на лице Дмитрия возникло выражение самодовольства.

— Ты всерьез думаешь, что Галина поверит человеку? Нет. Когда я

скажу ей, что ты из зависти напал на меня и Розу, она простит меня. Ты потерпишь поражение, что станет доказательством твоей слабости. Я отрежу тебе голову и возьму из хранилища кол Розы. Последнее, что ты увидишь, это как она вонзает его тебе в сердце.

Вот дерьмо! Не лучше угрозы Натана сжечь меня... Пойдите!

Мой кол?

Лицо Натана все еще выражало высокомерие — по крайней мере, для меня. Но наверно, Дмитрий увидел в нем что-то, удовлетворившее его, что-то, позволяющее думать, будто победа за ним. Он заметно расслабился и расплылся в усмешке.

— Дважды, — негромко заговорил Дмитрий. — Дважды я позволил тебе уйти. В следующий раз... В следующий раз все будет кончено.

Я протянула к Инне руку.

— Ты в порядке? — Пробормотала я.

С выражением ненависти на лице она отпрянула от меня. Не сводя с меня взгляда, Натан попятился к двери.

— Нет, — сказал он. — Дважды я позволил ей жить. В следующий раз она умрет. Я контролирую ситуацию, не ты.

Натан открыл дверь. Инна встала и заковыляла вслед за ним. Я пораженно смотрела, открыв рот и перебирая в уме только происшедшие события. Не знаю, что взволновало меня больше всего. Глядя вверх на Дмитрия, я размышляла, о чем спросить его прежде всего. Что нам делать теперь? Почему Инна защищала Натана? Почему Дмитрий позволил ему уйти? Только вопросы так и не сорвались с моих уст.

Вместо этого я разрыдалась.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Я не часто плачу. И терпеть не могу, когда это происходит. В прошлый раз, когда я плакала в обществе Дмитрия, он тут же обнял меня. Сейчас я удостоилась лишь холодного, исполненного гнева взгляда.

— Это ты виновата! — Закричал он, стиснув кулаки.

Я съежилась, широко распахнув глаза.

— Но ведь он... Он напал на меня...

— Да. И Инна. Человек! Ты допустила, чтобы на тебя напал человек. — Он не смог сдержать глумливой усмешки. — Ты слаба. Ты неспособна защитить себя — и все потому, что отказываешься от пробуждения!

Ужасный голос. Ужасный взгляд, пугавший больше, чем взгляд Натана. Дмитрий протянул руку и рывком поставил меня на ноги.

— Если бы ты сейчас погибла, это произошло бы целиком по твоей вине. — Он встряхнул меня, с силой вцепившись в руку. — Тебе предоставляется шанс обрести бессмертие и невероятную силу! Но ты слишком слепа и упряма.

Я проглотила слезы и вытерла глаза тыльной стороной руки. Можно не сомневаться — я размазала весь макияж, который старательно накладывала. Я была так напугана, что, казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Ярость и угрозы — этого я ожидала от Натана, но не от Дмитрия.

«Ты забыла, что он стригой», — прошептал голос в моей голове.

Я уже достаточно долго пробыла без укуса, да и схватка выбросила в кровь достаточно адреналина, чтобы этот надоедливый голос звучал громче, чем когда-либо в последнее время. Дмитрий сказал, что я слаба, потому что не стригой, но на самом деле за этим стояло нечто большее. Я проявила слабость и спасовала перед Натаном и Инной, потому что практически стала наркоманкой, все время пребывая в состоянии блаженного неведения, что не могло не сказаться на моем теле и разуме. Эта мысль пугала, и мне с трудом удавалось задержаться на ней. Жажда эндорфинов вспыхнула с новой силой, и теперь в сознании шла борьба.

У меня хватило здравого смысла не озвучивать эти мысли. Я просто попыталась умиротворить Дмитрия.

— Не думаю, что стала бы сильнее Натана, даже если бы меня обратили... то есть пробудили.

Он провел рукой по моим волосам и как будто начал успокаиваться, но

в глазах все еще светились гнев и нетерпение.

— Поначалу, возможно, и нет, но после перемены ты не утратишь ни физической силы, ни силы воли. Он ненамного старше нас... недостаточно, чтобы разница была ощутима, вот почему он всегда отступает в наших с ним схватках.

— А почему ты отступаешь?

Я почувствовала, что его тело напряглось, и осознала, что мой вопрос может быть воспринят как удар по его героизму. Я сглотнула, снова чувствуя страх. Он все еще сжимал мою руку, и она начала болеть.

— Потому что в одном он прав, — сухо ответил Дмитрий. — Если я убью его, Галина разгневется на нас, что непозволительно. Пока.

— Ты говорил раньше, что ты... что мы... должны убить ее.

— Да, и как только мы это сделаем, то с легкостью завладеем и ее имуществом, и ее организацией.

— Что такое ее организация?

Я продолжала отвлекать его: вдруг гнев рассеется, а вместе с ним исчезнет и монстр?

— Многое. Богатство не дается без усилий.

— Нелегальные дела, которые наносят вред людям?

— Это так важно?

Это был, конечно, риторический вопрос, на который я отвечать не стала.

— Но ведь Галина когда-то была твоим учителем. Неужели ты способен убить ее? Я имею в виду, не в физическом смысле... Я имею в виду моральный аспект.

Он задумался.

— Я уже объяснял тебе. Это вопрос силы и слабости. Хищника и жертвы. Если мы сможем одолеть ее — а я в этом не сомневаюсь, — значит, она жертва. Конец истории.

Я содрогнулась. Какое пугающее, жесткое и суровое восприятие мира! Наконец Дмитрий отпустил мою руку, и волна облегчения затопила меня.

Я поднялась на дрожащих ногах и опустилась на кушетку. Он сел рядом со мной.

— Почему Инна напала на меня? Почему она защищала Натана?

— Она любит его, — ответил Дмитрий, не скрывая своего отвращения.

— Как?..

— Отчасти потому, что он обещал пробудить ее, когда она прослужит тут какое-то время. Это говорят почти всей прислуге.

Я вспомнила, Сидни рассказывала, почему алхимики против, чтобы

люди узнали о вампирах, — как раз потому, что они могут захотеть, чтобы их тоже обратили. Говорят?

— В большинстве своем они недостойны этого. И очень часто кто-нибудь, проголодавшись, просто съедает очередного человека.

Меня затошнило — и не от близости Дмитрия.

— Как гадко.

— Ничего подобного.

Я не думала, что он снова начнет трясти меня, но его глаза угрожающе замерцали. Монстр притаился совсем рядом.

— Время уходит. Я был очень снисходителен, Роза. Снисходительнее, чем к кому-либо другому.

— Почему? Почему ты поступаешь так?

Я хотела — нет, мне требовалось — услышать: потому, что он любит меня и ради этой любви никогда не сможет заставить делать то, чего я не хочу. Мне нужно было услышать это, чтобы перечеркнуть воспоминания о том ужасающем, яростном создании, которое я видела несколько минут назад.

— Потому что я понимаю ход твоих мыслей. И понимаю, что, пробужденная добровольно, ты станешь гораздо более значимым союзником. Ты независимая и умная — вот что делает тебя такой ценной.

— Ценный союзник, — прошептала я.

Не женщина, которую он любит.

Он подвинулся и теперь нависал надо мной.

— Разве я не говорил, что всегда буду за тебя? И вот я здесь. Я буду защищать тебя. Мы будем вместе. Нам предначертано быть вместе, и ты знаешь это.

В его голосе настойчивость брала верх над привязанностью.

Он подтянул меня к себе и поцеловал в губы. Привычный жар охватил тело, но другие мысли продолжали одолевать сознание. Я всегда думала, что нам предначертано быть вместе. И он когда-то говорил, что всегда будет за меня. Я и сама хотела этого — только по-другому, чтобы мы были на равных, чтобы прикрывали друг другу спины. Сейчас все было иначе. Я оказалась беззащитна. Слаба. Никогда, никогда в своей жизни я не была в таком состоянии. Даже сражаясь с превосходящим по силе противником, я вполне пристойно могла противостоять ему. Но не сегодня. Я была в ужасе. Я была слаба и ни на что не способна. Могла разве что сидеть здесь с жалким видом и ждать, пока кто-то спасет меня. Я допустила даже, что человек смог побороть меня в схватке!

Дмитрий уверял, что все разрешится, когда я стану стригоем. На

протяжении последней недели он повторял это снова и снова, и, хотя в душе я не соглашалась с ним, прежнего отвращения идея уже не вызывала. Наоборот, она все чаще мелькала в сознании — как туманный, далекий способ быть вместе с ним. А я хотела быть с ним, в особенности в такие моменты, как сейчас, когда он целовал меня и желание потрескивало в окружающем нас воздухе.

Только на сей раз желание не было таким всепоглощающим, как обычно. Оно присутствовало, да, но я не могла отделаться от воспоминания о том, каким Дмитрий был совсем недавно. С пугающей ясностью до меня дошло, что я влюблена в стригоя. Дикость!

Тяжело дыша, Дмитрий прервал поцелуй и пристально посмотрел на меня. Несмотря на характерное для стригоев невозмутимое выражение лица, я чувствовала, он хочет меня. Это сбивало с толку. Передо мной был Дмитрий и не Дмитрий. Наклонившись, он поцеловал меня в щеку, потом в подбородок, потом в шею. Шире открыл рот, и я почувствовала прикосновение его клыков...

— Нет!

Он замер.

— Что ты сказала?

Сердце заколотилось, я приготовилась столкнуться с новой волной ярости.

— Ммм... Нет. Не сегодня.

Он отодвинулся и посмотрел на меня потрясенно и сердито. Поскольку он молчал, сбивчиво заговорила я.

— Я нехорошо себя чувствую... У меня все болит. Я боюсь потери крови, хоть и хочу... — Дмитрий всегда умел определить, лгу я или нет, но следовало попытаться. Я, как могла, придала лицу страстное, но одновременно невинное выражение. — Я хочу... почувствовать укус... но лучше сначала отдохнуть, набраться сил...

— Позволь мне пробудить тебя, и ты снова станешь сильной.

— Знаю, — с оттенком пылкости в голосе сказала я. И отвернулась, надеясь, что это усилит видимость смущения. — И я начинаю думать...

Он резко втянул воздух.

— Начинаешь думать о чем?

Я снова повернулась к нему, рассчитывая убедить его, что всерьез обдумываю возможность обращения.

— Я начинаю думать, что никогда больше не хочу быть слабой.

Он поверил мне — я видела это по его лицу. Надо отметить, мои последние слова ложью не были. Я действительно не хотела быть слабой.

— Пожалуйста. Я просто хочу отдохнуть. И еще немного подумать об этом.

Истина состояла в том, что я лгала не только ему — я лгала себе. Если серьезно, я жаждала этого укуса. Очень сильно. Мое тело настойчиво требовало еще эндорфинов. Они были нужнее, чем еда и воздух. И все же, проведя без них всего день, я обрела определенную, хоть и неполную ясность сознания. Ту мою половину разума, которая жаждала лишь радости бездумного экстаза, возрастающая ясность разума не волновала, однако в глубине души я понимала, что необходимо продвинуться в этом направлении, даже если придется лишиться того, чего мне так страстно хотелось.

Немного поразмыслив, Дмитрий кивнул и встал. Он воспринял мои слова так, как если бы я достигла критической точки в своих рассуждениях.

— Отдохни, — сказал он. — Поговорим позже. Но, Роза... у нас всего два дня.

— Два дня?

— Таков предельный срок Галины. Потом мне придется принять решение за тебя.

— Ты пробудишь меня?

Похоже, вопрос о смерти больше не стоял.

— Да. И для всех нас будет лучше, если мы не станем дотягивать до этого момента. — Словно внезапно вспомнив что-то, он сунул руку в карман. — Ох! Это тебе.

Он протянул мне браслет, инкрустированный опалами и мелкими бриллиантами, с таким видом, словно это мелкий пустячок. Браслет был потрясающий, каждый опал сверкал тысячью цветов.

— Какая красота! Он... Он великолепен.

Я надела его на запястье, но — странное дело — подарки Дмитрия больше не значили для меня так много, как раньше.

С удовлетворенным видом он наклонился, поцеловал меня в лоб и ушел. Я осталась лежать на кушетке, изо всех сил стараясь не думать о том, как сильно хочу, чтобы он вернулся и укусил меня.

Остальная часть дня прошла мучительно.

Мне приходилось читать о наркоманах, о том, как тяжело приходится тем, кто отказывается от алкоголя или запрещенных наркотиков. Я однажды даже стала свидетельницей того, как «кормилец» сошел с ума, когда ему пришлось оставить свое служение. Он стал слишком стар, и посчитали, что продолжать давать кровь мороям рискованно для его здоровья. Я в изумлении смотрела, как он умолял, чтобы ему позволили

остаться, как клялся, что готов рисковать. Я знала, что здесь работает эффект привыкания, но все равно не могла понять, почему это так много значит для него, что он готов рисковать своей жизнью. Теперь осознала.

Час проходил за часом, и, клянусь, я рискнула бы жизнью ради нового укуса. Это был своего рода каламбур — если бы я позволила еще раз укусить себя, то точно рисковала бы жизнью. Теперь я не сомневалась, что, если разум мой затуманится снова, я приму предложение Дмитрия. Однако с каждым мучительным мгновением без эндорфинов мысли мои прояснялись все больше. Ох, мне еще предстояло пройти долгий путь, чтобы совсем освободиться от вампирских эндорфинов. Когда нас в Спокане захватили в плен, стригои использовали Эдди как источник крови, и прошло немало дней, прежде чем он полностью оправился. С каждым проходящим мгновением я все лучше осознавала, как важно для меня оставаться без укусов и дальше. Правда, физически легче мне от этого понимания не становилось.

Зато мои проблемы вырисовывались весьма отчетливо. Похоже, так или иначе, я обречена стать стригоем. Дмитрий хотел обратить меня, чтобы мы составили вампирский вариант Бонни и Клайда. Натан хотел обратить меня, чтобы захватить Лиссу — и убить обеих. Пожалуй, предложение Дмитрия предпочтительней, но ненамного. Теперь нет.

Вчера я решила бы, что перспектива стать стригоем не так и ужасна. Но сегодня я осознала весь ужас пробуждения и прежнее восприятие вернулось. Мне предлагали, по сути, самоубийство, я могла продолжить свое существование как порождение зла. Правда, с Дмитрием. Вот только Дмитрий не очень-то походил на себя. Или все же он остался во многом прежним? Все так сложно. Я снова напомнила себе, что он говорил давным-давно — как ни походил стригой на того человека, которого я знала, он им не был. Однако нынешний Дмитрий уверял, что ошибался.

— Чертовы эндорфины. Они как наркотики... — простонала я, спрятав лицо в ладонях.

Я сидела на кушетке, телевизор бубнил в качестве фона. Прекрасно. Я уже разговариваю сама с собой.

Предположим, я смогу избавиться от воздействия Дмитрия, от этого одурманенного состояния... ну и?.. Я снова оказывалась перед первоначальной дилеммой. Нет оружия, чтобы сражаться со стригоями. Нет оружия, чтобы убить себя. Я полностью отдана на их милость, правда, сейчас ближе к тому, чтобы затеять приличную драку. Конечно, мне в ней не победить, но если я дольше сумею обойтись без эндорфинов, то смогу одолеть Инну. Все упиралось в эндорфины. Каждый раз, когда я перебирала

варианты и заходила в тупик, меня отбрасывало назад, к физической реальности. Я жаждала кайфа. Жаждала возвращения блаженного тумана. Он был мне необходим, а иначе я просто умру, и тогда угроза стать стригоем упадет сама собой...

— Проклятье!

Я встала и принялась расхаживать, рассчитывая отвлечь себя, потому что от телевизора было мало толку. Если бы я сумела продержаться чуть дольше, до тех пор пока наркотик выйдет из кровеносной системы, я смогла бы придумать, как спасти себя и Лиссу, и тогда...

Лисса!

Не раздумывая, я проникла в ее сознание. Находясь там, я смогу на время отвлечься от собственных проблем. Может, тогда восстановление пойдет быстрее.

Лисса и ее спутники возвращались из королевского двора в более мрачном настроении, чем они туда отправлялись. В холодном утреннем свете перед Лиссой с беспощадной ясностью предстали события на вечеринке. Танцевать на столе — не самое худшее на свете, но, вспоминая другие вечеринки и сравнивая их с этим уик-эндом и тем, как она развлекалась в компании Эйвери, Лисса удивлялась себе. Иногда ей даже казалось, будто это происходит не с ней. И поцелуй с Аароном. Она, конечно, испытывала чувство вины, но это совсем другая проблема.

— Не тревожься ты об этом, — уговаривала ее Эйвери в самолете.

Все делают глупости, когда переберут.

— Но не я, — простонала Лисса. — Это так не похоже на меня.

Несмотря на заявление, она не отказалась выпить «мимозы» — коктейль, состоящий из смеси шампанского и апельсинового сока.

Эйвери улыбнулась.

— Мне, конечно, трудно сравнивать. На мой взгляд, с тобой все в порядке. Ты же не пытаешься сбежать с каким-нибудь человеком или некоролевским мороем.

Лисса улыбнулась в ответ и перевела взгляд на Джил, сидящую чуть впереди. Раньше с ней разговаривал Адриан, а сейчас она углубилась в книгу, больше всего озабоченная тем, чтобы держаться подальше от Рида. Он снова сидел с Симоном, и Лисса слегка удивилась, заметив, что страж подозрительно поглядывает на Джил. Может, Рид наплел ему, что девочка представляет собой угрозу?

— Ты о ней беспокоишься? — Проследив за взглядом Лиссы, спросила Эйвери.

— Просто не могу выкинуть из головы, каким взглядом она смотрела

на меня этой ночью.

— Она совсем юная. Ее легко шокировать.

Лисса была согласна с Эйвери. Юная или нет, было нечто освежающе чистое и честное в том, что девочка выкрикивала тогда Лиссе. Джил напомнила ей меня. И Лиссе стало не по себе оттого, что такой человек думает о ней плохо. Она встала.

— Сейчас вернусь, — сказала она Эйвери. — Хочу поговорить с ней.

Джил явно удивилась, когда Лисса села рядом с ней. Она заложила закладкой страницу книги, которую читала, и искренне улыбнулась Лиссе.

— Привет.

— Привет. — Лисса выпила совсем немного «мимозы» и могла разглядеть ауру Джил — сочную зеленовато-голубую с прожилками пурпурного и темно-голубого. Хорошие, сильные цвета. — Послушай, я хочу извиниться за вчерашнее... за то, что наговорила...

Джил зарделась.

— Все в порядке, правда-правда. В смысле, бредовая ситуация, я понимаю, ты не совсем хорошо соображала на вечеринке. По крайней мере, так мне кажется. Я никогда не пила спиртного, мне трудно судить.

Джил всегда явно нервничала в таком «высоком» обществе и либо молчала, либо говорила много и сбивчиво.

— Да, ну... Мне следовало соображать до того, как я попала в эту ситуацию, И меня беспокоит то, что произошло с Ридом. — Лисса понизила голос. — На самом деле я понятия не имею, что с ним... но он вел себя неправильно.

Обе девушки поглядели на него. Он сидел, углубившись в чтение, но внезапно, как будто почувствовав их взгляд, посмотрел на Джил и Лиссу. Сердито посмотрел, и они тут же отвели взгляд.

— Уж это точно не твоя вина, — сказала Джил. — Ты же знаешь, там был Адриан, и все закончилось хорошо.

Лисса изо всех сил старалась сохранить бесстрастное выражение лица. Адриан сидел вне поля их зрения, но Лиссе почему-то казалось, что, если бы дело обстояло иначе, Джил с мечтательным видом смотрела бы на него. В последнее время Адриан заглядывался на Эйвери, и для него Джил не выходила — и вряд ли выйдет — из роли «младшей сестренки». Тем не менее не вызывало сомнений, что Джил потихоньку влюбляется в него. Лисса не могла не испытывать облегчения, что объектом интереса Джил стал Адриан, а не Кристиан, хотя и понимала абсурдность.

— Остается надеяться на лучшее, — сказала Лисса. — И на то, что никто не думает обо мне слишком плохо.

— Я — нет, — ответила Джил. — И конечно, Кристиан тоже не станет. Лисса почувствовала смущение.

— Нет смысла расстраивать его. Я сделала глупость; мне с ней и разбираться.

Джил нахмурилась. Прежняя нервность вернулась, мешая ей заговорить.

— Но ты же должна... Ты должна рассказать ему правду.

— Это сущий пустяк.

Лисса удивилась, почувствовав, как внутри снова вздымается непредсказуемая волна гнева.

— У вас же серьезные отношения... Разве вы не должны быть всегда честны друг с другом? В смысле, не станешь же ты обманывать его.

Лисса закатила глаза.

— Джил, у тебя еще ни с кем не было серьезных отношений? Думаю, ты даже ни разу не ходила на свидания. Я не обманываю его. Я просто не рассказываю того, что расстроит его без всякого толка. Это не одно и то же.

— Нет, то же самое, — возразила Джил. — Он имеет право знать.

Я чувствовала, насколько убийственно для нее спорить с Лиссой, и восхищалась ее смелостью.

Лисса испустила раздраженный вздох и встала.

— Забудь. Я думала, мы можем поговорить как взрослые люди, но выходит, нет.

Испепеляющий взгляд, который она бросила на Джил, заставил ту вздрогнуть.

Тем не менее по возвращении в Академию Лиссу продолжало грызть чувство вины. Кристиан радостно встретил ее, обнимая и осыпая поцелуями. Она считала, что реакция Джил преувеличена, но при каждом взгляде на Кристиана вспоминала о поцелуе с Аароном. Неужели это и впрямь так непорядочно, как считала Джил? Подумаешь, случайный поцелуй, да еще под воздействием алкоголя. Тем не менее Лисса знала, рассказ огорчит Кристиана, а ей ужасно этого не хотелось. Она высказала свои сомнения Эйвери, и та согласилась, что делать этого не следует. Однако, глядя на нее глазами Лиссы, я чувствовала: Эйвери больше беспокоит, какой была бы эмоциональная реакция Лиссы, если бы у нее с Кристианом что-то было. Похоже, мораль ее волновала мало; побудительным мотивом служило желание защитить Лиссу.

Все, казалось, потихоньку рассеивается... до тех пор, пока позже Лисса не встретила с Кристианом, чтобы идти на обед. Он подошел к ней в вестибюле ее спального корпуса, и лицо у него было чернее тучи, а

светло-голубые глаза только что молнии не метали.

— Когда ты собираешься рассказать мне? — Потребовал он достаточно громко, чтобы на них стали удивленно оглядываться.

Лисса потянула его за угол и понизила голос.

— О чем рассказать?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты провела свой уик-энд без меня, чтобы заигрывать с другими парнями.

Несколько тягостных мгновений она пристально смотрела на него. Потом до нее дошло.

— Джил тебе рассказала!

— Да. И мне пришлось чуть не клещами вытаскивать из нее правду. Во время наших практических занятий она почти расплакалась.

Лисса вспыхнула от гнева.

— Она не имела права!

— Ты не имела права. Ты действительно считаешь, что можешь чудить — и даже не рассказывать мне об этом?

— Кристиан, ради бога, просто глупый пьяный поцелуй. Шутливый, в порядке благодарности за то, что он спас меня от падения со стола. Он не значит ничего.

Кристиан задумался; у Лиссы мелькнула надежда, что он готов согласиться с ней.

— Он не значил бы ничего, — заявил он наконец, — если бы ты сама рассказала мне о нем. А не кто-то другой.

— Джил...

— Проблема не в ней. В тебе.

Лисса была потрясена.

— О чем ты?

— Я... — Внезапно у Кристиана сделался усталый вид; он потер глаза. — Не знаю. Просто... в последнее время все идет наперекосяк. Я не уверен... совсем не уверен, что смогу со всем справиться. Перед отъездом ты поругалась со мной, а теперь еще это...

— Почему ты меня не слушаешь? Дурацкая история ничего не значит! Даже Эйвери так считает.

— Ага, если Эйвери так считает, конечно, все в порядке, — с иронией ответил Кристиан.

Лисса вспылила.

— Что это означает, хотелось бы знать? Я думала, она тебе нравится.

— Нравится, да. Но мне не нравится, что в последнее время ты доверяешь ей больше, чем мне.

— Ты никогда не воспринимал как проблему то, что я доверяла Розе.

— Эйвери не Роза.

— Кристиан...

Он покачал головой.

— Послушай, у меня совсем пропал аппетит. Я не пойду на обед. Мне нужно подумать.

— И когда же мы теперь увидимся? — Взволнованно спросила Лисса.

Ее гнев сменился страхом.

— Не знаю. Позже.

Он молча ушел. Лисса ошеломленно провожала его взглядом. Ей хотелось перешагнуть через себя, броситься следом, умолять его вернуться и простить ее. Однако в фойе собралось слишком много народу, она не желала устраивать сцену — и навязываться ему тоже. Вместо этого она прибегла к единственному средству, которое у нее осталось: Эйвери.

— Не ожидала увидеть тебя сегодня, — заявила Эйвери, открыв ей дверь. — Что... Господи! Что случилось?

Она втащила Лиссу внутрь и потребовала все рассказать. Почти истерически рыдая, Лисса бессвязно поведала ей, что произошло с Кристианом.

— Я не знаю, что у него на уме! Он хочет разрыва? Придет ли он поговорить со мной позже? Или я должна пойти к нему? — Лисса уткнулась лицом в ладони. — О господи! Как тебе кажется, у него с Джил что-то есть?

— С малолеткой? Нет! — Воскликнула Эйвери. — Конечно нет. Послушай, тебе нужно успокоиться. Ты тревожишь меня. Вот увидишь, все уладится.

Эйвери действительно выглядела обеспокоенной; она вышла, чтобы принести Лиссе стакан воды, но потом передумала и налила стакан вина.

Сидя в одиночестве, Лисса разрывалась от разбушевавшихся эмоций. Она ненавидела то, что сделала. Чувствовала, что с ней происходит что-то неправильное. Сначала я отвернулась от нее, а теперь Кристиан. Почему она не может удержать своих друзей? В чем причина? Может, она действительно сходит с ума? Она чувствовала, что не владеет собой, что ее охватило отчаяние. И она...

Бам!

Совершенно неожиданно что-то вытолкнуло меня из головы Лиссы. Ее мысли полностью исчезли. Я ушла не по своей воле. Никогда, никогда со мной не случалось такого. Это напоминало физическое воздействие. Как будто передо мной внезапно опустилась стеклянная стена или силовое поле

— и отбросили меня. Вмешалась внешняя, чужая сила.

Но что это? Может, Лисса? Насколько я знаю, она никогда даже не ощущала моего присутствия в своей голове. Вдруг произошли перемены и она вышвырнула меня? Или обуревавшие ее эмоции стали так сильны, что для меня не осталось места?

Я не знала, и мне это не нравилось. Когда это произошло, помимо толчка я испытала еще одно странное чувство. Что-то вроде вибрации, как будто кто-то проник в мой разум и пощекотал его. Еще были вспышки тепла и холода, но потом, как только меня вышвырнуло из головы Лиссы, все прекратилось. Такое... агрессивное воздействие. И почему-то... хорошо знакомое.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

К несчастью, я не могла вспомнить, когда прежде испытывала это чувство.

Учитывая все, что произошло со мной, сам факт того, что я его вообще вспомнила, можно считать поразительным. Мои воспоминания были раздроблены, но я старательно перебирала их, надеясь обнаружить, где я испытывала похожее щекотание в мозгу. Увы, ответ не приходил, и очень скоро эти попытки стали вызывать такое же чувство разочарования, как планы бегства.

Время шло, и до меня все отчетливее доходило, что мне позарез нужен план бегства. Отсутствие эндорфинов убивало, но зато проясняло мысль. Меня охватывало удивление, насколько безразличны мне были размышления о побеге. Едва позволив Дмитрию укунить себя, я распалась как личность. Потеряла более высокие приоритеты. Утратила силу и навыки. Стала слабой и тупой. Правда, не совсем. Если бы я полностью деградировала, то уже была бы стригоем. Слабое утешение, и все же — даже на пике кайфа какая-то часть меня продолжала сражаться и не уступала.

Осознание, что я не совсем ослабела, помогало. Так легче игнорировать свое тело, отвлекая себя с помощью телевидения и поглощения всего, что хранилось в маленьком холодильнике. Я даже нарочно долго не ложилась спать, в надежде измотать себя. Это помогло, и я заснула, едва коснувшись подушки, погрузилась в сон без сновидений.

Меня разбудило прикосновение скользнувшего в постель тела. Я подняла веки и взглянула прямо в красные глаза Дмитрия. Впервые за все время я смотрела на него не с любовью, а со страхом, но старалась скрыть перемену. Напротив, протянула руку и коснулась его лица.

— Ты вернулся. Я скучала по тебе.

Он поймал мою руку и поцеловал ладонь.

— У меня были дела.

Тень скользнула по его лицу; в уголке рта я заметила крошечный след засохшей крови. Состроив гримасу, я стерла ее пальцем.

— Я так и поняла.

— Таков естественный порядок вещей, Роза. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Вот только...

— Что?

Я отвернулась, снова раздираемая противоречиями. В его глазах вспыхнуло не только любопытство, но и — пусть совсем немного — беспокойство. Беспокойство за меня. И тем не менее всего мгновение назад я стерла кровь с его лица — кровь несчастной жертвы, чья жизнь оборвалась несколько часов назад.

— Я была в голове Лиссы, — заговорила я наконец, зная, что своим признанием не причиню ей никакого вреда. Как и Натан, Дмитрий знал, что она в Академии. — И... меня вышвырнуло оттуда.

— Вышвырнуло?

— Как обычно, я видела все ее глазами, а потом неизвестная сила, чья-то невидимая рука... вытолкнула меня. Никогда не чувствовала ничего подобного.

— Может, это новая способность духа.

— Может быть. Вот только... Я же приглядываю за ней регулярно и никогда не видела, чтобы она практиковалась в подобном умении. Или обдумывала это.

Он слегка пожал плечами и обнял меня.

— Пробуждение обостряет чувства и восприятие мира, но не делает тебя всеведущим. Я не знаю в чем дело.

— Конечно, не делает всемогущим, иначе Натан не заикливался бы на местонахождении Лиссы... Зачем это? Почему стригои сосредоточились на пресечении королевских родов? Мы знаем, что они — в смысле, вы — одержимы этим, но почему? Какое это имеет значение? Жертва есть жертва, разве нет? И ведь большинство стригоев прежде были морями.

— Сложно объяснить в двух словах. В основном на королевских мороев охотятся, потому что это порождает страх. В твоем прежнем мире королевская власть стоит над всеми. Они получают лучших стражей, лучшую защиту. — Он прав как никогда. — Если мы сможем добраться до них, что это означает? Это означает, что всем угрожает опасность. Отсюда страх, а страх подталкивает человека к глупостям, превращая в образцовую жертву.

— Ужасно.

— Жертва или...

— Да, да, знаю. Жертва или хищник.

Он слегка прищурился, по-видимому, недовольный тем, что его прервали.

— Есть и еще одно преимущество в погоне за лидерами мороев — нестабильность.

— А вдруг это приведет к смене лидеров, что поможет им? — Он

бросил на меня еще один странный взгляд, а я сама испугалась своих слов. — А что еще?

Снова я рассуждаю, как Виктор Дашков. Нет, нужно заткнуться. Я поняла, что веду себя не так, как обычно, под кайфом, когда я занята только собой.

— Что еще... — Он скривил губы. — Еще — престиж. Ради славы, ради собственной репутации и удовлетворения от мысли, что мы способны извести тех, кого другие не могли уничтожить на протяжении столетий.

Простая у стригоев натура! Злые умыслы, охота и смерть. Других мотивов им и не требуется.

Взгляд Дмитрия переместился на мой прикроватный столик, куда я на ночь клала свои украшения. Все его подарки были здесь, сверкая как сокровище пиратов. Перегнувшись через меня, он за цепочку поднял назар.

— Ты все еще хранишь его.

— Да. Но он, конечно, уступает твоим подаркам.

«Голубой глаз» — он напоминал мне о матери. Я давно не думала о ней. В Бийске я начала воспринимать Алену как свою вторую мать, но сейчас... сейчас я мечтала о своей собственной. Джанин Хэзевей не умела убираться и готовить, но была умной и компетентной. В некотором роде я с самого начала осознавала, что мы мыслим одинаково. Я унаследовала ее черты и не сомневалась, что в моей ситуации она ни на мгновение не отвлекалась бы от плана бегства.

— А этого я раньше не видел.

Дмитрий положил назар и теперь держал в руке простое серебряное кольцо, подаренное мне Марком. В последний раз я надевала его в доме Беликовых; оно просто лежало на столе среди прочего.

— Мне подарили его, когда я была...

Я замолчала, осознав, что почему-то никогда не рассказывала ему, где была до Новосибирска.

— Когда ты была где?

— В твоём родном городе. В Бийске.

Дмитрий играл с кольцом, надевая его, то на один палец, то на другой, но, услышав это название, замер и посмотрел на меня.

— Ты была там?

Действительно странно, мы никогда не говорили об этом.

— Я искала тебя, — объяснила я. — Я не знала, что стригои охотятся в больших городах. Я жила в твоей семье.

Он снова перевел взгляд на кольцо и принялся поворачивать его туда и сюда.

— И?

— Они очень милые люди. Я полюбила их. Подружилась с Викторией.

— Почему она не в школе?

— Пасха.

— А-а, да. Как она?

— Прекрасно, — поспешно ответила я, не в силах рассказать о том, что случилось в последнюю ночь с ней и Роланом. — С Каролиной тоже все хорошо. Она напоминает мне тебя. Знаешь, однажды она накинулась на вампирских парней, пытающихся устроить беспорядки.

Он улыбнулся снова, и так... мило. В смысле, клыки по-прежнему нагоняли ужас, но улыбка выглядела не такой зловещей, как обычно. В выражении лица его появился оттенок нежности, истинной привязанности, и это пугало меня.

— Могу себе представить, как Каролина делает это. У нее уже родился ребенок?

— Да. — Я все еще не могла отделаться от впечатления, производимого его улыбкой. — Девочка. Зоя.

— Зоя, — повторил он, по-прежнему не глядя на меня. — Хорошее имя. А как там Соня?

— Нормально. Я мало с ней виделась. Она слегка раздражительная... Виктория говорит, из-за беременности.

— Соня тоже беременна?

— Ну да. Шесть месяцев, мне кажется.

Его улыбка слегка угасла, он выглядел почти обеспокоенным.

— Это должно было случиться рано или поздно. Она ведет себя не так разумно, как Каролина. Каролина родила детей сознательно... А для Сони, надо думать, это стало сюрпризом.

— Да. У меня тоже возникло такое чувство.

— А как там мама и бабушка?

— Хорошо. Обе.

Наш разговор принимал все более странный оборот — не только потому, что это был первый нормальный разговор со времени моего появления здесь; Дмитрий впервые, казалось, искренне интересовался чем-то, не связанным со стригоями, поцелуями и укусами. Если до этого мы и предавались воспоминаниям, то лишь о прошлых совместных сражениях... и о том, что произошло в сторожке.

— Твоя бабушка немного пугала меня.

Он засмеялся, а я вздрогнула; он смеялся почти, почти как раньше. Я даже не представляла, что такое возможно.

— Да, это она умеет.

— И она притворялась, что не говорит по-английски.

Это, конечно, мелочь по сравнению со всем остальным, но она все еще бесила меня.

— Да, и это она любит. — Он продолжал улыбаться, с нотками нежности в голосе. — Они по-прежнему живут вместе? В том же доме?

— Ну да. Я видела книги, о которых ты мне рассказывал. Красивые... но читать их не могла.

— Вот где я впервые заинтересовался американскими вестернами.

— Господи, а мне нравилось над тобой подшучивать из-за этого.

Он засмеялся.

— Да, твои стереотипы о восточноевропейской музыке и обращения ко мне «товарищ»... Много ты сейчас такого там видела?

Я тоже засмеялась.

— «Товарищ» и музыка — этого не было. — Я почти забыла, как часто дразнила его раньше; сейчас это прозвище ему не подходило. — Но в тебе было что-то поистине ковбойское, я имею в виду не кожаный пыльник или...

Я смолкла. Я чуть было не ляпнула о том, что он считал своим долгом помогать тем, кто в этом нуждался; однако к нему теперешнему это совсем не относилось. Он не заметил моей оговорки.

— И потом ты оставила их и поехала в Новосибирск?

— Да. Я поехала с дампирями, с которыми потом охотилась... Они тоже отказники. Правда, я почти раздумала ехать. Твои родные уговаривали меня остаться с ними, и я всерьез подумывала об этом.

Дмитрий поднял кольцо к свету, по его лицу пробежала тень. Он выпустил вздох.

— Наверно, так и следовало поступить.

— Они хорошие люди.

— Да. Ты могла быть счастлива с ними, — мягко сказал он.

Он положил кольцо на столик, повернулся ко мне и накрыл своими губами мои. Это был самый нежный, самый сладкий поцелуй, которым он одарил меня, став стригоем, отчего мое потрясение лишь усилилось. Эта нежность, правда, оказалась мимолетной, и спустя несколько мгновений наши поцелуи, как обычно, стали страстными и алчущими. И я чувствовала, что он алчет не только поцелуя — несмотря на то, что недавно поел. Загнав подальше свежее воспоминание о том, каким настоящим он казался во время разговора о родне, я лихорадочно думала, как избежать нового укуса, не вызвав при этом подозрений. Ослабевшее тело все еще

хотело его, но разум ко мне практически вернулся.

Как только Дмитрий на мгновение оторвался от меня, я выпалила первое, что пришло в голову, опережая его желание продолжить в том же духе.

— На что это похоже?

— О чем ты?

— Поцелуи.

Он нахмурился. Очко в мою пользу. Я сбила с толку не-мертвое создание ночи. Сидни гордилась бы мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил, что после пробуждения обостряются все чувства. Значит, и поцелуй воспринимается по-другому?

— А-а... — Выражение понимания осветило его лицо. — Вроде того. Мое обоняние гораздо сильнее, чем раньше, и поэтому твои запахи становятся сильнее... запах пота, шампуня в твоих волосах... Ты даже вообразить это не в состоянии. Опьяняющие. И конечно, острее ощущаются вкус, прикосновение...

Он наклонился и снова поцеловал меня. Что-то в его описании вызвало ощущение слабости — в хорошем, приятном смысле. Нет, нет, этого нельзя. Я рассчитывала отвлечь его, но никак уж не себя.

— Когда мы выходили в сад той ночью, цветы пахли очень сильно. Это для меня, а тебя, наверно, их ароматы попросту захлестывают? В смысле, не слишком ли они сильны?

Так оно и продолжалось. Я бомбардировала его вопросами, касающимися всех аспектов жизни стригоя. Выпытывала, на что это похоже, что он чувствует. Расспрашивала с любопытством и энтузиазмом, в нужных местах то прикусывая губу, то впадая в задумчивость. И его интерес по мере моих расспросов заметно возрастал, хотя отвечал он быстро и рационально, в отличие от прежних задушевных бесед. Видимо, он объяснял мои расспросы тем, что я почти «созрела» дать согласие на свое обращение. Чем дольше продолжался разговор, тем сильнее я проявляла внешние признаки усталости — без конца зевала, теряла мысль и прочее. В конце концов, я потеряла глаза и в очередной раз зевнула.

— Мне еще так много предстоит узнать...

— Я же говорил тебе — состояние изумительное.

Если честно, то кое-что таким и казалось. В основном, конечно, от всего пробирала дрожь, но если свыкнуться с самой идеей не-мертвого, злого создания, то в положении стригоя безусловно обнаруживались некоторые преимущества.

— У меня еще много вопросов, — промурлыкала я, закрыла глаза, вздохнула и снова открыла их, как бы заставляя себя бодрствовать. — Но... Я так устала... и не очень хорошо себя чувствую. Как, по-твоему, у меня не было сотрясения мозга?

— Нет. И когда я пробужу тебя, мелкое недомогание не будет иметь значение.

— Но только после того, как ты ответишь на остальные мои вопросы.

Мои слова заглушил очередной зевок, но он понял. Хотя ответил не сразу.

— Хорошо. После того. Однако время уходит, я же говорил тебе...

Я позволила векам снова закрыться.

— Но сегодня ведь не второй день...

— Нет, — ответил он. — Еще нет.

Я лежала, стараясь дышать как можно глубже и ровнее. Получится ли? Весьма вероятно, что он укусит меня, даже думая, что я сплю. Вот он, момент риска. Один укус, и все мои труды снять наркотическую зависимость пойдут насмарку. Даже если сейчас все обойдется, я понятия не имела, как избежать укуса в следующий раз. Правда, вряд ли он будет, следующий раз. Я просто стану стригоем.

Дмитрий еще несколько минут лежал рядом со мной, а потом я ощутила, что он пришел в движение, и внутренне собралась. Проклятье! Вот, сейчас... новый укус... Я думала, что наши предварительные поцелуи добавляли для него очарования, когда он пил мою кровь, а если я сплю, какое же тут очарование? По-видимому, я ошибалась, все мои уловки бесполезны. Все кончено. И все же он встал и ушел.

Услышав, как закрывается дверь, я подумала, что это хитрость, он пытается обмануть меня, а сам по-прежнему в комнате. Однако характерная тошнота ослабела, и я поняла, он и впрямь ушел, давая мне возможность поспать. Мое «представление» оказалось достаточно убедительным.

Я тут же села, и мои мысли обратились в другую сторону. В последний приход он больше, чем когда-либо, напоминал прежнего Дмитрия. Конечно, во всех отношениях он по-прежнему был стригоем, но присутствовало и кое-что еще. Чутька теплоты в смехе. Искренний интерес и расположение, когда он слушал мой рассказ о родных. Что это? Может, новости о семье пробудили к жизни уголок его души, похороненный внутри монстра? Признаюсь, я даже отчасти завидовала тому, что воспоминаниям о родне удалось вызвать в нем эти изменения, в то время как я не смогла. И он как-то теплее говорил о нас с ним, пусть совсем чуть-чуть...

«Нет, нет, прекрати!»

Никаких изменений не было. Его состояние необратимо. Чем больше я узнавала прежнюю себя, тем яснее становилась ситуация.

Поведение Дмитрия напомнило мне кое о чем. Я совершенно забыла о кольце Оксаны, но сейчас взяла его и надела на палец. Ничего особенного не почувствовала, но если исцеляющая магия в нем еще сохранилась, оно может помочь мне. И если тьма Лиссы продолжает просачиваться в меня, кольцо ослабит и ее.

Я вздохнула. Сколько бы я ни твердила себе, что освободилась от нее, этого никогда не произойдет. Она навсегда останется моей лучшей подругой. Между нами существовала связь, суть которой мы и сами плохо понимали. Делать вид, что ее нет — лишь усугублять ситуацию. Сейчас я сожалела о том, как обошлась с Адрианом. Он пришел в надежде на мою помощь, а я швырнула его доброту ему в лицо. И теперь полностью лишена связи с внешним миром.

Воспоминание о Лиссе навело на мысль о том, что произошло, когда я в последний раз проникла в ее сознание. Что же вытолкнуло меня оттуда? Я заколебалась, не зная, что делать. Лисса далеко и, возможно, угодила в неприятности. Дмитрий и остальные стригои здесь. Но... Я по-прежнему пока не могла сбежать. Не бросить ли на нее еще один взгляд, совсем быстрый...

Я обнаружила ее там, где никак не ожидала. Она разговаривала с Дейдрой, нашим школьным консультантом. Лисса постоянно встречалась с консультантом с тех пор, как дух начал проявлять себя, но с другим. Проникнув в ее мысли, я поняла, в чем дело: ее прежний консультант покинул школу вскоре после нападения, и Лиссу перевели к Дейдре, которая консультировала меня в те времена, когда все думали, будто из-за смерти Мейсона у меня поехала крыша.

Дейдра — очень элегантная моройка, всегда одетая с иголочки, с красиво уложенными светлыми волосами. Она выглядела ненамного старше нас; со мной ее метод консультирования сводился к вежливым расспросам. С Лиссой она вела себя мягче. Что вполне понятно.

— Лисса, мы немного беспокоимся о тебе. При обычном раскладе тебя на время отстранили бы от учебы, но я настояла, чтобы не делать этого. Меня не покидает чувство, будто с тобой происходит что-то, о чем ты мне не рассказываешь. Какая-то проблема.

Отстранить Лиссу от учебы? Я снова порылась в ее сознании, чтобы прояснить ситуацию. Оказывается, этой ночью Лисса и кое-кто еще вломились в библиотеку и устроили там импровизированную вечеринку с алкоголем; при этом повредили имущество библиотеки. Господи! Моей

лучшей подруге требуется записаться в общество «Анонимные алкоголики»!

Лисса сидела в воинственной позе, скрестив на груди руки.

— Нет никакой проблемы. Мы просто хотели немного развлечься. Я сожалею о причиненном ущербе. Если хотите отстранить меня от учебы... Что же, воля ваша.

Дейдра покачала головой.

— Не мне решать. Меня тревожит — почему. Я знаю, раньше ты страдала от депрессии и других проблем из-за магии. Однако нынешнее поведение больше похоже на мятежный дух.

Мятежный дух? Ох, это нечто гораздо большее. Со времени их размолвки Лисса нигде не могла найти Кристиана, и это убивало ее. Она не могла сидеть сложа руки. Она думала только о нем — и обо мне. Вечеринка и сопутствующий ей риск — единственное, что могло отвлечь ее от мыслей о нас.

— Ученики все время развлекаются, — возразила Лисса. — Из-за чего весь этот шум со мной?

— Ты подвергла себя опасности. После библиотеки вы были на грани того, чтобы кинуться в озеро. Плавать в пьяном виде — это, знаешь ли, настораживает.

— Никто же не утонул. Но даже если бы кто-нибудь начал тонуть, уверена, все вместе мы нашли бы способ спасти их.

— Все равно это настораживает, в особенности учитывая саморазрушительное поведение, которое ты когда-то демонстрировала...

Консультация продолжалась еще примерно час; Лисса так же умело, как прежде я, увиливала от вопросов Дейдры. Когда сессия закончилась, Дейдра заявила, что не намерена рекомендовать меры дисциплинарного воздействия. Она хотела, чтобы Лисса продолжила консультирование; сама же Лисса предпочла бы оставление после уроков или мытье парт.

Быстрым шагом пересекая кампус, она заметила идущего в противоположном направлении Кристиана. Во тьме ее сознания, словно солнце, вспыхнула надежда.

— Кристиан! — Закричала она и побежала к нему.

Он остановился, бросив на нее настороженный взгляд.

— Чего тебе?

— Как это — «чего тебе»? — Она хотела, чтобы он обнял ее и сказал, что все хорошо. Она была расстроена, тьма буквально захлестывала ее... но оставалось крошечное пространство уязвимости, которое отчаянно нуждалось в Кристиане. — Я никак не могла найти тебя.

— Я просто... — его лицо омрачилось, — размышлял. Кроме того, ты, как я слышал, не скучала.

Неудивительно, все знали о фиаско прошлой ночи. Мельница сплетен в Академии мелет без остановки, и такие слухи распространяются со сверхъестественной скоростью.

— Какая ерунда, — сказала она.

Он так смотрел на нее, что она почувствовала боль в сердце.

— В последнее время у тебя все ерунда. Вечеринки. Заигрывание с другими парнями. Ложь.

— Я тебе не лгала! — Воскликнула она. — Когда ты наконец выкинешь из головы Аарона?

— Ты не сказала мне правду. Это то же самое. — Его обвинение прозвучало как эхо от слов Джил. Едва зная девочку, Лисса почти ненавидела ее. — Я никак не могу переварить это. Не могу смотреть, как ты возвращаешься к прежним дням, когда была девушкой из высокопоставленной семьи, выкидывающей всякие безумные трюки со своими королевскими друзьями.

Вот ведь какая штука. Если бы Лисса подробнее рассказала ему о своих переживаниях, о том, как чувство вины и депрессия пожирают ее изнутри, заставляют терять контроль над собой, Кристиан мгновенно поддержал бы ее. Несмотря на циничную манеру поведения, сердце у него было доброе — и оно полностью принадлежало Лиссе. Или так было раньше. Сейчас в его глазах она была лишь глупой и пустой девушкой, возвращающейся к тому образу жизни, который он так презирал.

— Вовсе нет! — Воскликнула она. — Я не знаю. Так приятно — дать себе волю.

— Это не для меня, — ответил он. — Если это твоя жизнь, я не могу быть с тобой.

Она потрясенно распахнула глаза.

— Тырываешь наши отношения?

— Я... Не знаю. Наверно.

Лиссу охватил такой ужас, что она на самом деле не видела Кристиана — так, как я, — не видела боли в его глазах. То, что он сделал, уничтожало его самого. Он тоже страдал. На его глазах любимая девушка изменялась, превращаясь в кого-то другого, с кем он не мог быть.

— Все не так, как раньше.

— Ты не сделаешь этого! — Закричала она, не замечая его страданий; она видела лишь, что он поступает жестоко и несправедливо. — Нам нужно обсудить все... разобраться...

— Время разговоров прошло, — возразил он. — Тебе следовало объясниться со мной раньше, а не сейчас, когда внезапно все переворачивается с ног на голову.

Лисса не знала, чего она хочет — завопить или расплакаться. Она понимала одно: она не может потерять Кристиана, в особенности после того, как потеряла меня. Если она лишится нас обоих, в этом мире для нее не останется ничего.

— Пожалуйста, не делай этого, — умоляюще сказала она. — Я могу измениться.

— Прости, но я просто не вижу никаких доказательств! — Взорвался он, резко развернулся и зашагал прочь.

Она восприняла его демарш как проявление грубости и безразличия. Я же снова заметила боль в его глазах. Думаю, он ушел потому, что понимал: если он останется, то не сможет и дальше придерживаться принятого решения, такого мучительного, но, как ему представлялось, единственно правильного. Лисса смотрела ему вслед. Внезапно на ее плечо легла рука. Обернувшись, она увидела Эйвери и Адриана. Судя по выражению их лиц, они все слышали.

— Пусть уходит, — с серьезным видом сказал Адриан. Это он положил руку на плечо Лиссе; теперь он опустил руку и снова сплел пальцы с пальцами Эйвери. — Догонять его сейчас нельзя. Дай ему время.

— Он не может! — Сказала Лисса. — Не может поступить так со мной.

— Он огорчен, — заметила Эйвери, обеспокоенная не меньше Адриана. — Плохо соображает. Подожди, пока он успокоится. Тогда он, конечно, передумает.

Глядя вслед удаляющейся фигуре Кристиана, Лисса чувствовала, что ее сердце разбито.

— Не знаю. Не знаю, передумает ли он. О господи! Я не могу потерять его.

Мое сердце тоже было разбито. Мне так сильно хотелось оказаться рядом, утешить ее, поддержать. Она чувствовала себя ужасно одинокой, а я чувствовала себя кошмарно из-за того, что бросила ее. Неведомая сила сталкивала ее вниз, и я должна находиться там, должна помочь ей вырваться. Именно так поступают лучшие подруги. Я должна находиться там.

Лисса перевела взгляд на Эйвери.

— Я совсем сбита с толку... Просто не знаю, что делать.

Эйвери посмотрела ей в глаза, и тут... тут произошло нечто совсем уж

странное. Эйвери смотрела не на нее; она смотрела на меня.

«Ох, черт побери! Только тебя тут не хватало».

Этот голос прозвенел в моей голове, и... хоп! Меня снова вышвырнуло из Лиссы.

Тот же самый мысленный толчок, щекотание в мозгу, волны жара и холода. Я растерянно оглядывала свою комнату, потрясенная резким переходом. Однако кое-что я выяснила. Теперь я знала: это не Лисса прерывала нашу связь и в тот раз, и сейчас.

Лисса слишком сбита с толку и вообще не в себе. Голос? Нет, и голос был не ее.

И тогда я наконец-то вспомнила, когда чувствовала это щекочущее прикосновение в своей голове. Оксана. То же самое ощущение я испытала, когда она проникла в мое сознание, стремясь выяснить, каковы мои намерения и склонности. Тогда они с Марком признали, что это агрессивный, нечестный поступок — если он совершается по отношению к тому, с кем ты не связан.

Я тщательно проиграла в уме все, что только что произошло с Лиссой, в особенности последние несколько моментов. Серо-голубые глаза смотрели на меня — не на Лиссу.

Не Лисса вышвырнула меня из своей головы.

Эйвери.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Эйвери была пользователем духа.

«Вот дерьмо!»

Я села на постели; мысли вихрем проносились в голове. Я никогда не думала ни о чем подобном. Черт, никто не думал! Эйвери убедительно продемонстрировала, что она пользователь воздуха. Каждый морой имеет относительно невысокий уровень способности управлять любой стихией. Ее уровень доказывал, будто воздух и есть ее специализация. Никто не стал вдаваться в подробности; по правде говоря, кто ожидал, что рядом обнаружится еще один пользователь духа? И поскольку она была не из нашей школы, не было никакой причины подвергать ее испытаниям или даже вообще заставлять демонстрировать свои способности. Ни у кого даже мыслей таких не возникло.

Чем больше я думала об этом, тем больше мелких признаков обнаруживала. Харизматическая личность; у нее способности убедить человека в чем угодно. Интересно, общение с людьми она контролирует с помощью духа? А привязанность Адриана не следствие ли принуждения с ее стороны? Вроде бы у меня нет основания радоваться, если это так, но... я радовалась.

Самое важное: чего Эйвери хотела от Лиссы? Влюбить в себя Адриана — это особая статья. Симпатичный, из могущественной королевской семьи. Внучатый племянник королевы, и, хотя члены королевской семьи правящего монарха сразу же после его ухода не унаследуют трон, Адриана ожидало прекрасное будущее, он всегда будет вращаться в высших кругах общества.

Но Лисса? Какую игру Эйвери вела здесь? Теперь поведение Лиссы приобретало смысл — нехарактерные для нее вечеринки, перепады настроения, ревность, ссоры с Кристианом... Эйвери подталкивала Лиссу к самому краю, заставляя ее совершать ужасные поступки. Использовала особый вид принуждения, добиваясь, чтобы Лисса потеряла контроль над собой, отдаляла ее от тех, кто был ей дорог, подвергала ее жизнь опасности. Зачем? Что хотела Эйвери?

Это не имело значения. Сейчас самое главное — выбраться отсюда. Я оглядела себя сверху донизу. На мне было изящное шелковое платье. Внезапно я возненавидела его как признак слабости. Я торопливо разделась и принялась рыться в шкафу. Джинсы и тенниску у меня забрали, но, по

крайней мере, оставили куртку с капюшоном. Я натянула удлиненный зеленый свитер как самую прочную одежду из имеющегося и почувствовала себя более дееспособной. Поверх надела куртку. Вряд ли я выглядела как крутой воин, но из всего гардероба эти тряпки больше подходили для нынешнего случая. Потом я принялась мерить шагами гостиную, что обычно помогало думать. Правда, не верилось, что меня осенят новые идеи. Я не один день билась над этим, и все без толку. И теперь ничего не изменилось.

— Проклятье! — Воскликнула я.

Выплеснув эмоции, я почувствовала себя лучше. И рухнула в кресло около письменного стола, удивляясь тому, что просто не швырнула его в стену от огорчения.

Кресло покачнулось, совсем немного.

Нахмурившись, я встала и посмотрела на него. Все остальное здесь выглядело безупречным. Странность состояла в том, что кресло явно имело изъян. Опустившись на колени, я обследовала его более тщательно. И вот на одной ножке обнаружилась трещина рядом с сиденьем. Я удивленно уставилась на нее. Вся мебель казалась на диво прочной, сделанной из цельного куска, без очевидных соединений. В этом я убедилась в первый день, когда колотила креслом по стене, но на нем не осталось даже выбоины. Откуда же взялась трещина?

Видимо, я была не единственной, кто швырял это кресло.

В самый первый день, сражаясь с Дмитрием, я побежала за ним с этим креслом. Он вырвал его и швырнул в стену. Больше я не обращала на кресло внимания, решив, что сломать его невозможно. Когда позже пыталась разбить окно, то использовала столик, как предмет более тяжелый. Моей силы оказалось недостаточно, чтобы причинить креслу ущерб, но силы Дмитрия хватило.

Я взяла кресло и ударила им по твердому, как алмаз, стеклу, отчасти надеясь, что, как говорится, смогу одним ударом убить двух зайцев. Ничего подобного. Оба не дрогнули. Тогда я ударила снова.

И снова. Вскоре я перестала считать, сколько раз колотила по стеклу. Руки болели; я чувствовала, что оправилась еще не полностью. Это выводило из себя.

В конце концов, после миллиона попыток, я осмотрела кресло и увидела, что трещина стала больше. Открытие придало мне сил. Я больше не обращала внимания на боль в руках. Спустя долгое время услышала треск — отломилась ножка. Я взяла ее и удивленно оглядела. Разлом оказался не ровным, а расщепленным и острым. Достаточно острым, чтобы

послужить колом? Я не была уверена. Зато имела возможность убедиться, что дерево твердое, и, значит, вложив в удар всю силу, я, возможно, смогу пронзить сердце стригоя. Это не убьет его, но ошеломит точно. Успею ли вырваться отсюда? Этого я не знала. Теперь я располагала хоть чем-то.

Я села на постель, приходя в себя после «сражения» с креслом и снова и снова швыряя свой рукотворный кол. Хорошо. Теперь у меня есть оружие. Но что оно мне дает? Перед моим внутренним взором возникло лицо Дмитрия. Проклятое лицо. Теперь все сомнения в этом отпали. Он — вот цель, которая напрашивалась сама собой, первый, с кем нужно разобраться.

Внезапно дверь открылась, и я настороженно подняла взгляд. Поспешно затолкала сломанное кресло в темный угол, чувствуя, как меня накрывает волна паники. Нет-нет, я еще не готова. Я пока не убедила себя заколоть его...

Это оказалась Инна, как обычно, с подносом в руках и раболепным выражением лица. Тем не менее быстрый взгляд, который она бросила на меня, полыхал ненавистью. Не знаю, что ее так бесило; я ведь не причинила ей вреда.

Я подошла к ней как бы с намерением осмотреть поднос. Подняв крышку, я увидела бутерброд с ветчиной и картошку фри. Выглядело хорошо — я ведь давно не ела, — но бегущий в крови адреналин вытеснил аппетит на задний план. Я подняла на Инну взгляд, приветливо улыбаясь. Ее глаза буравили меня.

«Никаких колебаний», — всегда повторял Дмитрий.

Я и не колебалась. Набросилась на Инну, с такой силой швырнув на пол, что она ударилась затылком. В первый момент она выглядела ошеломленной, но быстро пришла в себя и попыталась дать мне отпор. Однако на этот раз я не была одурманена — ну, разве совсем чуть-чуть, — в конце концов годы обучения и моя природная сила снова проявили себя. Я навалилась на нее всем телом, лишив возможности двигаться, после чего достала рукотворный кол, который до этого прятала, и приставила острый кончик к ее горлу.

Все происходило как в те дни, когда в темных проулках я прижимала к земле стригоев. Она не могла видеть, что мое оружие — всего лишь ножка кресла, но когда я надавила острым концом на ее горло, она, без сомнения, почувствовала это. Что уж она подумала, мне неведомо.

— Код, — сказала я. — Какой код?

Единственным ответом мне был град непристойностей на русском. Ладно, ничего удивительного, учитывая, что, скорее всего, она не поняла

меня. Я мысленно пролистала ограниченный англо-русский словарь в своем сознании. Я провела в этой стране достаточно долго, чтобы хоть немного пополнить словарный запас. По правде говоря, он был на уровне двухлетнего ребенка, однако даже они в состоянии выразить свои мысли.

— Цифры, — сказала я по-русски. — Дверь.

Я надеялась, что произнесла именно эти слова.

Она не прекратила поток брани. Пришлось нажать колом посильнее; проступила кровь, и я сдержала себя. Может, я и сомневалась, хватит ли у меня сил проткнуть колом сердце стригоя, но вену человека? Запросто. Она слегка заколебалась, по-видимому тоже осознав это.

И снова я прибегла к своему ломаному русскому.

— Убью тебя. Никакого Натана. Никакой... — Какие это слова? Вспомнилась церковная служба, и я понадеялась, что говорю правильно. — Никакой вечной жизни.

Это привлекло ее внимание. Натан и вечная жизнь. То, что для нее важнее всего. Она прикусила губу, все еще в ярости, но, по крайней мере, никаких тирад не последовало.

— Цифры. Дверь, — повторила я и посильнее вдавила кол.

Она вскрикнула от боли.

И наконец, заговорила, отбарабанив серию цифр. Русские цифры я, по крайней мере, выучила хорошо, поскольку они существенны с точки зрения адресов и телефонных номеров. Она назвала семь цифр.

— Снова, — сказала я и заставила ее повторить их три раза. Но этим дело не ограничилось. Я была уверена, у внешней двери другой код. — Цифры. Дверь. Два.

Я ощущала себя пещерным человеком. Инна смотрела на меня, не въезжая.

— Дверь. Два.

В ее глазах мелькнуло понимание, и она разозлилась. Наверно, надеялась, что мне неизвестно о коде внешней двери. Пришлось снова пустить ей кровь, и она выкрикнула другие семь цифр. И снова я заставила повторить их. Я понимала, у меня нет способа понять, правду ли она говорит, пока я не проверю цифры на деле. И я решила держать ее при себе.

Меня кольнуло чувство вины из-за вынужденного насилия. Но куда денешься? Я была в отчаянном положении. Как будущих стражей, нас учили и убивать, и выводить из строя. На этот раз я сделала последнее, стукнув ее затылком о пол с такой силой, что она потеряла сознание. Лицо у девушки расслабилось, веки опустились. Проклятье! Обстоятельства вынуждали меня причинить вред совсем молодой человеческой женщине.

Я встала, подошла к двери и нажала первый набор цифр, надеясь, что они правильные. К моему полному и искреннему изумлению, так и оказалось. Щелкнул электронный замок, но, прежде чем я успела открыть дверь, послышался другой щелчок. Кто-то отпер внешнюю дверь.

— Дерьмо, — пробормотала я.

Метнулась прочь от двери, подхватила бесчувственное тело Инны и оттащила в ванную комнату. Бережно прислонила к самой ванне и только-только успела закрыть за собой дверь, как услышала, что открывается главная дверь в комнату. Накатила тошнота — признак приближения стригоя. Я знала, стригой в состоянии унюхать человека, но оставалось надеяться, что не через закрытую дверь. Выйдя из коридора, я обнаружила в гостиной Дмитрия. Улыбнулась, бросилась к нему и воскликнула радостно:

— Ты вернулся!

Он быстро обнял меня и тут же отстранился.

— Да. — Похоже, мое приветствие было приятно ему, но лицо приняло деловое выражение. — Ты приняла решение?

Ни тебе «привет». Ни «как ты себя чувствуешь?» Сердце упало. Это был не Дмитрий.

— У меня есть еще вопросы.

Я подошла к постели и легла, как обычно. Он присел на краю, глядя на меня.

— Сколько времени это займет? — Спросила я. — В смысле, пробуждение? Это произойдет мгновенно?

И снова посыпались вопросы. Честно говоря, они у меня иссякли, и на этом этапе я совсем не интересовалась подробностями бытия стригоев. С каждым моментом я волновалась все больше и больше. Нужно действовать. Я должна использовать ту призрачную возможность, которую имею.

И все же мне требовалось убедить себя, что на самом деле это не Дмитрий. Глупость, конечно. Я уже понимала это. Видела физические изменения. Видела холодность и жесткость. Видела его со следами крови на губах после очередного убийства. Это не тот человек, которого я любила. Но...

Вздохнув, Дмитрий растянулся рядом.

— Роза, — прервал он меня, — если бы я не знал тебя хорошо, то решил бы, что ты тянешь время.

Даже став стригоем, Дмитрий понимал мой образ мысли. Я осознала, что, если хочу выглядеть убедительно, пора перестать разыгрывать дурочку и начать вести себя как Роза Хэзевей.

Я придала лицу возмущенное выражение.

— Конечно тяну! Это же не пустяк. Я пришла сюда, чтобы убить тебя, а теперь ты просишь стать такой, как вы. Думаешь, это легко для меня?

— А легко для меня — ждать так долго? — Парировал он. — Выбор имеют лишь морои, которые по доброй воле совершают убийство, как Озера. Больше никто не получает право выбора. У меня не было права выбора.

— И ты об этом не сожалеешь?

— Теперь нет. Теперь я тот, кем мне было предопределено стать. — Он нахмурился. — Мою гордость уязвляет одно — меня пробудил Натан, а теперь он ведет себя так, будто я в долгу перед ним. Вот почему я был достаточно добр и оставил за тобой свободу выбора — ради твоей гордости.

Добр. Я смотрела на него и снова чувствовала, что мое сердце разлетается на тысячу осколков. Будто снова узнала о его смерти. Внезапно я испугалась, что не выдержу и расплачусь. Нет. Никаких слез. Дмитрий неустанно твердил о жертвах и хищниках. Я должна стать хищником.

— Ты потеешь, — внезапно сказал он. — Почему?

Черт, черт, черт! Конечно, я потела. Я замышляла заколоть человека, которого люблю — или думала, что люблю. И без сомнения, я не только потела, но и испускала феромоны смятения, которые стригой тоже мог унюхать.

— Потому что боюсь, — прошептала я, приподнялась и провела рукой по его лицу, стремясь запомнить все черты.

Глаза. Волосы. Форму скул.

Мысленно я подправляла все в соответствии со своими воспоминаниями. Темные глаза. Смуглая кожа. Располагающая улыбка.

— Я почти готова.

— Это окажется лучшим решением в твоей жизни, Роза.

Мое дыхание участилось. Я молила Бога, чтобы он подумал — это от страха перед обращением.

— Повтори. Лишь раз. Зачем тебе пробуждать меня?

Тень скуки пробежала по его лицу.

— Потому что я хочу тебя. Я всегда хотел тебя.

И вот тут-то я в конце концов поняла суть проблемы. Он снова и снова давал мне тот же ответ, и каждый раз что-то в его словах беспокоило меня. Но раньше мне не удавалось уловить смысл этого беспокойства. Теперь удалось. Он хотел меня. Будто я имущество или гвоздь коллекции. Дмитрий, которого я знала... тот, которого любила и с кем спала... тот

Дмитрий сказал бы, что любит меня. Здесь же не было и намека на любовь.

Я улыбнулась, наклонилась и нежно поцеловала его. Он, наверно, подумал, будто я сделала это по той же причине, что всегда, — движимая влечением и желанием. На самом деле это был прощальный поцелуй. Его губы были теплыми и жаждущими. Я слегка затянула поцелуй — потому что сражалась с подступающими слезами и хотела, чтобы он как можно дольше ничего не заподозрил. Рукой я стиснула ножку кресла, которую записнула в карман куртки.

Я знала, что никогда не забуду Дмитрия, сколько бы ни прожила на свете. И на этот раз я не забуду его уроков.

С неожиданной быстротой я вскинула руку и вонзила кол ему в грудь. Моя сила вернулась — кол проскользнул между ребер прямо в сердце.

Я как будто одновременно пронзала собственное сердце.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Он потрясенно распахнул глаза и раскрыл рот. Увы, кол не серебряный, чтобы проткнуть сердце, необходима твердость руки, как если бы я наносила смертельный удар. В конце концов, пришло время смириться со смертью моего Дмитрия. Того, который стал стригоем. У нас нет будущего. Я не стану такой, как он. Промелькнула малодушная мысль остановиться и лечь рядом с ним, хотя бы посмотреть, что произойдет дальше. Когда удивление прошло, его лицо застыло и дыхание замерло, создавая иллюзию смерти. Меня это не проведет. Я уже видела такое. У меня не больше пяти минут, пока он исцелит себя и стряхнет оцепенение. Нет времени горевать о том, что было и что могло бы быть.

Я обыскала его. Нашла связку ключей, немного денег. Сунула ключи в карман, а деньги хотела оставить, но потом подумала, что они могут мне понадобиться — на тот случай, если я сумею сбежать отсюда. Мою наличность отобрали сразу же по прибытии сюда. Заодно прихватила кое-что из драгоценностей. В крупных российских городах найти покупателя на такие вещи не составит труда.

Если я доберусь до вышеупомянутого города. Я встала с постели и бросила на Дмитрия последний, исполненный боли взгляд. Несколько слезинок скатились по щеке. Большого я не могла себе позволить. Позже будет время оплакать его — если суждено. На мгновение взгляд задержался на оружии. Хотелось взять его с собой; как-никак, другого нет. Если я вытащу кол, Дмитрий придет в себя примерно через минуту, а мне определенно потребуется больше времени. Я со вздохом отвернулась, надеясь, что где-нибудь сумею найти другое оружие.

Рванула к двери и снова набрала код. Послышался щелчок, я вышла в коридор. Прежде чем подойти ко второй двери, я осмотрела первую. Со стороны коридора имелась вторая цифровая клавиатура; для входа тоже требовался код. Закрыв дверь, я со всей силой несколько раз ударила по клавишам и била до тех пор, пока крошечный красный огонек на ней не погас. Я не знала, повлияет ли это на замок на внутренней стороне, но в кино герои всегда повреждают электронные замки, и это срабатывает.

Теперь я занялась наружной дверью, попытавшись вспомнить второй набор цифр, названный мне Инной. Они не так прочно запечатлелись в памяти, как первые. Я нажала семь кнопок. Красный огонек продолжал гореть.

— Вот черт!

Может, конечно, она обманула меня, но я больше грешила на свою память. Я предприняла новую попытку, понимая, что в моем распоряжении ровно столько времени, сколько останется до появления Дмитрия. Красный огонек вспыхнул снова. Какие там цифры? Я попыталась визуализировать их в сознании и в конце концов пришла к выводу, что не уверена относительно двух последних. Снова набирая код, я переставила их. Вспыхнул зеленый огонек, и дверь открылась.

Конечно, снаружи обнаружилась система безопасности другого рода. Стригой. И не какой-нибудь стригой, а Марлен, тот, которого я пыталась проулке. Тот, который ненавидел меня, поскольку я опозорила его в глазах Галины. Его приставили караулить меня, и он явно скучал. Мое появление привело его в состояние шока.

В результате я имела эффект неожиданности, пусть совсем недолгий. Сначала я хотела просто врезаться в него со всей силой, но понимала, что он, скорее всего, поступит точно так же по отношению ко мне. Что он и сделал.

Поэтому я осталась стоять на месте, придерживая дверь. Он кинулся на меня, я сделала шаг в сторону и распахнула дверь шире. Конечно, я не рассчитывала заманить его внутрь — для этого мне не хватало умения, а ему глупости. Он остановился в дверном проеме и, пытаясь удержаться, ухватился за меня. Теперь предстояло затащить его в коридор за дверью и отцепить от себя. Я сделала шаг назад, надеясь, что он последует за мной. Все это время я держала дверь открытой, поскольку знала, что у меня не хватит времени снова набрать код.

Мы боролись в ограниченном пространстве. Больше всего мне повезло с тем, что Марлен был совсем молодым стригоем. Что неудивительно — Галина хотела, чтобы ближайшие приспешники полностью находились в ее власти. Конечно, сила и скорость стригоя компенсировали недостаток опыта. Однако тот факт, что прежде он был мороем, а значит, боевым искусствам не обучен, — еще одно очко в мою пользу. Дмитрий был чертовски крутым стригоем, потому что до обращения прошел обучение, а этот парень нет.

Марлен нанес мне два удара, один в опасной близости от глаза, а второй в живот, отчего у меня на мгновение вышибло дух. Но в основном я успешно увертывалась от его ударов, что, похоже, разъярило его. Чтобы тебя, стригоя, одолела в схватке девчонка-недоросль... В какой-то момент я даже сумела сделать ложный выпад, а потом неожиданно ударила ногой — что оказалось легче, чем я ожидала, в длинном-то свитере, — отбросив его

на несколько шагов. При этом рукой я все время продолжала придерживать дверь. Когда он отлетел, я выскользнула из коридора в вестибюль и попыталась закрыть за собой дверь. К несчастью, он уже ломился в нее. Я пыталась ногами отпихнуть его от двери, а руками закрыть ее. Так мы боролись какое-то время, и — спасибо удаче, не отвернувшейся от меня! — я сумела прикрыть дверь таким образом, что в проеме торчала лишь его рука. Собрав всю свою силу, я одним мощным движением потянула дверь на себя, ударив его по запястью. В какой-то степени я ожидала, что отрубила руку Марлена и она упадет на пол, но даже стригои обладают инстинктом самосохранения, и он успел отдернуть ее.

Тяжело дыша — я еще не полностью восстановила физическую форму, — я попятилась. Если он знает код, то все без толку. Спустя мгновение дверная ручка повернулась, но дверь не открылась. Послышался крик ярости, потом он заколотил кулаками по двери.

Еще очко мне. Нет, еще очко удаче. Если бы он знал код, я была бы...

Трах! Марлен продолжал колотить в дверь, и в металлической поверхности появилась крошечная выбоина.

— Ох, дерьмо!

Я решила не смотреть, сколько ударов ему потребуется, чтобы сломать дверь. Я понимала также, что, даже если покалечила первый замок, Дмитрий запросто разнесет ее в пух и прах. Дмитрий...

Нет. Никаких мыслей о нем — сейчас недопустимо.

И я побежала через фойе к лестнице, по которой мы раньше спускались с Дмитрием. При этом в сознании всплыло неожиданное воспоминание. Когда Дмитрий в прошлый раз угрожал Натану, он упоминал, что заберет мой кол из хранилища. Что за хранилище? Где оно? Здесь, в особняке? Пусть так, но у меня точно нет времени искать его. Если приходится выбирать между тем, чтобы обыскивать четырехэтажный, полный вампиров дом, и бегством, лучше второе.

Прокручивая в голове свои шансы, я неслась по ступенькам, пока наверху лестницы не наткнулась на человека. Он был старше Инны и нес стопку белья, которую уронил, когда мы столкнулись. Я схватила его и впечатала в стену. Чем пригрозить ему? Оружия у меня нет, но, как выяснилось, оно и не понадобилось. Едва я прижала его к стене, он, как бы защищаясь, вскинул руки и жалобно залопотал что-то по-русски. Нападать на меня он уж точно не собирался.

Конечно, теперь возникла проблема, как объясниться с ним. Марлен все еще колотил в дверь, через пару минут придет в себя Дмитрий. Я злобно уставилась на человека, рассчитывая хорошенько запугать его. Судя

по выражению его лица, это мне удалось. Я снова, как с Инной, прибегла к языку «пещерного человека»... вот только на этот раз донести свою мысль оказалось труднее.

— Палка, — сказала я по-русски, понятия не имея, как у них называется кол. Сунула ему под нос серебряное кольцо на пальце и сделала рубящее движение рукой. — Палка. Где?

Он таращился на меня в полном недоумении, а потом на чистом английском спросил:

— Почему ты так говоришь?

— О господи! — Воскликнула я. — Где хранилище?

— Хранилище?

— Место, где хранят оружие?

Он продолжал таращиться на меня.

— Я ищу серебряный кол.

— А-а... Это.

Он бросил тревожный взгляд в том направлении, откуда доносились удары.

Я сильнее прижала свою жертву к стене. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, но я постаралась скрыть это. Пусть мужик считает меня неукротимой.

— Не обращай внимания. Отведи меня в хранилище. Немедленно!

Испуганно взвизгнув, он истово закивал и поманил меня вниз по лестнице. Мы спустились на второй этаж, затем резко свернули. Коридоры, украшенные золотом и люстрами, были такие же извилистые, как лабиринт из живой изгороди, который показывал мне Дмитрий, и я невольно спрашивала себя, сумею ли вообще выбраться из дома. Делать такой крюк было рискованно, но я сомневалась, что сумею покинуть дом до того, как за мной бросятся в погоню. А раз так, предстояла стычка, и мне требовалось оружие для защиты.

Один коридор, второй... Наконец мы добрались до двери, ничем не отличающейся от любой другой. Он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— Открывай, — приказала я.

Он покачал головой.

— У меня нет ключа.

— Уж у меня-то его точно нет... хотя постой-ка.

Я сунула руку в карман и достала ключи, которые забрала у Дмитрия. Их было пять. Третий подошел, и дверь открылась.

Тем временем мой проводник торопливо оглядывался, явно готовясь

дать деру.

— Даже не помышляй об этом, — предупредила я.

Он побледнел и замер. Комната перед нами была не очень велика, и, хотя белый плюшевый ковер и картины в серебряных рамах придавали ей изящный вид, по существу она больше напоминала свалку. Куча разных вещей.

— Что это?

— Магия. — Судя по всему, от страха он плохо соображал. — Магические предметы. Их хранят здесь, чтобы магия ослабела или разрушилась.

Магия... Это вещи, заколдованные моройской магией. Амулеты и прочее в этом духе всегда воздействовали на стригоев — как правило, не самым приятным образом, — и колы особенно, поскольку при их изготовлении используются все четыре стихии. Понятно, почему стригои пожелали изолировать губительные предметы и избавиться от...

— Мой кол!

Я метнулась вперед и схватила его, едва не выронив из потных рук. Кол лежал наверху коробки с куском ткани и какими-то странными камнями. Приглядевшись, я поняла, что на самом деле это не мой кол — хотя какая разница, каким убивать стригоя? Он почти идентичен моему, за исключением небольшого геометрического узора вокруг основания. Так поступали некоторые стражи, если особо дорожили своим колом: наносили на него узор или свои инициалы. Взяв в руки кол, я ощутила прилив печали — когда-то он принадлежал тому, кто с гордостью владел им, а сейчас почти наверняка мертв. Один бог знает, сколько еще колов хранилось здесь, отобранных у других незадачливых пленников. Однако у меня не было времени заниматься поисками и оплакивать мертвых.

— Ладно, теперь отведи меня в... — Я заколебалась. Даже с колом лучше бы мне не сталкиваться со стригоями. Надо полагать, у передней двери по-прежнему дежурит охранник. — В какую-нибудь комнату на этом этаже с окном, которое можно открыть. И подальше от лестницы.

Мужик на мгновение задумался и кивнул.

— Вон туда.

Мы пошли еще одним лабиринтом извивающихся коридоров.

— Как тебя зовут?

— Олег.

— Знаешь... я собираюсь выбраться отсюда и, если хочешь... если хочешь, могу взять тебя с собой.

Тащить с собой еще кого-то — в особенности человека — настоящая

обуза. Тем не менее совесть не позволяла мне бросить его здесь.

Он бросил на меня недоверчивый взгляд.

— С какой стати мне уходить отсюда?

Сидни определенно права насчет того, что ради бессмертия люди готовы пойти на любые жертвы. Олег и Инна — живое тому доказательство.

Мы завернули за угол и оказались перед застекленной красивой двустворчатой дверью. Сквозь травленое стекло виднелись тянущиеся вдоль стен полки с книгами. Библиотека — на мой взгляд, огромная, без конца и края. Но главное, я разглядела прямо напротив двери большой эркер, со свисающими по бокам занавесками цвета крови.

— Прекрасно, — бросила я, открывая дверь.

И тут на меня накатила тошнота. Мы были в помещении не одни.

Галина вскочила с кресла рядом с камином, в дальнем конце комнаты. С ее колен упала книга. Не было времени задумываться о том, что стригой читает, сидя у огня, потому что она прямиком устремилась ко мне. Мелькнула мысль, что Олег подставил меня, приведя сюда, но он трусливо забился в угол, с тем же выражением шока на лице, который испытывала я. Несмотря на огромные размеры библиотеки, Галина в считанные секунды оказалась рядом со мной.

Я ускользнула от ее первой атаки — или, по крайней мере, попыталась. Ух, как она была быстра! Если не считать Дмитрия, все другие стригои в этом доме явно уступали ей, и я забыла, какими крутыми бывают подлинно опытные стригои. Схватив за руку, она дернула меня к себе, открыв рот и обнажив нацеленные на мою шею клыки. Я весьма неуклюже попыталась хотя бы оцарапать ее колом, но она слишком плотно прижимала меня к себе. Наконец я сумела слегка наклониться, так что мое горло оказалось вне пределов ее досягаемости, но она вцепилась мне в волосы, и я вскрикнула от боли. Удивительно, что она вообще не вырвала их с корнем. Не отпуская моих волос, она оттолкнула меня к стене.

Когда, впервые попав сюда, я сражалась с Дмитрием, он действовал жестко, но не хотел убивать меня. Галина хотела. Она поверила Дмитрию, что я буду ценным вкладом, но теперь стало очевидно, что на самом деле я настоящее шило в заднице. Ее попустительству пришел конец, и она собиралась убить меня. Единственное утешение — что она вряд ли станет превращать меня в стригоя. Для нее я просто ланч.

Внезапный вскрик привлек мое внимание к двери. Там стоял Дмитрий, кипя от ярости. Все мои иллюзии о нем исчезли. Он просто излучал бешенство — глаза прищурены, клыки обнажены. Бледная кожа и красные

глаза резко контрастировали друг с другом. Бррр! Демон, посланный прямо из ада, чтобы уничтожить меня. Он большими шагами устремился к нам, и я подумала: *«Ну, по крайней мере, теперь все закончится гораздо быстрее»*.

Вот только... он напал не на меня, а на Галину.

Трудно сказать, кто из нас больше удивился, но обо мне моментально забыли. Стригои метнулись друг к другу, а я замерла, завороченная ужасающей красотой их схватки. Это выглядело почти грациозно — то, как они двигались, как наносили удары и увертывались от них. Я посмотрела какое-то время, а потом мысленно дала себе шлепок — дескать, шевелиться! Вот он, мой шанс вырваться отсюда. Нельзя отвлекаться.

Я повернулась к эркеру, лихорадочно ища способ открыть его. Ничего.
— Сукин сын!

Может, Олег все же сознательно заманил меня сюда. Или я просто не вижу, где спрятан механизм. По-видимому, существовал единственный способ открыть окно.

Я бросилась в ту часть комнаты, где раньше сидела Галина, и схватила резное деревянное кресло. Было ясно, что окно сделано не из того непробиваемого стекла, как в моей комнате. Стекло напоминало то, которое стояло в двустворчатой двери библиотеки, только затемнено, хотя и украшено причудливыми резными узорами. Может, его не так уж трудно разбить. После того как я без всякого толку пыталась разбить окно в своей комнате, я грохнула креслом по стеклу со всей силой, на какую оказалась способна. Удар разнес преграду, во все стороны полетели осколки. Некоторые попали в лицо, но до того ли мне сейчас было?

За моей спиной сражение бушевало все яростнее. Мычание, приглушенные вскрики, звуки разлетающейся на куски мебели. Мне ужасно хотелось обернуться и посмотреть, что происходит, но я не могла себе этого позволить. Взяла кресло и нанесла удар по другой половине окна. Теперь дыра была достаточной величины, чтобы я могла пролезть в нее.

— Роза!

Голос Дмитрия вызвал во мне инстинктивный отклик. Я обернулась и увидела, что он все еще боролся с Галиной. Оба явно вымотались, но было очевидно, что он в худшем состоянии. Однако я заметила, что, сражаясь с Галиной, он пытается развернуть ее грудью ко мне. Наши взгляды встретились. Когда он был вампиром, мы часто без слов понимали друг друга. То же произошло и сейчас. Я поняла, чего он хотел от меня. Он хотел, чтобы я заколола ее.

Я знала, что не следует этого делать, лучше прямо сейчас выпрыгнуть из окна. Пусть они себе сражаются, пусть Галина побеждает. И все же... вопреки дурным предчувствиям какая-то сила потащила меня через всю комнату, с колом в вытянутой руке. Может, все дело в том, что полностью Дмитрий так и не утратил для меня своей привлекательности, каким бы монстром он ни стал. Может, это было бессознательное чувство долга — ведь он только что спас мне жизнь. Или я просто понимала, что сегодня ночью одному из этих двух стригоев предстоит умереть, а Галина представляла большую опасность.

Правда, удерживать ее было нелегко. Быстрая, сильная, она продолжала вырываться и пыталась атаковать его. Ей требовалось одно — на какое-то время вывести его из строя, как сделала я; потом она обезглавила бы его или сожгла. Не сомневаюсь, и то и другое было ей по силам.

Он тем не менее сумел слегка развернуть Галину, открыв для меня ее грудь. Я ринулась вперед — и тут Дмитрий врезался в меня. На мгновение я совсем растерялась — с какой стати он вдруг напал на меня после того, как спас? Однако тут же я сообразила, что его толкнули, и сделал это Натан. Он только что вошел в библиотеку вместе с Марленом. Это отвлекло Дмитрия, но не меня. Галина все еще была хорошей мишенью, и я вонзила кол ей в грудь. Не так глубоко, как хотелось бы, и она продолжала сопротивляться. Я состроила гримасу и надавила сильнее, зная, что серебро возымеет действие. Спустя мгновение ее лицо исказилось от боли. Она пошатнулась, и я, воспользовавшись преимуществом, вогнала кол на всю длину. Через несколько секунд она перестала дергаться, и ее тело бесформенной грудой сползло на пол.

Если остальные стригои и заметили ее смерть, то не уделили этому факту никакого внимания. Натан и Марлен полностью сосредоточились на Дмитрие. Вскоре в схватке приняла участие незнакомая мне женщина, тоже стригои. Выдернув кол из тела Галины, я медленно попятилась к окну, надеясь, что дерущимся не до меня. Сердце рвалось к Дмитрию — противники превосходили его численно, и я могла помочь ему...

Ударившись спиной о подоконник, я выглянула наружу. Ночь. Плохо. Вертикальная внешняя стена особняка тоже не слишком подходила для спуска. Такая акробатика требовала много времени. Прямо под окном росли густо усыпанные листьями кусты. Как следует разглядеть их не представлялось возможным; оставалось надеяться, что это не розы. С другой стороны, прыжок со второго этажа меня не убьет. Скорее всего, я вообще не пострадаю... разве что немного.

Я взобралась на карниз и на мгновение встретила с Дмитрием взглядом. Остальные стригои наступали на него. В памяти всплыли слова Дмитрия: «*Никаких колебаний!*» Один из главных его уроков, но не самый главный. Самый главный относился к ситуации, когда противник превосходит числом и остается один-единственный вариант: «*Беги!*»

Да, теперь самое время бежать.

Я выпрыгнула из окна.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Наверно, ругательства, которые я выкрикнула, ударившись о землю, были понятны на любом языке. До чего же больно!

Сами кусты не особенно кололись, но и мягкими не были. Ну, как бы то ни было, они замедлили мое падение, но не помешали подвернуть ногу в щиколотке.

— Дерьмо! — Пробормотала я сквозь стиснутые зубы, поднимаясь на ноги.

Что-то часто мне приходится ругаться в России. Перенеся вес на пострадавшую ногу, я почувствовала боль, но стоять могла. Растяжение, слава богу, а не перелом. Тем не менее, даже такое повреждение замедлит побег.

Я заковыляла прочь, стараясь ускорить шаг, не обращая внимания на боль. Передо мной извивался дурацкий лабиринт из живой изгороди, которым я так восхищалась во время прогулки по саду. Небо затянули облака, но вряд ли лунный свет помог бы продираться сквозь такую массу веток и листьев. Нет смысла это делать, лучше добрести до конца изгороди и попросту обойти ее.

К несчастью, практически обойдя дом, я обнаружила печальную истину: живая изгородь была везде, окружала особняк наподобие средневекового рва. Бесило то, что вряд ли Галина устроила ее в интересах самозащиты. Скорее всего, ею руководило чисто эстетическое соображение, в результате чего в особняке появились хрустальные люстры и старинные картины.

Я выбрала место наобум, протиснулась в лабиринт и двинулась по нему. Повсюду лежали тени, мешая разглядеть тупики. Кусты были настолько высоки, что, войдя в лабиринт, я уже не видела крышу дома. Если бы она могла служить мне своего рода маяком, я просто постаралась бы двигаться по прямой линии (или почти по прямой) от нее.

А так неизвестно — может, я возвращаюсь к дому или хожу кругами? В какой-то момент создалось впечатление, что мимо вот этой шпалеры с жасмином я проходила уже три раза. Я попыталась вспомнить рассказы о том, как люди выбирались из лабиринтов. Что они использовали? Крошки хлеба? Нить? Черт его знает. Время шло, щиколотка болела все сильнее, и я начала терять мужество. Подумать только! Далеко не в лучшей форме я сумела убить стригоя, но не могу выбраться из каких-то дурацких кустов.

Стыд какой!

— Роза! — Издалека прилетел с ветром голос.

Я замерла. Нет. Это невыносимо. Дмитрий. Он уцелел.

— Роза, я знаю, что ты здесь, — крикнул он. — Я чувствую твой запах.

Может, блефует? Он был слишком далеко, чтобы на меня накатила тошнота, и воздух перенасыщен запахами цветов. Как он может учуять мой запах, пусть даже я сильно вспотела? Он обманывает меня, чтобы я выдала свое местоположение.

Вновь исполнившись решимости, я зашагала к следующему повороту, молясь о том, чтобы обнаружился выход.

«Ладно, Господи, — думала я. — Выведи меня отсюда, и я перестану относиться к Тебе так легкомысленно, как раньше. Ты уже провел меня мимо целой шайки стригоев. В смысле, заманить того в ловушку между дверями никак не должно было получиться. Выходит, без Тебя тогда точно не обошлось. Дай мне выбраться отсюда, и я... ну, не знаю. Пожертвую деньги Адриана бедным. Крещусь. Уйду в монастырь. Нет. Только не последнее».

Дмитрий продолжал взывать ко мне.

— Я не стану убивать тебя, если ты сдашься. Клянусь! Ты ради меня уничтожила Галину, и теперь я тут главный. Это произошло чуть раньше, чем было задумано, но ничего страшного. Конечно, теперь, когда Натан и остальные мертвы, тут, собственно, и командовать-то почти нечем, но это поправимо.

Невероятно! Он сумел справиться со значительно превосходящими его силами. Живой или не-мертвый, бывший страж Беликов был поистине крут. Как он мог одолеть тех троих? И тем не менее... Мне уже приходилось видеть раньше, как он побеждал при подавляющем неравенстве сил. И вот оно, доказательство его поразительных способностей — то, что он здесь.

Путь впереди раздваивался, и я наугад свернула вправо. Дорожка уходила далеко во тьму, и я испустила вздох облегчения. Удача. Несмотря на его беззаботный тон, я знала, что он тоже идет по лабиринту, подбираясь все ближе и ближе. И в отличие от меня он хорошо изучил его и знал, как выбраться.

— Я не сержусь и за то, что ты напала на меня. На твоём месте я поступил бы точно так же. Просто это ещё одна причина, почему мы должны быть вместе.

За следующим поворотом обнаружился тупик, заросший вьющимся луноцветом. Я мысленно выругалась и повернула обратно.

— Ты, однако, по-прежнему опасна. Если я найду тебя, то, скорее всего, вынужден буду убить. Я не хочу этого, но начинаю склоняться к мысли, что нам обоим нет места в этом мире. Выйди ко мне добровольно, и я пробужу тебя. Мы вместе будем править империей Галины.

Я чуть не рассмеялась. Даже если бы я захотела найти его, то не сумела бы сделать этого в такой-то путанице. Обладай я этой возможностью, я бы...

Живот слегка свело. Ох, нет! Он подобрался еще ближе. Интересно, он понимает это? Я не знала точно, как сила тошноты связана с расстоянием, но это не имело особого значения. Он был слишком близко, и точка. Как близко он должен подойти, чтобы действительно унюхать меня? Услышать шуршание моих шагов по траве? Каждое мгновение приближало его к победе. Стоит ему найти мой след, и я пропала. Сердце заколотилось сильнее, чем раньше, прилив адреналина обезболил щиколотку, хотя я по-прежнему шла медленнее, чем обычно.

Еще один тупик, и я снова повернула обратно, пытаюсь успокоиться, потому что понимала: паника сделает меня неосторожной и невнимательной. Тошнота увеличивалась.

— Даже если ты выберешься отсюда, куда ты пойдешь? — Взывал Дмитрий. — Мы в самом центре пустынной местности.

Его слова действовали как яд, просачивающийся сквозь кожу. Если не сумею абстрагироваться от них, страх победит и я сдамся. Скорчусь где-нибудь в уголке, он найдет меня и вряд ли сохранит жизнь. Еще несколько минут, и я, возможно, буду мертва.

За поворотом влево обнаружилась еще одна стена глянцевитых зеленых листьев. Я быстро обошла ее, двинулась в противоположном направлении и увидела... поле.

Бескрайнее пространство травы распростерлось передо мной; вдали виднелись небольшие группки деревьев. Вопреки всему, я сделала это! К несчастью, тошнота усилилась. На таком близком расстоянии он наверняка знал, что я здесь. Я повела взглядом по сторонам и убедилась в правоте его слов. Мы находились в центре обширной пустынной местности. Куда идти? Я понятия не имела, где мы.

Вот оно! Слева от себя я увидела над горизонтом слабое багровое свечение, которое заметила еще той, первой ночью. Тогда я не поняла, что это такое, но теперь знала. Это были огни города, скорее всего, Новосибирска — если именно там банда Галины проворачивала свои дела. Пусть не Новосибирск, все равно цивилизация. Люди. Безопасность. Мне могут оказать помощь.

Наконец я рванула с места и побежала со всей возможной скоростью, стуча ногами по твердой земле. Эти удары с каждым шагом отдавались болью в ногу, и тут даже адреналин не помогал. Впрочем, щиколотка держалась. Я не падала и даже по-настоящему не хромала. Дышала тяжело, неровно и все еще чувствовала слабость в теле от того, через что пришлось пройти. Да, впереди замаячила цель, но я понимала, что до города еще мили и мили.

И все время усиливалась тошнота. Дмитрий догонял. Наверно, сейчас он тоже вышел из лабиринта, но я не рискнула оглянуться. Просто продолжала бежать в направлении багрового свечения у горизонта, хотя на пути уже вырастала роща. Может быть — может быть! — я смогу в ней укрыться.

«До чего же ты глупая! — Промычал голосок в сознании. — От него нигде не укрыться».

Добежав до редкого ряда деревьев, я ненадолго остановилась, прижавшись к большому стволу и хватая ртом воздух. Решилась в конце концов оглянуться, но не увидела ничего. В отдалении мерцал огнями дом, окруженный темной массой лабиринта живой изгороди. В животе хуже не стало; может, мне удалось обмануть Дмитрия? В лабиринте несколько выходов; он не знал точно, из какого я вышла.

После короткой передышки я побежала дальше, ориентируясь на проглядывающее между ветвями деревьев свечение. Определенно Дмитрий найдет меня, это лишь проблема времени. Щиколотка не позволяла ускорить бег. Пытаться убежать от него — это вообще иллюзия. Оставшиеся с прошлой осени листья хрустели под ногами, но я не могла позволить себе обходить их. И стоило ли думать о том, сможет Дмитрий меня унюхать или нет? Меня выдавал шум.

— Роза! Клянусь, еще не поздно.

Черт! Его голос звучал совсем рядом. Я принялась лихорадочно оглядываться, но не разглядела его. Впрочем, раз он все еще взывал ко мне, значит, тоже меня не видел. Дымка над городом по-прежнему оставалась моей путеводной звездой, но меня отделяли от него деревья и тьма. Внезапно на память пришла одна женщина, Таша Озера, тетя Кристиана, очень значительная личность, предтеча возникшего в среде мороев движения за то, чтобы они научились сражаться со стригоями.

— Если всего только отступать и отступать, то нас загонят в угол, — говорила она когда-то. — А ведь можно не ждать, выйти из тени и встретить врага там и тогда, где и когда сами изберем. Не они.

«Ладно, Таша, — подумала я. — Давай посмотрим, останусь ли жива,

если последую твоему совету».

Оглянувшись, я заметила дерево с ветвями, до которых могла дотянуться. Сунув кол в карман, я ухватила за самую нижнюю ветку и полезла наверх. Щиколотка ныла, но если не считать этого, ветвей для прочного упора хватало. Я карабкалась до тех пор, пока не нашла толстую, прочную ветку, которая, как мне показалось, способна выдержать мой вес. Я уселась на нее, оставаясь около ствола и тщательно проверяя ветку на прочность. Она выдержала. Я достала кол из кармана и замерла в ожидании.

Спустя минуту или чуть больше я услышала очень слабое шуршание листьев. Дмитрий двигался гораздо тише меня. Показалась его высокая, темная фигура — зловещая тень в ночи. Он шел очень медленно, очень настороженно, блуждая по сторонам взглядом. Не сомневаюсь, остальные его чувства тоже были обострены.

— Роза... — негромко заговорил он. — Я знаю, ты здесь. У тебя нет ни малейшего шанса сбежать. Ни малейшего шанса спрятаться.

Его взгляд был направлен вниз. Он думал, что я спряталась за деревом или съехала на земле. Еще несколько шагов — вот все, что мне от него требовалось. Рука, сжимающая кол, начала потеть, но я не могла ее вытереть. Я замерла, даже не осмеливаясь дышать.

— Роза...

Этот голос ласкал кожу, холодный и смертоносный. По-прежнему шаря взглядом по сторонам, Дмитрий сделал шаг вперед. И еще один. И еще.

Думаю, он случайно посмотрел вверх в то мгновение, когда я прыгнула. Мое тело врезалось в него, свалив на землю спиной вниз. Он попытался стряхнуть меня, а я попыталась вонзить кол в его сердце. Признаки усталости и его недавних сражений бросались в глаза. Он одолел остальных стригоев, но это не прошло для него даром, хотя вряд ли и я была в лучшей форме. Мы схватились, и мне удалось оцарапать его колом по щеке. Он зарычал от боли, но продолжал умело защищать грудь. Рубашка в том месте, где я в первый раз проткнула ее, была порвана, но рана, конечно, уже исцелилась.

— Ты... изумительна, — сказал он с гордостью и боевой яростью в голосе.

У меня не было сил на ответ. Я хотела одного — добраться до его сердца. Мне удавалось сохранить свое положение, и наконец кол вонзился в его грудь — но Дмитрий был слишком быстр. Он оттолкнул мою руку прежде, чем я успела полностью пронзить его грудь. Более того, ему

удалось скинуть меня. Я отлетела на несколько футов, по милости судьбы не ударившись ни об одно дерево. В ошеломлении поднялась на ноги и увидела, что он устремился ко мне.

Он был быстр, да — но не настолько, как в предшествующих схватках. Похоже, нам предстояло погибнуть в попытке убить друг друга.

Преимущество внезапности теперь было утрачено, и я побежала между деревьями. Я была уверена, что он способен догнать и даже перегнать меня, но если бы я смогла хоть немного оторваться, найти другое удобное место для атаки и...

— А-а-а-а!

Мой вопль зазвенел в ночи, резкий на фоне тишины и мрака. Ноги ушли из-под меня, и я быстро заскользила по крутому склону холма, не в силах остановиться. Деревьев было мало, но камни и неудачное положение тела делали спуск болезненным, в особенности если учесть, что на мне были не джинсы, а лишь удлиненный свитер. Как я ухитрилась не выронить кол, выше моего понимания. Я с силой ударилась о ровную землю, но сумела быстро подняться, сделала несколько неуверенных шагов и снова упала — в воду.

Огляделась по сторонам. Словно по команде, из-за облаков вынырнула луна, и в ее свете я разглядела перед собой огромное пространство черной, быстро бегущей воды. Сначала я в полном смятении таращилась на нее, но потом повернула в направлении города. Это была Обь, река, протекающая через Новосибирск. Река, устремляющаяся прямо к нему. Оглянувшись, я увидела на гребне холма Дмитрия. В отличие от кое-кого он, по-видимому, смотрел, куда ставит ногу. А может, просто мой крик предостерег его, что впереди опасность.

Спуск займет у него меньше минуты. Я огляделась. Хорошо. Быстро текущая река. Возможно, глубокая. Очень широкая. Она снимет давление с щиколотки, хотя я не строила иллюзий насчет своих шансов не утонуть. Согласно легендам, вампиры не могут пересекать текущую воду. Господи, вот хорошо бы! Хотя наверняка это просто миф.

Посмотрев влево, я едва смогла различить что-то темное над водой. Мост? Это было бы лучше всего. Я заколебалась, прежде чем устремиться к нему; мне требовалось, чтобы Дмитрий начал спуск. Я не собиралась убегать, пока существовала опасность, что он догонит меня на мосту. Его спуск вниз позволит мне выиграть время. Вот. Он поставил ногу на склон, и я, не оглядываясь, рванула по берегу. Мост становился все ближе и ближе; вскоре стало ясно, насколько он высок. С места падения я недооценила его размеры. По сторонам от него вверх уходили склоны,

выше того, по которому я скатилась. Придется карабкаться чертовски высоко.

Никаких проблем. Этим можно озаботиться позже — у меня осталось ведь около тридцати секунд, которые понадобятся Дмитрию, чтобы догнать меня. Я слышала позади его шаги по мелкой воде — звуки, которые становились все ближе. Если бы мне удалось добраться до моста, подняться по склону и перейти на другой берег...

На меня нахлынула тошнота. Рука вцепилась в куртку и дернула меня назад. Я свалилась на Дмитрия и тут же стала отбиваться, пытаюсь освободиться. Но господи, как же я устала! Каждая клеточка тела болела; может, он тоже устал, но я наверняка сильнее.

— Прекрати! — Он схватил меня за руки. — Неужели все еще не поняла? Ты не можешь победить!

— Тогда убей меня! — Я изворачивалась изо всех сил, но он так крепко держал меня, что даже с колом в руке я ничего сделать не могла. — Ты сказал, что убьешь меня, если я не сдамся добровольно. Догадываешься? Я не сдалась. И не сдамся. Поэтому кончай с этим, и все.

Призрачный лунный свет упал на его лицо, заставив кожу выглядеть абсолютно белой на фоне ночи. Как будто все краски мира выцвели. Глаза были как темные провалы, но умственным взором я видела, что в них мерцает огонь. Выражение лица холодное, расчетливое.

«Не мой Дмитрий».

— Я еще не готов убить тебя, Роза, — ответил он. — Для этого нужно гораздо больше.

Не очень-то я ему поверила. По-прежнему не давая шансов вырваться, он наклонился ко мне. Сейчас укусит. Острые зубы проткнут мою кожу, и он превратит меня в монстра или будет пить мою кровь, пока я не умру. В любом случае я буду слишком одурманена, чтобы осознавать происходящее. Личность по имени Роза Хэзевей покинет этот мир навсегда.

Меня с головой накрыла паника — хотя что-то в глубине души после долгого воздержания по-прежнему страшно жаждало восхитительных эндорфинов. Нет, нет. Я не могу допустить, чтобы это произошло. Каждый нерв пылал огнем, напрягаясь для защиты, нападения, чего угодно... чего угодно, только бы помешать этому. Меня не обратят. Меня не могут обратить. Я готова на все, лишь бы спасти себя. Мое существо жаждало этого, готовое взорваться, готовое к...

С величайшим трудом пальцами левой руки я подцепила и сдвинула кольцо Оксаны. Оно соскользнуло и упало на землю, как раз в тот момент,

когда клыки Дмитрия коснулись моей кожи.

Это было похоже на ядерный взрыв. Призраки и духи, которых я вызывала по пути в Бийск, внезапно возникли рядом, полупрозрачные, отсвечивающие бледно-зеленым, голубым, желтым и серебристым светом. Я отбросила всякую защиту, позволила эмоциям полностью поглотить себя, чего не позволяла себе раньше. Исцеляющая сила кольца больше не сдерживала меня; все барьеры на пути моей силы рухнули.

Дмитрий отпрянул, широко распахнув глаза. Как и стригои в сарае, он замахал руками, отгоняя духов, точно комаров. Его руки безрезультатно проходили сквозь них. Правда, их нападение тоже не причиняло реального физического вреда, но они оказывали воздействие на его сознание и чертовски здорово отвлекали. Как там Марк сказал? Мертвые ненавидят не-мертвых. И по тому, как они роились вокруг Дмитрия, было ясно, что так оно и есть.

Я попятилась, обшаривая взглядом землю под ногами. Вот. В луже мерцало серебряное колечко. Я подобрала его и бросилась бежать, предоставив Дмитрия его судьбе. Он не кричал в полном смысле этого слова, но издавал исполненные ужаса звуки. Это разрывало мне сердце, но я продолжала мчаться к мосту и добралась до него через минуту или чуть больше. Он располагался так высоко, как я и опасалась, но выглядел устойчивым и прочным, хотя и узким. В сельской местности такая конструкция позволяет за раз проехать только одной машине.

Я подняла взгляд на верхний край берега, на который опирался мост. Он был не только выше того, с которого я свалилась, но и круче. Я сунула кольцо и кол в карман и полезла вверх, цепляясь руками за землю. Наполовину карабкалась, наполовину ползла. Щиколотка получила временную передышку: это было упражнение для верхней части тела. Поднимаясь все выше, я, однако, начала кое-что замечать. Слабые вспышки, видимые только периферийным зрением. Лица и черепа вокруг. И пульсирующая головная боль в затылке.

Ох, нет! Такое уже случалось прежде. Охваченная паникой, я сама была не в состоянии отгонять мертвецов, и теперь они приближались ко мне, скорее любопытные, чем агрессивные. Однако по мере того, как их число возрастало, они дезориентировали меня, как и Дмитрия.

Они не могли причинить мне вреда, но ужасно досаждали и беспокоили, а сопровождающая их появлению головная боль вызывала головокружение. Оглянувшись на Дмитрия, я была потрясена. Он все еще продолжал преследовать меня. Ну, чем не бог? Только безжалостный бог, с каждым шагом приближающий мою смерть. Призраки, словно облако, по-

прежнему роились вокруг него, и все же он продвигался вперед, делая один мучительный шаг за другим. Отвернувшись, я продолжала взбираться, стараясь, насколько возможно, игнорировать светящихся спутников.

Спустя, казалось, целую вечность, я вскарабкалась наверх и, оступаясь и пошатываясь, пошла по мосту. Ноги едва держали меня, я ужасно ослабела. Сделав несколько шагов, я рухнула на руки и колени. Все больше духов кружились вокруг, голова готова была взорваться. Дмитрий медленно продолжал свой путь. Я попыталась встать, используя для поддержки перила, но у меня ничего не получилось, только оцарапала голые ноги об ограждающую решетку моста.

— Проклятье...

Я знала, что нужно сделать, чтобы спасти себя, хотя это с таким же успехом могло и убить меня. Сунув дрожащую руку в карман, я достала кольцо. Меня так трясло, что я боялась уронить его, но все же каким-то образом ухитрилась надеть на палец. Его слабенькое, но теплое излучение помогло, и я почувствовала, что чуть-чуть лучше владею телом. К несчастью, призраки никуда не делись.

Остатки страха смерти или превращения в стригоя все еще жили во мне, но стали меньше, ведь непосредственная опасность мне не угрожала. Чувствуя себя более уравновешенной, я изо всех сил пыталась снова воздвигнуть защитные барьеры, чтобы отогнать прочь «гостей».

— Уходите, уходите, уходите... — шептала я, плотно зажмурившись.

Все равно что попытаться сдвинуть гору или вырвать с корнем столетнее дерево. Марк не зря предупреждал меня об опасности. Мертвые — могущественные союзники, но стоило их призвать, потом от них не отделаешься. Как говорил Марк? Застывшие на грани тьмы и безумия, не должны подвергать себя такому риску.

— Уходите! — Закричала я со всей возможной настойчивостью.

Один за другим окружающие меня фантомы начали исчезать. Мир перестал вращаться. Вот только, глянув вниз, я увидела, что призраки покидают и Дмитрия — чего и следовало ожидать. Он продолжил свой путь.

— Проклятье...

Слово дня (или, точнее, ночи) для меня.

Дмитрий устремился вверх по склону в тот момент, когда я сумела встать на ноги. И снова он двигался медленнее обычного — но достаточно быстро. Я попятилась, не спуская с него взгляда. Избавление от призраков прибавило мне сил, но на бегство их не хватало. Итак, Дмитрий побеждал.

— Еще один эффект того, что ты «поцелованная тьмой»? — Спросил

он, ступив на мост.

— Да. — Я сглотнула. — Стригоям не нравится отгонять призраков.

— И тебе, кажется, тоже.

Я отступила на шаг. Что делать? Как только я повернусь и побегу, он схватит меня.

— Теперь я сделала достаточно, чтобы отбить у тебя желание обращать меня? — Спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более жизнерадостно.

Он одарил меня кривой улыбкой.

— Нет. Твои способности как «поцелованной тьмой» могут быть очень полезны... Жаль, что ты утратишь их, когда пробудишься.

Итак, он по-прежнему не отказался от своей идеи. Как бы сильно я ни разозлила его, он все еще хотел, чтобы я была рядом целую вечность.

— Тебе не удастся пробудить меня, — заявила я.

— Роза, у тебя нет выхода...

— Нет.

Я уселась на перила моста, свесив одну ногу. Он замер.

— Что ты делаешь?

— Я же объясняла тебе. Лучше умереть, чем стать стригоем. Я не хочу быть такой, как ты и остальные. Я не хочу этого. И ты тоже когда-то не хотел.

Ночной ветер охлаждал лицо и высушивал следы слез на щеках.

Я перекинула через перила вторую ногу и посмотрела вниз, на ревущий поток воды. Высота с двухэтажный дом. Я сильно ударюсь при падении в воду, и, если даже переживу его, у меня не хватит сил доплыть до берега поперек течения. Глядя вниз и размышляя о своей смерти, я вспомнила, как мы с Дмитрием сидели на заднем сиденье внедорожника и обсуждали эту самую тему.

Тогда мы впервые сидели рядом, и тела наши соприкасались, вызывая восхитительное ощущение тепла. От него очень хорошо пахло — этот запах, этот запах живого Дмитрия, сейчас ушел, — он расслабился тогда, даже с намеком на улыбку. Мы разговаривали о том, что это такое — быть живым и подчиняться велениям души и что это такое — стать не-мертвым, лишиться любви, огня жизни и всех тех, кого ты знал. Глядя друг на друга, мы согласились, что смерть лучше такой судьбы.

Глядя на Дмитрия сейчас, я по-прежнему думала так же.

— Роза, не делай этого.

В его голосе послышались панические нотки. Спрыгнув, я погибну, и он потеряет меня. Никакого стригоя. Никакого пробуждения. Для

обращения требуется убить меня, выпив всю мою кровь, а потом заставить выпить его кровь. Если я спрыгну, это убьет меня без всякого кровопускания. Я погибну задолго до того, как он найдет меня в реке.

— Пожалуйста, — умоляюще сказал он.

В его голосе прозвучала горестная нотка, напугавшая меня. Она проникала в сердце. Она слишком сильно напоминала о живом Дмитрие, о том, который не был монстром, который заботился обо мне, любил меня, верил в меня и занимался со мной любовью. Этот Дмитрий, в котором не было ничего от прежнего, сделал два осторожных шага вперед и остановился.

— Мы должны быть вместе.

— Зачем? — Негромко спросила я.

Ветер тут же унес его, но Дмитрий расслышал.

— Потому что я хочу тебя.

Я грустно улыбнулась ему, спрашивая себя, встретимся ли мы снова на том свете.

— Неправильный ответ.

Я прыгнула.

Только я начала падать, как он со своей безумной стригойской скоростью мгновенно оказался тут же. Схватил меня за руку и вытянул назад, на перила, правда, тело по-прежнему свисало над рекой.

— Перестань вырываться! — Выкрикнул он, продолжая тянуть меня за руку.

Он сам оказался в опасности, поскольку был вынужден сильно наклониться через перила, чтобы дотянуться до меня и продолжать удерживать.

— Отцепись от меня! — Закричала я.

Но он был слишком силен и сумел затащить на перила большую часть моего тела — достаточно, чтобы мне не угрожала опасность снова свалиться.

Смотрите, какая штука. За момент до того, как спрыгнуть, я реально размышляла о своей смерти.

И примирилась с ней. Одновременно я понимала, что Дмитрий способен вытащить меня — для этого он был достаточно быстр и хорош. И поэтому сжимала кол в свободно свисающей руке. Я посмотрела ему в глаза.

— Я всегда буду любить тебя.

И с этими словами вонзила кол в его грудь.

Удар получился не совсем точный, поскольку благодаря своей

повышенной реакции Дмитрий успел увернуться. Я изо всех сил старалась вогнать кол как можно глубже, до самого сердца, хотя под таким углом это было невероятно трудно. Потом он перестал бороться. Его глаза потрясенно смотрели на меня, губы раздвинулись, почти в улыбке, хотя и болезненной, в чем-то даже отталкивающей.

— Именно это должен был сказать я... — задыхаясь, произнес он.

Это были его последние слова.

Пытаясь увернуться от кола, он потерял равновесие на краю. Остальное довершила магия кола, заглушив его рефлексy.

Дмитрий полетел вниз.

Он едва не утащил меня с собой, я лишь в самый последний момент сумела отцепиться от него и ухватиться за перила. Он падал все ниже, ниже... во тьму Оби и спустя мгновение исчез из вида.

Я смотрела вниз, надеясь разглядеть его в воде, если сильно прищурюсь. Ничего не получилось. Слишком темно, слишком далеко. Облака закрыли луну, и снова все погрузилось во тьму. Глядя вниз и осознавая, что я только что сделала, я испытала желание прыгнуть следом, потому что, конечно же, продолжать жить дальше просто невозможно. Это мгновение, однако, быстро прошло.

«Нужно! — Произнес внутренний голос, гораздо увереннее и спокойнее, чем можно было ожидать. — *Презжий Дмитрий хотел бы, чтобы ты жила. Если ты действительно любила его, то должна жить дальше*».

Тяжело дыша, я перебралась через перила и встала на мосту, радуясь его прочности. Я не знала, как жить дальше, но понимала, что хочу этого. Чтобы почувствовать себя в безопасности, нужно было добраться до твердой земли. Ощущая, что тело буквально разваливается на части, я пошла по мосту, медленно, шаг за шагом. На том берегу передо мной встал выбор: идти вдоль реки или по дороге? Они слегка расходились, но все равно обе тянулись в направлении городских огней. Я выбрала дорогу, потому что хотела держаться подальше от реки. Я не думала о том, что только что произошло. Просто не могла. Мозг отказывался делать это.

«*Лучше беспокойся сейчас о том, чтобы уцелеть, а уж потом будешь беспокоиться о том, как жить дальше*».

Дорога, хотя и явно сельская, выглядела ровной, утрамбованной; идти по ней было легко — для любого другого. Пошел мелкий дождик, который только ухудшил положение. Хотелось сесть, отдохнуть, свернуться калачиком и не думать ни о чем.

«*Нет, нет, нет*».

Свет. Я должна идти на свет. Эта мысль чуть не заставила меня громко рассмеяться. Смешно, в самом деле. Я, типа, была из тех людей, которые находились на грани смерти и имели посмертные переживания в начальной стадии. Тут я и впрямь рассмеялась. Всю эту ночь я находилась на грани смерти, и происходящее сейчас было самым слабым из моих «посмертных» переживаний.

Оно было и последним. Я страстно желала добраться до города, но он находился слишком далеко. Не знаю, сколько я прошагала, прежде чем в конце концов остановилась и села.

«Всего на минутку, — сказала я себе. — Отдохну минутку и пойду дальше. Я должна продолжать двигаться».

Существовал безумный шанс, что я промахнулась мимо сердца Дмитрия, и тогда он в любой момент мог выбраться из реки. Или какой-то уцелевший в особняке стригой мог отправиться за мной в погоню.

Но конечно, минутой дело не обошлось. Думаю, я уснула, и не знаю точно, сколько просидела там, когда свет фар неожиданно заставил меня очнуться. Машина замедлила движение и остановилась. Я сумела встать на ноги и собраться.

Никакой стригой из машины не вышел. Это оказался старик. Он взгляделся в меня и сказал что-то по-русски. Я покачала головой и слегка попятилась. Он наклонился к машине, сказал что-то, и спустя мгновение к нему присоединилась старая женщина. При виде меня она широко распахнула глаза, с сочувственным выражением лица. Произнесла что-то, звучащее мягко, и протянула ко мне руку, с некоторой настороженностью типа того, когда имеешь дело с диким животным. Несколько долгих секунд я пристально смотрела на нее, а потом кивнула на багровый горизонт.

— Новосибирск, — сказала я.

Она проследила за моим взглядом и кивнула.

— Новосибирск. — Она сделала жест в сторону меня, а потом автомобиля. — Новосибирск.

Поколебавшись немного, я позволила ей усадить себя на заднее сиденье. Сняв пальто, она накрыла им меня, и только тогда я заметила, что промокла от дождя. Наверно, я выглядела ужасно после всех событий этой ночи. Чудо, что они вообще остановились. Машина тронулась с места, и у меня мелькнула мысль, что, может, я оказалась в машине с серийными убийцами. Какая разница — после всего, что случилось этой ночью?

Душевная и физическая боль начала обволакивать меня, и с последним усилием я облизнула губы и выдала еще одну «жемчужину» своего русского словаря:

— Пазванит?

Женщина удивленно оглянулась на меня. Я не была уверена, что правильно произнесла слово. Может, я попросила не сотовый телефон, а телефон-автомат — или даже жирафа, — но тем не менее она, видимо, поняла. Спустя мгновение она достала из сумочки и вручила мне сотовый телефон. Даже в Сибири все ими пользовались. Дрожащими руками я набрала номер. Женский голос ответил:

— Алло.

— Сидни? Это Роза...

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Я не знала мужчину, которого Сидни послала встретить нас, когда мы прибыли в Новосибирск, но у него была такая же золотистая татуировка, как у нее. Лет за тридцать, рыжеватые волосы — и, конечно, человек. Он выглядел компетентным, заслуживающим доверия и при виде пожилой пары рассмеялся и заговорил с ними, словно они были лучшими друзьями. Что-то профессиональное и успокаивающее ощущалось в окружающей его атмосфере, и вскоре они тоже заулыбались. Не знаю, что он сказал им, может, что я его непутевая дочь или еще что-нибудь в этом роде, но они, по-видимому, решили, что могут доверить меня ему. Очарование алхимиков в действии, надо полагать.

Когда они отъехали, его поведение слегка изменилось. Он не был так холоден, как Сидни в начале знакомства, но не смеялся и не шутил со мной. Неожиданно посланник Сидни стал такой весь из себя деловой, что мне против воли припомнились рассказы о людях в черном, которые зачищали следы инопланетных столкновений, чтобы мир не узнал правды.

— Можешь идти? — Спросил он, сверху донизу оглядев меня.

— Не уверена на этот раз, — ответила я.

Выяснилось, что могу, просто не очень хорошо.

С его помощью я, в конце концов, доковыляла до дома в жилой части города. К этому моменту в глазах у меня стоял туман, и я едва держалась на ногах. Там были и другие люди, но я никого не запомнила. Единственное, что имело значение, это спальня, куда кто-то отвел меня. У меня хватило сил отцепиться от поддерживающей руки и рухнуть на кровать. Заснула я мгновенно.

Меня разбудили заливающий комнату яркий солнечный свет и приглушенные голоса. Учítывая, через что мне пришлось пройти, я не удивилась бы, увидев здесь Дмитрия, Татьяну или даже доктора Олендзки из Академии. На самом деле на меня сверху вниз смотрело бородатое лицо Эйба. Все его драгоценности сверкали в солнечном свете.

На мгновение его лицо расплылось, и я увидела лишь темную-темную воду, угрожающую унести меня прочь. Последние слова Дмитрия эхом отдавались в голове: *«Именно это должен был сказать я...»* Он понял, что я хотела услышать: что он любит меня. Что произошло бы, будь в нашем распоряжении еще несколько мгновений? Произнес бы он эти слова? И какое значение они имели бы для него?

Снова собрав все силы, я вынырнула из мутной воды сознания, приказав себе не думать о прошедшей ночи — пока, по крайней мере. Я утону, если стану думать о ней, а мне нужно выплыть. Лицо Эйба стало видно отчетливей.

— Приветствую, Змей, — слабым голосом сказала я. Его присутствие здесь не удивило меня. Сидни наверняка доложила обо мне своим начальникам, а те, в свою очередь, сообщили Эйбу. — Очень мило с твоей стороны приползти сюда.

Он с печальной улыбкой покачал головой.

— Думаю, ты превосходишь меня в умении заползать в темные углы. Я-то надеялся, что ты на пути в Монтану.

— В следующий раз, заключая сделку, оговаривай как можно больше деталей. А еще лучше — просто засунь меня в посылку и отправь в США почтой.

— Это в точности то, что я собираюсь сделать.

Он продолжал улыбаться, но возникло чувство, что он не шутит. И внезапно идея возвращения домой перестала пугать меня — совсем даже наоборот.

К постели подошли Марк и Оксана. Я не ожидала их увидеть, но обрадовалась. Они тоже улыбались, чуть подавленно, но с заметным облегчением. Я села на постели, удивляясь тому, что вообще в состоянии двигаться.

— Ты исцелила меня, — сказала я Оксане. — Мне еще плохо, но такого чувства, что я вот-вот умру, теперь нет. По-моему, это заметное улучшение.

Она кивнула.

— Я сделала ровно столько, чтобы тебе не угрожала непосредственная опасность, решив, что доведу дело до конца, когда ты проснешься.

Я покачала головой.

— Нет-нет. Я поправлюсь своими силами.

Я всегда терпеть не могла, когда Лисса исцеляла меня: не хотела, чтобы она ради этого тратила свою силу. К тому же при этом всегда проявлялись побочные эффекты духа.

Лисса...

Я откинула одеяло.

— О господи! Мне нужно домой. Срочно.

Мгновенно вскинулись три пары рук, преграждая мне дорогу.

— Подожди, — сказал Марк. — Ты никуда не поедешь. Оксана совсем немного исцелила тебя. Тебе еще далеко до полного выздоровления.

— И ты еще не рассказала нам, что произошло, — вклинился Эйб, как обычно пронизывая меня взглядом.

Он принадлежал к тем людям, которые должны знать все, и, наверно, окружающие меня тайны сводили его с ума.

— Сейчас не время! Лисса в опасности! Я должна вернуться в школу.

Только сейчас воспоминания вернулись — эксцентричное поведение Лиссы, безумные выходки под воздействием принуждения или, точнее, невероятно мощного принуждения, учитывая, что Эйвери в состоянии выталкивать меня из сознания Лиссы.

— Ага, значит, теперь ты рвешься в Монтану! — Воскликнул Эйб. — Роза, даже если в соседней комнате тебя бы ждал самолет, это двадцать часов полета как минимум. И ты не в том состоянии, чтобы куда-то лететь.

Я покачала головой и снова попыталась встать на ноги. После того, с чем я столкнулась нынешней ночью, эта троица была мне не страшна — ну, может, не считая Марка, — но я чувствовала, что не в состоянии раздавать удары. К тому же возможности Эйба все еще оставались для меня загадкой.

— Ты не понимаешь! Лиссу пытаются убить, или причинить ей вред, или...

На самом деле я не понимала, чего добивается Эйвери. Я знала одно — что она принуждает Лиссу творить безрассудные вещи. Видимо, она сильна в духе, раз не только проделывает все свои трюки, но ухитряется скрывать это от Лиссы и Адриана. Она даже создала фальшивую ауру, чтобы замаскировать свою подлинную, золотистую. Я не подозревала, что сила может достигать такого размаха, в особенности если учесть, что Эйвери выглядела легкомысленной и уж никак не безумной. Что бы она ни задумала, Лисса в опасности. Я должна вмешаться.

Вычеркнув из уравнения Эйба, я умоляюще посмотрела на Марка и Оксану.

— Мы же с ней связаны. У нее серьезные неприятности. Кое-кто стремится навредить ей. Я должна быть там — вы понимаете почему.

И по их лицам я поняла, что да, они понимают. И еще — что в моей ситуации они действовали бы по отношению друг к другу точно так же.

Марк вздохнул.

— Роза... Мы поможем тебе улететь к ней, но только не прямо сейчас.

— Мы свяжемся со школой, — прозаично заявил Эйб. — Они обо всем позаботятся.

Ага, правильно. И что, интересно, мы предпримем? Позвоним директору Лазару и скажем, что его доченька, любительница вечеринок, на самом деле насквозь порочна, управляет людьми с помощью психических

сил и ее надо посадить под замок в интересах Лиссы и всех остальных?

Поскольку я молчала, они, видимо, решили, что убедили меня, в особенности Эйб.

— С помощью Оксаны ты, скорее всего, будешь чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы улететь завтра, — добавил он. — Я закажу билет на утренний рейс.

— До тех пор с ней все будет в порядке? — Мягко спросила Оксана.

— Не знаю... — Что способна натворить Эйвери за два дня? Сбить с толку и запутать Лиссу еще больше? Это, конечно, ужасно, но вряд ли представляет угрозу для жизни. Конечно, конечно... с Лиссой за это время ничего не случится... — Дайте мне посмотреть.

Глаза Марка слегка расширились — он понял, что я собираюсь сделать. А потом все окружающее исчезло — я уже была не здесь. Я была в сознании Лиссы. В первое мгновение мне показалось, что я снова стою на мосту и гляжу вниз, на несущие холодную смерть черные воды.

Потом до меня дошло, что на самом деле я — или, точнее, Лисса — видела. Она стояла на карнизе окна в каком-то здании кампуса. Была ночь. Я не могла вот так, с ходу, сказать, что это за здание, но это не имело значения. Лисса находилась примерно на шестом этаже, на ней были туфли на высоких каблуках, и она смеялась, глядя на угрожающе темную бездну внизу. Я слышала голос Эйвери у нее за спиной.

— Лисса, будь осторожна! Опасно стоять там.

Однако ее слова несли в себе тот двойной смысл, который пронизывал все, что делала Эйвери. Она вроде бы предостерегала Лиссу, но я чувствовала, как в душе у Лиссы нарастает безрассудство, будто внутренний голос говорит ей: как прекрасно — стоять там, где она стоит, и о чем тут беспокоиться? Так действовало принуждение Эйвери. Потом я ощутила щекотку в мозгу, и раздраженный голос произнес: «Опять ты?»

И — бац! — я снова вернулась в спальню в Новосибирске. Эйб выглядел взволнованным, по-видимому решив, что я впала в ступор, а Марк и Оксана пытались объяснить ему, что произошло. Я замигала и потеряла голову, приходя в себя; Марк испустил вздох облегчения.

— Смотреть на это чуднее, чем делать самому.

— Она в беде. — Я снова попыталась встать. — Она в беде и... Я не знаю, что делать...

Они были правы, говоря, что невозможно оказаться рядом с Лиссой в ближайшее время. И даже если бы я воспользовалась советом Эйба и связалась со школой... Я же не знаю, где точно сейчас Лисса. И вообще не факт, что мне поверят. Мелькнула мысль снова проникнуть в ее сознание и

извлечь из него ее местоположение, но Эйвери, скорее всего, снова вышвырнет меня. Насколько я успела понять, при Лиссе не было ее сотового телефона. И неудивительно — существуют строгие правила, запрещающие брать их на уроки, и обычно она оставляла свой в спальне.

Однако я знала, что кое у кого он есть. И этот кое-кто поверит мне.

— Здесь есть телефон? — Спросила я.

Эйб дал мне свой, и я набрала номер Адриана, удивляясь, что он сохранился в памяти. Адриан злился на меня, но беспокоился за Лиссу. Он поможет ей, как бы ни сердился на меня. И он поверит мне, когда я расскажу ему о безумных кознях с использованием духа.

Однако мне ответил не он, а его автоответчик.

«Я знаю, как сильно вы скучаете по мне, — произнес его жизнерадостный голос, — но оставьте сообщение, и я при первой же возможности облегчу ваши страдания».

Я отключилась, чувствуя, что потерпела поражение. Внезапно в голове родилась одна из моих безумных идей, и я подняла взгляд на Оксану.

— Ты... ты можешь делать такие вещи... проникать в сознание человека и читать его мысли. Так как ты поступила со мной?

Она состроила гримасу.

— Да, но мне не нравится это делать. Думаю, это нехорошо.

— А можешь ты, проникнув туда, применить принуждение?

На ее лице возникло выражение отвращения.

— Конечно... В принципе схожие вещи. Но проникнуть в сознание человека — это одно, а заставлять его делать что-то против воли — совсем другое.

— Моя подруга на грани того, чтобы сделать кое-что очень опасное для жизни, — сказала я. — То, что может убить ее. Наша связь позволяет мне только наблюдать, но я не могу ничего внушить ей. Если бы ты проникла в сознание моей подруги и принудила ее покинуть опасное место...

Оксана покачала головой.

— Допустим, моральные принципы не проблема. Я не могу проникнуть в сознание того, кто находится не здесь и с кем я никогда не встречалась.

Я провела рукой по волосам, чувствуя, как меня захлестывает волна паники. Хорошо бы Оксана умела проникать во сны — это дало бы ей возможность воздействовать на расстоянии. Тот, кто способен проникать в сознание спящего человека, возможно, способен сделать следующий шаг и проникнуть в бодрствующее сознание.

Меня осенила еще более безумная идея. Ну и денек!

— Оксана, ты ведь можешь проникнуть в мое сознание?

— Да.

— Если я буду в голове моей подруги, можешь ты проникнуть в мое сознание, а через меня и в ее? Могу я стать связующим звеном между вами?

— Никогда ни о чем таком не слышал, — пробормотал Марк.

— Это потому, что мы редко сталкиваемся с пользователями духа и «поцелованными тьмой», — заметила я.

Эйб смотрел на нас с непонимающим видом. На лицо Оксаны набежала тень.

— Не знаю...

— Это либо сработает, либо нет, — заговорила я. — И если нет, то никто не пострадает. Но если ты дотянешься до нее через меня... то можешь принудить ее. — Она начала возражать, но я перебила ее: — Да знаю я, знаю... Ты считаешь, что это нехорошо. Но не права Эйвери. Это она поступает подло. От тебя требуется одно — принудить Лиссу, которая в любой момент может выпрыгнуть из окна, не делать этого! Останови ее сейчас, а через день я уже буду там и все улажу.

И в процессе улаживания попорчу красоту Эйвери, украсив ее хорошенькое личико синяком.

Жизнь моя складывается на редкость причудливым образом, и я привыкла, что люди — в особенности взрослые — не воспринимают всерьез мои странные идеи и заявления. Это оказалось чертовски трудно — убедить людей в том, что Виктор похитил Лиссу, а как нелегко было заставить стражей поверить, что на школу напали! Поэтому в ситуациях такого рода я всегда ожидаю встретить сопротивление. Однако что касается Марка и Оксаны, они большую часть жизни боролись с духом. Безумие для них было вариантом нормы, и спустя несколько мгновений Оксана прекратила спорить.

— Хорошо, — сказала она. — Дай мне твои руки.

— Что происходит? — Спросил Эйб, по-прежнему в полном недоумении.

Мне доставило удовольствие увидеть его, в виде исключения, в таком состоянии.

Марк прошептал что-то Оксане по-русски и поцеловал ее в щеку. Он не осуждал ее, просто предупреждал о необходимости быть осторожной. Я знала — будь она на месте Лиссы, он хотел бы для нее того же самого. Их любовь была так глубока и сильна, что даже моя решимость поколебалась.

И еще их любовь напомнила мне о Дмитриии, но я заставила себя не думать о нем, иначе не смогла бы остановиться и заново окунулась в случившееся этой ночью...

Ощущая, что живот свело от страха, я сжала руки Оксаны. Мысль о проникновении в мою голову мне не нравилась — по сути, ханжество, учитывая, что сама я постоянно проникала в сознание своей лучшей подруги. Оксана еле заметно улыбнулась мне, хотя чувствовалось, что она нервничает не меньше меня.

— Прости, — сказала я. — Мне претит поступать так с людьми...

И потом я почувствовала то же самое, что происходило, когда Эйвери вышвыривала меня. Очень похоже на реальное физическое прикосновение к мозгу. Я тяжело задышала, глядя в глаза Оксаны и чувствуя, как на меня накатывают волны жара и холода. Оксана проникла в мою голову.

— А теперь отправляйся к своей подруге, — сказала она.

Что я и сделала. Лисса по-прежнему стояла на карнизе. Хорошо хоть не валялась на земле, но я по-прежнему хотела, чтобы она слезла оттуда и вернулась к себе в комнату, пока ничего не произошло. Действовать, однако, предстояло не мне. Я была всего лишь посредником, образно говоря. Оксане предстояло уговорить Лиссу слезть с карниза. Правда, я никак не ощущала ее присутствия. Оказавшись в сознании Лиссы, Оксану я больше не воспринимала. И никакого щекотания в мозгу.

«Оксана? — Мысленно окликнула ее я. — Где ты?»

Ответа не последовало — по крайней мере, от Оксаны. Ответ пришел от совершенно неожиданного источника.

«Роза?»

Это голос Лиссы прозвучал в моем сознании. До этого она смеялась над чем-то вместе с Эйвери, но сейчас внезапно оборвала смех и замерла в окне. Я почувствовала, какой ужас и смятение охватили ее, когда она подумала, что я ей причудилась. Она повела взглядом по комнате, поверх головы Эйвери. Та поняла — что-то происходит; ее лицо напряглось. Я испытала знакомое ощущение ее присутствия в сознании Лиссы и не удивилась, когда Эйвери снова попыталась вытолкнуть меня.

Но не тут-то было.

Когда прежде Эйвери вышвыривала меня, это всегда ощущалось как реальный толчок. У меня создалось впечатление, что, попытавшись сделать это сейчас, она почувствует, будто наткнулась на кирпичную стену. Ей не удавалось выкинуть меня с прежней легкостью. Сейчас со мной была Оксана, и вместе мы стали сильнее. Лисса по-прежнему могла видеть Эйвери, и я заметила, как эти восхитительные серо-голубые глаза

расширились от шока, когда до Эйвери дошло, что она не в состоянии управлять мной.

«Вот так-то, сука!» — Подумала я.

«Роза? — Это снова был голос Лиссы. — Я схожу с ума?»

«Пока нет. Но ты должна слезть с окна, немедленно. Думаю, Эйвери пытается убить тебя».

«Убить меня? — Недоверчиво спросила Лисса. — Это невозможно».

«Послушай, сейчас не время спорить. Просто слезь с окна и считай, что тебе повезло».

Я почувствовала в Лиссе импульс, почувствовала, как она слегка изменила положение и начала опускать одну ногу. И потом как будто что-то глубоко внутри остановило ее. Нога осталась на прежнем месте... Лисса зашаталась...

Это работа Эйвери. А что же Оксана? Я думала, что, вклинившись между нами, она может пересилить принуждение Эйвери; но нет, сама она активности не проявляла. Ее сила позволила мне реально контактировать с Лиссой, но сама Оксана оставалась пассивна. По правде говоря, я ожидала другого — что Оксана, используя меня как мост, проникнет в сознание Лиссы и принудит ее. А получилось в некотором роде наоборот. Только вот я принуждением не владела. Все, чем я располагала, это легендарный ум и сила убеждения.

«Лисса, ты должна сопротивляться Эйвери, — мысленно заговорила я. — Она пользователь духа и применяет к тебе принуждение. Я не знаю никого, кто владел бы принуждением лучше тебя. Сражайся с ней».

В ее голосе прозвучал страх.

«Не могу... Сейчас не могу».

«Почему?»

«Потому что я пьяна».

Я мысленно застонала. Конечно! Вот почему Эйвери всегда подсовывала Лиссе алкоголь. Он вызывает оцепенение духа, что не раз своими выходками демонстрировал нам Адриан. Эйвери поощряла пьянство Лиссы, понимая, что это ослабит ее способности как пользователя духа и уменьшит сопротивление. Сама Лисса никогда не знала точно, сколько выпила Эйвери. Оглядываясь назад, я понимала, что Эйвери часто не столько пила, сколько лишь делала вид.

«Тогда используй обычную силу воли, — продолжала я. — Ты же знаешь, так можно сопротивляться принуждению».

И это была правда. Принуждение не означает, что ты автоматически получаешь билет к мировому господству. Одни люди сопротивляются

лучше других, хотя со стригоями или пользователями духа дело обстояло сложнее.

Я почувствовала, как Лисса укрепляет свою решимость, снова и снова повторяя мои слова о том, что она должна быть сильной и спуститься с карниза. Она старалась вытолкнуть прочь импульс, внедренный Эйвери, и, не понимая как, я внезапно обнаружила, что выталкиваю его вместе с ней. Мы с Лиссой соединили свои силы, чтобы вместе вышвырнуть Эйвери.

В физическом мире Лисса и Эйвери не отрывали друг от друга взглядов, пока шла эта мысленная борьба. Внезапно на глубоко сосредоточенном лице Эйвери возникло выражение шока — она заметила, что я тоже участвую в схватке. Сощуриив глаза, она заговорила, и ее слова были обращены ко мне, не к Лиссе.

«Ты не хочешь путаться у меня под ногами», — прошипела она.

Не хочу?

Я почувствовала проникновение в свой мозг, а потом волну жара. Только сейчас это была не Оксана, а Эйвери, которая рылась в моих мыслях и воспоминаниях. Теперь я поняла, что имела в виду Оксана, говоря о проявлении агрессии и насилия. Одно дело просто смотреть глазами другого человека, а другое — проникать в его самые интимные мысли.

И потом мир вокруг исчез. Я стояла в незнакомой комнате. На мгновение мелькнула мысль, что я снова в поместье Галины — судя по атмосфере богатства и роскоши. Но нет. Приглядевшись, я поняла, что все здесь другое — мебель, убранство. Особняк Галины был прекрасен, но вызывал холодное, безликое ощущение. Это помещение выглядело привлекательным и явно любимым. В углу стояла плюшевая кушетка со скомканным одеялом на нем. И хотя нельзя сказать, что в комнате царил беспорядок в полном смысле этого слова, повсюду валялись вещи — книги, фотографии в рамках, — свидетельствующие о том, что комната не просто напоказ, а ее действительно используют.

Я подошла к небольшой книжной полке, взяла одну из фотографий и едва не уронила ее, увидев, кто на ней. Это были Дмитрий и я — однако я ничего такого не помнила. Мы стояли рука об руку, наклонив головы друг к другу, чтобы оба попали в кадр. Я широко улыбалась, он тоже, очень радостно — такой улыбки я никогда у него не видела. Она смягчала характерную для него суровость выражения и заставляла выглядеть сексуальнее, чем я могла себе представить. Прядь мягких темных волос выскользнула из конского хвоста и упала на щеку. За нашими спинами раскинулся город, который я сразу же узнала: Санкт-Петербург. Я нахмурилась. Нет, такой фотографии не могло существовать на свете.

Я все еще изучала ее, когда услышала, как кто-то входит в комнату. Когда я увидела, кто это, сердце остановилось. Дрожащей рукой я поставила фотографию обратно на полку и отступила на несколько шагов.

Это был Дмитрий.

На нем были джинсы и обычная тенниска, обрисовывающая его великолепную мускулатуру. Волосы распущенные, слегка влажные, как будто он только что принимал душ. Он держал в руках две кружки и при виде меня улыбнулся.

— Все еще не оделась? — Он покачал головой. — Они могут появиться в любую минуту.

Я оглядела себя и увидела, что на мне фланелевые пижамные штаны и безрукавка. Дмитрий вручил мне кружку, и от потрясения я не додумалась сделать ничего лучше, как взять ее. Заглянула в нее — горячий шоколад, — подняла взгляд на Дмитрия. Никаких красных глаз, никакого злобного выражения лица. Только исключительная теплота и любовь. Это был мой Дмитрий, тот, который любил и защищал меня. Чистый сердцем и душой.

— Кто... Кто может появиться? — Спросила я.

— Лисса и Кристиан. Они придут к нам на ланч. — Он недоуменно посмотрел на меня. — С тобой все в порядке?

Я снова оглядела комнату. Сквозь окно виднелись деревья и цветы. На ковер падал солнечный свет. Я повернулась к Дмитрию.

— Что это? Где мы?

Теперь он нахмурился. Шагнул вперед, взял у меня кружку и поставил обе на книжную полку. Руками обхватил меня за бедра, и я вздрогнула, но не отстранилась — как я могла, если он выглядел в точности как мой Дмитрий?

— Это наш дом. — Он притянул меня к себе. — В Пенсильвании.

— Пенсильвания... Мы при королевском дворе?

— В нескольких милях от него.

Я медленно покачала головой.

— Нет... Это невозможно. У нас не может быть общего дома. И уж точно, не рядом с остальными. Они никогда не позволили бы нам этого.

Даже если в каком-то безумном мире мы с Дмитрием жили вместе, нам пришлось бы сохранять это в тайне.

— Ты сама настояла. — Он еле заметно улыбнулся. — Никого это не волнует. Они дали свое согласие. Кроме того, ты говорила, что мы должны жить рядом с Лиссой.

Голова у меня шла кругом. Что происходит? Как такое возможно? Как мы можем жить вместе с Дмитрием, да еще и совсем рядом с морями? Это

было неправильно... но, ох, как правильно ощущалось! Оглядываясь по сторонам, я видела, что это действительно мой дом. Он был выстроен с любовью, нами вместе, Дмитрием и мной. Но... как я могла оказаться здесь с ним? Разве не должна я быть где-то в другом месте и делать что-то совсем другое?

— Ты стригой, — сказала я наконец. — Нет... Ты мертв. Я убила тебя.

Он провел пальцем по моей щеке, по-прежнему улыбаясь, но с оттенком грусти.

— Разве я похож на мертвеца? Разве я похож на стригоя?

Нет. Он выглядел замечательно — очень сексуальный и сильный. Он был в точности такой, каким я его помнила и любила.

— Но ты... — Я замолчала, совершенно сбита с толку. Все это неправильно. Я должна что-то делать, но вот только что? Я никак не могла вспомнить. — Что произошло?

Его рука легла на мои бедра, и он крепко обнял меня.

— Ты спасла меня, — прошептал он мне на ухо. — Твоя любовь спасла меня, Роза. Ты вернула меня к жизни, и теперь мы можем быть вместе.

Неужели? Я ничего такого не помнила. Но все казалось таким реальным — и таким чудесным.

Я соскучилась по его объятиям. Став стригоем, он тоже обнимал меня, но ощущение было совсем иное. И когда он наклонился и поцеловал меня, я точно поняла, что он не стригой. И как я могла обманывать себя в доме Галины? Этот поцелуй был живой. Он воспламенил душу, и когда наши губы слились, я снова ощутила связь между нами, ту самую, которая говорила: для меня в мире нет никого, кроме него.

Вот только я не могла отделаться от чувства, что должна быть не здесь. Но где? Лисса... Что-то с Лиссой...

Я прервала наш поцелуй, но осталась в его объятиях, положив голову ему на грудь.

— Я правда спасла тебя?

— Твоя любовь слишком сильна. Наша любовь слишком сильна. Даже не-мертвые не могут заставить нас расстаться.

Так хотелось поверить в это! Отчаянно. Однако нудный голос все еще звучал в голове. Лисса... Что с Лиссой? И потом я вспомнила. Лисса и Эйвери. Я должна спасти Лиссу от Эйвери. Я резко отстранилась от Дмитрия, и он удивленно посмотрел на меня.

— Что с тобой?

— Все это ненастоящее. Уловка. Ты по-прежнему стригой. Мы не

можем быть вместе... тем более здесь, среди мороев.

— Конечно можем. — В его карих глазах светилась боль, разрывающая мне сердце. — Разве ты не хочешь быть со мной?

— Я должна вернуться к Лиссе...

— Забудь о ней. — Он снова подошел ко мне. — Забудь обо всем. Оставайся здесь, со мной, и у нас будет все, чего мы хотели, Роза. Вместе просыпаться по утрам, вместе проживать свои дни.

— Нет.

Я попятилась, понимая, что, если не сделаю этого, он снова поцелует меня и тогда я пропала. А ведь я нужна Лиссе. Лисса в ловушке. С каждым мгновением все больше деталей относительно Эйвери всплывало в памяти. Все вокруг — просто иллюзия.

— Роза? — В его голосе звучала боль. — Что ты делаешь?

— Мне очень жаль. — Я чувствовала, что вот-вот расплачусь, но должна была вернуться к Лиссе. — Все это ненастоящее. Ты мертв. Мы с тобой никогда не будем вместе, но ей я еще могу помочь.

— Ты любишь ее сильнее, чем меня?

Лисса задала мне почти тот же вопрос, когда я уходила, отправляясь искать Дмитрия. Я обречена всю жизнь выбирать между ними.

— Я люблю вас обоих.

И с этими словами я призвала всю силу воли, чтобы вырваться из ожившей мечты и вернуться к Лиссе, где бы они ни была. Если честно, я могла бы всю оставшуюся жизнь провести в этом воображаемом доме, каждое утро просыпаясь вместе с Дмитрием, как он и сказал. Но... это было бы слишком легко, а если я и научилась чему, так тому, что реальная жизнь легкой не бывает.

Мои тяжкие, мучительные усилия не пропали даром — внезапно я снова вернулась в комнату в Академии. Эйвери стояла, испепеляя меня и Лиссу взглядом. Я поняла, что она сделала — вытащила воспоминания, которые сильнее всего терзали меня, и попыталась заморочить мне голову, отвлечь от Лиссы с помощью иллюзии того, чего я хотела больше всего на свете. Я вырвалась из ловушки Эйвери и была очень довольна этим — несмотря на боль в сердце. Жаль, что я не могла напрямую контактировать с ней; уж я сказала бы все, что думаю о ней и ее игре. Увы, это не представлялось возможным, поэтому я снова поделилась своей волей с Лиссой, и вместе мы сошли с карниза на пол.

Эйвери заметно вспотела, и когда она осознала, что проиграла в психическом «перетягивании каната», ее хорошенькое личико стало отталкивающим.

— Прекрасно, — заявила она. — Есть более легкий способ убить тебя.

Внезапно в комнату вошел Рид с обычным враждебным видом. Я понятия не имела, откуда он пришел или как узнал, что должен появиться именно сейчас, но он устремился напрямик к Лиссе, протягивая к ней руки. Открытое окно маячило за ее спиной, и не требовалось быть гением, чтобы разгадать его намерения. Эйвери пыталась заставить Лиссу спрыгнуть с помощью принуждения. Рид собирался просто столкнуть ее.

Мы с Лиссой мысленно переговорили друг с другом.

«Ладно, — сказала ей я. — Придется поменяться ролями».

«О чем ты?»

Страх затопил ее, что было вполне понятно, учитывая, что через несколько секунд руки Рида должны были дотянуться до нее.

«Я только что выдержала борьбу психических сил, — ответила я. — Значит, тебе предстоит сразаться в самом обычном смысле этого слова. И я покажу тебе, как это делается».

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Лиссе не требовалось ничего объяснять, чтобы я поняла, в каком она шоке. Хлынувшее в меня ощущение полного потрясения говорило само за себя. Мне, однако, нужно было срочно кое-что сказать ей: «*Пригнись!*»

Думаю, это от удивления она среагировала так быстро — припала к полу. Слегка неуклюжее движение, но оно устранило возможность прямого нападения Рида и слегка отодвинуло ее от окна. И хотя он все же задел ее плечо и висок, боль была несильной.

Конечно, слова «несильная боль» означали не одно и то же для нее и для меня. Лиссу два раза пытали, но в основном ей приходилось сражаться психически. У нее отсутствовал опыт физической схватки один на один. Если, скажем, меня швыряли о стену, это, с моей точки зрения, был заурядный инцидент; но для нее даже несильный удар по голове вырастал в нечто грандиозное.

«*Отползай, — приказала я. — Отодвигайся от него и от окна. Если получится, в сторону двери.*»

Лисса поползла на руках и коленях, но слишком медленно. Рид схватил ее за волосы. У меня возникло чувство, будто мы играем с ней в «испорченный телефон». Пока я дам ей очередное указание да пока она осознает, что нужно делать... с таким же успехом можно передавать ей указания через пяток посредников. Хотелось бы мне управлять ее телом, словно кукловод марионеткой, но я же не пользователь духа.

«*Это будет больно, но развернись, насколько сможешь, и ударь его.*»

Ох, это было больно! Рид не выпускал ее волос, только сильнее тянул за них. Впрочем, она справилась неплохо и принялась молотить Рида руками. Неумело, нескоординировано, но это удивило его настолько, что он отпустил ее волосы и начал отбиваться. В этот момент я заметила, что с координацией у него тоже не все в порядке. Он был сильнее Лиссы, да, но явно не обучался боевым искусствам и знал только самые простые удары, плохо балансируя вес тела. Он пришел сюда не в расчете на драку как таковую; он пришел с целью просто столкнуть ее с окна.

«*Уходи, если сможешь! Уходи, если сможешь.*»

Она ползла по полу, но, к сожалению, не в направлении двери, а дальше в глубину комнаты, пока не ударилась спиной о вращающееся кресло у письменного стола.

«*Хватай его! Ударь Рида!*»

Легче сказать, чем сделать. Он не отставал, пытаясь схватить ее и поставить на ноги. Она вцепилась в кресло и начала разворачивать его к Риду. Я хотела, чтобы Лисса подняла кресло и ударила им Рида, но для нее оно было тяжеловато. Однако она сумела встать и поместить кресло между ними.

Я велела ей продолжать бить его креслом с целью заставить отступить. Отчасти это у нее получилось, но серьезного вреда причинить ему не удалось — на это у нее не хватало сил.

Я тем временем отчасти ожидала, что в драку вмешается Эйвери. Она запросто могла помочь Риду, чтобы сломить Лиссу. Вместо этого, заметила я краешком глаза Лиссы, она сидела совершенно спокойно, с утратившим фокус и слегка остекленевшим взглядом. Ладно. Это странно, но я не против, чтобы она не участвовала в конфликте.

Между тем Лисса и Рид оказались в патовой ситуации, и я должна была помочь ей вырваться.

«Хватит защищаться, — сказала я. — Ты должна атаковать его».

Тут же пришел ответ.

«Что? Я не умею делать такие вещи! Просто не знаю как!»

«Я покажу тебе. Ударь его ногой — желательно между ног. Большинство парней от этого сразу выходят из строя».

Без дальнейших рассуждений я попыталась передать ей непосредственное ощущение — как напрячь мышцы, как нанести удар. Исполнившись решимости, она откатила кресло в сторону, открыв себе доступ к Риду. Это удивило его, он на мгновение открылся, и она врезала ему ногой. В самое уязвимое место не попала, но ударила по колену. Почти так же хорошо. Нога под ним подломилась, он пошатнулся и еле-еле успел схватиться за кресло. Под его руками оно развернулось, что на пользу Риду не пошло.

Без дальнейших понуканий Лисса рванула к двери... вот только та оказалась заблокирована. Только что вошел Симон. На мгновение и Лиссу, и меня охватило чувство облегчения. Страж! Стражи — это безопасность. Стражи защищают нас. Штука в том, что этот страж работал на Эйвери, и моментально стало ясно, что он готов охранять ее не только от стригоев. Войдя в комнату, он без колебаний схватил Лиссу и грубо потащил ее к окну.

Я на мгновение заколебалась. Я неплохо справлялась, показывая ей, как отбиваться от молодого парня. Но страж? И конечно, молодой парень быстро пришел в себя и присоединился к Симону, чтобы довершить начатое.

«Примени к нему принуждение!»

Последнее отчаянное указание. В этом Лисса была сильна. К несчастью, хотя ее организм в достаточной степени переработал выпитый раньше алкоголь, чтобы координация улучшилась, с точки зрения управления духом его воздействие все еще сказывалось. Она не могла дотянуться до своей силы, лишь совсем чуть-чуть и нескладно. Тем не менее ее решимость была чрезвычайно сильна. Она притянула столько духа, сколько смогла, направляя его в принуждение. Ничего не произошло. Потом я почувствовала странное покалывание в голове и сначала подумала, что это Эйвери «проснулась». Но нет, это подросла помощь, кто-то дотянулся через меня до Лиссы.

Сила хлынула в Лиссу, и до меня дошло, что именно случилось. Оксана все еще была здесь, где-то на заднем плане, и она снова отдавала свою силу — через меня Лиссе. Симон замер, и это выглядело почти смешно. Он покачивался туда и обратно, пытаясь тащить ее дальше и довести до конца свою смертоносную задачу. Как будто застрял в «Джелло».^[5]

Лисса не решалась бежать, из страха, что утратит контроль. Вдобавок оставалась проблема с Ридом, который не находился под принуждением, но к этому моменту он выглядел слишком сбитым с толку.

— Ты не можешь вот так взять и убить меня! — Выпалила Лисса. — Думаешь, люди не станут задавать вопросы, когда найдут мое выброшенное из окна тело?

— Они ничего не заметят, — натянуто ответил Симон, даже каждое слово требовало от него усилий. — Тебя воскресят. Если же не получится, тогда спишут на трагический инцидент, случившийся с неуравновешенной девушкой.

Медленно, но верно он начал вырываться из-под принуждения. Ее сила ослабела немного — где-то существовала брешь, через которую она утекала. Может, под воздействием Эйвери, а может, Лисса просто устала. Или и то и другое. На лице Симона возникло выражение крайнего удовлетворения, он дернул Лиссу вперед и потом...

...замер снова.

На периферии зрения Лиссы вспыхнула золотистая аура. Она оглянулась и увидела в дверном проеме Адриана. С обычным для него смешливым выражением лица и в подпитии, он тем не менее понял достаточно, чтобы нацелиться на Симона. Сейчас стража удерживало на месте принуждение Адриана. Лисса вырвалась из рук Симона, стараясь как можно дальше отодвинуться от проклятого окна.

— Держи его! — Закричала она.

Адриан состроил гримасу.

— Не... могу. Что за черт? Такое чувство, будто здесь кто-то еще...

— Эйвери, — сказала Лисса, бросив на ту быстрый взгляд.

Лицо Эйвери было бледно даже для моройки, дышала она тяжело и сильно потела. Это она боролась с принуждением Адриана. Несколько мгновений спустя Симон снова освободился и начал надвигаться на Лиссу и Адриана, хотя его движения выглядели вялыми.

«Сукин сын», — подумала я.

«И что теперь?» — Спросила Лисса.

«Рид. Займись Ридом. Отделайся от него».

Пока шла схватка с Симоном, Рид стоял словно зачарованный. И, как у Симона, его движения казались немного замедленными. Тем не менее он снова устремился к Лиссе. Симон, видимо, рассматривал в качестве непосредственной угрозы Адриана и направился к нему. Самое время убедиться, верен ли лозунг «Разделяй и властвуй!».

«А как же Адриан?» — Спросила Лисса.

«На минутку предоставим ему действовать самостоятельно. Займись Ридом. Врежь ему».

«Что?»

И все же она послушалась, исполненная такой решимости, которая наполнила меня гордостью. Рид оскалился, словно рычащий зверь, он был слишком уверен в своих силах, хотя еще плохо соображал и двигался неуклюже. И снова я попыталась научить Лиссу без слов, попыталась заставить ее почувствовать, что это такое — ударить кого-то. Как откинуть назад руку, как сжать пальцы, как стянуть к ним всю свою силу. После того что она делала раньше, я могла рассчитывать лишь на какое-то подобие удара; главное, не подпустить его к себе, создать новое препятствие.

И тут произошло нечто поистине прекрасное.

Лисса ударила Рида по носу. В смысле, врезала от души. Мы обе услышали, как хрустнул нос. Хлынула кровь. Он отлетел назад с вытаращенными глазами. Лисса тоже широко распахнула глаза — никогда, никогда я не подумала бы, что она способна на такое. Милая, деликатная, прекрасная Лисса.

Мне хотелось вопить и плясать от радости. Но это был еще не конец.

«Не останавливайся! Врежь ему еще раз. Нужно вывести его из игры».

«Я уже сделала это!» — Закричала она, ужасаясь делам рук своих.

Ее кулак тоже болел. Эту часть я опустила, когда давала свои

инструкции.

«Нет, ты должна вывести его из строя, — сказала я ей. — Думаю, он и Эйвери связаны, и она берет свою силу у него».

Сейчас это приобретало смысл, учитывая, что он замер, когда Эйвери вытягивала силу для принуждения, и что он знал, в какой момент нужно появиться. Она использовала их связь, чтобы вызвать его.

Тогда Лисса снова набросилась на Рида, нанесла ему два удара, один из которых отбросил его головой об стену. Он раскрыл рот, лицо обвисло, взгляд безучастный. Он сполз на пол, не то чтобы полностью без сознания, но на время явно вышел из игры. Я услышала, как в стороне негромко вскрикнула Эйвери.

Лисса повернулась к Адриану и Симону. Адриан оставил всякие попытки принуждения, потому что Симон набросился на него по-настоящему. На лице Адриана явственно виднелись следы нескольких ударов; судя по всему, он, как и Лисса, никогда не участвовал в рукопашных схватках. Мне не пришлось даже ничего подсказывать Лиссе. Она зашагала к ним и снова применила принуждение. Симон удивленно дернулся — она застала его врасплох. Лисса была еще слаба, но уверенности у нее прибавилось, как я и рассчитывала.

— Помоги мне! — Закричала Лисса Адриану.

На мгновение атака Симона приостановилась, и Адриан снова воззвал к духу. Магия потекла через него — Лисса видела и чувствовала изменения в его ауре. Он тоже психически атаковал Симона, а спустя мгновение я почувствовала, как к ним присоединилась и Оксана. Мне хотелось изображать из себя генерала и раздавать приказы, но теперь это было не мое сражение.

Глаза Симона широко распахнулись, и он упал на колени. Лисса чувствовала двух других пользователей духа — присутствие Оксаны ее удивило — и то, что они пытаются добиться от Симона не совсем того, что она. Лисса принуждала его прекратить атаку и просто сидеть, не шевелясь. На мгновение соприкоснувшись с магией Адриана, она поняла, что тот пытается усыпить стража, а Оксана добивалась, чтобы он выбежал из комнаты.

Эти противоречащие друг другу посылы и в целом наплыв огромного количества силы создали такую мощную приливную волну духа, что защита Симона окончательно пала, он рухнул на пол и потерял сознание. Лисса и Адриан повернулись к Эйвери, но в этом не было нужды.

Как только волна духа накрыла Симона, Эйвери начала кричать. И кричала, и кричала без остановки, ужасающим, скрежещущим голосом,

сжимая ладонями голову. Лисса и Адриан обменялись взглядами, не зная, как справиться с этой новой ситуацией.

— Ради бога... — еле слышно сказал совершенно вымотанный Адриан. — Как заставить ее заткнуться?

Лисса не знала. На мгновение мелькнула мысль подойти к Эйвери и помочь ей, несмотря на все случившееся. Однако очень быстро Эйвери смолкла сама. Она не потеряла сознания, просто сидела, тупо глядя перед собой. Ее лицо не оцепенело, как тогда, когда она призывала дух; оно не выражало... ничего. Как будто она была полностью внутренне опустошена.

— Ч-ч-что с ней? — Спросила Лисса.

Я знала ответ.

«Дух перетек от Симона к ней. Это выжгло ее».

Лисса вздрогнула.

«Почему он перетекал от Симона к ней?»

«Потому что они связаны».

«Ты же говорила, что она связана с Ридом!»

«Так и есть. Она связана с ними обоими».

Пока Лисса сражалась за собственную жизнь, ей было не до того, чтобы разглядывать ауры своих противников, зато я видела их ее глазами. Эйвери больше не маскировала свою, и она сияла чистым золотом, как у Лиссы и Адриана. Ауры Симона и Рида были почти идентичны — обычной окраски и обведенные черным. Они оба были «поцелованы тьмой», обоих из-за грани смерти вернула к жизни Эйвери.

Ни о чем больше не спрашивая, Лисса упала в объятия Адриана. В этом не было ничего романтического, просто оба испытывали отчаянную потребность в близости друга.

— Как ты догадался прийти? — Спросила его Лисса.

— Шутишь? Как я мог не прийти? Со всеми этими сражающимися духами вы пылали, точно костер. Я почувствовал его с другой стороны кампуса. — Он оглянулся. — Господи, у меня в голове тысяча вопросов.

— У меня не меньше, — пробормотала Лисса.

«Мне пора уходить», — сказала я ей.

Было грустно покидать их.

«Я скучаю по тебе. Ты вернешься?»

«Очень скоро».

«Спасибо тебе. Спасибо за то, что была здесь со мной».

«Всегда пожалуйста. — Думаю, в этот момент мое тело улыбнулось».

— Ох, Лисса, знаешь что? Передай Адриану, что я горжусь им».

Комната Академии растаяла. Я снова сидела на кровати; нас с Лиссой

разделяло полмира. Эйб с беспокойством смотрел на меня. Марк тоже беспокоился, но его взгляд был прикован к Оксане, лежащей рядом со мной. Она чуть-чуть напоминала Эйвери — такая же бледная и потная. Марк сжал ее руки.

— Как ты?

Она улыбнулась.

— Просто устала. Со мной все в порядке.

Мне хотелось обнять ее.

— Спасибо тебе. Огромное спасибо.

— Я рада, что оказалась полезной, — ответила она. — Но, надеюсь, никогда больше не придется делать такого. Это было... странно. Знаю, какую роль играла.

— Я тоже.

И это действительно было странно. Иногда казалось, что Оксана там, сражается вместе с Лиссой и остальными. В другие моменты возникало чувство, что Оксана как бы сливается со мной. Я вздрогнула. Слишком много разумов переплелись друг с другом.

— В следующий раз ты должна быть рядом с ней, — сказала Оксана. — В реальном мире.

Смущенная, сбитая с толку, я посмотрела на свои руки. На пальце сверкнуло серебряное колечко. Я сняла его и протянула Оксане.

— Это кольцо спасло меня. Может оно исцелить тебя, хотя ты его и сделала?

Она поддержала кольцо мгновение и вернула мне.

— Нет, как я уже говорила, со мной все будет в порядке. Я быстро исцеляюсь сама.

Наверно, так оно и есть. Мне приходилось видеть, как Лисса удивительно быстро исцеляла сама себя. Еще один из эффектов постоянного присутствия духа. Я смотрела на кольцо, испытывая смутное беспокойство. А-а, вот оно что. Эта мысль пришла мне в голову, пока пожилая пара везла меня в Новосибирск, а я то приходила в сознание, то снова теряла его.

— Оксана... один стригой касался этого кольца. И на несколько мгновений... пока он касался его... он не перестал быть стригоем, никаких сомнений. Но он стал почти таким, как прежде.

Оксана ответила не сразу. Она посмотрела на Марка, их взгляды встретились и задержались друг на друге надолго. Он прикусил губу и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это выдумка.

— Что? — Воскликнула я, переводя взгляд с одного на другую. — Если вам известно что-то об этом — о стригоях, — вы должны рассказать мне.

Марк резко заговорил по-русски, с нотками предостережения в голосе. Оксана, со своей стороны, выглядела непреклонной.

— Не наше право — утаивать информацию, — ответила она и с очень серьезным видом посмотрела на меня. — Марк ведь рассказывал тебе о морое, с которым мы встретились много лет назад... еще одном пользователе духа?

— Да.

— Он часто рассказывал всякие истории... большинство которых походили на выдумки. В одной из них он утверждал, что вернул стригоя к жизни.

Эйб, до этого молчавший, фыркнул.

— Это уж точно небылица.

— Что? — Внезапно мир вокруг начал вращаться. — Как?

— Не знаю. В детали он никогда не вдавался, а если и вдавался, то они зачастую менялись. С головой у него было не в порядке. Думаю, половина того, что он рассказывал, игра воображения.

— Он сумасшедший, — сказал Марк. — Это неправда. Не следует поддаваться фантазиям безумца. Не зацикливайся на них, а не то это станет следующей целью твоих неусыпных поисков. Между тем тебе нужно возвращаться к своей подруге, с которой ты связана.

Я сглотнула, чувствуя, что вся внутри пылаю. Неужели пользователь духа действительно вернул стригоя к жизни? Теоретически, поскольку пользователи духа могут исцелять и даже оживлять мертвых, почему бы им не проделывать то же самое с не-мертвыми? И Дмитрий... Дмитрий определенно казался другим, пока держал в руке кольцо. Может, дух при этом воздействовал на него, дотягивался до некоторой частички его прежнего «я»? А я тогда подумала, что он размягчился под воздействием воспоминаний о своих родных...

— Мне нужно поговорить с этим мороем, — пробормотала я.

Хотя... зачем? Выдумка или нет, уже слишком поздно. Я сделала, что хотела. Убила Дмитрия. Теперь ничто не вернет его к жизни, никакое чудо духа. Сердце заколотилось чаще, я едва дышала. Внутренним взором я видела, как он падает, падает, падает... с колом в груди. Говорил ли он при этом, что любит меня? Всю оставшуюся жизнь я буду задаваться этим вопросом.

Боль и печаль затопили меня — но одновременно и облегчение.

Дмитрий стал созданием зла, а я освободила его, даровала мир и покой. Может, он и Мейсон теперь вместе на небесах, оттачивают боевые приемы стражей. Я поступила правильно, и не о чем сожалеть.

Не догадываясь о моих переживаниях, Оксана среагировала на последние слова.

— Марк не шутит. Этот человек безумен — если вообще жив. В последний раз, когда мы встречались с ним, он едва был в состоянии поддерживать разговор или даже использовать свою магию. Он скрывается. Никто не знает, где он, — за исключением, может быть, его брата.

— Хватит, — предостерегающе сказал Марк.

В Эйбе, однако, пробудилось любопытство. Он наклонился вперед — вылитый змей.

— Как звать того человека?

Марк заколебался, но потом ответил:

— Роберт Дору.

Как бессмысленно все это, осознала я! Этого человека не найти; к тому же, вполне вероятно, в приступе безумия он вообразил всю эту историю со спасением стригоя. Дмитрий ушел, одна часть моей жизни подошла к концу. Я должна вернуться к Лиссе.

Тут я заметила, что Эйб подозрительно примолк.

— Ты знаешь его? — Спросила я.

— Нет. А ты?

— Нет. — Я вгляделась в лицо Эйба. — У тебя определенно такой вид, будто ты что-то знаешь, Змей.

— Мне кое-что известно о нем, — ответил Эйб. — Он незаконнорожденный королевский морой. У его отца была связь, результатом которой и стал Роберт. Отец всегда относился к нему как к члену семьи. Роберт и его сводный брат росли вместе, хотя не многие знали правду. — Но уж Эйб, безусловно, знал. — Дору — фамилия его матери.

Неудивительно. Среди королевских семей нет такой — Дору.

— А как фамилия его отца?

— Дашков. Трентон Дашков.

— Это имя мне известно, — сказала я.

Я встречалась с Трентоном Дашковым много лет назад, когда сопровождала Лиссу и ее родных на праздничный королевский прием. Тогда Трентон выглядел сутулым стариком, на грани смерти. Морои часто живут больше ста лет, но ему было сто двадцать — даже по их меркам это глубокая старость. Никаких слухов или перешептываний о наличии у него незаконнорожденного сына я не слышала, а вот его рожденный в браке сын

присутствовал там. Даже танцевал со мной и вел себя в высшей степени любезно с безвестной дампирской девочкой.

— Трентон — отец Виктора Дашкова, — сказала я. — Ты хочешь сказать, что Роберт Дору — сводный брат Виктора Дашкова?

Эйб кивнул, по-прежнему не спуская с меня пристального взгляда. Такое впечатление, что он знал все; вполне вероятно, даже мою историю с Виктором.

— Виктор Дашков — важная персона? — Нахмурившись, спросила Оксана.

Из своего сибирского дома она внезапно перенеслась в запутанную неразбериху морейской политики, даже не догадываясь, что речь идет о человеке, который мог бы стать королем, но сейчас сидел в тюрьме.

Я засмеялась — но не потому, что ситуация казалась мне смешной. Вся история выглядела невероятной, и истерический смех был единственным способом «выпустить пар», а вместе с ним и владевшие мной безумные чувства. Раздражение. Смирение. Ирония.

— Что тебя так позабавило? — С некоторым испугом спросил Марк.

— Ничего, — ответила я, чувствуя, что если не перестану смеяться, то расплачусь. — Это просто так. Ничего забавного.

Какой удивительный поворот моей жизни! Единственным человеком, возможно знающим что-то о спасении стригоев, был сводный брат моего злейшего врага, Виктора Дашкова. И он же единственный, кто, возможно, знал, где Роберт. Виктору было удивительно много известно о духе, и теперь я догадывалась, из какого источника.

Впрочем, все это не имело значения. Даже если бы Виктор и сам мог вернуть к жизни стригоя, Дмитрий умер, от моей руки. Я не знала другого способа спасти его, и теперь он мертв. Когда мне пришлось выбирать между ним и Лиссой, я выбрала его. Теперь такой вопрос не возникал. Я выбираю ее. Она настоящая. Живая. Дмитрий остался в прошлом.

До этого я рассеянно смотрела в стену, а теперь подняла взгляд на Эйба.

— Ладно, старикан. Упаковывай меня и отправляй домой.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Перелет длился около тридцати часов.

Добраться из самого сердца Сибири до самого сердца Монтаны оказалось нелегко. Из Новосибирска в Мизулу я летела через Москву, Амстердам и Сиэтл. Четыре рейса. Пять разных аэропортов. Много беготни. Это выматывало. Тем не менее, когда в Сиэтле я вручала свой паспорт, чтобы меня пропустили в США, то почувствовала прилив эмоций — радость и облегчение.

Я почему-то думала, что Эйб полетит со мной и сдаст меня с рук на руки тому, кто его нанял.

— Ты действительно намерена вернуться? — Спросил он меня в аэропорту. — В школу? Не собираешься удрать на одной из остановок и снова исчезнуть?

Я улыбнулась.

— Нет. Я возвращаюсь в Академию.

— И останешься там? — Давил он.

Он не выглядел таким опасным, как в Бийске, но глаза по-прежнему смотрели жестко. Моя улыбка увяла.

— Откуда мне знать, как пойдут дела? Я ведь бросила школу.

— Роза...

Я вскинула руку, останавливая его и удивляясь собственной решимости.

— Хватит. Ты сказал, тебя наняли, чтобы доставить меня обратно, и не твое дело, что я буду делать потом.

По крайней мере, я на это надеялась. В Академии были люди, которые жаждали моего возвращения. Скоро я окажусь там. Они победили. Услуги Эйба больше не требовались.

Тем не менее, расставаясь со мной, он почему-то не выглядел счастливым. Глядя на взлетающий самолет, он вздохнул.

— Тебе пора идти, иначе опоздаешь на свой рейс.

— Спасибо тебе за... — За что? За помощь? — За все.

Я повернулась, но он коснулся моего плеча.

— Другой одежды у тебя с собой нет?

Мои тряпки были разбросаны по всей России. У одной девушки-алхимика оказались подходящие туфли, джинсы и свитер, а все остальное я собиралась приобрести в США.

— Мне больше ничего не нужно.

Эйб дугой выгнул бровь, посмотрел на одного из своих стражей и сделал еле заметный жест в мою сторону. Тот моментально снял куртку и протянул ее мне. Парень был тощий, но она все равно была велика.

— Нет, не нужно...

— Возьми ее, — приказал Эйб.

Я взяла ее, и потом, к полному моему потрясению, Эйб начал сматывать со своей шеи шарф, один из самых шикарных: кашемировый, сотканный из множества нитей ярких оттенков — более уместный где-нибудь на Карибах, чем здесь или в Монтане. Я запротестовала, но выражение его лица заставило меня смолкнуть. Я накинула шарф на шею и поблагодарила его, задаваясь вопросом, доведется ли нам когда-нибудь встретиться снова. Однако спрашивать об этом не стала, испытывая отчетливое ощущение, что он мне ничего не скажет.

Когда тридцать часов спустя я наконец приземлилась в Мизуле, то знала точно — у меня не возникнет желания лететь куда бы то ни было в ближайшее время... ну, скажем, ближайшие лет пять. Может, десять. Без багажа я быстро прошла в аэропорт. Эйб послал сообщение о моем прибытии, но я понятия не имела, кого отправят встречать меня. Скорее всего, Альберту, думалось мне, главу стражей Академии. Или, может, мою мать. Я никогда не знала, где она находится в данный момент, и внезапно мне — правда-правда — ужасно захотелось увидеться с ней. Логично, если бы отправили ее, верно?

Поэтому я слегка удивилась, когда выяснилось, что на выходе меня ждал Адриан. Улыбка расплылась на моем лице, я ускорила шаг и обняла его, к нашему общему изумлению.

— Никогда в жизни так не радовалась встрече с тобой, — сказала я.

Он крепко сжал меня, а потом отпустил, восхищенно разглядывая.

— Сны никогда не отражают реальной жизни, маленькая дампирка. Ты выглядишь изумительно.

Я привела себя в порядок после сурового испытания со стригоями, и, несмотря на мои протесты, Оксана продолжала исцелять меня — сошли даже синяки на шее, о происхождении которых она никогда не расспрашивала.

— А ты выглядишь...

Я внимательно изучала его. Одет он был, как всегда, прекрасно — удлиненное шерстяное пальто и зеленый шарф под стать его глазам. Темные волосы взъерошены в искусном беспорядке, который ему так нравился, но его лицо... Как я уже говорила, Симон сумел нанести ему

несколько серьезных ударов. Один глаз Адриана заплыл, и под ним красовался огромный синяк. Тем не менее, учитывая недавнее бесстрашие в схватке, никакие изъяны не портили его внешность.

— ...великолепно.

— Лгунья.

— Неужели Лисса не могла исцелить твой синяк?

— Это почетная метка. Заставляет чувствовать себя мужчиной.

Пошли, экипаж подан.

— Почему послали тебя? — Спросила я по дороге на парковку. — Ты ведь трезв.

Этот последний вопрос он не удостоил ответа.

— Школа официально не несет ответственности за тебя, учитывая, что ты ее бросила и все такое. Так что они не обязаны организовывать встречу. Никто из твоих друзей не может покинуть кампус... Но я? Я всего лишь свободный дух, болтаюсь, где хочу. Я нанял машину, и вот я здесь.

Его слова породили во мне смешанную реакцию. Я была тронута тем, что он взял на себя труд приехать сюда, но меня обеспокоила та часть, согласно которой школа не несет больше ответственности за меня. Во всех своих путешествиях я всегда думала об Академии Святого Владимира как о своем доме... однако технически она больше им не была. Я буду тут просто гостем.

Пока мы ехали, Адриан рассказывал о последних событиях в школе. После того серьезного поединка я практически не проникала в сознание Лиссы. Оксана исцелила мое тело, но психически я все еще чувствовала себя измотанной. И грустила. Да, я выполнила то, что задумала, но образ падающего во тьму Дмитрия преследовал меня.

— Выяснилось, что ты была права о связи Эйвери с Ридом и Симоном, — говорил Адриан. — Вот что нам удалось выяснить. Несколько лет назад Симон был убит в сражении, свидетельницей чего стала Эйвери. Все сочли чудом, что он выжил, никто не знал, что произошло на самом деле.

— Она скрывала свою силу, как и все вы, — сказала я. — А Рид умер позже?

— Странная штука. Никто не может точно сказать, когда он умирал. В смысле, он же королевский морой. Над ним всю жизнь тряслись. Но, основываясь на том, что мы выяснили — а это не много, поскольку все они сейчас в плохой форме, — похоже, Эйвери сознательно убила его и потом вернула к жизни.

— Прямо как с Лиссой, — заметила я, вспомнив слова Симона во

время драки. — Эйвери хотела убить ее, воскресить и заполучить под свое крыло. Но почему именно Лисса?

— Могу лишь высказать догадку. Потому что она пользователь духа. Теперь, когда дух перестал быть тайной, это было вопросом времени — чтобы Эйвери услышала обо мне и Лиссе. Думаю, она рассчитывала, что от связи с Лиссой ее сила возрастет. А пока высасывала энергию из этих двоих. — Адриан покачал головой. — Я не шутил, говоря, что дух ощущался по всему кампусу. Сколько его понадобилось Эйвери, чтобы принуждать группу людей, маскировать свою ауру и кто знает для чего еще? Это просто потрясает.

Я смотрела на шоссе перед нами, размышляя о последствиях того, что натворила Эйвери.

— Вот почему Рид вел себя так странно, был такой раздраженный, постоянно готов к драке. Он и Симон впитывали всю тьму, которую она испускала, используя дух. То же самое делаю я для Лиссы.

— Да, вот только ты ни в чем не похожа на этих парней. С Симоном это не так бросалось в глаза — он лучше умел сдерживаться, — но оба буквально находились на грани. А теперь? Они уже за гранью. Все трое.

Я вспомнила, как Симон смотрел в пространство, а Эйвери кричала. И вздрогнула.

— Когда ты говоришь, что они за гранью?..

— Я имею в виду полное и совершенное безумие. Им предстоит всю оставшуюся жизнь провести в соответствующем лечебном заведении.

— И... это всем нам грозит? — В ужасе спросила я.

— Отчасти. Эйвери обрушила на нас свою мощь, а мы перевели удар обратно на нее, и... их мозги просто не выдержали перегрузки. Учитывая, до чего раньше дошли Рид и Симон, среда для безумия была подготовлена. С Эйвери дело обстояло так же.

— Марк был прав, — пробормотала я.

— Кто?

— Еще один «поцелованный тьмой», которого я встретила. Он говорил о том, что, может быть, когда-нибудь мы с Лиссой научимся избавлять друг друга от тьмы. Это требует тщательного баланса сил между пользователем духа и «поцелованным тьмой». Я еще не совсем въезжаю, но мне почему-то кажется, что маленький кружок из трех, созданный Эйвери, не мог справиться с подобной задачей. Не думаю, что это полезно для здоровья — связь больше чем с одним человеком.

— Ха! — Адриан надолго умолк, обдумывая услышанное. В конце концов он рассмеялся. — Господи, просто не верится, что ты нашла еще

одного пользователя духа и «поцелованного тьмой». Все равно что найти иголку в стоге сена, но с тобой именно такие вещи все время и случаются. Жду не дожусь услышать о том, что еще произошло с тобой.

Я отвернулась, прижавшись щекой к стеклу.

— На самом деле это не очень интересно.

Никто из служащих Академии не знал о моей роли в поединке с Эйвери. Поэтому, когда мы приехали, никто ни о чем меня не спрашивал. Они все еще наводили порядок и задавали бесконечные вопросы Адриану и Лиссе. Дух представлял собой настолько новый феномен, что никто не знал, как воспринимать случившееся. Эйвери и связанных с ней парней увезли в соответствующее лечебное учреждение, а ее отец взял временный отпуск.

Адриан зарегистрировал меня как свою гостью, чтобы провести в кампус. Как и всем посетителям, мне дали перечень мест, где я могу находиться, с указанием того, что можно и что нельзя делать. Я тут же проигнорировала его.

— Я должна уйти, — заявила я Адриану.

Он понимающе улыбнулся мне.

— Я догадался.

— Спасибо за то... что приехал встретить меня. Прости, что должна тебя покинуть...

Он отмахнулся от моих слов.

— Ты не покидаешь меня. Ты вернешься. Вот что важно. Я так долго проявлял терпение, могу и еще немного подождать.

Наши взгляды встретились, теплые чувства, внезапно вскипевшие внутри, испугали меня. Правда, я оставила их при себе, только коротко улыбнулась Адриану и зашагала через кампус.

Многие бросали на меня странные взгляды, пока я добиралась до спального корпуса Лиссы. Уроки только что окончились, и ученики носились по своим делам. Тем не менее стоило мне оказаться рядом, и все смолкали. Примерно та же картина наблюдалась, когда мы с Лиссой вернулись в школу после побега. Все глазели на нас, когда мы проходили через кафетерий.

Может, виновато мое воображение, но на этот раз все казалось хуже. Взгляды более потрясенные. Молчание тяжелее. В прошлый раз, мне думается, люди решили, что наш побег был просто выходкой. Теперь никто на самом деле не знал, почему я уехала. Из нападения на школу я вышла героиней, тут же бросила учебу и исчезла. По-моему, некоторым товарищам Лиссы по спальному корпусу казалось, что они видят призрак.

Я здорово поднаторела в игнорировании сплетен и оценок и проносила мимо зевак, не устаивая их взгляда и перепрыгивая через две ступеньки. Добравшись до ее коридора, я перекрыла себе возможность воспринимать чувства Лиссы. Может, и глупо, но мне хотелось открыть глаза и увидеть ее воочию, не зная заранее, что она ощущает и о чем думает. Я постучала в дверь.

Адриан сказал, что видеть меня во сне совсем не то, что лично. То же относилось и к Лиссе. Одно дело — находиться в ее голове, и совсем другое — оказаться рядом с ней в реальности. Дверь открылась, и как будто некое видение материализовалось передо мной; посланец, спустившийся с небес. Мы никогда не расставались на такой долгий срок.

Она поднесла руку ко рту, широко распахнув глаза. Думаю, у нее было то же чувство, что и у меня, ведь ее даже не предупредили о моем приезде. Просто сказали, что я прибуду «скоро». Уверена, я показалась ей призраком.

И наше воссоединение... было такое ощущение, словно я вышла из темной пещеры, где провела почти пять недель, на яркий свет дня. Когда Дмитрий стал стригоем, мне казалось, я утратила часть души. Покинув Лиссу, я лишилась еще одной части. Теперь же при виде ее я подумала, что, может, душа моя еще исцелится. Может, я смогу продолжать жить дальше. Моя целостность восстановилась не на все сто процентов, но Лисса заполнила собой пустовавшую часть меня. Больше, чем когда-либо в последние годы, я чувствовала себя самой собой.

Молчание, сотканное из миллиона невысказанных вопросов и недоумений, повисло между нами. Несмотря на все случившееся с Эйвери, многие проблемы, связанные с моим уходом из школы, оставались нерешенными. Впервые с тех пор, как я снова ступила на землю Академии, мною овладел страх. Вдруг Лисса отвергнет меня за все, что я натворила? Или, по крайней мере, накричит?

Ничего подобного — она заключила меня в жаркие объятия.

— Я знала... — сказала она, захлебываясь рыданиями. — Знала, что ты вернешься.

— Конечно, — пробормотала я, уткнувшись ей в плечо. — Я же сказала, что вернусь.

Моя лучшая подруга. Моя лучшая подруга снова со мной. Раз так, я сумею оправиться от всего, что произошло в Сибири. Смогу продолжать жить дальше.

— Прости, — сказала она. — Прости меня за все, что я сделала.

Я удивленно отодвинулась от нее, вошла в комнату и закрыла дверь.

— За что мне тебя прощать?

Я пришла сюда, ожидая, что она все еще сердится на меня за отъезд. Безобразной истории с Эйвери не произошло бы, будь я здесь. Я винила в этом себя.

Она, все еще с мокрыми глазами, села на постель.

— За то, что я сказала... когда ты уезжала. Я не имела права говорить такое. Я не имела права командовать тобой. Еще у меня ужасное чувство, потому... — Она провела рукой по глазам, пытаясь вытереть слезы. — У меня ужасное чувство, потому что я сказала, что не стану возвращать к жизни Дмитрия. В смысле, теперь это не имеет значения, но я все равно должна была предложить...

— Нет, нет! — Я опустилась перед ней и взяла ее руки в свои, все еще потрясенная тем, что снова вижу ее. — Посмотри на меня. Тебе не о чем сожалеть. Я тоже наговорила много лишнего. Так бывает, когда люди расстроены. Ни тебе, ни мне не стоит ругать себя за это. А что касается возвращения его к жизни... — Я вздохнула. — Ты поступила правильно, отказавшись. Даже если бы его нашли до обращения, это не имело бы значения. Без риска для себя ты можешь быть связана только с одним человеком. Вот отчего у Эйвери снесло крышу.

Это лишь отчасти объясняло, почему у Эйвери поехала крыша. Манипуляции и злоупотребление силой тоже сыграли огромную роль.

Рыдания Лиссы начали стихать.

— Как ты сделала это, Роза? Как ты появилась в тот момент, когда я нуждалась в тебе? Как ты узнала?

— Со мной была женщина, тоже пользователь духа. Я встретила ее в Сибири. Она может проникнуть в разум другого человека — любого, не только того, с кем связана, — и общаться с ним. На самом деле Эйвери тоже так могла. Оксана проникла в мое сознание, когда я была в твоём. Все это, конечно, очень странно.

По крайней мере, на словах.

— Еще одна способность, которой я лишена, — с сожалением заметила Лисса.

Я улыбнулась.

— Эй, зато я не встречала ни одного пользователя духа, который может драться так, как ты. Это была просто ожившая поэзия, Лисс.

Она застонала, но, я чувствовала, была довольна, что я использовала ее прежнее уменьшительное имя.

— Надеюсь, что никогда больше до этого не дойдет. Я не предназначена для физической борьбы, Роза. И потом — всем там

командовала ты. Мое предназначение — моральная поддержка и исцеление после сражения. — Она вскинула руки и посмотрела на них. — Ух! Нет. Определенно не хочу больше никого бить.

— Но по крайней мере, теперь ты знаешь, что можешь. Если у тебя когда-нибудь возникнет желание попрактиковаться...

— Нет! — Она рассмеялась. — Мне есть в чем практиковаться — с Адрианом. В особенности после того, как ты рассказываешь, на какие еще чудеса способны пользователи духа.

— Прекрасно. Может, пусть все идет, как оно шло раньше.

Ее лицо посерьезнело.

— Господи, надеюсь, так и будет. Роза... я наделала столько глупостей, пока Эйвери была рядом.

Благодаря нашей связи я почувствовала, о чем она сожалеет больше всего: Кристиан. Ее сердце болело, она пролила из-за него много слез. После того как Дмитрия оторвали от меня, я понимала, что это такое — потерять любовь, и поклялась себе, что постараюсь помочь ей. Однако сейчас было не время. Сначала нам надо полностью восстановить свои отношения.

— Ты была бессильна, — заметила я. — Она оказалась слишком сильна в принуждении — в особенности когда спаивала тебя, отчего твоя защита падала.

— Да, но не все знают об этом, не все поймут.

— Все забудется, — ответила я. — Так всегда происходит.

Я понимала, что Лисса беспокоится за свою репутацию, но не думаю, чтобы она так уж пострадала — без учета Кристиана, конечно. Мы с Адрианом анализировали манипуляции Эйвери и поняли, в чем дело, как только сопоставили их со словами Симона о том, что с Лиссой произойдет несчастный случай. Эйвери хотела, чтобы она выглядела неуравновешенной, если у Эйвери не хватит силы воскресить ее. Если бы Лисса и впрямь погибла, вряд ли было бы проведено серьезное расследование. После того как она неделями пила и совершала безумные поступки, никто не удивился бы, если бы она по неосторожности вывалилась из окна. Это воспринималось бы как трагедия, конечно, но вполне предсказуемая.

— Дух — настоящее шило в заднице, — заявила Лисса. — Все хотят воспользоваться преимуществами стихии — и непользователи вроде Виктора, и пользователи вроде Эйвери. Клянусь, я снова подседа бы на таблетки, если бы не испытывала параноидального желания защититься от людей, подобных Эйвери. Почему ей вздумалось убить меня, а не Адриана?

Почему всегда я оказываюсь мишенью?

Тема, конечно, мрачноватая, но я не смогла сдержать улыбки.

— Потому что она хотела иметь тебя в качестве приспешницы, а его в качестве бойфренда. Он подходил ей, ведь с его помощью открывалась дорога в высшие слои общества, а попытка связать его с собой могла закончиться для него смертью. Она не хотела идти на такой риск. Хотя... кто знает? Может, в конце концов, она попыталась бы привязать к себе и его. А тебя она воспринимала как угрозу и хотела держать под контролем — как-никак, кроме нее ты единственная известная женщина — пользователь духа. Успокойся на этом, Лисс. Мы можем потратить множество часов, вычисляя, как рассуждала Эйвери Лазар, и все равно ни до чего не додуматься.

— Это правда. — Она сползла с постели и уселась рядом со мной на полу. — Но знаешь что? У меня такое чувство, будто мы можем потратить множество часов, говоря о чем угодно. Ты здесь всего десять минут, а мне кажется, будто мы и не расставались.

— Да.

До того как Дмитрий стал стригоем, общество Дмитрия ощущалось мной как правильное и само собой разумеющееся, с ним было легко. Общение с Лиссой тоже было правильным и необходимым как воздух — хотя это была «правильность» другого рода. Печалась из-за Дмитрия, я почти забыла, что она давала мне. Они оба были моими составляющими.

Лисса обладала почти сверхъестественной способностью читать мысли.

— Я серьезно считаю, что вела себя так, будто имею право распоряжаться твоей жизнью. Такого права у меня нет. Если ты решишь остаться и стать моим стражем, ты сделаешь это по собственному выбору и велению сердца. Главное, чтобы ты была жива и сама выбирала, как тебе жить.

— При чем тут «веле́ние сердца»? Я всегда хотела защищать тебя. И сейчас хочу. — Я вздохнула. — Просто... Просто мне нужно было кое-что уладить. И еще требовалось взять себя в руки. И я сожалею, что не слишком хорошо обошлась с тобой.

Она извинялась, теперь я извиняюсь... что же, это естественно, когда речь идет о людях, которые дороги друг другу. Надо простить и идти дальше.

Лисса заколебалась, прежде чем задать следующий вопрос, но я знала, что он неминуемо возникнет.

— Ну... и что произошло? Ты... Ты нашла его?..

Сначала мне не хотелось говорить об этом, но потом я поняла, что должна. Штука в том, что между Лиссой и мной и раньше приключались недоразумения из-за недопонимания ситуации. К примеру, то, что она воспринимала мое служение ей как само собой разумеющееся. Или что я ничего не рассказывала ей — и потом на нее же обижалась за черствость. Если мы хотим возродить нашу дружбу и простить друг друга, нельзя повторять прошлых ошибок.

— Нашла, — ответила я наконец.

И я рассказала ей все — о своих поездках, о Беликовых, об алхимиках, об Оксане и Марке, об отступниках и, конечно, о Дмитрие. Как Лисса недавно пошутила, мы разговаривали не один час. Я изливала ей боль своего сердца, и она слушала, не вынося никаких суждений. Ее лицо выражало сочувствие, а я, добравшись до конца, заливалась слезами. Вся любовь, и ярость, и мука, так долго сдерживаемые с той ночи на мосту, сейчас нашли выход. В Новосибирске я не рассказала никому, где точно я была с Дмитрием и что там происходило. Не рассказывала никому, что фактически стала для стригоя «кровавой шлюхой». На вопросы я отвечала расплывчато, в надежде — тщетной, конечно, — что того, о чем я умолчу, как бы и не было.

Теперь, в разговоре с Лиссой, я приняла реальность такой, какая она есть: я убила человека, которого любила.

Стук в дверь вырвал нас из мира, в котором, кроме нас с ней, никого не было. Я взглянула на часы — оказывается, уже приближался комендантский час. Меня что, выставят отсюда? Я торопливо вытерла слезы, Лисса открыла дверь, и, к моему удивлению, там обнаружилась служащая спального корпуса с сообщением совсем иного рода.

— Тебя хочет видеть Альберта, — сказала мне женщина. — Она предположила, что ты здесь.

Мы с Лиссой обменялись взглядами.

— Когда? Сейчас? — Спросила я.

Женщина пожала плечами.

— Судя по ее тону — да, я бы сказала, сейчас. Или в самое ближайшее время.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Альберта — капитан стражей кампуса, и, если она чего-то хочет, ей подчиняются.

— Интересно, по поводу чего? — Спросила Лисса.

Мне так не хотелось уходить! Но я встала.

— Может быть миллион причин, мне кажется. Пойду повидаюсь с ней, а оттуда вернусь в гостиницу. Хотя вряд ли сумею уснуть. Знаешь, вся эта

смена часовых поясов...

Лисса коротко обняла меня на прощание — чего мы давно, очень давно не делали.

— Удачи тебе.

Я собралась уходить, но потом вспомнила кое о чем. Сняла с пальца серебряное колечко и протянула его Лиссе.

— Это то самое кольцо, которое... ох!

Она с восторженным выражением лица зажала его в руке.

— Есть в нем магия? — Спросила я.

— Да... Слабая, но есть. — Она подняла кольцо к свету, внимательно разглядывая его. Я подумала, что она даже не заметит моего ухода, так ее заинтересовало кольцо. — Это так странно. Я почти чувствую, как она делала его.

— Марк говорил, что, скорее всего, мы не скоро научимся исцелять друг друга так, как они... но, может, ты пока сумеешь вычислить, как делать амулеты вроде этого?

Взгляд ее зеленых глаз — цвета нефрита — был прикован к кольцу.

— Да... Наверно, сумею.

Я улыбнулась при виде ее восторга и снова взялась за дверную ручку, но она взяла меня за руку.

— Эй, Роза... Знаю, завтра утром мы увидимся, но...

— Но что?

— Я просто хотела сказать, после всего произошедшего я не хочу, чтобы мы когда-нибудь снова расставались. В смысле, я понимаю, мы не можем быть вместе каждое мгновение, но мы же связаны, и это не просто так. Связь подразумевает, что мы должны приглядывать друг за другом и быть рядом, если возникнет нужда.

От ее слов по спине у меня побежали мурашки — как если бы нас окружали силы, гораздо более значительные, чем мы сами.

— Так и будет.

— Нет, я имею в виду... Ты всегда рядом, когда мне нужно. Каждый раз, если мне угрожает опасность, ты бросаешься и спасаешь меня. Не надо этого больше.

— Ты не хочешь, чтобы я и дальше спасала тебя?

— Нет, я совсем не то имею в виду! Я тоже хочу быть рядом, когда тебе потребуется помощь, Роза. Если я смогла ударить человека, то могу все. Даже если это по-настоящему больно. — Она разочарованно выдохнула. — Господи, не могу выразить словами... Послушай, суть в том, что если когда-нибудь тебе снова понадобится уйти, возьми меня с собой.

Не бросай меня.

— Лисс...

— Я серьезно. — Ее сияющая красота пылала решимостью и целеустремленностью. — Какие бы препятствия ни встретились на твоём пути, я хочу быть рядом. Не уходи больше одна. Поклянись, что если снова решишь уйти, то возьмешь меня с собой. Мы уйдем вместе.

Я хотела запротестовать, одолеваемая миллионом опасений. Как я могу рисковать её жизнью? И все же, глядя на неё, я понимала, что она права. К добру ли, к худу, но между нами существует нерасторжимая связь. Лисса — часть моей души, и вместе мы сильнее, чем порознь.

— Ладно. — Я сжала её руку. — Клянусь. В следующий раз, когда я соберусь сделать очередную глупость, которая может погубить меня, ты будешь со мной.

ТРИДЦАТЬ

Альберта ждала меня в офисе административного здания стражей. То, что именно Альберта у нас капитан, было удивительно, учитывая, как мало сейчас женщин-стражей. Ей перевалило за пятьдесят. Одна из самых крутых женщин, с которыми мне доводилось встречаться. В рыжеватых волосах уже мелькали седые пряди, годы работы на свежем воздухе сказались на ее коже.

— Рада твоему возвращению, Роза. — Она встала, когда я вошла. Никаких объятий, естественно, манера обращения сугубо деловая, но то, что она назвала меня по имени, было очень благородно с ее стороны. И еще мне показалось, что при виде меня в ее глазах на мгновение вспыхнули облегчение и радость. — Давай перейдем в мой офис.

Я никогда не была там. Всякий раз, когда у меня возникали проблемы с дисциплиной, они решались в комитете. Офис оказался безупречно чист, все по-военному просто и функционально — что, в общем, неудивительно. Мы сели напротив друг друга за письменный стол, и я напряглась, готовясь к допросу.

— Роза. — Она наклонилась ко мне. — Я буду говорить с тобой прямо. Я не собираюсь читать тебе лекции или требовать каких-то объяснений. По правде говоря, поскольку ты больше не моя студентка, я даже не имею права расспрашивать тебя или выговаривать тебе.

Примерно это говорил мне Адриан.

— Можете прочесть мне лекцию, — ответила я. — Я всегда уважала вас и готова выслушать все, что вы хотите мне сказать.

Тень улыбки промелькнула на ее лице.

— Хорошо, пусть так и будет. Ты поступила очень плохо.

— Здорово! Вы не шутили насчет прямооты.

— Причины не имеют значения. Ты не должна была уходить. Ты не должна была бросать школу. Твое образование и обучение слишком дорого обошлись — ты даже понятия не имеешь, во сколько, — и ты слишком талантлива, чтобы рисковать своим будущим.

Я чуть не рассмеялась.

— Сказать вам правду? Я сильно сомневаюсь, что у меня теперь есть будущее.

— Поэтому ты и должна закончить школу.

— Но я бросила ее.

Она фыркнула.

— Тогда вернись.

— Я... что? Как?

— Напиши заявление. Проще не бывает.

Честно говоря, я понятия не имела, что буду делать, вернувшись сюда. Первое, что меня волновало, это Лисса — увидеться с ней и удостовериться, что она в порядке. Я понимала, что официально больше не могу быть стражем, но посчитала, что, как только мы встретимся, никто не сможет ей помешать общаться со мной как с подругой. Я могу стать ее наемным стражем, так сказать, вроде тех, которыми обзавелся Эйб. А пока буду шататься по кампусу наподобие Адриана. Но вернуться в школу?

— Я... я пропустила месяц или даже больше.

Я не следила за временем. Сейчас шла первая неделя мая, а уехала я в конце марта, в свой день рождения. Сколько получается? Пять недель? Почти шесть?

— Когда-то ты пропустила два года, но сумела нагнать. Я верю в тебя. И даже если у тебя возникнут проблемы, окончить школу с низкими оценками лучше, чем вообще не окончить ее.

Я попыталась представить себя снова в этом мире. Неужели действительно прошло всего чуть больше месяца? Уроки... мелкие повседневные интриги... как можно просто взять и вернуться к старому? Вернуться к этой жизни после того, как я познакомилась с семьей Дмитрия, снова была с ним и потеряла его... опять.

«Сказал бы он, что любит меня?»

— Не знаю, что и сказать, — ответила я Альберте. — Надо подумать.

— Решай быстрее. Чем скорее ты вернешься в класс, тем лучше.

— Меня правда допустят?

Как-то в это плохо верилось.

— Я тебя допущу, — ответила она. — Я не могу потерять такого человека, как ты. И теперь, после всей этой истории с Лазар, тут все вверх дном. Никому нет дела до того, приму я чье-то заявление или нет. — Она криво улыбнулась. — А если кто-нибудь воспротивится, я дам понять, что у тебя есть покровитель, готовый все уладить, оказав нам кое-какие услуги.

— Покровитель, — повторила я. — Покровитель, который носит яркие шарфы и золотые украшения?

Она пожала плечами.

— Не знаю, кто он. Даже его имени не знаю — он пригрозил воздержаться от значительного денежного пожертвования школе, если тебя не возьмут обратно. Если ты сама захочешь вернуться.

Да. Сделки и шантаж. Я не сомневалась в том, кто мой покровитель.

— Дайте мне немного времени подумать. Обещаю... я быстро приму решение.

Она нахмурилась, задумалась, а потом резко кивнула.

— Хорошо.

Мы обе встали, и она повела меня к выходу из здания. Я коротко взглянула на нее.

— Как вы считаете... если я окончу школу, то смогу рассчитывать официально стать стражем Лиссы? Я знаю, для нее подобрали новых людей, а я... ну... в некоторой немилости.

Мы остановились у выхода, и Альберта положила руку на бедро.

— Не знаю. Можно, конечно, попытаться. Ситуация стала сложнее.

— Да, я знаю, — с грустью ответила я, вспомнив деспотическое поведение Татьяны.

— Но, как я обещала, мы сделаем все, что сможем. Что я говорила об окончании школы с низкими оценками? Этого не будет. Может, по математике и научным дисциплинам — это мне не подвластно. Но все равно ты будешь лучшей среди новичков. Это уж моя забота.

— Хорошо, — сказала я, прекрасно понимая, какой уступкой это было с ее стороны. — Спасибо вам.

Только я вышла за порог, как она окликнула меня.

— Роза!

Я придержала дверь и оглянулась.

— Да?

У Альберты было такое лицо... мягкое или, может, нежное; никогда не видела ее такой прежде.

— Прости, — сказала она. — Прости за все, что произошло. Никто из нас тут ничего не мог поделать.

Я прочла в ее взгляде, что она знает о Дмитриии и обо мне. Вот только откуда? Может, услышала что-то после атаки, может, догадалась еще раньше. Как бы то ни было, в ее лице не было осуждения, только искренняя печаль и сочувствие. Я коротко кивнула в знак признательности и вышла.

Кристиана я нашла на следующий день, но наш разговор продлился недолго. Он опаздывал на встречу со своими учениками. Однако он обнял меня и, казалось, искренне обрадовался моему возвращению. Это показывает, как далеко мы продвинулись, учитывая антагонизм, возникший между нами в начале знакомства.

— Наконец-то, — сказал он. — Лисса и Адриан больше всех беспокоились о тебе, но не только. И кому-то нужно ставить Адриана на

место, знаешь ли. Я не могу заниматься этим все время.

— Спасибо. Сама поражаюсь, говоря такое, но я тоже скучала по тебе. В России с точки зрения сарказма тебе нет равных. — Я посерьезнела. — Раз уж ты упомянул Лиссу...

— Нет, нет. — Он в знак протеста вскинул руку, лицо окаменело. — Я так и знал, что ты об этом заговоришь.

— Кристиан! Она любит тебя. Ты же понимаешь — то, что произошло, не ее вина...

— Понимаю, — прервал он меня. — Но понимание не избавляет от боли. Роза, я знаю, такова твоя природа — вмешиваться и говорить о том, о чем никто другой не решается заговорить, но, пожалуйста... не на этот раз. Мне требуется время, чтобы разобраться.

Пришлось проглотить все, что было у меня на уме. В нашем вчерашнем разговоре Лисса рассказывала, как сильно сожалеет о своей ссоре с Кристианом, — наверно, за это она больше всего ненавидела Эйвери. Лисса постоянно испытывала желание подойти к нему и помириться, но он упорно держался на расстоянии. И да, он был прав. Мне не следует вмешиваться — пока. Однако рано или поздно я должна помирить их.

Я решила уважить его желания и просто кивнула.

— Хорошо. На данный момент.

Мои последние слова заставили его криво улыбнуться.

— Спасибо. Послушай, мне нужно идти. Если когда-нибудь возникнет желание показать моим ребятам, как можно надрать противнику задницу старомодным способом, заглядывай. Джил хлопнется в обморок, снова увидев тебя.

Я пообещала зайти, и мы расстались — у меня у самой были дела. Однако пусть даже не мечтает, что я с ним закончила.

Я должна была встретиться с Адрианом и Лиссой за обедом, в одной из комнат отдыха гостиницы. Разговор с Кристианом задержал меня, и я торопливо зашагала через вестибюль, не обращая внимания ни на что вокруг.

— Всегда в спешке, — произнес чей-то голос. — Это чудо — что кому-то удастся хоть иногда заставить тебя остановиться.

Я замерла и повернулась, широко распахнув глаза.

— Мама...

Она стояла, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, коротко стриженные темно-рыжие вьющиеся волосы были в беспорядке. На ее лице, заметно пострадавшем под воздействием стихий — как и у

Альберты, — застыло выражение облегчения... и любви. Ни гнева, ни осуждения. Никогда в жизни я так не радовалась встрече с ней. На мгновение я прижалась к ее груди, а она крепко обняла меня.

— Роза, Роза, — говорила она, уткнувшись в мои волосы. — Никогда больше так не поступай. Пожалуйста.

Я отодвинулась, посмотрела на нее и была потрясена, увидев текущие по щекам слезы. Я видела слезы на глазах матери после нападения на школу, но никогда, никогда она не плакала вот так — по-настоящему, да еще и открыто. Невыносимо! Я сама чуть не расплакалась и без всякого толка принялась осушать ее слезы концом шарфа Эйба.

— Нет-нет, все в порядке! Не плачь. — Как странно — мы поменялись ролями. — Прости. Больше такого не повторится. Я очень скучала по тебе.

И это была правда. Мне нравилась Алена Беликова. Я считала ее доброй, замечательной и лелеяла воспоминания о том, как она утешала меня по поводу Дмитрия и в любой момент бросала все дела, чтобы покормить. В другой жизни она стала бы моей свекровью. В этой я всегда буду относиться к ней как к приемной матери.

Но она не была моей настоящей матерью, а вот Джанин Хэзевей была. И, стоя здесь, рядом с ней, я была счастлива — очень, очень счастлива, — ведь я ее дочь. Она далека от совершенства, но совершенных людей нет, как я теперь понимала. Она была доброй, храброй, сильной и сострадательной и, думается, понимала меня лучше, чем я считала. Если я стану наполовину такой, как она, моя жизнь пройдет не зря.

— Я так беспокоилась, — сказала она, взяв себя в руки. — Куда ты уехала... в смысле, мне известно, что в Россию... но зачем?

— Я думала... — Я сглотнула, перед моим внутренним взором снова возник Дмитрий с колом в груди. — Мне нужно было кое-что довести до конца, и я думала, что должна сделать это самостоятельно.

Что касается последней части, сейчас я не так уж была в этом уверена. Да, я выполнила задуманное целиком на свой страх и риск, но только теперь поняла, сколько людей любят меня и не оставили бы в беде. Кто знает, как все обернулось бы, если бы я попросила о помощи? Может, было бы гораздо легче.

— У меня тысячи вопросов, — сказала она.

Ее голос зазвучал жестче, и против воли я улыбнулась. Теперь она снова стала той Джанин Хэзевей, которую я знала. И я любила ее такой. Ее взгляд изучил мое лицо, переместился на шею и... замер.

«Может, Оксана исцелила не все мои синяки?» — В панике подумала я.

Сердце чуть не остановилось при мысли о том, что моя мать поймет, как низко я пала в Сибири.

Однако, протянув руку, она коснулась яркого кашемирового шарфа, и на лице возникло выражение удивления и шока.

— Это... это шарф Ибрагима... семейная ценность...

— Нет, он принадлежит одному гангстеру по имени Эйб...

Я смолкла, едва это имя слетело с моих губ. Эйб. Ибрагим. Когда эти имена были произнесены вслух, до меня дошло, насколько они похожи. Эйб — сокращенное Эйбрахам по-английски. Эйбрахам, Ибрагим. Разница невелика. Эйбрахам — довольно распространенное имя в США, но имя Ибрагим я слышала лишь раз, когда королева Татьяна с презрением говорила о человеке, которым в молодости увлеклась моя мать...

— Мама, — выдохнула я, не веря собственным ушам, — ты знаешь Эйба?

Она все еще касалась шарфа, и в ее глазах снова вспыхнули эмоции — но не те, которые предназначались мне.

— Да, Роза, я знаю его.

— Пожалуйста, только не говори... — О господи! Почему бы мне не оказаться незаконнорожденной дочерью королевского мороя, как Роберт Дору? Или на худой конец дочерью какого-нибудь почтальона? — Пожалуйста, только не говори, что Эйб мой отец...

Она не стала ничего говорить, но все и так было ясно — на ее лице появилось мечтательное выражение при воспоминании о другом времени, другом месте — времени и месте, которые, несомненно, были связаны с моим появлением на свет. Ух!

— О господи! Я дочь Змея. Змея младшая. Змейка. Или даже Змееныш. Она как бы очнулась и посмотрела на меня.

— О чем, ради всего святого, ты толкуешь?

— Так, ни о чем.

Я была потрясена, отчаянно пытаюсь «переварить» новые сведения, меняющие мое видение мира. Вызвала в памяти это лукавое бородатое лицо, попыталась отыскать признаки семейного сходства. Все говорили, что чертами лица я напоминаю маму в молодости... но вот цвет кожи, эти темные волосы и глаза... да, они такие же, как у Эйба. Я всегда знала, что мой отец турок. А взять хотя бы непонятный акцент Эйба, точно не русский, но тем не менее иностранный для моих ушей? Видимо, Ибрагим — турецкая версия Эйбрахама.

— Как? — Спросила я. — Как могло случиться, что ты увлеклась таким человеком?

У нее сделался оскорбленный вид.

— Ибрагим — замечательный человек. Ты не знаешь его так, как я.

— Очевидно. Мама... Ты наверняка в курсе. Чем этот Эйб зарабатывает себе на жизнь?

— Он бизнесмен. И оказывает услуги множеству людей, поэтому пользуется таким влиянием.

— Но что это за бизнес? Я слышала, он нелегальный. Он не... О господи! Пожалуйста, скажи мне, что он не торгует «кровавыми шлюхами» или чем-то в этом роде.

— Что? — Она явно была шокирована. — Нет. Конечно нет.

— Но он занимается незаконными делами.

— Кто это говорит? Его никогда не ловили на незаконных сделках.

— Клянусь, ты как будто пытаешься все свести к шутке!

Вот уж чего я никак не ожидала — что она станет защищать преступника, но мне ли не знать, на какие безумные поступки может толкнуть нас любовь?

— Если он захочет рассказать тебе, то сделает это. Конец истории, Роза. Кроме того, у тебя определенно полно своих секретов. У вас с ним много общего.

— Шутишь? Он самоуверенный, саркастичный, любит наводить страх на людей и...

Ох! Может, ее слова и имели смысл. Легкая улыбка заиграла на ее губах.

— Я никогда не ожидала, что вы вот так встретитесь. Я вообще никогда не ожидала, что вы встретитесь, и точка. Мы оба считали, что будет лучше, если он исчезнет из твоей жизни.

Новая мысль осенила меня.

— Это ты? Ты наняла его, чтобы найти меня.

— Что? Да, я связалась с ним, когда ты исчезла, но я уж точно не нанимала его.

— Тогда кто? Он сказал, что работает на кого-то.

Ее мечтательная, влюбленная улыбка исчезла.

— Роза, Ибрагим Мазур ни на кого не работает. Он не из тех, кого нанимают.

— Но он сказал... Постой. Почему тогда он преследовал меня? Ты хочешь сказать, что он солгал?

— Ну, — не стала спорить она, — это было бы не впервые. Он преследовал тебя вовсе не потому, что кто-то нанял его или заплатил ему. Он делал это, потому что сам того хотел. Хотел найти тебя и

удостовериться, что с тобой все в порядке. Уверена, ради этого он задействовал все свои контакты.

Я проиграла в уме короткую историю своего общения с Эйбом. Неясные ответы, насмешки, выводящие из себя. Однако когда на меня напали, он поехал в ночь, непоколебимо преследуя цель отправить меня обратно в школу, где я окажусь в безопасности. И свою «фамильную ценность» подарил мне, скорее всего, просто ради того, чтобы я не замерзла в дороге. «Он замечательный человек», — сказала мама.

Надо полагать, бывают отцы и похуже.

— Роза, вот ты где! Что так долго? — В вестибюль вошла Лисса, ее лицо просветлело при виде меня. — Пошли... вы обе. Еда стынет. Вы не поверите, что сумел достать Адриан!

Мы с мамой обменялись взглядами и без слов поняли друг друга. Нам еще много о чем предстояло поговорить, но это может подождать.

Понятия не имею, как Адриану это удалось, но в комнате отдыха мы обнаружили китайскую еду. В Академии ее почти никогда не готовили, но если это и происходило, вкус у нее был какой-то... неправильный. Сегодняшние яства оказались хороши. Цыплята в кисло-сладком соусе, совсем юные, яйца и много чего еще — просто нечто. В контейнере для пищевых отходов в углу я заметила ресторанные коробки с адресом в Мизуле, напечатанным сбоку.

— Как, черт побери, это тебе удалось? — Спросила я.

Поразительно, но еда была еще теплая.

— Никогда не задавай таких вопросов, Роза, — ответил Адриан, с довольным видом накладывая себе на тарелку жареную свинину с рисом. — Просто бери всего побольше и получай удовольствие. Как только Альберта уладит дела с твоим заявлением, мы будем так питаться каждый день.

Я замерла с куском во рту.

— Откуда ты узнал об этом?

Он подмигнул мне.

— Если тебе нечем заняться, кроме как целыми днями шататься по кампусу, нет-нет да и услышишь что-нибудь интересное.

Лисса переводила взгляд с него на меня и обратно. Она весь день была на занятиях, и у нас почти не было возможности поговорить.

— О чем вы?

— Альберта хочет, чтобы я вернулась в школу и закончила ее, — объяснила я.

Лисса чуть не уронила свою тарелку.

— Тогда сделай это!

Мама тоже явно была удивлена.

— Она примет тебя обратно?

— Так она говорит, — ответила я.

— Тогда сделай это! — Воскликнула и моя мать.

— Знаешь, — задумчиво произнес Адриан, — мне нравится идея продолжить путь вместе.

— Как же! Ты наверняка непустишь меня за руль, — поддержала я шутку.

— Прекратите! — Моя мать полностью стала сама собой — никакой печали из-за бегства дочери, никаких сожалений о потерянной любви. — Ты должна со всей серьезностью отнестись к этому. На кону твое будущее. — Она кивнула на Лиссу. — И ее будущее тоже. Закончить образование и стать стражем — это...

— Да, — сказала я.

— Да? — В недоумении спросила она.

Я улыбнулась.

— Да, я согласна.

— Ты соглашаешься... со мной?

Думаю, на памяти мамы такого не было никогда. Да и на моей тоже, если уж на то пошло.

— Ага. Я пройду испытания, закончу школу и сделаю все, чтобы стать уважаемым членом общества. Хотя вряд ли это так уж интересно, — не удержавшись, поддразнила я ее.

Сохраняя легкомысленный тон, в глубине души я понимала, что это нужно мне самой. Нужно вернуться к людям, которые меня любят. Нужна новая цель, а иначе я никогда не оправлюсь после того, что случилось с Дмитрием, не перестану видеть его лицо, слышать его голос.

Сидящая рядом со мной Лисса захлопала в ладоши. В меня хлынула ее радость. Адриан не выражал свои чувства так открыто, но я видела — он тоже доволен тем, что я буду рядом. Мама все еще выглядела ошеломленной. Думаю, она привыкла к моему безрассудству, которое я всегда демонстрировала, и не могла поверить в неожиданное благоразумие.

— Ты действительно останешься? — Спросила она.

— Господи! — Я рассмеялась. — Сколько раз нужно повторять? Да, я вернусь в школу.

— И останешься здесь? — Настаивала она. — Все эти два с половиной месяца?

— Разве это не подразумевается?

На ее лице возникло твердое — и типично материнское выражение.

— Я хочу быть уверена, что ты не сорвешься куда-нибудь снова. Ты останешься и закончишь школу, что бы ни произошло. Обещаешь?

Я посмотрела ей в глаза, меня удивила настойчивость в ее взгляде.

— Да, да, обещаю.

— Прекрасно, — заявила она. — Ты будешь рада, что выбрала этот путь.

Слова прозвучали официально, но в ее глазах я видела любовь и радость.

Покончив с обедом, мы помогли прислуге собрать тарелки. Соскребая в мусорный контейнер остатки еды, я почувствовала, что рядом возник Адриан.

— У тебя такой домашний вид, — заметил он. — Это очень сексуально. Порождает всякие фантазии — ты в фартуке, пылесосишь мой дом.

— Ох, Адриан, как мне не доставало тебя. — Я закатила глаза. — Вряд ли ты мне поможешь?

— Нет. Я помогаю тем, что съедаю все на своей тарелке. Тогда и убирать нечего. — Он помолчал. — И да, я рад тебе.

Я засмеялась.

— Знаешь, хорошо, что ты помалкивал, когда я обещала маме остаться здесь. А то я могла и передумать.

— Не факт, что ты смогла бы перечить ей. Твоя мама похожа на человека, который всегда добивается своего. — Он украдкой бросил взгляд туда, где на другом конце комнаты стояли мама и Лисса, и понизил голос. — У вас это, наверно, семейное. Фактически мне, наверно, нужно заручиться ее помощью кое в чем.

— В получении нелегальных сигарет?

— В приглашении ее дочери на свидание.

Я чуть не выронила очередную тарелку.

— Ты меня уже сто раз приглашал.

— По-настоящему — нет. Я делал неуместные намеки и склонял тебя раздеться. На настоящее свидание я никогда тебя не приглашал. А между тем, если мне не изменяет память, ты обещала дать мне реальный шанс, если я позволю тебе опустошить мой банковский счет.

— Я вовсе не опустошила его, — усмехнулась я.

Однако, стоя там и глядя на него, я вспомнила, что действительно обещала, если я переживу поиски Дмитрия, то дам Адриану шанс. Тогда я сказала бы что угодно, лишь бы получить деньги, но сейчас смотрела на

Адриана совсем другими глазами. Я не была готова выйти за него замуж в обозримом будущем и даже не воспринимала его как потенциального бойфренда. Я вообще не знала, захочу ли когда-нибудь иметь бойфренда. Но Адриан стал моим хорошим другом. Он был добрый, надежный и — да, я не могла отрицать этого — чрезвычайно привлекательный, даже с синяком под глазом.

И хотя это не имело особого значения, Лисса выведала у Адриана, что его страстная увлеченность Эйвери в основном объяснялась принуждением с ее стороны. Он симпатизировал ей и был не против небольшой интрижки, но под ее воздействием интенсивность этих чувств увеличилась. По крайней мере, так он утверждал. Если бы я была парнем и все это произошло со мной, я, скорее всего, тоже говорила бы, что находилась под воздействием магии.

Тем не менее по тому, как он сейчас смотрел на меня, мне не верилось, что за этот последний месяц кто-то другой занял мое место в его сердце.

— Напиши мне приглашение, — заговорила я, наконец, — и по пунктам объясни, чем ты хорош как предполагаемый поклонник.

Он сначала рассмеялся, но потом увидел мое лицо.

— Ты серьезно? Это что-то вроде домашнего задания. Знаешь, я не просто так не пошел в колледж.

Я щелкнула пальцами.

— Сделай это, Ивашков. Я хочу, чтобы ты хоть один день посвятил чему-то полезному.

Я ожидала, что он отшутится или скажет, что ладно, как-нибудь попозже займется, но вместо этого услышала:

— Ладно.

— Ладно?

Сейчас я чувствовала себя как мама — когда я быстро согласилась с ней.

— Ага. Я немедленно удаляюсь к себе в комнату и начну выполнять свое домашнее задание.

Я недоверчиво смотрела, как он берет в руки пальто. Никогда в жизни я не видела, чтобы Адриан так торопился, если речь шла о какой бы то ни было работе. Ох, нет! Во что я себя втягиваю?

Внезапно он остановился и с раздраженной улыбкой достал что-то из кармана пальто.

— Вообще-то я уже практически написал тебе эссе. Чуть не забыл. — Он помахал в воздухе сложенным листком бумаги. — Тебе надо обзавестись своим телефоном. Я не собираюсь больше быть твоим

секретарем.

— Что это?

— Какой-то заграничный парень позвонил мне... сказал, что нашел мой номер в памяти своего телефона. — И снова Адриан бросил взгляд на Лиссу и мою маму, они все еще разговаривали. — Сказал, что у него есть сообщение для тебя и что он не хотел бы, чтоб об этом узнал кто-нибудь еще. Заставил меня записать слово в слово и потом прочесть написанное. Знаешь ли, ты единственный человек, ради которого я на такое способен. Думаю, я непременно упомяну об этом, когда буду сочинять свое приглашение на свидание.

— Может, просто отдашь сообщение?

Подмигнув, он вручил мне записку, отвесил поклон и попрощался с Лиссой и моей мамой. Интересно, он действительно отправился сочинять приглашение на свидание? Потом мое внимание полностью переключилось на записку. Я не сомневалась, кто ему звонил. В Новосибирске я воспользовалась телефоном Эйба, чтобы позвонить Адриану, а позже рассказала ему, что именно Адриан финансировал мою поездку. Повидимому, мой отец — ух, это все еще казалось нереальным! — считал Адриана достойным доверия, хотя непонятно, почему нельзя было передать сообщение через маму.

Я развернула записку, разобрать почерк Адриана оказалось нелегко. Если он и в самом деле собирается писать мне приглашение на свидание, пусть уж лучше печатает на машинке. Записка гласила:

Послал сообщение брату Роберта. Он отказался открыть местонахождение Роберта, заявив, что мне нечего предложить ему взамен, хотя, поверь мне, я способен на многое. Но он сказал, что, раз ему суждено провести остаток жизни там, где он сейчас находится, вся информация умрет вместе с ним. Думаю, ты хотела бы знать об этом разговоре.

Вряд ли записку можно было назвать эссе, как выразился Адриан. Послание также выглядело таинственно — видимо, Эйб не хотел, чтобы его содержание стало доступно пониманию Адриана. Для меня его смысл не вызывал сомнений. Брат Роберта — Виктор Дашков. Эйб каким-то образом послал сообщение Виктору в далекую жуткую тюрьму. (Меня почему-то не удивило, что Эйбу это удалось.) Наверно, Эйб в своей манере предложил Виктору какую-то сделку с целью выяснить, где Роберт, но Виктор отказал ему. Тоже ничего удивительного. Виктор не склонен

помогать людям, и сейчас мне трудно винить его в этом. Ему всю жизнь предстояло провести под замком «там», то есть в тюрьме. Что можно предложить заключенному такого, что принципиально изменило бы его жизнь?

Я вздохнула и отложила записку, тронутая тем, что Эйб сделал все это для меня, пусть и безрезультатно. И снова я осознала тщетность всего. Даже если бы Виктор выдал местонахождение Роберта, какое это имело бы значение? Чем дальше отступали события в России, тем более нелепым казалось даже рассматривать саму возможность возвращения стригоя к прежнему состоянию. Только смерть может освободить их, только подлинная смерть... Мамин голос спас меня от того, чтобы начать заново переживать сцену на мосту. Она сказала, что сейчас должна уходить, но пообещала, что мы поговорим позже. Она ушла, а мы с Лиссой убедились, что все в комнате отдыха в порядке, и направились ко мне. Нам с ней тоже еще о многом предстояло поговорить. Мы поднимались по лестнице, и невольно возник вопрос, когда меня переведут из гостиницы в спальный корпус. Видимо, когда Альберта закончит с канцелярщиной. По-прежнему я силилась принять тот факт, что возвращаюсь к прежней жизни и оставляю позади все, что произошло на протяжении последнего месяца или чуть больше.

— Что за записку дал тебе Адриан? Любовную? — Спросила Лисса поддразнивающим тоном, но благодаря нашей связи я чувствовала, что ее тревожит моя тоска по Дмитрию.

— Пока нет, — ответила я. — Потом объясню.

Когда мы подошли к моей комнате, одна из служительниц как раз собиралась постучать в дверь. Увидев меня, она протянула сильно набитый конверт.

— Это тебе. Прибыло с сегодняшней почтой.

— Спасибо, — ответила я.

Я взяла у нее конверт. Мое имя и адрес Академии были аккуратно написаны печатными буквами, что показалось мне странным, поскольку я появилась тут совсем недавно. Обратный адрес отсутствовал, но почтовые штампы были российские, доставка осуществлялась через всемирную систему скоростной почты.

— Знаешь, от кого это? — Спросила Лисса, когда женщина ушла.

— Нет. В России я встречалась со многими.

Письмо могло быть от Алены, Марка или Сидни. Тем не менее что-то совершенно необъяснимое заставило меня чрезвычайно сильно насторожиться.

Я надорвала конверт с одной стороны, сунула в него руку и наткнулась на что-то холодное, металлическое. Я сразу поняла, что это, даже не вытащив наружу. Серебряный кол.

— О господи!

Я повертела кол, провела пальцем по выгравированному геометрическому узору у основания. Никаких вопросов. Он единственный в своем роде. Это тот самый кол, который я нашла в хранилище в доме Галины. Тот, которым я...

— С какой стати тебе присылают кол? — Спросила Лисса.

Не отвечая, я извлекла из конверта следующий предмет: маленькая карточка для заметок. Почерком, который я узнала мгновенно, там было написано:

Ты забыла еще один урок: никогда не поворачивайся спиной к врагу, не убедившись, что он мертв. Придется повторить этот урок при нашей следующей встрече, которая произойдет скоро.

С любовью, Д.

— Ох! — Я чуть не выронила карточку. — Это не к добру.

Мир начал вращаться, я закрыла глаза и глубоко задышала. В сотый раз я прокрутила в голове события той ночи, когда сбежала от Дмитрия. Конечно, мое внимание и эмоции, когда я наносила удар, сосредотачивались на выражении его лица, потом — зрелище падающего в черную воду тела. Теперь я вызвала в памяти детали нашей борьбы. В последний момент, как раз перед ударом, он увернулся, да и удар получился недостаточно сильный, так мне казалось, по крайней мере, пока я не увидела, как его тело обмякло и он полетел вниз.

Однако я действительно нанесла недостаточно сильный удар — мое первое впечатление оказалось правильным, все произошло слишком быстро. Он падал... а потом что? Кол погрузился не очень глубоко и выпал? Дмитрий оказался в состоянии выдернуть его? А может, кол выскочил при столкновении с водой?

— Все эти тренировки на манекенах... от них никакого толка, — пробормотала я, вспоминая, как Дмитрий без конца муштровал меня, показывая, как просунуть кол между ребрами точно в сердце.

— Роза! — Воскликнула Лисса, уже не в первый раз, такое возникло чувство. — Что случилось?

Самый важный удар колом в моей жизни... и я промахнулась. Что

будет теперь? Придется повторить этот урок при нашей следующей встрече, которая произойдет скоро.

Я не знала, что думать, что чувствовать. Отчаяние оттого, что я не освободила душу Дмитрия, не выполнила обещание, которое втайне дала ему?

Облегчение оттого, что я не убила любимого человека? И снова, снова этот вопрос: сказал бы он, что любит меня, будь у нас еще хотя бы мгновение?

Ответов на эти вопросы я не знала. Эмоции разыгрались, требовалось взять себя в руки и срочно проанализировать ситуацию.

Первое: два с половиной месяца. Я обещала маме эти два с половиной месяца. До тех пор я не могу предпринимать никаких действий.

Тем временем Дмитрий где-то там и по-прежнему стригой. Тем не менее расстояние для него не помеха, и, значит, спокойствия не видать. От него не спрячешься. Я понимала, что он хотел сказать своим сообщением.

На этот раз Дмитрий сам найдет меня. И почему-то мне казалось, не с целью превратить в стригоя. Он придет, чтобы убить меня. Как он сказал, когда я убегала из поместья? Нам двоим не жить в этом мире? Что-то в этом роде.

И однако, возможно, способ есть...

Поскольку я не отвечала Лиссе, ее беспокойство росло.

— У тебя такое лицо, что меня в дрожь бросает. О чем ты думаешь?

— Ты веришь в сказочные истории и небылицы?

Я посмотрела ей в глаза, произнося эти слова и всей душой чувствуя неодобрение Марка.

— Какие... Какого рода небылицы?

— Которые обычно всерьез не воспринимают.

— Не понимаю, — сказала она. — Абсолютно ничего не понимаю. Объясни, что происходит.

Два с половиной месяца. Я должна оставаться здесь два с половиной месяца... сейчас это казалось вечностью. Но я пообещала маме, что останусь, никуда не убегу снова — в особенности сейчас, когда так много стоит на кону. Обещания. Я просто тону в обещаниях. Я даже Лиссе кое-что пообещала.

— Помнишь, что ты говорила раньше? Ты по-прежнему хочешь быть рядом со мной, когда я снова предприму очередную безумную выходку? Независимо от того, что я собираюсь делать?

— Да.

Она ответила без колебаний в голосе, без тени сомнения в зеленых

глазах. Конечно, оставался вопрос: будет ли она настроена так же, когда узнает, что мы собираемся делать?

Что можно предложить заключенному, что принципиально изменило бы его жизнь?

Я уже думала о том, что может заставить Виктора заговорить. Виктор сказал Эйбу, что никакое предложение не вынудит его выдать информацию о местонахождении брата, который, как предполагается, обладает способностью возвращать в прежнее состояние стригоев. Виктор осужден на пожизненное заключение. Ему безразличны любые подношения, взятки. За исключением одного — свободы. И существует единственный способ дать ему это.

Наша задача — вытащить Виктора Дашкова из тюрьмы.

Однако я решила Лиссе пока не сообщать об этом.

Я знала одно: у меня есть шанс спасти Дмитрия, пусть и весьма сомнительный. Марк сказал, что это небылица, ладно, и все же я должна рискнуть. Вопрос состоял вот в чем: каким временем я располагаю до того, как появится Дмитрий, чтобы убить меня? И сколько времени уйдет на то, чтобы выяснить, возможно ли невозможное? Да, это проблема. Потому что если Дмитрий появится прежде, чем я смогу отыскать дракона — Виктора — в этой сказке, конец наступит сразу, и печальный. Допустим, вся эта история с Робертом — одна большая ложь. Но даже если нет, часы продолжают тикать. Что ж, коли Дмитрий доберется до меня раньше, чем я до Виктора и Роберта, придется сражаться с ним. Нет проблем. Отбросить мысль о магическом исцелении и на этот раз убить Дмитрия по-настоящему, утратив любой шанс вернуть себе принца. Проклятье!

Одно хорошо; я всегда лучше работаю под давлением.

Примечания

Тако — мексиканский пирожок из кукурузной лепешки со сложной начинкой. (*Здесь и далее прим. перев.*).

Это прозвище Сидни произносит по-русски, чем и объясняется непонимание Розы.

3

Здесь Сидни произносит его по-английски.

4

Наоборот (*лат.*).

«Джелло» — товарный знак готовых желе и муссов (а также полуфабрикатов из них).